

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. С. Пушкіна»

Вучоныя запіскі

Брэсцкага ўніверсітэта

Зборнік навуковых прац

Выпуск 16

Частка 1

Гуманітарныя і грамадскія навукі

Брэст • 2020

Заснаваны ў 2005 годзе

Галоўны рэдактар

А. М. Сендзер

Намеснікі галоўнага рэдактара:

С. М. Севярын (*частка 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі*),

А. Я. Будзько (*частка 2. Прыродазнаўчыя навукі*)

Рэдакцыйны савет:

В. Е. Гайдук, К. К. Красоўскі, Л. Г. Лысюк, Б. М. Ляпешка, З. П. Мельнікава

Міжнародны савет:

А. А. Афонін (Расія), Ф. Я. Васілюк (Расія), В. А. Главан (Малдова),
Марцін Грабэ (Германія), М. М. Громаў (Расія), В. В. Дзікусар (Расія), Андраш Золтан (Венгрыя),
Антон Мірановіч (Польшча), В. А. Несцяроўскі (Украіна), Ежы Нікітаровіч (Польшча),
Станіслаў Рудальф (Польшча), Б. В. Саліхаў (Расія), В. Р. Самойленка (Украіна),
Фелікс Чыжэўскі (Польшча), Антоні Юўка (Польшча), Эдвард Ярмах (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Э. М. Севярын (*адказы рэдактар часткі 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі*),

Н. С. Ступень (*адказы рэдактар часткі 2. Прыродазнаўчыя навукі*),

У. В. Амелькін, С. В. Арцёменка, М. А. Багдасараў, В. Ф. Байнёў, В. У. Будкевіч,
А. М. Вабішчэвіч, І. Я. Валітава, В. М. Ватыль, П. А. Вадап'янаў, А. М. Вігчанка, А. А. Волчак,
Т. А. Гарупа, А. М. Грыгаровіч, А. А. Гужалоўскі, А. Л. Гулевіч, Т. І. Доўнар, М. П. Жыгар,
В. І. Іўчанкаў, М. С. Кавалевіч, Т. А. Кавальчук, Ч. С. Кірвель, У. Л. Клюня, П. П. Крусць,
У. У. Лосеў, А. А. Лукашанец, М. І. Ляўчук, В. С. Манахаў, І. П. Мартынаў, А. А. Махнач,
А. В. Мацвееў, У. А. Плещюхоў, С. В. Рашэтнікаў, Д. Г. Ротман, В. Ф. Русецкі,
А. А. Савіч, У. С. Секяржыцкі, М. М. Сендзер, У. А. Сенькавец, Я. У. Скакун, А. С. Сляповіч,
В. А. Сцепановіч, В. І. Сянкевіч, Л. Р. Цітарэнка, М. М. Труш, І. А. Швед,
Я. К. Яловічава, Я. С. Яскевіч

Адрас рэдакцыі:

224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21

тэл.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

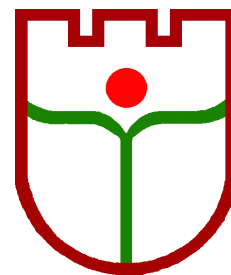
ISBN 978-985-22-0249-7 (ч. 1)

ISBN 978-985-22-0248-0

© УА «БрДУ імя А. С. Пушкіна», 2020

Вучоныя запіскі

Брэсцкага ўніверсітэта
ЗБОРНИК НАВУКОВЫХ ПРАЦ

2020 • Вып. 16 • Ч. 1

Змест

ГІСТОРЫЯ

- Бодак А. Ю., Бурик Е. А.**
Восстановление и развитие колхозной системы в первые послевоенные годы
(на примере Малоритского района)..... 11
- Бурик Е. А., Бодак А. Ю.**
Организация поставок и проведение заготовок в послевоенной Западной Беларуси
(на примере Малоритского района)..... 21
- Глинка В. С.**
Профориентационная работа
в системе исторического образования в высшей школе Беларуси:
опыт организации и проведения во второй половине 1980-х – 1990-е гг. 31
- Заруцкі С. А.**
Асаблівасці захавання тэкстыльных традыцый у Маларыцкім раёне 37
- Свирид А. Н., Кудласевич В. Г.**
Внекультовая деятельность Церкви последнего завета
на территории Республики Беларусь в 1992–2017 гг. 43
- Свирид А. Н.**
Развитие местного самоуправления
в Малоритской, Великоритской и Олтушской гминах (1921–1939 гг.)..... 50

ПЕДАГОГІКА

- Александрович Т. В., Евтух А. Л.**
Исследование проблемы развития креативности в дошкольном онтогенезе..... 57
- Казаручик Г. Н.**
Педагогический потенциал игры-драматизации
как средства развития интонационной выразительности
у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи 67

Сивашинская Е. Ф., Тихонович А. В.
Проект и методические аспекты развития эстетических компетенций
учащихся колледжа сферы обслуживания..... 76

Ковалевич М. С.
Проектирование и развитие карьерных ориентаций
будущих специалистов в сфере образования:
концепция и технология осуществления 86

ПАЛІТАЛОГІЯ

Северин Э. Н., Джигило В. П.
Политико-правовые факторы
избирательного процесса в Беларуси (1988–2000 гг.) 97

ПРАВА

Горупа Т. А., Евтодьева А. О.
Способы обеспечения кредитных обязательств
в гражданском обороте Республики Беларусь 105

Шалаева Т. З., Пошвенчук П. В.
Виды объектов интеллектуальной собственности
в гражданском обороте Республики Беларусь
и проблемы их классификации 112

Шалаева Т. З., Куличик А. К.
Международно-правовое регулирование адвокатской деятельности:
опыт для Беларуси..... 119

ПСІХАЛОГІЯ

Северин А. В., Киричик Е. С.
Вклад Рене Декарта в развитие психологической концепции эмоций человека 125

Северин А. В.
Проблема восприятия предметов вариативной формы
в психологической науке 133

ФІЛАЛОГІЯ

Швед І. А., Поўх І. В.
«Метатэкст» фальклорнай рэчаіснасці
ў еўрапейска-амерыканскай фалькларыстыцы..... 142

Швед І. А.
Каза як чыннік заалагічнага кода беларускага фальклору 155

ФІЛАСОФІЯ

- Лепешко Б. М.**
Об изменении характера современной эпохи..... 166
- Лысюк А. И., Соколовская М. Г.**
Женское призвание и стихия в трудах Николая Бердяева.....172

ЭКАНОМІКА

- Варакулина М. В.**
Система управления персоналом организации:
смена парадигм в период цифровизации экономики..... 181
- Трофимук А. А., Сирисько Е. А., Гавва Д. В.**
Характеристика обеспеченности
филиала предприятия производственного управления «Брестгаз»
трудовыми ресурсами 190
- Tatiana Siluk.**
Czynniki i nowe warunki dysproporcji rozwoju regionalnego 197
-
-

Ministry of Education of Republic of Belarus
Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

*Scientific
Proceeding
Of Brest University*

Collection of scientific works

Issue 16

*Part 1
The Humanities and Social Sciences*

Brest • 2020

Founded 2005

Editor-in-chief

A. M. Sender

Editor-in-chief Deputies

S. M. Sevyaryn (*part 1. The Humanities and Social Sciences*),

A. Ya. Budzko (*part 2. The Natural Sciences*)

Editorial council:

V. E. Gaiduk, K. K. Krasouski, L. G. Lysyuk, B. M. Lyapeshka, Z. P. Melnikava, A. F. Ravinski

International council:

A. A. Afonin (Russia), F. Ya. Vasilyuk (Russia), V. A. Glavan (Maldives),
Martin Grabe (Germany), M. M. Gromau (Russia), V. V. Dzikusar (Russia), Andrash Zoltan (Hungary),
Anton Miranovich (Poland), V. A. Nestsiarouski (Ukraine), Ezhy Nikitarovich (Poland),
Stanislav Rudalf (Poland), B. V. Salikhau (Russia), V. G. Samoilenka (Ukraine),
Felix Chizheuski (Poland), Antani Yuvka (Poland), Edvard Yarmakh (Poland)

Editorial board:

E. M. Sevyaryn (*managerial editor part 1. The Humanities and Social Sciences*),

N. S. Stupen (*managerial editor part 2. The Natural Sciences*),

V. V. Amelkin, S. V. Artsyomenka, M. A. Bahdasarau, V. F. Bainyou, V. U. Budkevich,
A. M. Vabishchevich, I. Ya. Valitava, V. N. Vatyly, P. A. Vadapyanau, A. N. Vitshanka, A. A. Volchak,
T. A. Garupa, A. M. Gryharovich, A. A. Guzhalouski, A. L. Gulevich, T. I. Dounar, M. P. Zygar,
V. I. Iuchankau, M. S. Kavalevich, T. A. Kavalchuk, C. S. Kirvel, U. L. Klyunya, P. P. Krus,
V. V. Loseu, A. A. Lukashanets, M. I. Lyauchuk, V. S. Manakhau, Y. F. Martynau, A. A. Makhnach,
A. V. Matsveyeu, U. A. Pletsukhou, S. V. Rashednikau, D. G. Rotman, V. F. Rusetski,
A. A. Savich, V. S. Sekyazhytski, M. M. Sender, V. A. Senkavets, E. V. Skakun, E. S. Slyapovich,
V. A. Stsepanovich, V. I. Syankevich, L. R. Tsitarenka, N. N. Trush, I. A. Shved,
Ya. K. Yalovichava, Ya. S. Yaskevich

Publishing house address:

224016, Brest, Bulvar Kosmonavtov, 21

tel.: 21-72-07

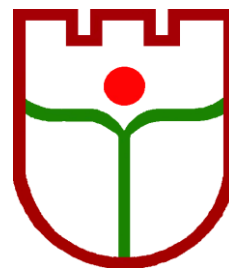
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

ISBN 978-985-22-0249-7 (p. 1)

ISBN 978-985-22-0248-0

© EE «Brest State A. S. Pushkin University», 2020

Scientific Proceeding

of Brest University

COLLECTION OF SCIENTIFIC WORKS

2020• Issue 16• Part 1

Contents

HISTORY

Andrey Bodak, Yelena Burik

Restoration and Development of the Collective Farm System
in the First Post-War Years (on the Example of the Malorita Region)..... 11

Yelena Burik, Andrey Bodak

Organization of Supplies and Procuring Provisions
in Postwar Western Belarus (on the Example of the Malorita District) 21

Valery Hlinka

Career Guidance in the Framework
of Belarusian Higher Historical Education:
Organizational and Practical Experience in Late 1980 – 1990s 31

Siarhey Zarutski

Features of Preserving Weaving in Malorita Region 37

Aleksandr Svirid, Vladislav Kudlasevich

Extracultural Activities of the Church
of the Last Testament on the Territory of the Republic of Belarus in 1992–2017 43

Aleksandr Svirid

Development of Local Self-Government
in Malorita, Velikorita and Oltushs Communes (1921–1939) 50

PEDAGOGICS

Tatiana Alexandrovich, Alesya Yevtukh

Research of the Problem
of Creativity Development in Preschool Ontogenesis 57

Galina Kazaruchik

Pedagogical Potential of Play-Dramatization
as a Means of Developing Intonational Expressiveness
in Preschool Children with a General Speech Impediment..... 67

Yelena Sivashinskaya, Angelika Tsikhanovich
Project and Methodological Aspects
of the Development of Aesthetic Competencies
of Students of the College of the Service Sphere..... 76

Mariya Kovalevich
Design and Development of Career Orientations
of Future Specialists in the Field of Education:
Concept and Technology of Implementation 86

POLITOLOGY

Eduard Severin, Vladislav Dzhigilo
Political and Legal Factors
of the Electoral Process in Belarus (1988–2000)..... 97

LAW

Tatiana Gorupa, Anastasia Yevtodieva
Methods of Securing Credit Obligations
in the Civil Turnover of the Republic of Belarus..... 105

Tatiana Shalaeva, Polina Poshvenchuk
Types of Intellectual Property Objects
in the Civil Turnover of the Republic of Belarus
and the Problems of Their Classification 112

Tatiana Shalaeva, Anastasia Kulichik
International Legal Regulation of the Advocacy:
Experience for Belarus..... 119

PSYCHOLOGY

Aleksey Severin, Yelena Kirichik
Rene Descartes' Contribution to the Development
of the Psychological Concept of Human Emotions 125

Aleksey Severin
The Problem of Perception
of Objects of Variable Form in Psychological Science..... 133

PHILOLOGY

Ina Shved, Iryna Poukh
The «Metatext» of Folk Reality in European and American Folklore Studies 142

Ina Shved
Goat as an Element of the Zoological Code of the Belarusian Folklore..... 155

PHILOSOPHY

Boris Lepeshko

On the Changing of the Modern Era 166

Anatjly Lysiuk, Maria Sokolovskaya

Woman's Vocation and Element
in Berdyaev's Works 172

ECONOMICS

Maria Varakulina

Organization's Personnel Management System:
Changing Paradigms in the Period
of Digitalization of the Economy 181

Aleksandr Trofimuk, Diana Gavva, Yekaterina Sirisko

Branch Enterprises Endowment
of Production Management «Brestgaz»
with Labor Resources 190

Tatiana Siluk

Factors and New Conditions for Regional Development Imbalances 197

УДК 330.34:316.42:304(1-07)(476.7)

Андрей Юрьевич Бодак¹, Елена Алексеевна Бурик²

¹канд. ист. наук, доц., доц. каф. всемирной истории

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²канд. ист. наук, доц., доц. каф. всемирной истории, декан ист. факультета

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Andrey Bodak¹, Yelena Burik²

¹PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World History of Brest State A. S. Pushkin University

²PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World History, Dean of the Faculty of History

of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: ¹bodak1961@yandex.ru; ²burik-@mail.ru

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОЛХОЗНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ МАЛОРИТСКОГО РАЙОНА)

Война нанесла большой ущерб довоенным колхозам. Сразу после войны советская власть в регионе не настаивала на форсированной и принудительной коллективизации. Причины такого положения дел рассматриваются в статье. Однако после того как на западных границах страны укрепилась система дружественных социалистических государств и исчезла угроза возникновения новой войны на западных границах СССР, обострение проблемы экономической унификации Западной и Восточной Беларуси привели к тому, что проведение массовой коллективизации стало первоочередной задачей Советской власти.

Restoration and Development of the Collective Farm System in the First Post-War Years (on the Example of the Malorita Region)

The war caused great damage to the pre-war collective farms. Immediately after the war, the Soviet authorities in the region did not insist on forced and forced collectivization. The reasons for this state of Affairs are discussed in the article. However, after the system of friendly socialist States was strengthened on the Western borders of the country, and the threat of a new war on the Western borders of the USSR disappeared, when the need to eliminate the last pockets of banditry became necessary in a short time, as well as the problem of unification of economic Western and Eastern Belarus became more acute, mass collectivization will be the first task of the Soviet government.

Введение

Деревня от последствий войны претерпела в Малоритском районе как никакая другая экономическая структура. Последствия ее еще долго будут сказываться на сельскохозяйственной жизни. Через год после окончания войны власти уже имели относительно полную картину потерь на селе. Было уничтожено 2 350 дворов, из 4 902 лошадей на июль 1946 г. осталось 2 300, из 18 713 коров – 4 600, из 37 000 овец – 7 000, из 8 700 свиней – 108. Несмотря на это, был и прогресс: за послевоенные месяцы лошадей стало больше на 254, коров – на 1 254, свиней – на 82, овец – на 205. Довоенные колхозы были разорены, розданная тогда крестьянам помещичья земля оказалась отнята у крестьян [4, л. 76–77]. Даже в таких условиях западнopolесская деревня жила несравнимо лучше, чем деревни на востоке БССР. Одной из главных причин этого народ уверенно называл отсутствие колхозного строя в послевоенный период.

В марте 1947 г. обком партии получил многочисленные сведения о бегстве в Малоритский регион рабочих колхозов из восточных областей БССР: «Прибывают люди и при помощи родственных и других связей получают дома и земли уехавших поляков в деревнях и на хуторах и остаются на постоянное место жительства. Некоторые крестьяне, не имеющие своих домов, перевозят застройки на хутора. Запретить переселение приезжающих с Востока. Их землю отобрать и передать переселенцам из Польши и бедняцко-средняцким хозяйствам, пострадавшим от оккупации. Категорически запрещается восточникам выдавать земли и дома. Сообщить о выполнении до 1 апреля 1947 г.» [8, л. 15]. Т. е. здешние края для восточников считались «землей обетованной».

Любопытно, что у некоторых местных жителей имелась другая мечта – переселиться с Малоритского района еще западнее. Видимо, их не радовала перспектива будущих преобразований: так, в январе 1947 г. в район пришел запрос на двух земляков из воинской части, располагавшейся в Батуми. Обладая белорусскими именами и фамилиями, эти люди настаивали на переводе в польскую армию, говоря, что они поляки и, возможно, их родня переехала в Польшу, раз не пишет. Нужно было найти их семьи [8, л. 6]. Скорее всего, это был предлог, чтобы уехать с Малоритского района. Поэтому по району провели ряд лекций на тему «Современная Польша». На таких мероприятиях образ географической соседки не рекламировали, напирая на довоенный гнет [12, л. 38].

Колхозному строю необходимо было завоевать доверие людей. До войны советская власть в регионе не давила на единоличников в колхозном строительстве: местность была потенциально прифронтовая. Это привело к тому, что на территории района в довоенное время возникло несколько небольших колхозов, но война их уничтожила. После войны крестьяне не торопились их восстанавливать, а власть не настаивала: решили начинать с тактики небольших шагов.

Первым таким шагом стало восстановление машинно-тракторных станций (МТС) – государственной организации, которая до появления колхозов помогала единоличникам. 26 декабря 1944 г. в соответствии с постановлением исполкома Брестского облсовета депутатов трудящихся и обкома партии от 14 декабря было принято решение обеспечить восстанавливаемую МТС трактористами, комбайнерами, бригадиром тракторных бригад. Нужно было провести мобилизацию для обучения в школе механизации на курсах юношей и девушек не моложе 16 лет из числа местного трудоспособного населения. За планирование подготовить одного комбайнера, трех бригадиров, одного шофера, двенадцать трактористов, трех ремонтников и переподготовить трех трактористов отвечал второй директор МТС Клаков [1, л. 55]. Первым директором МТС был Волков, присланный в район сразу после освобождения района.

26 января 1945 г. райком утвердил нового директора МТС Бориса Николаевича Виноградова, 1920 года рождения (имел среднее образование) [17, л. 18]. Человек он был заслуженный: в октябре 1941 г. в боях на Юхново-Московском направлении был контужен и попал в плен. Из Белостокской тюрьмы сбежал, скрывался в лесах Слонимщины, организовал там партизанский отряд. С 1942 по 1944 гг. был командиром и комиссаром отряда, награжден орденом и медалями [10, л. 15]. К деятельности МТС это отношение не имеет, но биографии героев этих статей иногда помогают понять их жизнь и отдельные поступки.

27 марта был организован конно-прокатный пункт при МТС. Туда отдали 20 трофейных лошадей, ранее переданных другим организациям. Заведующему райфинотделом Баранову предлагалось в течение 10 дней передать лошадей и инвентарь, а ди-

ректора МТС обязали помогать только семьям фронтовиков и партизан (МТС помогала всем обращавшимся. – *А. Б., Е. Б.*), с которыми заключили договоры [2, л. 39].

В марте 1945 г. решили начать строительство МТС по опыту Ногинской МТС (Московская область) методом народной стройки: к 1 мая отремонтировать мастерскую и оборудовать нефтебазу, к 1 июля построить гараж на 30 тракторов и 2 машины, к 1 сентября построить общежитие для трактористов, к 1 октября – столовую, а к 1 ноября – кузню и баню. На постоянную работу в МТС было привлечено 10 плотников, которым необходимо было вывезти лес в течение апреля [2, л. 43]. Однако план остался на бумаге. 26 июня 1945 г. Виноградов докладывал в райкоме, что строительство не начато: нет рабочей силы и лесоматериалов. Председатель райисполкома Бобков был обязан дать 20 подвод и возниц, чтобы вывезти лес не позже 15 июля [2, л. 97].

Пока строилась МТС, заработал конно-прокатный пункт. В мае 1945 г. предрайисполкома через сельсоветы выявил украденный трофейный скот и инвентарь и передал их на сиротельство. Было направлено на пункт 40 лошадей, 15 плугов, 10 борон, 5 культиваторов, 8 конных молотилок, 5 окучников, 40 хомутов, 10 двуконных и 10 одноконных телег, 40 вожжей, постромки, уздечки, дуги. Для укрепления кормовой базы и пропитания работников МТС организовали подсобное хозяйство в 100 га пахоты и 50 га сенокоса. С крестьянами надлежало заключить договоры на обработку земли к 1 июня 1945 г. [2, л. 78].

Через год планируемые объекты уже работали и у МТС появилась своя электростанция. Директор МТС отказывал всем желающим к ней подключиться даже за деньги, за что на него постоянно сыпались жалобы [4, л. 77].

К весеннему севу 1945 г. работники МТС вспахали 78 хозяйствам 114 га, помогли в обмолоте 285 хозяйствам и намолотили 68 т зерна. Весной 1946 г. они помогли 86 хозяйствам. [4, л. 77]. Директор МТС начал конфликтовать с колхозниками, которые приписали ему «политическую неграмотность и нежелание учиться» [5, л. 163]. Новым директором МТС планировали назначить Павла Ивановича Шипилова, бывшего партора МТС, 1916 года рождения (имел 6 классов образования) [5, л. 163], однако по документам еще в 1948 г. Виноградов оставался на своей должности.

В 1947 г. МТС выполнила план на 103 %, обслуживала не только колхозы, но и более 100 бедняцких хозяйств [16, л. 7]. Подводя итог работы МТС за 1948 г., новый первый секретарь райкома И. К. Макушенко отметил, что она работала лучше, чем в предыдущем году и к 1 декабря 1948 г. выполнила план на 106 %. Было вспахано в 2,5 раза больше земли. Высокие показатели имели трактористы Канашук (выполнил план на 112 %), Алешин (180 %), Шаврук (110 %) [16, л. 184]. МТС постепенно росла и превращалась в серьезный сельскохозяйственный механизм.

Вторым шагом советской власти по восстановлению деревни должно было стать восстановление довоенных колхозов. В конце 1940-х гг. колхозное строительство стало массовым, что привело к резкому оживлению деятельности банд, затем ее затуханию: теперь хлеб был аккуратно складирован в колхозном амбаре, где был установлен пулемет, а не рассыпан по тысячам неподконтрольных хозяйств.

Присутствовал здесь и геополитический фактор. В 1949 г. социалистическая система в Восточной Европе стабилизировалась. Польша стала надежным международным партнером СССР, на востоке Германии готовились создать социалистическую ГДР. Так же оптимистично было с Чехословакией и Венгрией, поэтому можно было заняться преобразованием деревни. Однако в реальности не все было однозначно.

2 апреля 1945 г. секретарю обкома партии доложили о поведении второго секретаря райкома С. М. Падуту, пытавшегося восстановить в районе колхоз. 28 марта 1945 г. он выехал в Великокоритский сельсовет для проверки работы по подготовке к весеннему севу. Также ему было поручено посетить Ново-Раматово, где до войны был колхоз имени Ворошилова, поговорить с бывшими колхозниками о его восстановлении. Окончательное решение должен был принять первый секретарь райкома Н. Т. Подоляк.

29 марта Падуту в срочном порядке собрал 50 местных жителей и поставил вопрос о подготовке к севу и восстановлении колхоза. Он заявил, что колхоз никто не распускал, его надо восстановить и предложил тем, кто не хочет вступать в колхоз, уйти с собрания. Осталось 16 женщин. С ними было проведено собрание и выбрано правление колхоза из 6 человек. Женщины заявили, что у них нет ни одного мужчины, и что некому будет работать. Падуту пообещал прислать рабочих, чтобы они сделали станки в конюшне. Люди не хотели вступать в колхоз. После приезда Подоляка стало очевидно, что восстановить колхоз нельзя. Падуту не смог решить проблему с инициативной группой в 16 человек, куда входили 7 хозяйств кулаков – семьи, где главы были репрессированы органами НКВД в 1940 и 1944 гг. или расстреляны партизанами [3, л. 10]. 6 апреля 1945 г. вопрос разбирался на райкоме, и однозначно было решено: «Восстанавливать нельзя тут колхоз!» [2, л. 47].

Однако обстановка требовала проведения в этом направлении определенных действий. Весной 1946 г. начала проводиться пропагандистская работа по организации колхозов. 22 апреля 1946 г. заводделом пропаганды и агитации райкома Ф. В. Беляев писал в обком: «По всему району проходят доклады о 5-летнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. В Збураже агитатор Сижук заявил, что в законе о пятилетке сказано: в Прибалтике и на западе Украины и в БССР нужно укреплять сельхозкооперацию, поэтому нужно организовывать колхозы. По его словам, только с организацией колхозов люди будут жить зажиточно. После этого было подано 12 заявлений. 17 апреля в Збураже 12 хозяйств организовали колхоз “Победа”. Там работал агитатором заведующий рыбным хозяйством района Горелов. Но были и враждебные выступления. В Гвознице один крестьянин на собрании заявил: “Мы в колхоз не пойдем. У нас земля плохая. В России хорошая земля, и то колхозники едут в Брест покупать хлеб”» [6, л. 11]. Теперь на любых мероприятиях, даже не связанных непосредственно с коллективизацией, агитаторы должны были вызывать слушателей на разговор о колхозах. 9 июля 1946 г. первый секретарь докладывал в обком: «По району провели собрания ко дню освобождения Минска. Охватили 1 723 человека. В районе 42 населенных пункта и 21 318 человек. На собраниях крестьяне пассивны. Главные вопросы – хватит ли вступать в колхоз одному члену семьи, а остальным можно жить единолично?» [6, л. 15].

В новый колхоз вступали неохотно. Райком полагал, что дело в недостаточной агитации, необходимо делать упор на то, что при определенных моментах единоличники разорились бы до основания. При этом нужно напоминать колхозу об оказываемой ему помощи: «Они к ней критически относятся: давайте хлеба, кормите, а мы работать будем, у колхозников иждивенческие настроения» [4, л. 72].

Тем не менее колхоз действительно работал: колхозники провели посевную и собрали неплохой урожай. Недоброжелательно же относились к колхозу в райземотделе, райпотребсоюзе и райисполкоме: считалось, что в колхоз вошли те, кто лишился всего в оккупацию, и это нищета, а надо сделать колхоз образцовым для людей [4, л. 77–78].

26 июня 1946 г. был утвержден председатель Збуражского колхоза «Победа» Никита Емельянович Олипа, 1899 года рождения (белорус, имел 4 класса образования, беспартийный) [5, л. 124]. С 1939 по 1941 г. он был председателем Збуражского сельсовета, потом – партизаном в отряде имени Ворошилова [13, л. 71]. Для укрепления авторитета его приняли в кандидаты в члены партии в марте 1947 г. [10, л. 42]. Работа требовала огромной ответственности от руководителя, также постоянное внимание проявлял райком (оказывал не только помощь, но и указывал на замечания).

В сентябре 1946 г. райком возмутило, что председатель разрешил скосить колхозный луг не члену колхоза. Работники колхоза нерегулярно выходили на работу. Из-за этого некоторые из них не вырабатывали минимум трудодней, их постоянно критиковали за иждивенческие настроения, однако подарили бросовый сарай из Мокран [5, л. 181].

Для помощи колхозу пытались привлечь и расквартированных на территории Малоритского района военных. 19 апреля 1946 г от секретаря райисполкома П. Г. Ткачева и Н. Т. Подоляка пришел запрос начальнику тыла 5-й танковой армии Потапову: «14 апреля 1946 г. в районе организован первый колхоз “Победа”, в котором присутствовали бывшие партизаны и военнослужащие, у которых хозяйства в войну сильно пострадали. Уничтожено все, и колхозу нужна помощь. На территории района находится ваше хозяйство, и оно может помочь. Просим вас выделить несколько лошадей, поросят, рогатый скот и овец, словом, чем хозяйство располагает. Убедительная просьба не отказать нам в этом, ибо мы такой помощи оказать не можем» [7, л. 9].

22 марта 1947 г. секретарю обкома Чернышеву поступил новый запрос от Подоляка: «В Мокранах было подсобное хозяйство 5-й танковой армии. Оно ликвидировано с переводом армии в Бобруйск. Хозяйство это было организовано в 1945 г. на территории бывшего колхоза имени Кирова (довоенного и не восстановленного. – А. Б., Е. Б). «Мы сейчас восстанавливаем колхоз и просим поставить вопрос перед военными в оказании помощи новому колхозу: ранее принадлежавшие колхозу 2 сарая передать нам; не разрушать построенное овощехранилище, а передать его колхозу; в старом саду подсобное хозяйство посадило 7 саженцев, клубнику и малину, и все это хотят выкопать и перевезти. Предлагаю это оставить колхозу; туда же направить 50 ульев, конные грабли, картофелекопалку, 4 телеги-брички, 20 лошадей в т. ч. 5 голов молодняка прошлого года, лошади все чесоточные и в плохом состоянии, но при хорошем уходе мы их спасем; передать в исправном виде барак, построенный оккупантами и переданный хозяйству райисполкомом. В нем можно разместить колхозный клуб. Он остеклен и отремонтирован; передать МТС сложную молотилку и стационарный трактор ХТЗ с электродвигателем и динамо; передать колхозу электростанцию, которая в настоящее время работает. Это было бы огромной помощью и колхозу, и МТС» [11, л. 13].

Материальную составляющую колхоза составили амбары. В ночь с 8 на 9 мая 1947 г. группа из 12–15 человек совершила нападение на колхоз «Победа». Был подожжен двор и конюшня, в результате пожара сгорело 20 коров, 5 овец, 5 рабочих лошадей, жеребенок – весь скот и тягловая сила полностью уничтожены [10, л. 100–101]. Для восстановления работы колхоза секретарь райкома просил сельскохозяйственный отдел обкома: «Разрешите забрать в рыбхозе 2 коровы, быка, 2-х телят, 2 овцы и 2 ягненка; в райпотребсоюзе – 4 коровы, телка и бычка до года; в МТС – телку и бычка до года, 4 овцы и ягненка; в отделе рабочего снабжения Леспромхоза (ЛПХ) – корову и овцу; просим содействия для отстройки скотного двора и отпуске с нашего ЛПХ 40 м³

лесоматериалов, имеющихся там, центнер гвоздей, и для перевозки всего этого нужно выделить 400 л бензина [11, л. 19].

Весной 1947 г. в районе было уже два колхоза. Обстановка во втором – колхозе имени Ворошилова в Ново-Роматово – оказалась сложной: кулацко-зажиточная часть бывших работников колхоза проводила антисоветскую работу, направленную на срыв весеннего сева. На работу выходило только 7–8 хозяйств, остальные воздерживались. Из подлежащих возвращению в колхоз 8 лошадей вернули 4, а остальных укрыли в других деревнях. Кулаки устраивали закрытые собрания, на которых выступали против возрождения колхоза, угрожали активистам Красько и Анне Багнюк. Руководство колхоза просило разобраться РО МГБ, но эту просьбу проигнорировали. Райком занялся вопросом и поручил предрайисполкому Слободченкову и судье Латыговскому в трехнедельный срок вернуть в колхоз причитающееся имущество, а начальникам РО МГБ и МВД «ликвидировать кулацкую пропаганду». Райисполком и другие государственные учреждения на время предоставили в колхоз своих лошадей [10, л. 90].

По вопросу о возвращении имущества возник конфликт: в сентябре 1947 г. Слободченков заявлял, что при восстановлении этого колхоза Подоляк дал неправильное указание: решить на райисполкоме вопрос об изъятии имущества единоличников, ранее состоявших в колхозе и забравших свое имущество в 1941 г. [9, л. 51]. Его поддерживал секретарь обкома Богданов, писавший в райком: «В период восстановления колхоза имени Ворошилова в Ново-Роматово у крестьянина Климука Георгия Владимировича неправильно изъяти по суду лошадь и инвентарь. Есть постановление Верховного суда БССР вернуть конфискованное» [8, л. 42].

Крестьяне продолжали бороться за свои права. 24 октября от завсельхозотделом обкома Петрова Подоляку пришла депеша: «23 октября в обком пришло заявление от крестьян Ново-Роматово Великоритского сельсовета Климука Григория, Шукайло Сергея, Шукайло Демьяна, Мартыненко Павла о том, что по описи при восстановлении колхоза у них позабирали лошадей, люпин, картофель, ячмень, гречку на основании того, что, будучи членами колхоза имени Ворошилова, в 1941 г. при приходе немцев они растащили колхозное имущество. Малоритский районный суд, Верховный Суд БССР, облисполком выступили в защиту этих крестьян, но колхоз ничего им не вернул. До 7 ноября 1947 г. разобраться и все вернуть» [8, л. 64].

На середину мая 1947 г. экономические показатели колхозов района выглядели следующим образом.

Колхоз «Победа» насчитывал 13 хозяйств, трудоспособных 27 человек, фактически – 17. Земли имелось 81 га: 41 га пахоты (из них 6 га под огороды колхозников), 40 га сенокоса. Лошадей 6, в т. ч. 5 рабочих, 16 коров, 4 овцы, свиней не имелось. Технопарк насчитывал 10 плугов, 2 бороны зубовых «Зигзаг», 2 бороны пружинных, 6 борон деревянных, 10 кос, 20 серпов, конную молотилку и привод к ней, веялку, 6 комплектов сбури, 4 телеги и сани.

Колхоз имени Ворошилова насчитывал 20 хозяйств. Трудоспособных работников было 26. Земли имелось 140 га: 80 га пахоты и 60 га сенокоса. Колхоз имел 11 лошадей (9 рабочих), корову, теленка, 4 овцы. Из техники имелось 4 телеги, 6 хомутов, 3 шлеи, 17 плугов, 13 борон, 6 культиваторов, молотилка, жнейка, 3 веялки [11, л. 20].

Колхоз «Победа», оценивая эффективность труда рабочих, из урожая 1947 г. выдал по 2 кг зерна и по 8 кг картофеля на трудодень [9, л. 81]. Сведения о трудоднях в других колхозах отсутствуют.

В январе 1948 г. председатель колхоза «Победа» жаловался: «Состояние лошадей в колхозе очень плохое, большая часть ниже средней упитанности и имеется чесотка. Ветврач (по другим документам, откровенный взяточник. – А. Б., Е. Б.) не обращает внимания на это» [17, л. 6].

В течение 1947 г. в западных областях БССР начиналась подготовительная работа по проведению коллективизации. Одним из инструментов ее проведения власти опередили женщин. Учитывая, что при советской власти женщины стали обладать большими правами и возможностями, они преимущественно по многим вопросам занимали лояльную позицию по отношению к власти.

27 апреля 1947 г. депутат Верховного Совета БССР Е. И. Кривоблоцкая выступала в Ново-Роматово: «Мы убедились, что только коллективный труд приводит к счастливой жизни, восстановили свой колхоз» [15, л. 7]. Ее поддержали другие женщины (делегаты районов), которые агитировали за вступление в колхоз. Райком, оценивая работу женщин-делегатов, отмечал, что «в 1929–1930 гг. такие собрания помогли в коллективизации» [15, л. 14]. Завженотделом райкома Зайцева тогда выступала: «Нам нужно сплотиться в одно большое коллективное хозяйство. Всячески бичевать кулаков и их пособников... задача помогать безлошадным крестьянам, помогать женщинам, мужья которых погибли на фронте, и не допускать их пойти в кабалу к кулаку или ненужному для нас элементу» [14, л. 13].

В это же время началось неприкрытое давление на кулаков, которые помогали бандитам, угрожали активистам власти. В 1947 г. вышло новое положение об обложении сельхозналогом по закону о сельхозналоге и постановление Совмина СССР № 2871 «О налоговом обложении крестьянских хозяйств западных областей Белорусской ССР» от 17.08.47. По этому закону был установлен порядок выявления и обложения налогом кулацких хозяйств. В Малоритском районе это было сделано впервые. Срок уплаты истекал 1 октября, поэтому платежные извещения кулацкие хозяйства получали за 2 недели до срока уплаты [8, л. 48].

Малоритский район попал в 4-ю группу районов – 834 руб./га (в Жабинке, Пружанах и Кобрине – 1 170 руб.), а Малорита оказалась в одной группе с Дивинским и Домачевским районами по пашне. По количеству коров район отнесли к 3 группе – 998 руб./коровы (у соседей – 1 220 руб.) [8, л. 50]. По всем районам сенокос облагался в 35 руб./га; лошади – 1 000 руб./головы; волы и быки – 500 руб./головы; сады, ягодники – 3 000 руб./га; ульи рамочные – 200 руб./улья; ульи колодочные – 100 руб./улья; овцы, козы перезимовавшие – 100 руб./головы; свиньи свыше 6 месяцев – 400 руб./головы. Налог выплачивался равными долями в три срока – 1 октября, 1 ноября и 1 декабря. Райком предписал руководству сельсоветов провести собрания и разъяснить людям о «значении досрочной уплаты налога», составить списки кулацких хозяйств по постановлению Совмина БССР от 6 сентября 47 № 1200 «О налоговом обложении кулацких хозяйств», но не включать в них середняков [8, л. 51].

Интересно, что государство обязало платить налоги не только кулаков, но и людей не из данной категории: от сельхозналога были освобождены 30 районных работников (секретари райкома и райисполкома, завотделами этих учреждений, представители милиции, торговли, судьи, прокурор) [8, л. 52].

1948 г. внес оживление в строительство колхозов. 16 марта были утверждены председатели колхоза «Правда» д. Замшаны Малоритского сельсовета Семен Никитович Коробейко (1890 года рождения) и колхоза «Большевик» д. Бродятин Гвозницкого сельсовета Дзибук Филипп Павлович (1896 года рождения) [17, л. 4].

В мае 1948 г. уже работали 4 колхоза, которые объединили 72 хозяйства и 112 трудоспособных работников и имели 656 га земли. Новый секретарь райкома И. П. Макушенко выказывал недовольство, что не взысканы вступительные взносы с колхозников и они поздно выходят на работу [18, л. 44]. Во всех четырех колхозах председатели были местными (такое было далеко не во всех районах, и этот факт доказывал доверие власти к местным кадрам). Одному из председателей колхозов было до 45 лет, двоим – от 45 до 50, еще один – старше 50. Один из председателей состоял кандидатом в члены КПСС с 1947 г., трое были беспартийными. Все председатели были белорусами с начальным образованием; стаж работы у двоих из них – до 6 месяцев, у одного – более года, у другого – более двух лет. Один из председателей был демобилизован из армии, другой воевал в партизанском отряде, еще двое остальные проживали во время войны на оккупированной территории [19, л. 10–12].

Женщины проявили себя как активные работницы колхозов. 9 апреля 1948 г. прошло собрание женщин колхоза «Победа». На нем присутствовало 9 женщин, инструктор райкома по работе среди женщин Белова и заведомо обкома по работе среди женщин Южная, которая докладывала про то, «какую роль играет женщина в выполнении сталинской пятилетки» и про твердую дисциплину. Однако, по мнению председателя собрания Олипы, требуются хорошие счетоводы, которые бы правильно насчитывали трудодни. Женщины постановили аккуратно выходить на работу и повышать производительность труда [21, л. 1].

Однако иногда возникали и небольшие конфликты. Так, в Замшанах 4 единоличника засеяли колхозную землю. В колхозе имени Ворошилова некоторые колхозники расширили свои индивидуальные участки за счет колхозной земли. МТС, имея машины, не помогла этому колхозу перевозить минеральные удобрения. За перевозку картофеля колхозу «Большевик» МТС выставила счет за машину 1 700 руб. Несмотря на рекомендации райкома, промышленные предприятия района не брали шефства над колхозами [18, л. 45].

Заседания правления колхозов проходили редко: в «Правде» – 2 раза, в «Победе» – 1 раз. Возможно, это происходило потому, что люди предпочитали не заседать, а работать. Ревизор сельхозотдела Бочарова получала зарплату за то, что оказывала помощь колхозу «Победа», руководство которого обеспечивало ей по 20 трудодней в месяц. Райком задавался вопросом: «Почему не членам колхоза начисляют трудодни? Это нарушение Устава сельхозартели». Также констатировали и то, что «с ростом колхозного движения активизируется классовая борьба. Остатки подполья пытаются подорвать экономическое положение колхозов и запугать работников колхозов» [18, л. 46]. Председатель Збуражского сельсовета отмечал, что у них замечена «работа враждебных элементов»: один из жителей ранее сотрудничал с немцами и теперь мешает работать. В колхозе «Победа» устранили факты нарушения землепользования [18, л. 21]. В мае 1948 г., по заявлению начальника РО МВД, председатель колхоза «Победа» неправильно отдал колхозную землю своему родственнику [114, л. 20].

В июле 1948 г. подвели предварительные итоги развития колхозов. Было отмечено, что колхоз «Победа» организационно укреплен лучше. Урожайность зерновых составила: ржи – 8 ц/га, овса – 9 ц/га, ячменя – 11,5 ц/га. Колхозники, как и в прошлом году, получили на трудодень по 2 кг зерновых и 8 кг картофеля. Практически все работники выработали минимум трудодней. У колхоза имени Ворошилова посевы и уборка яровых осуществлялись коллективно, а озимых – индивидуально. Дисциплина была низкая, люди не выработали минимум трудодней.

Июль принес некоторые проблемы. В районе начался падеж скота, народ проводил массовый убой молодняка, отсутствовала борьба со скупщиками мяса. Тем не менее план развития поголовья скота в колхозах оказался выполнен по коровам на 125 %, лошадям – на 80 %, свиньям – на 106 % [16, л. 115]. При этом райком высказывал недовольство отсутствием работы по закупке скота для колхозных ферм. По плану, в колхозах должны были заложить 70 т силоса, однако ничего сделано не было; собирались накопить сена со 180 га площадей, а скошено и убрано было на июль с 36 га (20 %). В Мокранах скот кормили гнилой соломой. Райком отмечал, что «техники пока очень мало, и значительную часть урожая будут убирать вручную – серпами, косами, нужно быть готовыми к дождям». При этом отметили важность помощи семьям, оставшимся без кормильцев [16, л. 116].

В ноябре 1948 г. на карте района появилось два новых колхоза – колхоз имени Ленина и «Чырвоный гай» (д. Ямница) [20, л. 45; 22, л. 121]. 12 ноября трудоспособность некоторых работниц колхоза был отмечен райкомом: свыше 200 трудодней выработали 8 человек, например: звеньевая колхоза имени Ворошилова Екатерина Багнюк (217 трудодней), депутат Верховного Совета БССР свиначка Кривоблоцкая (226 трудодней), звеньевая колхоза «Победа» Мария Олипа выработала (273 трудодня), Мария Наумчик (225 трудодней), Ефросинья Хомич (202 трудодня), Анна Прокопук (213 трудодней). Передовики труда на райкоме вступились за коллег: «Невыполнение минимума трудодней некоторыми работницами колхоза происходит потому, что у них грудные дети» [20, л. 45].

Часто вместо конкретной помощи начальство и активисты просто критиковали положение дел в колхозах. Виноградов, директор МТС, на заседании райкома упрекал председателей колхозов и сельсоветов в том, что в колхозе имени Ворошилова председатель сельсовета «не интересуется делами колхоза, и он не растет. Там есть нарушение устава, когда колхозный двор имеет 2 приусадебных участка. Колхоз “Победа” перевыполнил план сева, но жена председателя обрабатывает землю частным порядком. Надо брать шефство над колхозами» [18, л. 21]. В декабре 1948 г. И. Н. Ковальчук, директор Анноспасской школы, обсудил работу колхоза имени Ленина и «Чырвоный гай»: «Колхозные кони стоят в клунях, а на конюшни леса нет. При отведении работникам колхозов приусадебных участков начальство определило участки на глаз, колхозная земля отведена недоброкачественно. В колхозе имени Ленина хорошей земли 15 га, и колхозники просили меня узнать в районе, куда возить навоз. В Анноспасской и Ямнице большое количество сектантов, это надо учесть... молодой коммунист Олесик на вопросы крестьян отмалчивается, и крестьяне говорят, что он малограмотный общеобразованно, а политически совсем неграмотный. Врач в Олтуше – барахольщик, если к нему приходят на прием крестьяне, он просит с них по килограмму сала. Ветврач тоже берет взятки. За поллитра водки выдает любую справку» [16, л. 147]. В марте 1949 г. директор Анноспасской школы во время налета бандитов был тяжело ранен: критика на местах была рискованным делом.

В конце 1948 г. секретарь райкома подвел итоги работы по коллективизации за прошедший год. Было образовано 6 колхозов, объединивших 116 крестьянских хозяйств. Под яровые было использовано 145 га земли (в 1947 г. – 65 га), под озимые – 116,5 га (в 1947 г. – 20 га). Были созданы животноводческие фермы: на 10 декабря – 6 коневодческих, 4 молочно-товарных, 2 свиноводческих, 3 овцеводческих, 2 пчеловодческих. План по развитию поголовья скота выполнили: лошадей – на 83 %, коров – на 147 %, овец – на 79 %, свиней – на 113 %, пчел – на 420 % [16, л. 181–183]. Колхоз

«Правда» был признан самым слабым по дисциплине труда. Считалось, что пропаганда колхозов была недостаточна; в Луковском, Мокранском, Хотиславском и других сельсоветах нет колхозов, «националисты и кулаки сопротивляются» [16, л. 182].

Заклучение

Таким образом, можно отметить, что осуществление коллективизации в Малоритском регионе после войны можно разделить на два этапа: 1944–1947 гг. и после 1948 г. На первом этапе политика коллективизации со стороны советской власти была предельно осторожной и деликатной в связи с неопределенностью политической ситуации в Восточной Европе, а также опасением спровоцировать активизацию антисоветского сопротивления как реакции на коллективизацию.

Установление на западных границах СССР в 1948 г. дружественных социалистических режимов отодвинуло потенциальную линию фронта на 700 км, и необходимость сдержанного обращения с местным неколлективизированным населением отпала. 1949 г. стал годом коренных перемен в аграрной сфере западного Полесья. Жизнь Малоритского района существенно изменилась и затронула преобразования в социальной структуре населения, приведшие к улучшению социокультурной среды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 4.
2. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 17.
3. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 21.
4. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 41.
5. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 42.
6. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 64.
7. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 72.
8. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 80.
9. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 81.
10. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 82.
11. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 83.
12. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 85.
13. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 96.
14. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 99.
15. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 102.
16. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 111.
17. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 112.
18. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 114.
19. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 122.
20. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 134.
21. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 135.
22. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 183.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.12.2020

УДК 330.34:316.42:304(1-07)(476.7)

Елена Алексеевна Бурик¹, Андрей Юрьевич Бодак²

¹канд. ист. наук, доц., доц. каф. всемирной истории, декан ист. факультета
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²канд. ист. наук, доц., доц. каф. всемирной истории
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Yelena Burik¹, Andrey Bodak²

¹PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World History,
Dean of the Faculty of History

of Brest State A. S. Pushkin University

²PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World History
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: ¹burik-@mail.ru; ²bodak1961@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОСТАВОК И ПРОВЕДЕНИЕ ЗАГОТОВОК В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ МАЛОРИТСКОГО РАЙОНА)

Рассматривается организация системы государственных заготовок и поставок, которые должны были осуществлять крестьяне Западной Беларуси в послевоенные годы. В качестве примера выбран Малоритский район Брестской области, в котором отразились сложные процессы, происходившие в аграрной сфере региона. Большое количество обязательных поставок и заготовок вызывало определенное недовольство населения. Однако большинство крестьян выполняло планы руководящих органов власти. Активно сопротивлялась в основном зажиточная часть населения, против которой впоследствии была направлена коллективизация.

Organization of Supplies and Procuring Provisions in Postwar Western Belarus (on the Example of the Malorita District)

This article is devoted to the organization of the system of state procurement and supplies that were to be carried out by the peasants of Western Belarus in the post-war years. As an example, the maloritsky district of the Brest region was chosen, which reflected the complex processes that took place in the agricultural sector of the region. A large number of mandatory supplies and preparations caused some discontent among the population. However, most of the peasants carried out the plans that were released from the governing authorities. Mainly the well-to-do part of the population actively resisted, and collectivization will be directed against it later.

Введение

Важная роль в развитии государства принадлежала деревне. Особенностью Малоритского региона в послевоенные годы было то, что подавляющее большинство населения до 1948–1949 гг. еще не состояло в колхозах и было социально неоднородным: бедняки, средний класс, кулаки (которые были обложены налогами).

В статье рассматривается драматичный, противоречивый вопрос снабжения государства необходимыми для его существования продуктами сельского хозяйства.

Требования государства были обусловлены непростой обстановкой в стране, послевоенной разрухой, однако крестьяне и государство зачастую не могли достигнуть консенсуса и взаимопонимания.

В июле фронт проходил по Малоритскому району и переместился на Запад под Варшаву. Крестьяне и власть смогли договориться по предоставлению хорошего питания для армии, тем более что на фронте воевали многочисленные земляки.

18 августа 1944 г. вышла директива обкома партии о поставках хлеба Первому Белорусскому фронту. С района полагалось взять на обеспечение фронта 800 т зерна. Колхозы (в Малоритском районе они пока отсутствовали) должны были сдать 45 кг/га, единоличники, имевшие до 2 га земли, – по 51 кг/га, те, у кого было 2–5 га, – 60 кг/га, 5–10 га – 70 кг/га, 10–15 га – 85 кг/га, 15–20 га – 105 кг/га, 20–25 га – 155 кг/га, свыше 25 га – 225 кг/га [1, л. 94]. Кулаки пока еще проявляли лояльность к власти.

19 августа 1944 г. крестьяне д. Ново-Раматово приняли обращение «Ко всем крестьянам и крестьянкам Малоритского района» с призывом организовать соревнование по быстрому выполнению плана поставки сельхозпродукции для армии. Проблему страны люди восприняли как свою собственную. Пока шла война, никакого спора на эту тему не было. Жители д. Вычулки Брестского района (сейчас – пригород Бреста) собрали на танковую колонну 32 пуда зерна, 5 300 руб. и отправили подарки воинам. Жители Ново-Раматово в ответ решили собрать с каждого двора по 2–3 пуда зерна и подписали по этому поводу обращение (крестьяне Герасим Григорчук, Анна Вагнюк, Ольга Савчук, Анастасия Жвалик, Степанида Красько, Павел Вагнюк, Елизавета Кривоблоцкая, А. Красько) [4, л. 11-а, 14].

4 сентября 1944 г. секретарь обкома Тупицын и зампредоблисполкома А. Рай направили секретарю райкома Подуто и предрайисполкома Крико депешу, в которой в ознаменование освобождения области предлагали провести с 10 по 17 сентября 1944 г. фронтовую неделю досрочной сдачи хлеба государству по обязательным поставкам. Кроме того, решили организовать обозы «Хлеб фронту!». Первый массовый обоз был отправлен в воскресенье 10 сентября. Каждому крестьянину вручали установленные законом обязательства по поставкам и разъясняли, что все это ускоряет победу [2, л. 11]. К обсуждению вопроса досрочной сдачи хлеба государству вернулись 14 сентября, когда райкомом было решено обеспечить максимальный вывоз хлеба к концу месяца за счет бывших помещичьих имений [2, л. 16]. Сдачу хлеба продлили до ноября 1944 г., и это позволило отдельным единоличникам попридержаться хлеб, но до 1 октября по настоянию райкома хлеб сдали [2, л. 27].

В октябре по всему району организовали сбор подарков для фронта [4, л. 16]. Как оказалось, бойцам очень требовался табак. Обком признал: «Недооценили заготовку табака и махорки для РККА. По району на 26 ноября 1944 г. из плана 6 т не заготовлено. Махорка незаконно продается на рынках. До 20 декабря выполнить план и телеграфировать в обком и облисполком» [2, л. 53].

Уже тогда враги советской власти пытались методами террора воздействовать на заготовки. Инструктор райкома Борсук в декабре 1944 г. сетовал: «Работники (райисполкома. – Е. Б., А. Б.) не помогают в работе с населением. Один раз пригласил такого в деревню. Тот отказался – де его могут там опознать и убить» [3, л. 5].

Некоторые партработники и работники наркомата по заготовкам жалели одних крестьян, а о других в суматохе забывали, что было для них чревато последствиями: второй секретарь райкома Курочкин прислал записку в обком об уменьшении хлебопоставок с 1 168 т до 783 т по причине, что много земли не было засеяно. Эту информацию проверили. Выяснилось, что, не проверив, Курочкин и предрайисполкома Бобков при участии уполномоченного наркомзага Стрельцова скрытую пашню назвали бросовой. То же произошло и с получением льгот 300 хозяйствами семей воинов РККА: документы оформили только на 30. Ходатайства 900 хозяйств жителей, пострадавших от оккупантов, а также престарелых жителей, не были рассмотрены. Курочкин был снят с работы [1, л. 30], И. В. Стрельцов получил партийный выговор за «антигосудар-

ственные тенденции в поставках». Они выразились в том, что он составил фиктивную записку в обком об уменьшении плана хлебопоставок. Выговор после Победы сняли [7, л. 16].

6 января 1945 г. райкомом был утвержден новый директор конторы «Заготзерно» Петр Андреевич Дюев, 21-летний «восточник», русский с неполным средним образованием. Этой конторе предстояло стать главной заготовительной организацией района [6, л. 2].

С окончанием войны в Европе нормы хлебосдачи заметно снизились. Хозяйства, имевшие земли до 2 га, сдавали по 10 кг зерна с гектара, до 5 га – 22 кг, до 10 га – 35 кг, свыше 10 га – 45 кг [8, л. 33]. Военное напряжение закончилось, и прежнего энтузиазма в поставках люди уже не проявляли. В июле 1946 г. Митракович, начальник первой части райвоенкомата, прямо раскрыл в райкоме эту причину: «Выполнение всех видов хозяйственных задач в этом году идет сложно – во время войны крестьяне выполняли все виды заготовок. Потому что шла война, и они это понимали. Но когда война кончилась, крестьяне ставят вопросы, что они выполняют поставки, но и им нужна помощь» [10, л. 31]. Для усиления эффекта и политического давления на местное начальство райком отправлял в каждую деревню партийных работников.

Работа советских учреждений в период обострения заготовительной деятельности парализовывала работу учреждений (в декабре 1945 г. секретарь первичной партийной организации леспромхоза Игонин сетовал: «Как коммунисты могут расти, если председатели сельсоветов их месяцами держат в деревнях, пока те не выполнят госпоставки?» [5, л. 45]). Кроме того, находясь в крайне сложных психологических условиях, некоторые из них не выдерживали. Так, 6 сентября 1945 г. управляющий отделением Госбанка Г. Д. Матвейко должен был поехать в Ляховский сельсовет на хлебозаготовки, но сорвал командировку по причине пьянства [7, л. 48об.].

1 марта 1945 г. замначальника РО НКВД младший лейтенант Шершнев и старший оперативник младший лейтенант милиции Кнестяпин докладывали секретарю райкома Подоляку, что уполномоченный Райполнаркомзага Стрельцов злоупотребляет своим служебным положением. У него была уборщица, которая имела две дойные коровы. По плану, необходимо было поставить 240 л молока в год, но к апрелю было сдано только 24 л. Уполномоченный предложил ей сделку: носить ему ежедневно 1–1,5 л, а он за это обещал ей уменьшить молокопоставку. Однако уборщица перестала сдавать молоко. Заворгинструкторским отделом райкома Суков утверждал, что уполномоченный Стрельцов аккуратно рассчитывался за молоко сначала по 15 руб./л, затем по 10 руб./л [9, л. 39], а милиционеры на нее надавили и обещали посадить, если его не оговорит [23, л. 40]. Фигурант дела до июля давал объяснения начальству (с мая покупал по 1 л и всего купил 45 л, платил за молоко и не освобождал никого от поставок [9, л. 41].

В апреле 1945 г. райком наказал председателя Великоритского сельсовета за грубое отношение к людям. За время пребывания в должности с 1944 г. при организации разного рода поставок были случаи незаконных обысков и изъятия имущества у крестьян. Он «стал на путь администрирования и угроз вместо разъяснительной работы». Райком его неоднократно предупреждал, но тот не прекратил «порочные методы работы». За грубость райком предложил снять его с работы и подобрать другую кандидатуру [6, л. 52].

Тогда же досталось и одному из инструкторов райкома. Как констатировали в райкоме, он «стал на путь явных преступлений»: будучи на заготовках, купил телянка

за 6 пудов ржи. А зерно взял путем подворного обхода крестьян с зампредом сельсовета. Его поставили на учет, предупредили, что могут снять с должности, обязали рассчитаться с крестьянами за взятую рожь [6, л. 52об.]. Он часто поступал по справедливости и крестьян старался не обижать, но к кулакам у него было особое отношение, что постоянно ему вредило.

Уже в сентябре 1945 г. на районном партийном собрании пришлось признать, что с заготовками начались проблемы: «Заготовки проходят слабо... район по ним на 10-м месте в области. Кулацкие элементы скрывают землю, а председатели сельсоветов верят им на слово. Слабо ведется разъяснительная работа, люди не хотят понимать сущности вопроса. Пока с ними говоришь – обещают, только отойдешь – на второй день говорят иначе. В д. Орлянка Гвозницкого сельсовета выписали обязательства тем, кого уже с 1944 г. не существует. Предсельсоветов работает только тогда, когда приезжает уполномоченный из райкома. На 1 сентября по зерну план выполнен на 32 %, по сену – 24 %. По организации сдачи хлеба в фонд РККА из плана в 190 тонн на 31 августа выполнено всего 8 центнеров» [5, л. 42].

Объемы различных поставок и заготовок были такими огромными, что крестьянину не оставалось бы на что жить, если бы он выполнил все требуемое. К середине 1945 г. заготовки по продукции животноводства были выполнены: по мясу на 36 %, молоку – на 57 %, шерсти – на 26 % [7, л. 57]. По плану руководства в конце сентября необходимо было заготовить картофеля по району на 1 460 т [7, л. 60], по закупке льноволокна – 20 т и 10 т льна. За все количество сданного продукта (лен) надо было расплачиваться по ценам марта 1941 г. с надбавкой в 25 %. Те (и колхозы, и единоличники), кто рассчитался с государством на 100 % по льну, пеньке и конопле, могли рассчитывать на право купить в госторговле хлопчатобумажные ткани не менее чем на 75 % от суммы проданного государству сырья [7, л. 67]. Летом 1945 г. к неисчислимым поставкам и заготовкам добавились еще заготовки «дикорастущих». Заготовки чего именно, не конкретизировалось [8, л. 12].

Семьи военнослужащих РККА пытались, используя службу сыновей, ослабить для себя налоговый гнет. Получалось это редко. Так, в феврале 1946 г. в ответ на запрос из воинской части первый секретарь райкома Н. Т. Подоляк отвечал: «Сообщаем, что проверкой установлено, что семья военнослужащего (Борисюка Ивана Тихоновича) живет вполне удовлетворительно и ни в чем не нуждается. Положенные семье военнослужащего по закону 70 руб. получают ежемесячно. Освободить от поставок не можем – в семье есть двое трудоспособных» [17, л. 5]. Однако на 70 руб. можно было купить 2–3 буханки хлеба на черном рынке.

В марте 1946 г. один из военнослужащих Пугач написал в редакцию газеты «Красная Армия» жалобу на большие налогообложения для его семьи. Райком ответил в военотдел обкома: «Военнослужащий – из д. Орлянка Гвозницкого сельсовета. В семье три человека – сестры 1927 и 1929 г. р., брат 1933 г. р. Есть лошадь 12 лет, хорошая телега, корова, телка и дом (хотя тот написал, что дом сгорел, сгорели лишь надворные постройки). Земли у них было 30 га. В 1945 г. обрезали, и осталось 15 га, из них 3,5 га пахоты, остальное – сенокос и пастбище. Обязательства по лесозаготовкам не делали. Их просили поехать добровольно, но они не поехали. По поводу госпоставок, они освобождению не подлежат, поскольку есть два трудоспособных члена семьи» [16, л. 1–2].

Случались и драматические эпизоды. Житель Великоритского сельсовета Федор Андреевич Хомичук, 1912 г. р., призванный райвоенкоматом 6 августа 1944 г., был 24

октября того же года приговорен к высшей мере наказания. Его семья лишилась прав на все льготы для семьи военнослужащего [17, л. 4].

В конце мая 1946 г. в райцентре состоялось совещание «сливачей» (так называли сдатчиков молокопродукции). По шкале жирности вместо молока можно было сдавать масло-сырец (866 кг – 16 464 л), молоко, масло топленое (30 кг – 750 л), сало-шпиг (117 кг – 2 340 л), (сало топленое – 18 кг – 360 л.) [13, л. 3]. Партия в этот период большое внимание уделяла производству, и на его производство требовалось особенно качественное молоко. На местном молокозаводе по ошибке приняли от сдатчиков по шкале жирности шпиг вместо молока.

Прокуратура старалась пресекать факты нарушений в процедуре поставок. Весь 1946 г. критике подвергался один из работников райисполкома, на которого прокурор составил представление и который незаконно изымал скот у тех, кто не сдавал вовремя задания по молоку: то у жителя Орехово Тимофея Жоха, то в Радеже у Кирилла Берчука, то у Дарьи Ключник из Хотислава [11, л. 94]. У последней была недоимка по поставкам мяса и молока 8 кг и 26 л соответственно, также она скрыла одну корову. Заведующий оргинструкторским отделом райкома В. Д. Суков встал на ее защиту, потому что в 1945 г. ее должны были освободить от поставок: муж служил в армии, было несколько маленьких детей, получавших от государства пособие как дети военнослужащего. Он доказывал, что корову у нее изъяли незаконно. То же он говорил и о случае, когда у одного крестьянина за недоимку забрали рабочего быка (по его мнению, можно было обойтись коровой или телкой): «Считаю, что обложения быков молокопоставками незаконны» [12, л. 3]. За них же вступился и прокурор, добавивший, что в хозяйствах, не имеющих коров, а только быков, нельзя требовать молоко, и дал законные справки пяти таким хозяйствам в Луковском сельсовете, шести – в Олтушском и семи – в Великоритском [12, л. 6].

В конце лета 1946 г. наблюдалась сложная картина с хлебопоставками. Бедняки с государством рассчитывались аккуратно. Кулаки под разными предлогами затягивали выполнение плана поставок в Малоритском и Великоритском сельсоветах. Они пытались обмеривать землю таким образом, чтобы уменьшить объем поставок. Некоторые добивались неположенных им льгот [15, л. 18]. В итоге заготовка хлеба «буксовала»: в ноябре план был выполнен на 93 %. Причину этого райком видел в том, что «недостаточно боролись с кулацко-зачиточной частью и не наказывали злостных несдатчиков» [11, л. 207].

Кто-то выказывал и недовольство властью. 28 сентября 1946 г. в д. Грушка прошло собрание крестьян по вопросу сдачи зерна государству. Один из крестьян после выступления председателя Луковского сельсовета Ивана Никитовича Круглика о том, кто и когда будет сдавать хлеб, заявил при всех: «Советская власть у нас забирает все, а нам ничего не оставляет и ничего не дает. Ко мне приходил ваш колхозник, про которого вы хвалились, и просил куска хлеба, вот такой у вас порядок». Об этом случае местные крестьяне говорили, что «он большой кулак. При обрезке земли в 1945 г. тоже пробовал делать вылазки. Когда к нему пришла комиссия, где старшим был комсомолец Георгий Сергеевич Абрамук, он ему сказал: “Подожди, дружок. Пусть сменится власть – первым висеть будешь на виселице”». Райком полагал, что Грушки – самая зажиточная деревня в сельсовете, но ни один крестьянин пока хлеб не сдал. Было решено наказать тех, кто агитировал против власти [14, л. 16].

Одним из наказанных (в другой деревне) был человек, уклонившийся от обязательств по вырубке леса и от других поставок и повинностей. Его жена написала жало-

бу в ЦК КП(б)Б, что власть с ним сводит какие-то счёты. Выяснилось, что тот в период оккупации долгое время работал сборщиком денежных платежей в Замшанах и исправно служил своим хозяевам. После освобождения района он отсидел 5 месяцев в тюрьме, потом был освобожден и «почувствовал себя очень вольно» [13, л. 5].

В декабре 1946 г. райком анализировал ситуацию с поставками достаточно самокритично. Третий секретарь райкома Ф. А. Садовский говорил, что партактив вынужден сидеть 3 месяца по сельсоветам, потому что заготовочные ведомства не занимаются своим делом: боятся банд [10, л. 103]. Председатель Райпотребсоюза Романенко отмечал, что план хлебозакупок сложный, но выполнимый. В Райпотребсоюзе имелись товары, которые могли обеспечить успех закупок: стекло, мануфактура и др. [10, л. 103]. Председатель райисполкома Ткачев критиковал председателя Гвозницкого сельсовета, когда тот заявил, что кулаки хлеб государству продавать не будут: «От нас будет это зависеть. Хлеб у них есть, и они его будут продавать» [10, л. 111]. Через несколько месяцев он был убит. Секретарь первичной парторганизации РО МВД Пушкин констатировал, что даже некоторые их сотрудники боятся выезжать на хлебозаготовки, опасаясь бандитов [10, л. 111].

В 1947 г. проблемы с заготовками оставались. В д. Анноспасская бригада по поставкам молока и мяса незаконно забрала корову у одной из задолжавших семей. Школьница из этой семьи отказалась петь на школьном концерте: «Как я буду петь – корову забрали, и теперь молока не будет» [22, л. 23].

Процедура изъятия у людей поставок не проходила бесследно и для самих участвовавших в этом деле. В феврале 1947 г. умер от разрыва сердца уполномоченный министерства заготовок Калинин [25, л. 47]. В конце года на хлебозаготовках был тяжело ранен заворгинструкторским отделом райкома Карасик. Денег на материальную помощь пострадавшему собрали немного – 500 руб. (их провели по расходной статье «приобретение инвентаря» [22, л. 246]). Поэтому людям, проводившим заготовки, приходилось тоже нелегко.

Были люди, поддавшиеся чувству страха из-за обстановки в районе. В августе 1947 г. секретарь райкома Н. Т. Подоляк писал секретарю ЦК КП(б)Б по кадрам Зимянину: «В июле 1946 г. в район прибыл заведующий конторы “Заготзерно”. Обкомом он был исключен из партии, но в декабре восстановлен. Пил и дебоширил в семье, но работал. В феврале 1947 г. после смерти секретаря парторганизации Минзага его сделали секретарем. После убийства предрайисполкома Ткачева он дезертировал из района под видом отпуска и предупредил заместителя, что больше не вернется. В мае он приехал и заявил, что работает в Новогрудском районе, поэтому здесь ему необходимо сняться с учета. Ему предложили некоторое время подождать, хотели разобрать его поступок на заседании райкома. Однако он уехал, заявив, что документы ему и так вышлют. Мы писали в Новогрудок, но там не отреагировали» [23, л. 40].

В июле 1947 г. заместитель уполномоченного министерства заготовок, фронтовик с 1943 г., при выполнении служебных обязанностей превысил свои полномочия и вызвал недовольство крестьян д. Антоново Великоритского сельсовета: в пьяном виде разбил окно у одного из крестьян, разбил банку со сливками у крестьянки, провел незаконный обыск у третьего, избив пистолетом, у гражданина из Жабинковского района забрал лошадь для поездки в Малориту. Райком погрозил ему судебным разбирательством, и тот на время прекратил свои противоправные действия [22, л. 146]. Кулаки умело использовали промахи представителей власти и агитировали крестьян срывать

поставки. Райком констатировал, что в августе сопротивление кулаков поставкам нарастало [22, л. 146].

В сентябре в райком пришла жалоба из д. Осовая: инструктор райкома и агент министерства заготовок, угрожая автоматом и нецензурно бранясь, избил крестьян и изъял у них 38 кг овса (крестьяне по состоянию на 6 сентября из 238 кг по обязательству сдали 237 кг) [24, л. 79]. Тогда же под пристальным вниманием находился еще один уполномоченный минзага, который начал с незаконного изъятия скота, а закончил прямым грабежом граждан. Ряд председателей сельсоветов одновременно получили строгие предупреждения за то, что стали незаконно выдавать справки о завышении возраста граждан, чтобы те смогли получить скидки на поставки [21, л. 54].

В декабре из обкома в райком на рассмотрение пришла жалоба от жительницы д. Язвин Гвозницкого сельсовета. У нее было трое детей, один из которых был четырехлетним приемным сыном брата, убитого немцами. Семья была бедной и жила в будке-временке, правда, имела лошадь. Из-за отсутствия сил и средств из 5,4 га пахоты они обрабатывали только 2. В 1946 г. народный суд приговорил ее за неуплату государственных пособий к одному году принудительных работ. Не отбыв первого наказания, она опять привлекалась к уголовной ответственности за неуплату в этом году [19, л. 90].

Заготовленные продукты, прежде всего зерно, требовалось надежно охранять: бандиты очень активно интересовались собранными продуктами. Склад конторы «Заготзерно» охранялся дежурными, которые зимой менялись каждые два часа, но их не хватало [23, л. 92]. Однако собранное зерно интересовало не только бандитов, но и тех, кто за него должен был отвечать. Летом 1948 г. начальник РО МВД составил представление на очередного, уже третьего, директора конторы «Заготзерно», бывшего партизана, первого председателя Мокранского сельсовета. Будучи директором конторы, он присвоил 12 500 руб. государственных денег и похитил 3 572 кг зерна. Его отдали под суд [26, л. 141–142], 9 сентября 1948 г. исключили из кандидатов в члены партии и осудили на 10 лет [28, л. 72]. Воровать у государства не было позволено никому. 16 июля 1948 г. бывший завскладом Малоритского пункта «Заготзерно» за расхищение государственного зерна был уволен с работы, и райком предложил райпрокурору привлечь его к уголовной ответственности [28, л. 24].

10 мая 1948 г. райком рассматривал представление нового районного прокурора Невейкина на должность заместителя уполминзага. В ноябре 1947 г. он был направлен в Олтушский и Великоритский сельсоветы с целью заготовки картофеля для работников аппарата уполминзага. Однако в д. Дубично и на хуторе Яблочное под Олтушем вместо заготовок он начал изымать картофель без составления документов, выдавал фиктивные квитанции 1946 г. и частные расписки. Принимал картофель в мешках без взвешивания, не сдавал его в контору «Плодоовощ», а свозил на квартиру к себе, своему начальнику и к другим работникам. Его предупредили, что исключат из партии [25, л. 130]. Прокурор вскоре составил новое представление на еще одного агента уполминзага. 4 марта 1948 г. он незаконно взломал замок у гражданина Ющука и хотел изъять корову. Тот оказал сопротивление, и агент ударил его замком по лицу и голове. Установлено, что, как агент уполминзага, он законно производил изъятие, но скрыл саботаж этого крестьянина и прекратил дело, затеяв драку с нарушителем [26, л. 131–132].

Продолжались попытки некоторых граждан под разными предлогами уклониться от поставок. Так, в январе 1948 г. житель Гвозницкого сельсовета пожаловался в обком на самоуправство руководства сельсоветов. Секретарь райкома пояснил обкому, что тот – инвалид 2-й группы. У него было два трудоспособных сына, но он не сдавал

госпоставки мяса, молока, хлеба и др. В Гвознице райуполминзаг Боровков и агент по поставкам Бурко в присутствии председателя сельсовета Дедопенко потребовали от Семенюка квитанции о выполнении гособязательств. Однако тот схватил топор, выгнал всех из дома и бросился на Боровкова. Участковый МВД забрал Семенюка в РО, там на него завели уголовное дело и прокурор привлек его к ответственности. Никто Семенюка не бил. Ему, как инвалиду, построили дом в 1947 г. [27, л. 4], но это не помешало ему постоянно жаловаться в вышестоящие инстанции. В январе 1948 г. житель Гвозницы, который служил в армии, написал жалобу в райком, что у него престарелые родители и их надо освободить от налога. Секретарь райкома Подоляк ответил Семенюку, что его родители могут работать и там живут его трудоспособные брат с женой: «Вам не стоит особенно беспокоиться, что они живут плохо, а вам советую честно служить, учиться военному делу» [28, л. 5–7].

23 августа 1948 г. секретарю райкома пришла жалоба от жительницы Бреста А. Ф. Шунькиной: «Мой брат, Алексеюк Андрей Федорович, из Збуража, захотел поступить в железнодорожную школу № 7 в Бресте. Начал собирать справки и зашел к председателю сельсовета, а тот заявил, что справки не даст, потому что отец не рассчитался с поставками. Прием был только до 20 августа, и брат не успел к поступлению. Прошу “надавить” на Олипу, чтобы дал необходимые справки». Такой способ требовать поставки возмутил секретаря, и он серьезно поговорил с председателем. Тот оправдывался, что в этот день в сельсовете сидел работник райкома и говорил, что никому никаких справок давать не следует, пока не рассчитаются по поставкам. Работнику тоже «досталось» за подобное самоуправство [28, л. 37–38]. Такие работники часто только вредили делу.

Подводя итоги работы райкома с 1946 по июнь 1948 гг., первый секретарь констатировал: «Мы не добились ликвидации института уполномоченных-толкачей сельсоветов, зачастую они подменяли председателей сельсоветов. Отсюда и масса жалоб со стороны крестьян, в то время как это должен был решать сельсовет» [25, л. 48].

Тем не менее эта практика продолжалась, что порождало новые проблемы. Летом 1948 г. поставки шли неважно: к 1 августа – около 41 % по всем сельсоветам. Причиной считалось, что председатели сельсоветов, уполномоченные и представители райкома «не создали напряжения в работе партийных и комсомольских органов. Не принимают меры к кулацко-зажиточным хозяйствам и не выявляют скрытую от налогообложения землю. Председатель Збуражского сельсовета стал на сторону кулаков, говоря, что у крестьян нет хлеба и план нельзя выполнить». За «примиренчество и укрывательство» ему дали строгий выговор с занесением в партийную учетную карточку. Областная газета «Заря» 31 июля 1948 г. опубликовала об этом статью «Чего не замечают в Малорите». В ней отметили, что заврайземотделом обнаруженную пахотную землю не оформляет документально. Рекомендовалось уполминзагу Воровкову доначислить за эту землю госпоставки, прокурору Невейкину – привлечь соучастников. Руководство райкома было возмущено: факты в статье про сельсоветы Мокран и Радежа неправдивы, эти сельсоветы числились в передовиках по хлебосдаче. Однако было признано, что директор «Заготзерно» (новый) допускает обвес и обсчет хлебосдатчиков: 67 вместо 167 кг у Ефросиньи Мошик из д. Сушитница, 215, а не 315 кг у гражданки Кавзун из д. Гусак [27, л. 33–34].

Одновременно власти продолжали бороться с нарушениями законности, чтобы не вызывать негативную реакцию крестьян. В сентябре 1948 г. райком устроил проверку ряду своих сотрудников, «отличившихся» на заготовках «за нарушение социалисти-

ческой законности». Один из них в Мосевичском сельсовете допустил незаконное изъятие зерна у Марии Богнат (у нее по обязательству было 126 кг зерна, а по состоянию на 6 августа она сдала 128 кг). Одновременно, имея сведения об укрытии земли одним из жителей деревни, председатель сельсовета и агент уполминзага 13 августа изъяли у нее воз намолоченной ржи, не проведя обмера земли. После вмешательства райисполкома незаконно изъятая рожь была возвращена. В конце июня в этом же сельсовете у Евдокии Луцук, имевшей по обязательствам 28 кг зерна, они потребовали водки, а на следующий день провели изъятие зерна.

Другой сотрудник работал в Мокранском сельсовете. Там он толкнул Прузину Дмитрук в яму, наполненную водой, грубо обращался с крестьянами Хомуком и Чагайдой. Председатель сельсовета дал указание о незаконном изъятии у гражданки Горальчук 480 кг картофеля в счет поставок зерна и картофеля в размере 80 кг, и только после двукратного предупреждения райисполкома картофель вернули.

Ряд фактов в отношении этих сотрудников не подтвердился. Вместе с тем они были привлечены к административной ответственности в т. ч. за нечуткое отношение к семьям военнослужащих. Одному объявили выговор, на другого обратили пристальное внимание, третьего поставили на учет [27, л. 66–67].

В сентябре 1948 г. прокурор составил представление на уполминзага, который с целью проверки заготовок посетил Масевичский и Збуражский сельсоветы. Там он незаконно произвел изъятие ржи и 20 овчин у жителя д. Струга П. М. Касьяника, грубо обращался с его женой Александрой. Незаконно изъятые шкуры он вернул только после неоднократных предупреждений. В Збуражском сельсовете П. М. Касьяник систематически пьянствовал у зажиточных крестьян, пользующихся незаконной льготой по старости. При проведении изъятия у П. И. Ворончука он ударил его снопом по лицу, грубо и незаконно изъял 60 снопов немолоченого льна и отправил их на пункт «Заготовлено», где они оказались бесхозно брошены. Уполминзаг незаконно уменьшил нормы начисления зерна зажиточной части крестьян Масевичского сельсовета, произвел исправления в хозяйственных книгах нескольким крестьянам в Олтушском сельсовете. Его хотели исключить из партии, но, учитывая признание им ошибок, дали выговор с занесением [27, л. 69].

Заключение

Таким образом, проблема выполнения различного рода заготовок показала, что население района беспрекословно, даже с энтузиазмом отдавало предписанные поставки в государственную казну, пока продолжалась война. Необходимость закончить ее в короткий срок была обусловлена самоотверженностью людей и их готовностью отдать последнее для достижения победы.

Однако после того как эта одинаково мобилизующая всех цель была достигнута, постепенное увеличение размеров поставок и заготовок, расширение их наименований стали вызывать у людей отрицательную реакцию и недовольство определенной части жителей района. Тем не менее при всех издержках проведения акций по поставкам и заготовкам они проводились, как правило, в срок и в требуемом государством объеме.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 2.

3. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 16.
6. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 17.
7. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 18.
8. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 19.
9. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 23.
10. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 41.
11. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 42.
12. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 45.
13. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 47.
14. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 50.
15. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 64.
16. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 71
17. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 71
18. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 73.
19. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 80.
20. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 81.
21. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 82.
22. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 83.
23. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 96.
24. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 111.
25. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 112.
26. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 113.
27. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 121.
28. ГАБр. – Ф. 13-п. Оп. 1. Д. 127.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 09.12.2020

УДК 331.548 : 378.016 : 930.1 (476) «1985/1999»

Валерий Святославович Глинка

канд. ист. наук, доц. каф. педагогики

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Valery Hlinka

PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: arilav@inbox.ru

**ПРОФОРИЕНТАЦИОННАЯ РАБОТА
В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ БЕЛАРУСИ: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х – 1990-е гг.**

Дана характеристика основных форм работы с учащимися средних школ: экскурсии в музеи высших учебных заведений, работа школ «Юный историк», дни открытых дверей. Обращено внимание, что этим занимались не только преподаватели, но и студенты, получавшие образование по историческим специальностям. Проанализирована работа, проводившаяся со студентами-историками, целью которой являлось более глубокое знакомство с будущей профессией – учитель истории. Ее содержание составляли главным образом олимпиады по дисциплинам и конкурсы, имевшие непосредственное отношение к педагогической профессии, знакомство с опытом работы лучших учителей, встречи с авторами учебников по истории для средних учебных заведений, деятельность педагогических отрядов.

**Career Guidance in the Framework of Belarusian Higher Historical Education:
Organizational and Practical Experience in Late 1980 – 1990s**

Key forms of guidance to secondary school children are described, including excursions to the museums based in higher education establishments, Young Historian schools, open days. Attention is paid to the fact that it was not only dealt with by college teachers, but also by the students who were receiving historical education. The effort is analyzed in the field of guidance to history students, the purpose of which was to achieve a more in-depth understanding of the future profession of a teacher of history. It mostly focused on disciplinary competitions and contests that were directly related to the teacher's profession, learning the experience of the best teachers, meeting the authors of secondary school history textbooks, teaching team activities.

Введение

В настоящее время профессиональной ориентации обучающихся уделяется большое внимание, в число задач их воспитания входит подготовка к самостоятельной жизни и труду [2, с. 4]. Трудовое воспитание направлено на формирование у обучающихся ценностного отношения к труду, осознание ими социальной значимости профессиональной деятельности. Содержание трудового воспитания включает в себя формирование профессиональной культуры личности, потребности в трудовой деятельности в современных условиях, ознакомление с возможностями личностного и профессионального становления [2, с. 10].

В связи с важностью профориентационной работы в текущий период представляет интерес опыт ее проведения в системе исторического образования в высших учебных заведениях Беларуси во второй половине 1980-х – 1990-е гг. В то время наметились многие тенденции, определившие подготовку кадров историков на современном этапе. Целью статьи является содействие развитию профориентационной работы в наши дни. Это вызвало необходимость изучения основных направлений работы по профориентации, проводившейся в системе высшего исторического образования Беларуси.

Деятельность преподавателей-историков вузов по профориентации учащихся

Во многих высших учебных заведениях преподаватели-историки занимались с учащимися средних школ. В ряде вузов функционировали школы «Юный историк»: на занятиях в них учащиеся получали более глубокие знания по истории и, следовательно, лучше могли понять, в чем состоит суть профессии историка – педагога и исследователя. С 1975 г. такая школа действовала на историческом факультете Белорусского государственного университета (БГУ). В 1989–1990 гг. занятия в ней велись по истории Беларуси. Из 27 записавшихся регулярно их посещали 20 человек. Однако родители учащихся высказались за то, чтобы на следующий год ребята занимались историей СССР [19, л. 64]. Скорее всего, это было вызвано тем, что вступительный экзамен на исторический факультет сдавался по истории СССР, а не по истории Беларуси. Вопрос о том, чему отдавать предпочтение в содержании обучения в аналогичных школах, рассматривался и в других белорусских вузах.

В 1986–1987 гг. в школе «Юный историк» на историческом факультете Гродненского государственного университета (ГрГУ) было два отделения – педагогическое и исследовательское. Суть работы школы состояла в углублении знаний и подготовке к вступительным экзаменам. С такой направленностью работы школы не был в полной мере согласен декан исторического факультета В. Н. Черепица: по его мнению, главный упор необходимо было делать на углубление знаний учащихся по отечественной истории, на воспитание чувств патриотизма и интернационализма, а подготовка к вступительным экзаменам не должна была превращаться в самоцель [10, л. 58]. На наш взгляд, в любом случае расширение и систематизация исторического материала как составной части содержания работы в соответствии с будущей специальностью способствовали профессиональной ориентации учащихся.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. кафедра истории СССР Могилевского государственного педагогического института имени А. А. Кулешова (МГПИ имени А. А. Кулешова) вела работу школы «Юный историк и правоведа» [3, л. 28; 5, л. 74; 6, л. 51; 7, л. 36]. В 1986–1987 гг. ее окончили 14 учащихся школ г. Могилева [5, л. 59], в 1987–1988 гг. – 16 [3, л. 16], в 1988–1989 гг. – 15 [6, л. 40], в 1989–90 гг. – 10 [7, л. 24]. Во второй половине 1980-х гг. члены клуба «Юный археолог» Дворца пионеров и турклуба Октябрьского РОНО г. Могилева ежегодно принимали участие в раскопках при проведении археологической практики студентов I курса исторического факультета Могилевского пединститута [1, с. 60]. Преподаватели выезжали в районы Могилевской области (по графику деканата) для проведения профориентационной работы [15, л. 148].

Следует обратить внимание, что проводившаяся в Беларуси во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. профориентационная работа в значительной степени соответствовала аналогичной работе на всей территории СССР. Например, работу со школьниками вела лаборатория археологических исследований Челябинского государственного педагогического института (руководитель – доцент Н. Б. Виноградов). Летом 1991 г. при участии лаборатории было организовано два лагеря «Юный археолог»: 40 школьников в Курганской области и 150 – в Челябинской. В ноябре 1991 г. на базе этой лаборатории впервые в СССР был открыт учебный школьный археологический музей [24, с. 142].

Высшими учебными заведениями регулярно организовывались дни открытых дверей. Желая поступать в вузы, посетив их, имели возможность получить информацию о будущей учебе и профессии. Так, в 1987 г. на историческом факультете Белорусского государственного университета они проводились дважды – 26 марта и 24 апреля. Помимо этого, в ходе тематических экскурсий в музей БГУ важное место занима-

ли вопросы не только о достижениях университета в научных исследованиях и подготовке кадров, но и деятельность исторического факультета. В 1988–1989 гг. экскурсионное обслуживание школьников и учащихся профессионально-технических училищ осуществлялось дифференцированно: ученики 5–7 классов знакомились с древней историей Беларуси, ее материальной культурой, а учащиеся 8–10 классов основное внимание уделяли профориентации [1, с. 60].

На историческом факультете Гродненского государственного университета в марте – апреле 1988 г. были проведены встречи с будущими абитуриентами из числа сельской молодежи Гродненской и Брестской областей, с учащимися выпускных классов г. Гродно. В ходе собеседования выявлялись мотивы их поступления, успеваемость по истории и другим профильным предметам, знания по школьному курсу, текущим событиям внутри страны и за рубежом, степень общественной активности, наличие педагогических способностей [1, с. 60].

В 1990-е гг. профориентационная работа была продолжена, причем использовались возможности не только городского Центра профориентации. Преподаватели, как и ранее, встречались с учителями и школьниками города и области с целью выявления и отбора талантливой молодежи [12, л. 61]. В то же время назрела задача более широкого использования технических средств при проведении профессиональной ориентации, но для ее решения не хватало финансирования. Так, в 1997–1998 гг. на факультете истории и культуры ГрГУ поднимался вопрос о необходимости создания фильма о факультете, что, конечно, требовало увеличения материальных средств [11, л. 89].

В Полоцке в 1990-е гг. в рамках профориентационной работы проводилась университетская олимпиада школьников по истории, главной целью которой являлся отбор потенциальных кандидатов в число студентов-историков [1, с. 60–61]. В мае 1996 г. констатировалось, что она проходила в два тура: первый был письменным (в нем участвовали 70 человек), второй представлял собой собеседование. Проведение заочного тура посчитали нецелесообразным [20, л. 109]. В 1997–1998 гг. уже были организованы и очный, и заочный туры [21, л. 57].

Во второй половине 1980-х гг. в Могилевском педагогическом институте к профориентационной работе со школьниками активно привлекались студенты [15, л. 149]. В 1986–1987 гг. именно они проводили экскурсии с учащимися в музей: выступали с беседами о вузе в целом и об историческом факультете в частности [5, л. 74; 8, л. 28].

Профориентационная работа со студентами-историками в вузах Беларуси

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. в вузах Беларуси проводились различного рода мероприятия со студентами-историками, в ходе которых более глубоко раскрывалось содержание профессии педагога. Как заметил в 1989 г. декан исторического факультета МГПИ имени А. А. Кулешова П. Ф. Дмитрачков, состояние успеваемости на факультете, качество подготовки будущих специалистов – учителей-историков – находилось в прямой зависимости от состава контингента студентов, результатов их учебы в школе, от того, насколько они были профессионально сориентированы [13, л. 195].

В мае 1992 г. на ученом совете Могилевского государственного педагогического института отмечалось, что студенты исторического факультета активно участвовали и занимали призовые места в институтской и республиканской олимпиадах по педагогике, а также в институтском конкурсе «Лучший будущий учитель года»; команда исторического факультета три года подряд становилась победителем общеинститутского конкурса по педагогике. В конкурсе «Лучший будущий учитель года» необходимо бы-

ло проявить знания и умения, которые требовались для будущей профессиональной деятельности. В 1990–1991 гг. его победителем была признана студентка V курса исторического факультета Ю. В. Аленькова [23, л. 142]. Аналогичные мероприятия организовывались и непосредственно на историческом факультете. Так, в марте 1991 г. была проведена олимпиада по методике преподавания истории, что способствовало повышению качества знаний о предстоящей профессии [16, л. 39].

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. на историческом факультете Могилевского пединститута существовала традиция проводить «огонек» «Встреча с профессией». На нем организовывались выступления перед студентами лучших учителей города и области, в т. ч. выпускников факультета [3, л. 27; 4, л. 22; 5, л. 73; 6, л. 50; 8, л. 27; 13, л. 186; 14, л. 149; 22, л. 131].

В 1987/88 уч. г. преподавателями кафедры истории СССР был обобщен опыт преподавания двух педагогов могилевских школ – учителя-методиста СШ № 21 Е. П. Гоценко и учителя истории СШ № 5 С. П. Казака [15, л. 148–149]. В 1991–92 гг. доцент Ю. З. Кушнер организовал встречи студентов II курса с лауреатом II Республиканского конкурса «Учитель года» учителем СШ № 31 г. Могилева В. А. Кривошеевым, с победителем областного конкурса «Учитель года – 92» учителем СШ № 30 г. Могилева И. Кошкиной, с Заслуженным учителем БССР, заместителем председателя областного педагогического общества Б. А. Берлиным [9, л. 10; 23, л. 143]. Следует отметить, что имело место не только знакомство с передовым опытом учителей истории г. Могилева, но и его внедрение в учебный процесс [15, л. 148]. Все это способствовало профессиональному становлению будущих учителей-историков.

Чтобы ближе познакомить студентов с предстоящей профессией, в 1995 г. на историческом факультете Брестского государственного университета была организована встреча с автором одного из школьных учебников по истории Беларуси П. О. Лойко, в 1996–1997 гг. на историко-филологическом факультете Полоцкого государственного университета – с профессором Г. В. Штыховым, который также входил в число авторов учебников по истории Беларуси для средней школы [1, с. 60].

В МГПИ имени А. А. Кулешова более глубокому знакомству с будущей профессией способствовала такая форма работы, как деятельность педагогических отрядов (педотрядов). Они оказывали помощь в работе пионерской и комсомольской организаций, в оформлении кабинетов, с их участием в школах проводились вечера, посвященные знаменательным датам, беседы в закрепленных классах, экскурсии. В дальнейшем, в 1987–1988, 1988–1989 и 1989–1990 гг., для работы в подшефных школах были созданы шесть педотрядов из числа студентов I–IV курсов [3, л. 28; 5, л. 74; 6, л. 51; 7, л. 36; 13, л. 193; 14, л. 149]. В 1987–1988 гг. в школе-интернате № 1 студенты педотряда II курса присутствовали на уроках, помогали ученикам в подготовке домашних заданий, проводили беседы со школьниками. Школа-интернат № 1 положительно оценила работу этого педотряда под руководством студента Сидоренко. В рамках договора о сотрудничестве с Мостокской СШ студенты педотряда оказали помощь в оформлении кабинета истории в школе [15, л. 145, 148].

Положительное значение для будущей профессиональной деятельности имело знакомство с зарубежным опытом организации работы средней школы. Так, в 1986 г. группа студентов IV курса отделения истории БГУ проходила производственно-ознакомительную практику в Йенском университете имени Ф. Шиллера в Германской Демократической Республике. Для них был сделан доклад о методике преподавания истории в средней школе ГДР. Студенты БГУ получили консультации по интересовав-

шим их проблемам, в том числе о внеклассной работе учителей-историков ГДР и структуре преподаваемого в средней школе курса истории. Полезным было посещение средней школы в деревне Мильда, где белорусские студенты и руководители группы получили хорошую возможность ознакомиться со школой, особенностями преподавания истории в ГДР, спецификой труда учителя школы [17, л. 34–35].

Проблемы, непосредственно касающиеся профессии учителя, затрагивались и в научно-исследовательской работе студентов. Например, в 1990 г. студенты исторического факультета Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького А. Талаш и А. Александров написали дипломные работы по применению компьютеров в процессе преподавания истории в средней школе, создали оригинальные программы [18, л. 37].

Большую роль в деле знакомства с профессией учителя играла педагогическая практика студентов. В ходе нее студенты непосредственно в процессе практической деятельности реализовывали полученные теоретические знания. Важное место в этом вопросе занимал и цикл дисциплин профессиональной подготовки студентов. Однако преподавание этих дисциплин, организация и проведение педагогической практики в данной статье не исследуются, т. к. данные проблемы требуют отдельного и глубокого рассмотрения.

Заключение

Таким образом, целый ряд направлений работы преподавательского состава высшей школы Беларуси способствовал расширению представлений учащихся об исторической науке и педагогической деятельности, тем самым содействуя их осознанному выбору будущей профессии. Плодотворно осуществлялась работа и среди студентов-историков, направленная на формирование и углубление знаний о будущей профессии учителя и необходимых для нее умений и навыков. Опыт второй половины 1980-х – 1990-х гг. интересен и полезен и в настоящее время в вопросе организации и проведения профориентационной работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глинка, В. С. Развитие исторического образования в системе высшей школы Беларуси в 1985–2000 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. С. Глинка. – Минск, 2014. – 198 л.
2. Катович, Н. К. Обновленная Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь: преемственность и новации / Н. К. Катович // Адукацыя і выхаванне. – 2015. – № 7. – С. 3–19.
3. Отчеты деканов о работе за 1987/1988 уч. г. // Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Ф. 927. Оп. 1. Д. 1024. 62 л.
4. Отчеты деканов о работе факультетов за 1985/1986 уч. г. // ГАМО. – Ф. 927. Оп. 1. Д. 951. 172 л.
5. Отчеты деканов о работе факультетов за 1986/1987 уч. г. // ГАМО. – Ф. 927. Оп. 1. Д. 987. 101 л.
6. Отчеты деканов о работе факультетов за 1988/1989 уч. г. // ГАМО. – Ф. 927. Оп. 1. Д. 1058. 67 л.
7. Отчеты деканов о работе факультетов за 1989/1990 уч. г. // ГАМО. – Ф. 927. Оп. 1. Д. 1097. 49 л.

8. Отчеты деканов о работе факультетов за 1990/1991 уч. г. // ГАМО. – Ф. 927. Оп. 1. Д. 1136. 42 л.
9. Отчеты деканов о работе факультетов за 1991/1992 уч. г. // ГАМО. – Ф. 927. Оп. 1. Д. 1178. 45 л.
10. План работы, протоколы заседаний деканата и Совета, отчет о работе исторического факультета. 03.09.1986 – 10.07.1987 // Государственный архив Гродненской области (ГАГр). – Ф. 991. Оп. 3. Д. 793. 167 л.
11. План работы, протоколы заседаний Совета и отчеты о работе факультета истории и культуры. 19.09.1997 – 25.06.1998 // ГАГр. – Ф. 991. Оп. 5. Д. 550. 159 л.
12. План работы, протоколы заседаний Совета и отчеты о работе факультета истории и культуры. 18.09.1998 – 28.06.1999 // Архив Гродненского государственного университета имени Я. Купалы. – Ф. 991. Д. 656. 133 л.
13. Протоколы № 1–11 заседаний ученого Совета института за 1988/1989 уч. г. 02.09.1988 – 15.06.1989 // ГАМО. – Ф. 927. Оп. 1. Д. 1052. 311 л.
14. Протоколы № 1–12 заседаний Совета института за 1986/1987 уч. г. 02.09.1986 – 10.07.1987 // ГАМО. – Ф. 927. Оп. 1. Д. 983. 391 л.
15. Протоколы № 1–12 заседаний Совета института за 1987/1988 уч. г. 03.09.1987 – 23.06.1988 // ГАМО. – Ф. 927. Оп. 1. Д. 1019. 453 л.
16. Протоколы № 1–10 заседаний Совета исторического факультета. 23.09.1991 – 30.05.1992 // ГАМО. – Ф. 927. Оп. 1. Д. 1180. 52 л.
17. Протоколы № 1–10 заседаний Совета исторического факультета и документы к ним. 08.10.1986 г. – 30.06.1987 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 205. Оп. 8. Д. 3239. 169 л.
18. Протоколы № 1–11 заседаний Совета исторического факультета № 1–11 и документы к ним. 27.09.1990 – 06.06.1991 // НАРБ. – Ф. 746. Оп. 5. Д. 2415. 161 л.
19. Протоколы № 2–10 заседаний Совета исторического факультета и документы к ним. 26.10.1989 г. – 22.06.1990 г. // НАРБ. – Ф. 205. – Оп. 8. Д. 3730. 91 л.
20. Протоколы заседаний советов факультетов. 26.01 – 17.12.1996 // Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГА в г. Полоцке). – Ф. 2223. Оп. 5. Д. 110. 128 л.
21. Протоколы заседаний советов факультетов. 12.01 – 23.12.1998 // ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 2223. Оп. 5. Д. 241. 181 л.
22. Протоколы № 1–12 заседаний ученого Совета института. 31.08.1990 – 27.06.1991 // ГАМО. – Ф. 927. Оп. 1. Д. 1132. 155 л.
23. Протоколы № 1–11 заседаний ученого Совета института. 31.08.1991 – 18.06.1992 // ГАМО. – Ф. 927. Оп. 1. Д. 1174. 172 л.
24. Терехов, А. Н. Становление и развитие высшего исторического образования на Южном Урале: 1934–1993 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Н. Терехов. – Челябинск, 2003. – 222 л.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.12.2020

УДК 391 (476)

Сяргей Аляксандравіч Заруцкі*канд. геагр. навук, дац., дац. каф. турызму і краізнаўства
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна***Siarhey Zarutski***Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Tourism and Regional Studies
of Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: zarutski82@gmail.com*

АСАБЛІВАСЦІ ЗАХАВАННЯ ТЭКСТЫЛЬНЫХ ТРАДЫЦЫЙ У МАЛАРЫЦКІМ РАЁНЕ

Дзецца характарыстыка асноўных рыс і асаблівасцей маларыцкага строю традыцыйнага народнага адзення і мясцовага ткацтва, якія захаваліся да нашых дзён. На аснове сабраных дадзеных выяўлены культурна-геаграфічная спецыфіка Маларыцкага раёна, асаблівасці захавання тэкстыльных традыцый, арнамент, матэрыялы і тэхналогія ткацтва, лакальныя адрозненні традыцыйнага адзення паміж асобнымі вёскамі раёна.

Features of Preserving Weaving in Malorita Region

The article gives a description of main features and characteristics of Malorita special clothes and local weaving, which has survived till our days. According to the gathered data, cultural and geographical specificity of Malorita region, specificity of preserving weaving traditions, ornament, materials and technics of weaving, local differences in clothes between different villages in the region were discovered.

Уводзіны

Беларускае Палессе – гэта непаўторны ў прыродным і этнаграфічным сэнсе рэгіён, які валодае багатай фальклорна-этнаграфічнай спадчынай. Тут захаваліся ўнікальныя вёскі з архаічным укладам жыцця, традыцыйныя драўляныя пабудовы з арыгінальнымі дэкаратыўнымі элементамі, спецыфічны дыялект, фальклор, абрады, рамёствы – праявы традыцыйнай культуры, невядомыя ў іншых месцах Беларусі. Менавіта на Палессі да сярэдзіны XX ст. захоўвалася традыцыя апранацца ў самаробнае, мастацка ўпрыгожанае адзенне, а традыцыйны касцюм з’яўляўся галоўным атрыбутам мясцовага народнага мастацтва, які ў сувязі з прыроднымі асаблівасцямі мае мноства лакальных варыянтаў на тэрыторыі рэгіёна.

У найбольшай ступені этнакультурныя традыцыі захаваліся на Заходнім Палессі, тэрыторыя якога доўгі час была зонай этнічнага кантакту беларусаў, украінцаў і палякаў, што адбілася на многіх рысах традыцыйнай культуры гэтага рэгіёна. Народнае адзенне Заходняга Палесся заўсёды вызначалася самабытнасцю, архаічнасцю і ўстойлівасцю традыцыйных форм, маляўнічасцю аздаблення жаночага касцюма. Толькі тут яшчэ ў 30–50-я гг. XX ст. жанчыны ў якасці галаўных убораў насілі вышытыя па краях платы, цяжкія ваўняныя спадніцы – «буркі», свахі на вяселле прыбіраліся ў «рожкі» або «кветкі» – галаўныя ўборы з пучкамі фарбаваных пёраў.

Сярод мноства лакальных варыянтаў стварэння традыцыйнага касцюма на Заходнім Палессі асаблівае месца займае маларыцкі строй, які атрымаў распаўсюджанне на тэрыторыі Маларыцкага раёна Беларусі і Ратнаўскага раёна Украіны. Менавіта тут захавалася да нашых дзён арыгінальная тэхналогія ткацтва і стварэння мясцовага варыянта традыцыйнага касцюма, які адрозніваецца ад суседніх лакальных строяў сама-

бытнасцю, класічнай завершанасцю формы, архаічнымі элементамі касцюма і галаўных убораў, машабнасцю прапорцаў і скульптурнай выразнасцю ансамбля.

Вынікі даследавання

Маларыцкі раён з'яўляецца тыповым палескім перыферычным сельскім раёнам з аграпрамысловай спецыялізацыяй эканомікі. Тут не атрымала развіцця цяжкая індустрыя і добра захаваліся мясцовыя традыцыйны сельскі ўклад жыцця, культура аграрнага землекарыстання, гістарычнае аблічча сельскіх паселішчаў са мноствам гісторыка-культурных і прыродных помнікаў, рамёствы, фальклорныя, абрадавыя і гастронамічныя традыцыі мясцовага насельніцтва. У этнакультурным сэнсе Маларыцкі раён характарызуецца прыналежнасцю пераважнай часткі насельніцтва да праваслаўных традыцый. Тут добра захаваліся ўнікальны «палескі» дыялект, які гістарычна склаўся на мяжы беларускага і ўкраінскага лінгвістычных масіваў і да гэтага часу выкарыстоўваецца ў якасці размоўнага ў сельскай мясцовасці, песенны фальклор з глыбокімі традыцыямі харавых і адзіночных спеваў, старажытныя традыцыі, у т. л. і ў традыцыйным ткацтве.

Многія навукоўцы адносяць тэрыторыю Маларыцкага раёна да самабытных рэгіёнаў Беларусі і лічаць своеасаблівым запаведнікам традыцыйнай культуры, дзе добра захаваліся багатая гісторыка-культурная спадчына, мясцовыя народныя традыцыі і промыслы [1]. У раёне налічваецца 98 помнікаў гісторыка-культурнай спадчыны. Важнае гістарычнае і культурнае значэнне маюць помнікі культавай архітэктуры. Да нашых дзён у раёне захаваліся мураваная Свята-Успенская царква 1816 г. у в. Гвозніца і шэсць драўляных цэркваў XVIII – пачатку XX ст., якія з'яўляюцца помнікамі драўлянага дойлідства Палесся [2].

На тэрыторыі Маларыцкага раёна нядрэнна захавалася гістарычная аснова планіроўкі старадаўніх паселішчаў (Велікарыта, Лукава, Хаціслаў, Олтуш, Ляхаўцы, Дарапеевічы, Чарняны), вядомых з XV–XVII ст., дзе ў цэнтры паселішчаў на скрыжаванні дарог, як правіла, знаходзілася драўляная царква. Першапачаткова ўсе цэрквы будавалі як уніяцкія, і толькі ў першай палове XIX ст. яны сталі праваслаўнымі.

На тэрыторыі раёна захавалася мноства элементаў этнаграфічнай спадчыны і нематэрыяльнай традыцыйнай культуры: прадметаў ткацтва і традыцыйнага народнага побыту, вуснай народнай творчасці і мясцовага песеннага фальклору. На сённяшні час рыхтуецца да ўнясення ў дзяржаўны спіс нематэрыяльнай спадчыны Рэспублікі Беларусь тэхналогія выпечкі грачаніка (грачанага хлеба) з Маларыцкага раёна. Добра захаваліся мясцовыя традыцыі святаў народнага календара і такія абрады, як Каляды, Вялікдзень, Радаўніца, Троіца, Купалле, заручыны, вяселле, радзіны, пахаванне, жажынкі і дажынкі, на якія мясцовыя жыхары апрадаліся ў саматканяя строі. У в. Дарапеевічы распаўсюджаны абрад ушанавання памерлых «Намскі Вялікдзень», які праводзіцца ў чацвер пасля Пасхі. У в. Пажэжын захаваліся абрад вяселля, дзе найбольш ярка паказаны фрагмент выпечкі каравая. У в. Арэхава захаваліся мясцовыя адметнасці дажынак і Купалля.

Асаблівасці

Рэгіянальны варыянт традыцыйнага народнага касцюма, які склаўся на тэрыторыі Маларыцкага раёна, беларускія этнографы назвалі маларыцкім строем, а ўкраінскія навукоўцы адносяць яго да заходнепалескага тыпу народнага адзення [3]. Маларыцкі строй і касцюм паўночна-заходняй часткі Украіны маюць агульныя рысы, бо насельніцтва памежных рэгіёнаў мела цесныя культурныя сувязі. Для гэтага строю характэрна

значная каларыстычная напружанасць, насычанасць дэкорам. У вышываным і тканым яго аздабленні шырока выкарыстоўваліся ромба-геаметрычны арнамент, барджурныя кампазіцыі з цёмна-чырвоных палос. Ад іншых рэгіянальных варыянтаў народнага касцюма Заходняга Палесся ён адрозніваецца архаічнасцю, класічнай завершанасцю формаў адзежы, арыгінальным жаночым галаўным уборам, выкарыстаннем багата аформленых дэкаратыўных тканін.

У традыцыйным народным касцюме на тэрыторыі Маларыцкага раёна ёсць свае адметныя рысы. Амаль кожная вёска мае свой касцюм, таксама як і свой дыялект, звычаі, традыцыі. Аднак мясцовы строй жаночых касцюмаў можна пазнаць па буйным рамбичным арнаменце, насычаным каларыце, багатых кампазіцыях аздаблення, якія запаўняюць верхнія і ніжнія часткі рукавоў, манжэты, фартушкі, паясное адзенне. Касцюм паўночных вёсак Маларытчыны і ўсходніх вёсак Ратнаўшчыны мае шмат агульных рысаў з касцюмам кобынскага строю.

Народны касцюм маларыцкага строю складаўся з плечавога і паяснага адзення. Да плечавога адзення адносіліся палатняная сарочка, ці кашуля. Да жаночага паяснага адзення адносіліся розныя віды палатняных спадніц (хвартух, бурка, пасамэннык, летнік), а таксама фартух (фартушок). Мужчынскім паясным адзеннем былі палатняныя або суконныя штаны (нагавіцы). Абавязковым элементам мужчынскага комплексу адзення быў пояс (крайка), якім падпяразалі вопратку.

Летнімі мужчынскімі галаўнымі ўборамі з'яўляліся капелюшы, зробленыя з саломы, а таксама купленыя фуражкі (казыркi), зімовымі – шапкі рознай формы, пашытыя з футра і тканіны. Дзяўчаты насілі белыя, упрыгожаныя вышыўкай самаробныя або купленыя хусткі, замужнія жанчыны – чапцы, хусткі розных памераў, а таксама галаўныя ўборы рушніковага тыпу – платы.

Штодзённым абуткам для балоцістых палескіх мясцін былі лапці (пастолы), сплеченыя з ліпавай або лазовай кары. Іх насілі як мужчыны, так і жанчыны, але да святаў мужчыны імкнуліся набыць боты (чобаты), а жанчыны – чаравікі на абцасіках.

У якасці верхняга адзення мясцовыя жыхары ў вясновы і восеньскі перыяды насілі латухі, у зімовы перыяд – кажухі. Асобна выдзялялася штодзённае адзенне з мінімальнай колькасцю дэкаратыўных упрыгожванняў, таксама святочнае і абрадавае адзенне з максімальнай колькасцю дэкаратыўных элементаў.

Па адзенні можна было вызначыць сацыяльнае і сямейнае становішча чалавека, яго ўзрост, род заняткаў. Характар арнаментаў, кампазіцыя і колер дазвалялі беспамылкова вызначыць, з якой вёскі родам яго ўладальнік. Традыцыйны народны касцюм у межах Маларыцкага і Ратнаўскага раёнаў, нягледзячы на тое што складаецца з розных частак, адны з якіх тканяны (бурка альбо хвартух, пояс), а іншыя вышываныя (сарочка, фартушок, намітка), утварае ансамбль, для якога характэрны аднастыльнасць і аднатыпнасць, але не аднолькавасць арнаменту.

Арнамент

Арнамент на асобных элементах традыцыйнага касцюма маларыцкага строю нібы ўціснуты ў шырокую чырвоную паласу. Яго не так і шмат, але паласа выглядае маціўнай і напружанай па каларыце. Для арнамента дамінуючымі з'яўляюцца геаметрычныя матывы, скампанаваныя ў гарызантальныя поласы, у спалучэнні цёмна-чырвонага і невялікай колькасці цёмна-сіняга і чорнага колераў (на кашулях, спадніцах і фартухах).

Спрадвеку на Маларытчыне шанавалі чырвоны і белы колер у спалучэнні з чорным. Чырвоны сімвалізаваў жыццё, белы – чысціню і адданасць. Яшчэ нашы продкі на-

давалі магічную сілу чырвонаму арнаменту, якім упрыгожвалі рукавы кашуль. Яны верылі, што гэта нібыта засцерагала рукі ад злых духаў і надавала сілы ў працы. Пераборы на касцюме можна чытаць, як кнігу лёсу чалавека. Ромбы чырвона-чорнага колеру не толькі для прыгажосці. Дзве палавінкі фігуры – мужчынскі і жаночы пачаткі. Больш за тое, у прывабным арнаменце зашыфравана абарона ад злых сіл. Пры пільным разглядзе тут можна знайсці малюнак зямлі ці поля. Чорная кропка пасярэдзіне падкажа, засеяна ралля ці не. Жыхары Ратнаўшчыны заўсёды лічылі, што бела-чырвонае каляровае спалучэнне ў палескім касцюме падкрэслівае яго архаічнасць і сімвалізуе спалучэнне двух пачаткаў – духоўна-чароўнага (белы) і пачуццёва-зямнога (чырвоны).

Строгая ромба-геаметрычная арнаментыка існавала да канца XIX ст. Менавіта з гэтага часу пры вырабе адзення пачалі выкарыстоўваць вышыўку і раслінны арнамент. У 1920-я гг. сюды пранікла вышыўка крыжыкам. Спачатку крыжыкам вышывалі традыцыйны геаметрычны ўзор, пазней на сарочках і фартуках, не толькі палатняных, але і паркалёвых, з'яўляюцца «бракараўскія ружы». У маларыцкім строі яны маналітныя, шчыльныя па колеры, адпавядаюць мясцоваму стылю. У масцовай гаворцы існуюць розныя тэрміны, якія абазначаюць аздабленне старым і новым спосабам вышыўкі. Старажытная тэхніка вышыўкі наборам называецца «нашыванне», а вышыванне крыжыкам – «вышыванне».

Матэрыялы і тэхналогія ткацтва

Для ткацтва выкарыстоўвалі ў асноўным традыцыйныя для гэтых мясцін матэрыялы. Палессе гістарычна з'яўлялася раёнам развітога льнаводства і жывёлагадоўлі, якія ў дастатковай ступені забяспечвалі насельніцтва льном, каноплямі, воўнай і аўчынамі. З гэтай сыравіны выраблялі ўсе віды сподняга і верхняга адзення, галаўныя ўборы і некаторыя віды абутку [4].

На тэрыторыі Маларытчыны зробленыя ў дамашніх умовах тканіны для вырабу адзення выкарыстоўвалі аж да 1930-х гг. Скарыстоўвалі дамапрадзеныя ніткі з лёну, воўны, канапель, пазней баваўняныя і шарсцяныя ніткі фабрычнага вырабу. Палотны з ільняных або канапляных нітак выкарыстоўвалі для пашыву сподняга адзення. З больш грубага палатна шылі штодзённае рабочае адзенне, з больш тонкага і адбеленага палатна – святочнае і абрадавае адзенне.

У споднім адзенні пераважаў белы колер, тады як верхняе, паяснае і нагруднае адзенне мела разнастайную каляровую гаму. Было распаўсюджана тканне палатна ў палоску і клетку. Ткалі таксама купоннае (узорыстае) палатно. Пры гэтым аздабленне ў выглядзе кампазіцый з простых палос уоперак утваралася за кошт увядзення ва ўток нітак чырвонага ці чорнага колеру (тэхніка «ператыкання»). Такое палатно ішло на выраб спадніц і фартухоў.

Тканіна для пашыву касцюма маларыцкага строю выраблялася складаным спосабам з адначасовым выкарыстаннем дзвюх тэхнік ткацтва – чатырохнітавай аднаўточнай і браннай двухуточнай. Тканіна для пашыву выраблялася асаблівым метадам перапляцення нітак асновы і ўтка, пры якім уточныя перакрыцці ў кожным наступным радзе ссоўваліся ўбок на адну нітку. З дапамогай чатырохнітавай тэхнікі ткацтва атрымлівалі аднабаковае перапляценне на аснове саржавага тыпу перапляцення тканіны, якое называлася «кажушок» (на мясцовым дыялекце – 'кажушком тканэ'). У тэхналогіі ткацтва «кажушком» характэрнай рысай з'яўляецца тое, што ўточная нітка ўтварае адначасова ўзор і фонавае палатно. Гэтая тэхналогія дазваляе ткаць не толькі аднакаляровыя (пры дапамозе аднаго чаўна), але і шматколерныя (пры дапамозе некалькіх чаўноў) тка-

ніны. Тым не менш тканіна застаецца аднаўточнай, узор нельга аддзяліць ад карэннай тканіны [5].

Тканіна, якая атрымлівалася ў ткачыхі, была шчыльнай, таму што ніці ўтка зацілалі ніці асновы правага боку. Пры гэтым яна не толькі была цёплай, але і мела годны выгляд, які вызначаўся багаццем і разнастайнасцю арнаментальна-кампазіцыйнага вырашэння. Палатно атрымлівалася з упрыгожанымі складанымі, дакладна распрацаванымі, узорыстымі кампазіцыямі, якія ў пэўным рытме чаргаваліся паміж сабою і запаўнялі ўсё поле. Глыбокі каларыт дэкору, у якім пераважаў цёмна-чырвоны, карычнявата-чырвоны або бурачкова-вішнёвы колер, амаль заўсёды дапаўняўся фіялетавай ці зялёнай ніткай, якая падкрэслівала кампазіцыйны цэнтр бардзюраў і іх межы.

Як падол спадніцы, так і рукавы сарочкі былі ўпрыгожаны масіўнымі і рознымі па шырыні бардзюрамі ромба-геаметрычнага арнаменту, які натыкаўся «перабор».

Па адметных рысах дэкаратыўнага ўпрыгожвання, спосабах нашэння асобных элементаў традыцыйнага касцюма, матэрыялах і асаблівасцях вырабу народнага адзення на тэрыторыі Маларыцкага раёна вылучаюцца маларыцкі, радзежскі, лукаўскі і ляхавецкі лакальныя строі. Найбольш адметныя рысы маюць радзежскі і лукаўскі строі.

Радзежскі строй

Гэты строй атрымаў распаўсюджанне ў вёсках паўднёва-заходняй часткі Маларыцкага і сумежных вёсках заходняй часткі Ратнаўскага раёнаў. Ва ўзорах радзежскага строю пераважае тканы стыль: тканыя ўзоры цалкам маюць геаметрычны характар, бардова-чырвоны колер і размешчаны на рукавах, манжэтах і каўняры сарочак, на фартухах і спадніцах-бурках.

У гэтым раёне захавалася шмат спадніц-летнікаў і спадніц-бурак у складку «гафрэ». Спадніцы вылучаюцца багаццем дробных геаметрычных узораў. Адметнасцю таксама з'яўляецца наяўнасць зялёнай каймы ўнізе спадніцы, чорныя палосы адсутнічаюць. Светлая частка спадніц-бурак мае ледзь прыкметныя шэрыя палоскі, што з'яўляецца асаблівасцю радзежскага строю. Бурка мае шэсць папярэчных палос, дзве з якіх аднолькавыя.

Радзежскі фартух меў назву «фартушок», «пярэднік». Фартухом называлася штодзённая спадніца, якая выкарыстоўвалася гаспадыняй у быце, каля печы. Фартушок выраблялі з ільняной тканіны, яна была аднаполавага крою. Зверху фартушок быў крыху прызбораны. Ва ўзорах пераважаюць раслінныя матывы.

Сарочка з'яўляецца яркім узорам тканага радзежскага строю. Мясцовая сарочка зроблена з лёну, ва ўзорах адсутнічае чорны колер. Рукаў мае сем адасобленых палос, пачынаючы з гарлавіны і заканчваючы прысабраным манжэтам на рукаве. Каўнер мае форму стойкі, крой сарочкі традыцыйны. Характэрным з'яўляецца адсутнасць ў сарочцы манішкі.

Лукаўскі строй

Ён распаўсюджаны ў вёсках паўночнага ўсходу Маларыцкага раёна і ўсходняй часткі Ратнаўскага раёна. Адзенне гэтага строю вызначаецца рознакаляровасцю вышытага ўзору. Асабліва вылучаюцца тканыя касцюмы пераважна чырвонай афарбоўкі. Спадніцы ў такіх касцюмах называліся андаракамі, летнікамі.

Адметнай рысай лукаўскага строю з'яўляюцца вышытыя касцюмы. Колер іх арнаменту – чырвона-чорны. У сарочцы абавязкова прысутнічала манішка, якая атчалася багатым і яркім узорам з кветак і руж. Полкі рукавоў маюць шырокую малюнкавую па-

лоску альбо некалькі палос рознай шырыні. Манжэт выдзелены слаба, мае ледзь прыкметны ўзорчык. Дапаўненнем жаночага камплекта з'яўляецца фартух, які таксама мае шмат рознакаляровых гарызантальных палос, у асноўным кветкава-ягаднай афарбоўкі.

Вышытыя касцюмы больш позняга часу адрозніваюцца меншай разнастайнасцю ўзораў. На гэтых касцюмах прысутнічаюць, акрамя чырвонага і чорнага, зялёны, жоўты, блакітны, пурпурны, сіні і іншыя колеры, асабліва на манішках.

На тэрыторыі распаўсюджання лукаўскага строю пераважаюць тканыя спадніцы, якія адрозніваюцца амаль поўнай адсутнасцю ўзораў, акрамя невялікіх гарызантальных палос чырвонага колеру. Асаблівасцю данага строю таксама з'яўляюцца вышываныя фартухі, узоры якіх адлюстроўваюць шматвекавыя загадкі, характэрныя прыроды, мары і пачуцці людзей.

Заклучэнне

На тэрыторыі Маларыцкага раёна элементам традыцыйнай культуры з'яўляецца арыгінальная тэхналогія ткацтва і стварэння мясцовага варыянта народнага адзення. Мясцовы традыцыйны народны касцюм адрозніваецца ад суседніх лакальных строяў самабытнасцю, класічнай завершанасцю формы, архаічнымі элементамі адзення і галяўных убораў, маштабнасцю прапорцый і скульптурнай выразнасцю ансамбля.

У цяперашні час у кантэксце глабалізацыі адбываецца страта многіх традыцыйных элементаў культуры. Мясцовыя жыхары, носьбіты ведаў і ўменняў асобных традыцый і промыслаў, не перадаюць сваіх навыкаў будучым пакаленням, таму што ў сучасных умовах гэта не запатрабавана.

У Маларыцкім раёне праблемай з'яўляецца захаванне традыцыйнага ткацтва. Арыгінальная тэхналогія стварэння ўнікальнага народнага касцюма маларыцкага строю падтрымліваецца толькі сіламі аднаго народнага майстра, якому больш за 80 гадоў. Усё гэта патрабуе прыняцця неадкладных мер па прыцягненні грамадскай увагі, навукоўцаў і дзеячаў культуры па адраджэнні і захаванні традыцыйнага ткацтва як культурнай спадчыны Маларыцкага раёна.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Локотко, А. И. Историко-культурные ландшафты Беларуси / А. И. Локотко. – Минск : Беларус. навука, 2006. – 470 с.
2. Малоритский район [Электронный ресурс] // Глобус Беларуси. Архитектурные и иные достопримечательности Беларуси. – Режим доступа: https://globus.tut.by/_-regs/malor.htm.
3. Раманюк, М. Беларускае народнае адзенне / М. Раманюк. – Мінск : Беларусь, 1981. – 317 с.
4. Полесье. Материальная культура / редкол.: В. К. Бондарчик [и др.]. – Киев : Наук. думка, 1988. – 448 с.
5. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / рэд. Т. Б. Варфаламеева. – Мінск : Выш. шк., 2009. – Т. 4, кн. 2. – Кн. 2 : Брэсцкае Палессе. – 863 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 07.12.2020

УДК 298.9 (476) “1992/2017”

Александр Николаевич Свирид¹, Владислав Григорьевич Кудласевич²

¹канд. ист. наук, доц., доц. каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²магистрант 1-го года обучения ист. факультета
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Aleksandr Svirid¹, Vladislav Kudlasevich²

¹PhD in History, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History of Slavic Peoples
of Brest State A. S. Pushkin University

²1st Year Master's Student Dean of the Faculty of History
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: ¹raven_raven@mail.ru; ²kudlasevich.vlad@mail.ru

ВНЕКУЛЬТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕРКВИ ПОСЛЕДНЕГО ЗАВЕТА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В 1992–2017 гг.

Выявлены обстоятельства посещения Беларуси основателем Церкви последнего завета Виссарионом (Сергеем Торопом) в 1992, 1994 и 1996 гг. Отражен процесс создания общин Церкви последнего завета на территории Беларуси в период с 1992 по 1998 г. Эти общины вели активную деятельность по распространению вероучения Церкви последнего завета, которая заключалась в создании и распространении вероучительной литературы. С 2004 г. такая деятельность ведется и в сети Интернет. Использовалась также адресная рассылка вероучительной литературы в органы государственного управления Республики Беларусь, что вызвало ответную реакцию со стороны Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, которая обусловила ориентацию деятельности отдельных приверженцев Церкви последнего завета по массовому распространению этого вероучения.

Extracultural Activities of the Church of the Last Testament on the Territory of the Republic of Belarus in 1992–2017

The author reveals the circumstances of Vissarion (Sergey Torop), the founder of the Church of the Last Testament, visiting Belarus in 1992, 1994 and 1996. The process of creating Church of the Last Testament communities on the territory of Belarus in the period from 1992 to 1998 is reflected. These communities were active in the dissemination of the faith of the Central Church, which consisted in the creation and dissemination of religious literature. Since 2004, this activity has also been carried out on the Internet. Targeted distribution of religious literature to the state administration bodies of the Republic of Belarus was also used. This activity provoked a response from the State Security Committee of the Republic of Belarus, which in turn led to the orientation of the activities of individual adherents of the Church of the Last Testament to the creation of means of mass dissemination of the this faith.

Введение

Церковь последнего завета (далее – ЦПЗ) – неохристианское новое религиозное движение, возникшее в начале 1990-х гг. в г. Минусинске Красноярского края Российской Федерации. Основатель данного движения объявил себя новым мессией и взял имя Виссарион. С самого начала существования ЦПЗ осуществляла активную деятельность на территории Беларуси. В середине 1990-х гг. вероучение, культ и деятельность данной организации были признаны деструктивными и противоречащими законодательству Республики Беларусь. В таких условиях ЦПЗ на территории Беларуси потеряла часть приверженцев, однако она не прекратила своего существования, а отдельные ее члены ведут активную деятельность по распространению вероучения ЦПЗ вплоть до сегодняшнего дня.

Цель статьи – на основе анализа внекультовой деятельности ЦПЗ выявить субъекты, направления и периоды наибольшей активности данной деятельности на территории Беларуси.

В период с 1992–1996 г. Виссарион трижды посещал территорию нашей страны. Данные визиты нашли отражение в вероучительной литературе ЦПЗ, а именно в «Повествовании от Вадима». Оно представляет собой «дневник» соратника Виссариона и отмечается точностью в описании событий.

2 августа 1992 г. Виссарион с группой сторонников прибыл в Гомель: «Печальный град... с грустными улицами, высушенными жарким солнцем и чернобыльской радиацией... Много больных детей, стариков, женщин. Уровень радиации значительно выше нормы» [1]. В Гомеле Виссарион пробыл два дня, читая проповеди. На его выступления приходили и евреи. Один из них, по свидетельству автора «Повествования от Вадима», после проповеди произнес: «В этот раз мы не хотим повторить ошибку двухтысячелетней давности» [1].

Затем Виссарион направился в Наровлю, где его проповеди привлекли внимание в основном женщин пожилого возраста. Они, проживая в многоконфессиональном городе, обрадовались утверждению Виссариона о неважности, какой храм ты посещаешь, и о том, что роль обрядов невелика в процессе духовного спасения. На следующий день Виссарион посетил Минск. Здесь он проводил проповеди в больших залах, однако, по утверждению Вадима, желающих послушать было мало. Одним из слушателей был молодой человек, уже знакомый с вероучением ЦПЗ, который в будущем переселился в центральную общину ЦПЗ в районе оз. Тиберкуль.

Затем Виссарион отправился в Гродно, где проводил проповеди в музее истории религий. Как отмечает «Повествование от Вадима», католики, которых было большинство среди верующих города, не восприняли всерьез нового мессию. Сторонники Виссариона каждый день пребывания в Гродно осуществляли активную миссионерскую деятельность на улицах города.

8 и 9 августа 1992 г. Виссарион провел в Бресте. Здесь ему удалось привлечь в свое движение несколько христиан-евангелистов [1]. В Бресте Виссарион дал интервью местной газете, в котором отмечал, что его недоброжелательно и даже агрессивно встречают верующие Западной Беларуси [2].

После Бреста Виссарион отправился в Украину. В Беларусь он вернулся лишь в 1995 г.: 5 апреля он остановился в Витебске, где провел две встречи с горожанами в городском доме культуры [3]. Затем Виссарион отправился в Могилев. Исполнительные органы власти пытались препятствовать его деятельности. В Могилеве ему запретили проповедовать в одном из городских домов культуры. Тогда приверженцы его учения собрались на встречу со своим «учителем» в подтрибунном помещении стадиона «Спартак». Также они предпринимали попытки организовать встречу с ксендзом Римско-католического костела, которая, однако, не состоялась. В результате проповедь была проведена в фойе музея Декабристов [4, с. 68].

9 апреля 1995 г. Виссарион прибыл в Гомель, где два дня встречи и индивидуальные беседы с ним были организованы на квартире. Как отмечают последователи ЦПЗ, в Гомель прибыла группа сторонников вероучения из Мозыря [3]. Так как Виссарион не посещал этот город в своем прошлом турне по Беларуси, можно утверждать, что верующие ЦПЗ в республике сами осуществляли активную миссионерскую деятельность и добились определенных успехов. В Бресте, следующем пункте остановки

Виссариона, его ждали последователи из Украины и группа брестчан, принявших вероучение. Как отмечают источники ЦПЗ, данная группа была самой многочисленной в Беларуси [3]. По сведениям газеты «Брестский курьер», облисполком дал разрешение на проведение мероприятия [5]. Место проведения встречи Виссариона со своими сторонниками неизвестно. В «Повествовании от Вадима» говорится: «Холодный, неотопливаемый зал за два дня встреч был согрет вниманием слушающих» [3]. Показательны итоги данного визита. В документе облисполкома «Анализ религиозной обстановки в Брестской области на 1 января 1996 г.» отмечается, что в результате посещения города миссионерами из Минусинска образовалась группа его сторонников, насчитывавшая, по материалам облисполкома, 20–30 человек [6]. С этого момента община ЦПЗ в Бресте находилась под постоянным наблюдением облисполкома. Им были установлены факты незаконной миссионерской деятельности, распространения в неустановленных местах религиозной литературы [7, л. 37].

Из Бреста Виссарион отправился в Гродно, где ему было отказано в проведении встречи в залах заведений культуры, однако встреча состоялась в другом месте [4, с. 69]. Это был зал на 250 человек, полностью заполненный два дня пребывания Виссариона [3]. Также на квартире одной из верующих ЦПЗ Виссарион с группой приверженцев провел «праздничное богослужение». Тогда же гродненская община ЦПЗ изъявила желание зарегистрировать свою деятельность в облисполкоме, но получила отказ. В Гродно средствами массовой информации были зарегистрированы случаи продажи недвижимости и выезда верующих в центральную общину ЦПЗ, которая находится в Курагинском районе Красноярского края Российской Федерации [8]. 15 апреля 1995 г. Виссарион посетил Минск, где на его встречах, организованных на квартире, присутствовали в основном уже обращенные «в веру» жители города [3].

В 1996 г. Виссарион посетил лишь Минск, где провел встречу с последователями со всей Беларуси в детском саду. На второй день пребывания в Минске он провел индивидуальные встречи, организованные на квартире верующих ЦПЗ, где обвенчал четыре пары только что обращенных последователей [9]. Этот визит был последним на территорию Республики Беларусь. В ходе миссионерской деятельности Виссариона образовались группы последователей ЦПЗ в Гомеле, Мозыре, Могилеве, Минске, Гродно и Бресте. Миссионерская деятельность в Витебске и Наровле не дала результатов. На данный момент сведений о деятельности общин ЦПЗ на территории восточной Беларуси в процессе исследования обнаружить не удалось. Деятельность сторонников ЦПЗ в Гродно после отказа в регистрации их общины была полностью приостановлена.

За 1996 г. работниками Брестского облисполкома были изучены цели и задачи ЦПЗ и дана соответствующая правовая оценка [10]. Результатом данной оценки был отказ в регистрации общины ЦПЗ Бреста.

В ходе 1997 г. община потеряла значительное число приверженцев [11, л. 116]. Некоторые из членов общины планировали отправиться в Минусинск для строительства «Обители Рассвета» [12, л. 48]. Стоит отметить, что с уменьшением количества членов активность общины Бреста не пошла на спад. В январе 1998 г. Елена Гнаука, один из ее членов, развернула активную пропаганду вероучения ЦПЗ [13, л. 23]. В мае того же года при поддержке Брестской общины ЦПЗ появились сторонники Виссариона в Жабинке [14, л. 80]. Их группа насчитывала около пяти человек. Они поддерживали тесные контакты с общиной ЦПЗ в Бресте, неоднократно посещали мероприятия членов ЦПЗ за пределами Беларуси. Данная группа не имела специального помещения для богослужений, которые проводились на квартире одного из членов группы. Три участника

группы были представителями педагогических профессий и предпринимали попытки распространения вероучения ЦПЗ в учреждениях образования [15, л. 86]. В результате принятых облисполкомом мер деятельность данной группы была пресечена [16, л. 48].

После нейтрализации сторонников ЦПЗ в Жабинке брестская община ЦПЗ пропадает из поля зрения облисполкома. Только в 2001 г. отмечалось, что приверженцы Виссариона насчитывают 5–7 человек и являются остатками некогда существовавшей общины [17, л. 158]. В 2002 г. Комитет по делам религий и национальностей обладал информацией о деятельности последователей ЦПЗ лишь в Бресте и Минске [18, с. 19]. Средства массовой информации отмечали случаи физического истощения последователей ЦПЗ в г. Минске, придерживавшихся пищевых запретов Виссариона [19, с. 21].

В 2004 г. Е. П. Гнаук закончила написание произведения «Время Камней». Были ли изданы части данного произведения, в процессе исследования выяснить не удалось. На момент издания «Пособия по духовной медицине...» издание первой части «Времени Камней» только планировалось [20, с. 44]. Согласно электронной версии, размещенной на персональном сайте Елены Гнаука, «Время Камней» состоит из трех частей: «Правда о 12-й планете», «Последние времена», «Когда зажжется Вторая Луна» [21]. В первой части книги автор переосмысливает текст Ветхого Завета, а именно предсказания о приходе мессии, и делает вывод, что Иисус Христос был лишь пророком, а не Богом. В последних главах этой части автор утверждает о пришествии Антихриста, которое осуществилось в 1917 г в лице большевизма. В следующей части «Последние времена» автор повествует о «втором» пришествии Мессии, в роли которого выступает Виссарион. Также в этой части Е. П. Гнаук представляет концепцию исторического развития религиозной мысли и образа дьявола, согласно вероучению ЦПЗ. Третья часть книги – «Когда зажжется Вторая Луна» – посвящена картине Апокалипсиса, который, по мнению автора, представляет собой столкновение нашей планеты с кометой и вызванный этим столкновением потоп. Здесь же автор предлагает механизм спасения, который позволит пережить Апокалипсис: культовые действия ЦПЗ, а также мысленные операции с образом Земли и Божьей Матери [21].

В 2005 г. Е. П. Гнаук издает «Пособие по духовной медицине, или Как получить здоровье за 10 минут». Это «пособие» содержит более подробное описание внутренней исповеди, чем в последней части книги «Время Камней». Большая часть книги посвящена влиянию механизма спасения на физическое здоровье человека. В мае того же года автор выпустила брошюру «Механизм Спасения». В ней были отражены практические рекомендации по осуществлению культовых действий ЦПЗ.

В том же 2005 г. была издана электронная версия книги «Доклад президенту. Демографический кризис. Пути разрешения проблемы», где автор в духе вероучения ЦПЗ раскрывает причины демографического кризиса в Беларуси, Украине и России. Решение этой проблемы Е. П. Гнаук видит в осуществлении культовой деятельности ЦПЗ.

Весной 2011 г. Е. Гнаук направила в ряд министерств, комитетов и ведомств Беларуси брошюру «Особое мнение, или Обращение христианки», тираж которой составил 200 экземпляров [22]. Реакция на данную брошюру в различных государственных институтах была неоднозначна. Заместитель министра культуры Республики Беларусь Т. Стружецкий ответил Е. П. Гнаука следующим образом: «Министерство культуры выражает Вам благодарность за подаренную книгу “Особое мнение, или Обращение христианки”. Данное издание представляет интерес для любого человека, ищущего ответы на свои жизненные вопросы бытия и предназначения на Земле. Также экземпляр книги передан Национальной библиотеке Беларуси для открытого доступа читателям» [23].

А вот председатель КГБ Беларуси В. Зайцев отреагировал иначе: брошюра была опрaвлена в УКГБ по Брестской области для анализа. В августе 2011 г. заместитель начальника областного управления КГБ В. Езерский предоставил заключение, в котором брошюра была определена как «издание апологетического характера религиозной организации, относящейся к типу нетрадиционных культов (неокульт), известной под названием “Церковь Последнего Завета”» [23]. Пресс-служба УКГБ по Брестской области высказала следующее: «Свою книгу Елена Гнаука озаглавила как “Особое мнение, или Обращение христианки”. Но первое, на что после прочтения обратили внимание христиане, это практически полное отсутствие на страницах брошюры какого-либо упоминания об Иисусе Христе. В книге происходит знакомство с политикой, концом света, посланиями самопровозглашенного лжемессии Виссариона и даже некой “кармической ответственностью”, но только не Христом» [24]. Управление КГБ по Брестской области признало издание «содержащим призывы к экстремистской деятельности и пропаганду такой деятельности» [23]. Прокуратура Брестской области обратилась в суд Брестского района с иском «об установлении факта, имеющего юридическое значение» [23].

10 октября 2011 г. в Брестском районном суде состоялось предварительное слушание по данному делу, на котором Е. П. Гнаука настояла на экспертизе брошюры в Академии наук Республики Беларусь [23]. Был сделан запрос в Институт философии НАН РБ о стоимости научной экспертизы брошюры. В ответе Института философии НАН РБ значилась сумма 6 млн белорусских рублей (недоминированных). Оплатить экспертизу необходимо было Е. П. Гнаука, но она не смогла найти эту сумму, и 16 ноября Брестский районный суд постановил: «Признать книжное издание “Особое мнение, или Обращение христианки”, изданное в 2011 г. в Бресте, экстремистским материалом». Решение суда вступило в силу спустя 10 дней [24].

В 2014 г. Е. П. Гнаука отреагировала на военный конфликт в Украине, который был представлен в свете реализации плана развития демографического кризиса на территории Беларуси, Украины и России. Е. П. Гнаука подготовила электронную петицию, в которой призывала, реализовывая механизм спасения, «победить Зло... прекратить войну» [25]. Петиция набрала всего 18 подписантов и была закрыта.

С 2017 г. Елена Гнаука вела работу по реализации проекта создания полнометражного фильма «Механизм Спасения». Она вела сбор средств через электронные переводы, а также продажу рукописных копий брошюры «Механизм Спасения», изданной в 2005 г. [26]. Цена одной копии была 16 у. е. Также для сбора средств на фильм был создан проект на краудфандинговой интернет-платформе «Ulej.by». Бюджет фильма был указан в размере 30 000 BYN. За пожертвования на создание фильма предполагалось вознаграждение. Так, за 500 BYN предлагалось указать имя пожертвовавшего в титрах фильма, за 1 000 BYN Е. П. Гнаука обещала лично провести мастер-класс по механизму спасения, а за 3 000 BYN можно было получить роль в фильме. Однако проект не сумел привлечь финансовых средств и был закрыт 14 октября 2017 г. [27].

Православная церковь негативно относилась к ЦПЗ во все время ее существования: критические материалы размещались в частности на сайте pravoslavie.ru [28].

Заключение

Субъектами внекультовой деятельности ЦПЗ на территории Республики Беларусь в различные периоды были Виссарион вместе с приверженцами из других стран, семь общин и отдельные верующие ЦПЗ в Беларуси. На начальном этапе свою деятельность осуществляли Виссарион и его приверженцы из России и Украины. В резуль-

тате их деятельности в 1992 г. возникли общины в Гомеле, Бресте, Минске и Гродно, а в 1995 г. в Могилеве. Основным направлением деятельности Виссариона являлась миссионерская деятельность в форме выступлений и распространения литературы ЦПЗ. Данное направление деятельности продолжили созданные Виссарионом на территории Беларуси общины ЦПЗ, в частности в Мозыре и Жабинке.

После отказа в регистрации многие общины ЦПЗ на территории Беларуси потеряли определенную часть приверженцев и утратили организационные формы. С 1998 г. активную внекультовую деятельность осуществляли лишь отдельные верующие ЦПЗ, которая шла по следующим направлениям: создание вероучительной литературы, ее распространение, разработка культовых действий, отстаивание своих интересов в суде, создание мультимедийных форм распространения вероучения.

Наибольшее количество субъектов ЦПЗ осуществляли свою деятельность в период с 1992 по 1998 гг. В 1998 г. пресечена деятельность группы верующих Жабинки. На 2001 г. общины существовали лишь в Минске и Бресте. Первая ограничилась осуществлением культовой деятельности. В дальнейшем активность данных общин значительно снизилась, основная деятельность была перенесена на площадки сети Интернет.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Повествование от Вадима [Электронный ресурс] : в 13 т. – Т. 1 : в 28 ч. : в 31 гл. – Ч. 2, гл. 4. – Режим доступа: <http://slovo.vissarion.ru/slovo/vadim/vadim-2-4/>. – Дата доступа: 18.04.2020.
2. Гусева, Т. Земные откровения. Второе пришествие Христа по имени Виссарион? / Т. Гусева // Вечерний Брест. – 1992. – 14–20 авг. – С. 2.
3. Повествование от Вадима [Электронный ресурс] : в 13 т. – Т. 1 : в 28 ч. : в 31 гл. – Ч. 5, гл. 6. – Режим доступа: <http://slovo.vissarion.ru/slovo/vadim/vadim-5-6/>. – Дата доступа: 18.04.2020.
4. Дьяченко, О. В. Новые религиозные объединения / О. В. Дьяченко. – Мозырь : Белый ветер, 1998. – 151 с.
5. Лавринович, Н. Я, ты, он и Виссарион / Н. Лавринович // Брест. курьер. – 1995. – № 36. – С. 11.
6. Анализ религиозной обстановки в Брестской области на 1 января 1996 года // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 210. Оп. 1. Д. 344. Л. 13.
7. План мероприятий Брестского облисполкома по устранению влияния деструктивных сект на население области на 1997 г. // ГАБр. – Ф. 210. Оп. 1. Д. 347. Л. 37–38.
8. Пракопчык, Б. Транс у прыгожай «упакоўцы», альбо ўрокі аднаго набажэнства / Б. Пракопчык // Звезда. – 1998. – 3 лістап. – С. 7.
9. Повествование от Вадима [Электронный ресурс] : в 13 т. – Т. 1 : в 28 ч. : в 31 гл. – Ч. 6, гл. 9. – Режим доступа: <http://slovo.vissarion.ru/slovo/vadim/vadim-6-9/>. – Дата доступа: 18.04.2020.
10. Информация о выполнении плана мероприятий Кабинета министров Республики Беларусь по прекращению влияния деструктивных сект на население республики // ГАБр. – Ф. 210. Оп. 1. Д. 347. Л. 121.
11. Информация о работе по обеспечению исполнения законодательства о свободе вероисповеданий, религиозных организаций и национальных меньшинствах за 11 месяцев 1997 года // ГАБр. – Ф. 210. Оп. 1. Д. 350. Л. 115–119.

12. О противоправной миссионерской деятельности // ГАБр. – Ф. 210. Оп. 1. Д. 350. Л. 48.
13. О конфессиональной ситуации в области и выполнении законодательства о религиозных культах // ГАБр. – Ф. 210. Оп. 1. Д. 352. Л. 21–27.
14. О работе по обеспечению исполнения законодательства о свободе вероисповеданий, религиозных организациях и национальных общностях за 6 месяцев 1998 года // ГАБр. – Ф. 210. Оп. 1. Д. 352. Л. 79–81.
15. Письмо к заместителю председателя Жабинковского райисполкома А. А. Старицкому // ГАБр. – Ф. 210. Оп. 1. Д. 352. Л. 86.
16. О религиозной обстановке в Жабинковском районе // ГАБр. – Ф. 210. Оп. 1. Д. 370. Л. 48–49.
17. О деструктивных сектах и их влиянии на молодежь // ГАБр. – Ф. 210. Оп. 1. Д. 377. Л. 158.
18. Рыбаков, М. Л. Проблемы распространения новой религиозности в Беларуси / М. Л. Рыбаков // Новые книги. – 2002. – № 8. – 23 с.
19. Матяс, И. Братья по вере и неверию расплачиваются за ошибки своим разумом / И. Матяс // Белорус. газета. – 2001. – 12 нояб. – С. 21–22.
20. Гнаука, Е. П. Пособие по духовной медицине, или Как получить здоровье за... 10 минут / Е. П. Гнаука. – Брест : Брест. тип., 2005. – 48 с.
21. Публикации [Электронный ресурс] // Персональный сайт Елены Гнаука. – Режим доступа: <http://egnauhk.narod.ru/publik.htm>. – Дата доступа: 19.04.2020.
22. За «Особое мнение» автора брошюры вызвали в суд [Электронный ресурс] // 21.by. – Режим доступа: <https://news.21.by/politics/2011/10/19/391608.html>. – Дата доступа: 21.03.2020.
23. Шапран, Ю. За «Особое мнение» автора брошюры вызвали в суд [Электронный ресурс] / Ю. Шапран // Брест. курьер. – Режим доступа: <http://www.bk-brest.by/2011/10/2612/>. – Дата доступа: 20.03.2020.
24. Шапран, Ю. Особое мнение – в «черном» списке. Несмотря на запрет книжного издания, его автор благодарен КГБ [Электронный ресурс] / Ю. Шапран // Брест. курьер. – Режим доступа: <http://www.bk-brest.by/2011/11/2788/>. – Дата доступа: 20.03.2020.
25. Гнаука, Е. Мы просим простить нас... [Электронный ресурс] / Е. Гнаука // Глобальная платформа для ваших кампаний. – Режим доступа: <https://www.change.org/p/мы-просим-простить-нас>. – Дата доступа: 20.04.2020.
26. Объявление о механизме спасения [Электронный доступ] // Google Документы. – Режим доступа: https://docs.google.com/document/d/1jluWU-VTBmvV_09Rwn-EumJCahMFEQbZgIo6254uYSZU/edit#. – Дата доступа: 20.04.2020.
27. Механизм спасения [Электронный доступ] // Улей. – Режим доступа: <https://ulej.by/projects/13829>. – Дата доступа: 21.04.2020.
28. Польшинский, А. Кто такой Виссарион. Российского лжехриста финансируют из США [Электронный ресурс] / А. Польшинский. – Сретенский монастырь, 2000. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20060308000809/>; http://www.pravoslavie.ru/jurnal/society/viss_sekt.htm. – Дата доступа: 06.11.2020.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.12.2020

УДК 94(476)

Александр Николаевич Свирид

канд. ист. наук, доц., доц. каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Aleksandr Svirid

PhD in History, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History of Slavic Peoples
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: raven_raven@mail.ru

РАЗВИТИЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В МАЛОРИТСКОЙ, ВЕЛИКОРИТСКОЙ И ОЛТУШСКОЙ ГМИНАХ (1921–1939 гг.)

Межвоенная Польша позиционировала себя как правовое государство с демократическими институтами. Постепенно была налажена работа местного самоуправления. Его роль играли «рады» – гминные советы. Несмотря на определенное желание со стороны административной власти влиять на работу местного самоуправления, население Малоритчины жило насыщенной социальной жизнью, активно принимало участие в обсуждении и решении интересующих его насущных вопросов.

Development of Local Self-Government in Malorita, Velikorita and Oltushs Communes (1921–1939)

Interwar Poland has positioned itself as a legal democratic gosudartsva institute. Gradually, the work of local self-government was established. His role was played by the municipal councils, which were called «happy». Despite a certain desire on the part of the administrative authorities to influence the life of local self-government, the population of Maloritchina lived a rich social life, actively participated in the discussion and solution of pressing issues of interest to them.

Введение

В 1921 г. по условиям Рижского мирного договора территория Западной Беларуси вошла в состав польского государства. 4 февраля 1921 г. было образовано Полесское воеводство. В его состав входил и Брестский повет, в котором Малорита, Великорита и Олтуш были центрами гмин. Боевые действия и связанное с ними фактическое прекращение функционирования российских довоенных органов власти и замирание экономической деятельности поставили вопрос строительства нового государственного управления и развития торговли, промышленности и сельского хозяйства в новых условиях. Составной и органичной частью внутренней политики польских властей на территории Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин в период нахождения их в составе Второй Речи Посполитой было развитие местного самоуправления.

Цель статьи – на основе анализа документов Государственного архива Брестской области рассмотреть историю возникновения и проанализировать развитие местного самоуправления на территории Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин в период нахождения в составе Второй Речи Посполитой территории Западной Беларуси, которая вошла в состав Польского государства в 1921 г. по условиям Рижского мирного договора и находилась в нем до событий начала Второй мировой войны 1939 г.

Межвоенная Польша позиционировала себя как правовое государство с демократическими институтами. Постепенно была налажена работа местного самоуправления. Его роль играли гминные советы, которые назывались «рады».

Польские власти приступили к созданию органов местного самоуправления на территории Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин далеко не сразу после начала своей институализации. Точную дату начала работы органов местного самоуправления в этом регионе в процессе исследования выяснить не удалось, но известно, что в 1930–1931 г. в состав рады Малоритской гмины входили: Ян Зельняк (учитель из д. Карч), Антон Бергман (торговец из осады Малорита), Ян Дворак (крестьянин-ремесленник из д. Лаховцы), Янкель Коренбаум (из осады Малорита), Василий Струнец (крестьянин из д. Малорита), Ян Вишневский (крестьянин из колонии Янувек), Бронислав Ушицкий (землевладелец из имения Карпин), Франтишек Голус (крестьянин из колонии Карч), Матвей Коробейко (крестьянин из д. Замшаны), Игнат Баран (крестьянин из д. Карч).

Эта рада гмины избрала войтом Малориты Станислава Рышковского, крестьянина из колонии Дубовый Круг (вероятно, это был один из польских переселенцев-осадников), заместителем – Кондрата Струнца, крестьянина из д. Малорита. Членом правления гмины был избран Тадеуш Смаль, крестьянин из Малориты [1, л. 9].

В 1930–1931 гг. войтами деревень и осад Малоритской гмины были: Ян Лесняк (колония Янувек), Ян Голус (колония Карч), Ян Курдюк (д. Лаховцы), Абрам Фелькельштейн (осада Малорита), Мефодий Хомич (д. Малорита), Федор Кивачук (д. Мельники), Василь Хомич (д. Збураж), Тимофей Завадский (д. Осово) [1, л. 1].

В августе 1927 г. в состав Великоритской рады входили: Александр Залевский, Никита Абрамук, Михаил Якимук, Илья Савчук, Савва Савчук, Григорий Корольчук, Абрам Фишман, Якуб Лавренюк, Шимон Луцук, Стефан Вошула.

На заседании 2 августа 1927 г. в присутствии Брестского поветового старосты выбирали войта. Кандидатами на должность были выдвинуты Феликс Богушевский, Илья Савчук, Якуб Лавренюк, Савва Шевчук. Рада избрала Илью Савчука, но поветовый староста отказался утвердить его кандидатуру и прервал заседание [2, л. 1]. Этот пример красноречиво свидетельствует, что роль местного самоуправления была скорее формальной и оно находилось под контролем административной власти. После этого случая были выдвинуты новые кандидаты – Феликс Богушевский и Якуб Лавренюк. В результате голосования три человека проголосовали за Феликса Богушевского, а семь за Якуба Лавренюка, который и был избран войтом. Его заместителем баллотировался Павел Резанко, которому не было 25 лет, и староста снова отказался утвердить его кандидатуру, предложив выдвинуть других претендентов. Во второй раз рада выдвинула Стефана Романюка и Григория Корольчука. Оба получили на голосовании по пять голосов и тянули жребий, в результате которого Григорий Корольчук победил. После выборов избранные давали присягу перед старостой [2, л. 1, 2].

Что касается полномочий рады, то сохранившиеся протоколы ее заседаний отражают прежде всего ее финансовую деятельность, связанную с введением новых налогов и освоением средств.

На 1929/30 финансовый год Великоритская рада приняла дополнительный бюджет в связи со строительством здания гмины. За 1928/29 г. не было использовано 4 226 злотых 46 грошей, выделенных на строительство. Превышение бюджета за 1928/29 г. составило 2 900 злотых 48 грошей. Рада постановила на 1929/30 г. выделить на строительство 6 426 злотых 46 грошей, из которых 4 226 злотых 46 грошей были остатком с предыдущего года, а 2 200 злотых – из превышения бюджета. 100 злотых из превышения в соответствии с письмом старосты было отправлено на Виленщину [3, л. 1]. В 1931 г. возврат суммы на строительство составил 2 900 злотых [3, л. 10].

Другим направлением деятельности рады Великоритской гмины было строительство начальной школы. Для этой цели было выделено в 1930 г. 2 500 злотых [3, л. 6]. В 1931 г. было выделено на школу еще 5 530 злотых и дополнительно на ремонт школьного здания – 2 500 злотых, на ограждение школы – 512 злотых, обогрев школы – 1 872 злотых, освещение школы – 264 злотых, зарплату школьных сторожей – 4 260 злотых, поддержание порядка в школе – 520 злотых, школьное оборудование для обучения – 520 злотых, канцелярские расходы – 230 злотых, школьную корреспонденцию – 350 злотых, школьную библиотеку – 350 злотых, организацию школьных мероприятий и елок – 480 злотых, книги для бедных учеников – 500 злотых [3, л. 10об.].

В 1930 г. рада установила нормы восьмичасовых отработок на строительство дорог. Для этой цели привлекались люди в период с 1 мая до 1 июля и с 1 октября до 1 декабря каждого года [3, л. 8об., 9].

На 1930/31 финансовый год Великоритская рада установила размер зарплат для служащих лиц: войт – 2 546 злотых, заместитель войта – 300 злотых, секретарь – 150 злотых, солтыс – 2 460 злотых, писарь – 3 933 злотых, помощник писаря – 2 568 злотых, бухгалтер – 2 927 злотых, дворник – 1 080 злотых, сторож – 600 злотых. На больничные листы служащим было выделено 620 злотых, на ремонт – 150 злотых, обогрев и освещение – 950 злотых, поддержание порядка – 50 злотых, установку забора – 120 злотых, письменные материалы – 650 злотых, почту и телефон – 800 злотых, нумерацию документов и библиотеку – 450 злотых, мебель – 100 злотых, содержание конной почты – 3 000 злотых, командировочные – 400 злотых, военный сбор – 100 злотых, премиальный и наградной фонд – 800 злотых, ограждение гминного управления в Великорите и Мокранах – 350 злотых.

Имелись и другие социальные расходы: содержание библиотеки – 150 злотых, зарплата фельдшеру-акушеру – 2 400 злотых, расходы на прививки от заразных болезней – 200 злотых, дезинфекция – 50 злотых, содержание амбулатории – 500 злотых, углубление рвов – 650 злотых, мероприятия по физическому воспитанию – 200 злотых, опека сирот – 700 злотых, опека убогих – 600 злотых, помощь бедным – 500 злотых, расходы на просвещение крестьян – 1 500 злотых, содержание торговой площади – 800 злотых, паспортизация животных – 600 злотых, прививки животным – 1 000 злотых, погребение павших животных – 200 злотых, поддержка народных промыслов – 100 злотых, содержание арестантов – 70 злотых, пожарная охрана – 1 050 злотых, содержание поветового инструктора пожарной охраны – 150 злотых [3, л. 10об.].

27 января 1933 г. рада Великоритской гмины приняла решение брать налог за пользование торговой площадью с жителей Мокран и Великориты в ярмарочные дни. Налог взимали за ввод животных на торги: с коня – 40 грошей; вола, коровы, свиньи – 30 грошей; теленка, овцы, поросенка, телки – 15 грошей; фурманки одноконной – 15 грошей, фурманки двуконной – 25 грошей. Кроме того, с каждого торгового места брался налог в 1 злотый. В этот же день 27 января 1933 г. рада постановила брать оплату за все выданные солтысом свидетельства о местном происхождении животных: за коня до четырех лет – 50 грошей, за вола и корову старше двух лет – 30 грошей, за свинью старше шести месяцев – 30 грошей, за мелких животных (овцу, козу, барана, поросенка, теленка) – 15 грошей [2, л. 2, 3].

В Государственном архиве Брестской области обнаружены документы, свидетельствующие, что по крайней мере в некоторых деревнях было организовано местное самоуправление. Примером может служить деревня Мельники.

18 февраля 1921 г. в Мельниках состоялись выборы солтыса. Жители избрали его самостоятельно. Было выдвинуто пять кандидатов: Михаил Кивачук, Павел Кивачук, Назар Забур, Захар Кивачук, Кирилл Савчук. В результате голосования голоса распределились таким образом: Михаил Кивачук получил 31 голос, Павел Кивачук – 52, Назар Забур – 12, Захар Кивачук – 46, Кирилл Савчук – 59. Таким образом, войтом деревни стал Кирилл Савчук. На этом же собрании избрали его заместителя. Кандидатами на должность заместителя солтыса были выдвинуты Захар Кивачук, Филипп Кивачук, Павел Кивачук. В результате голосования Захар Кивачук набрал 54 голоса, Филипп Кивачук – 28, Павел Кивачук – 12. Соответственно, по результатам голосования заместителем солтыса стал Захар Кивачук.

В собрании жителей 5 февраля 1926 г. приняло участие 60 человек. Собрание отметило, что с 1914 г. в связи с войной закрылась школа, и дети не обучаются. Собрание попросило помощи у гминного управления в организации обучения письму и языку в Мельниках, и впоследствии эта просьба была удовлетворена.

18 марта 1926 г. состоялось очередное собрание жителей д. Мельники. Присутствовало 65 человек, имевших право голоса. Главной целью собрания был выбор двух уполномоченных, которые должны были отстаивать право на то, чтобы вся покупаемая земля в первую очередь продавалась жителям деревни. Такими уполномоченными выбрали Никиту Савчука и Моисея Сергеевича Кивачука.

Документы архива позволяют проследить, как менялась культура составления протокола, формировалась повестка дня, рос общий уровень социальной культуры. 9 сентября 1927 г. состоялось собрание собственников, купивших землю в имении Карч. Под председательством солтыса Кирилла Савчука присутствовало 60 человек. Первым вопросом повестки дня был выбор пяти уполномоченных для подписания самого протокола собрания. Выбрали Григория Бурштына, Карпа Мирчука, Федора Кравчука, Максима Явчука, Михаила Кивачука.

Вторым вопросом повестки дня был выбор уполномоченного общины для проведения общественных дел. Как кандидаты были выдвинуты: Кирилл Савчук, Федот Кивачук, Михаил Кивачук, Филипп Иванович Кивачук, Константин Хотынюк, Федор Васильевич Солоп. После общего голосования и подведения итогов голоса распределились следующим образом: Кирилл Савчук получил 9 голосов, Федот Кивачук – 26, Михаил Кивачук – 26, Филипп Иванович Кивачук – 22, Константин Хотынюк – 1, Федор Васильевич Солоп – 30. Поскольку Федот Кивачук и Михаил Кивачук получили одинаковое количество голосов, было принято решение проголосовать повторно. В результате повторного голосования Федор Кивачук получил 25 голосов, Михаил Кивачук – 27. По общему результату были избраны Федор Солоп и Михаил Кивачук.

Третьим вопросом было избрание лесного сторожа. Им был избран Никодим Пищик. Четвертым вопросом была комасация земель. Собрание единогласно проголосовало за преобразование земельного фонда, и для дальнейшего развития этого дела избрали Исаака Сергеевича Кивачука, Никодима Пищика и Филиппа Гордеевича Кивачука. В соответствующую поветовую службу было подано прошение о комасации.

2 февраля 1928 г. состоялось новое собрание, на котором присутствовало 70 человек. Собрание избрало нового лесного сторожа вместо Никодима Пищика. Им стал Дмитрий Кивачук, которому было 50 лет. Участники собрания внимательно относились к процедуре и избрали уполномоченных к подписанию протокола, что было вынесено отдельной повесткой дня. Для подписания избрали Григория Бурштына, Андрея Кивачука, Яна Симонюка, Кирилла Савчука, Федора Солопа.

21 февраля 1928 г. снова состоялось собрание, на котором присутствовало 60 человек. Председательствовал солтыс Стефан Мирчук. В повестке дня был выбор новых уполномоченных для проведения дел гмины. Кандидатами были выдвинуты Макар Якимович Кивачук, Филипп Иванович Кивачук, Мелентий Иванович Мирчук, Созон Михайлович Кивачук, Федор Сидорович Ёлоп, Михаил Сидорович Кивачук, Карп Афанасьевич Мирчук. Итоги голосования были следующими: Макар Якимович Кивачук получил 14 голосов, Филипп Иванович Кивачук – 13, Мелентий Иванович Мирчук – 7, Созон Михайлович Кивачук – 25, Федор Сидорович Ёлоп – 0, Михаил Сидорович Кивачук – 12, Карп Афанасьевич Мирчук – 18. По результатам голосования избрали Созона Кивачука и Карпа Мирчука. Отдельным пунктом повестки дня был выбор уполномоченных для подписания протокола. Для этой функции избрали Филиппа Кивачука, Антона Кивачука, Дмитрия Кивачука, Константина Кивачука, Сергея Власюка.

28 февраля 1928 г. жители деревни Мельники были вынуждены снова собраться по вопросу выборов солтыса и его заместителя. На это собрание приехал заместитель войта Малоритской гмины Кондрат Струнец. Собрание проходило в здании школы, но не было признано правомочным по причине отсутствия кворума. Тот факт, что на это собрание не явились действующий солтыс и его заместитель, возможно, свидетельствует о том, что местное население не хотело нового солтыса, навязываемого со стороны. Собрание было назначено на 17 часов, в 18 часов 20 минут собралось 52 человека. Но действующий солтыс так и не явился. Поскольку кворума не набрался, нового солтыса не избрали. Как свидетели протокол подписали Павел Кивачук и Никодим Пищик.

Следующее собрание прошло 13 мая 1928 г. На нем под председательством солтыса Стефана Мирчука присутствовало 67 человек. Собрание открылось в 18 часов. В повестке дня были выборы десятского, ночного деревенского сторожа и уполномоченных общины для решения земельных и других вопросов. На должность десятского были выдвинуты Сидор Кивачук, Григорий Киричук, Казик Каленик. Результаты голосования были следующими: Сидор Кивачук получил 43 голоса, Григорий Киричук – 3, Казик Каленик – 5. По результатам голосования избрали Сидора Кивачука.

На должность ночного деревенского сторожа были выдвинуты кандидаты: Григорий Киричук, Никодим Пищик, Казик Каленюк. Большинством в 31 голос был избран Никодим Пищик. Уполномоченными от деревни оставили Михаила Кивачука и Федора Солопа, которые выполняли эту функцию ранее. Для подписания протокола избрали Григория Бурштына, Андрея Кивачука, Филиппа Кивачука, Федора Кивачука.

30 января 1929 г. состоялось новое собрание, на которое из 136 пришли 100 человек. Такая высокая явка была обусловлена важностью рассматриваемого вопроса. Речь о перераспределении участка земли, который граничил с востока с землей Осафата Кивачука, с запада – с рекой, с севера – с дорогой, с юга – с болотом. Участок имел площадь 360 м² пахотной земли и еще 1 140 м² было занято под огороды. Но ситуацию осложняло то обстоятельство, что на этой территории стоял школьный дом.

6 февраля 1929 г. состоялось очередное собрание, на котором 50 голосами солтысом избрали Федора Иоакимовича Кивачука (48 лет, грамотный, православный, владеющий 20 десятинами земли). Его заместителем был избран Филипп Иванович Кивачук (30 лет, грамотный, православный). На должность пожарника деревни избрали Константина Хотынюка. Юзефа Антоновича Кивачука избрали десятским, Григория Аврамовича Алексеюка – сторожем леса с заработной платой 25 злотых ежемесячно.

12 марта 1929 г. состоялось собрание, на котором из 136 присутствовали 109 человек. Такой большой интерес вызвал уже поднимавшийся вопрос о судьбе участка

земли со школьным зданием. Было принято решение отказаться от владения этим участком по причине неплатежеспособности.

Очередное собрание состоялось 8 декабря 1929 г. Присутствовали 81 человек, которые единогласно постановили принять положение о регуляции дороги.

1 февраля 1930 г. снова состоялось собрание, на которое пришли 53 из 136 имеющих право принимать участие в его работе. Несмотря на важные вопросы (выборы солтыса и его заместителя) общественность не проявила особого интереса к решению собрания. В результате голосования солтысом избрали Федора Вакульчика (25 лет), а его заместителем – Григория Бурштына (35 лет).

Собрание 9 января 1930 г. рассматривало земельные вопросы. Уполномоченным от деревни для их решения единогласно выбрали Моисея Сергеевича Кивачука (55 лет), а также Мелентия Ивановича Мирчука (32 года), Федора Иосифовича Кивачука (30 лет), Юзефата Моисеевича Кивачука (60 лет).

2 марта 1930 г. состоялось собрание (присутствовали 87 человек), на котором выбирали солтыса. По результатам голосования жители единогласно избрали Андрея Матвеевича Савчука (44 года, грамотного, православного, владеющего 1,9 десятинами земли).

Следующее собрание состоялось 10 марта 1930 г. 30 человек постановили: разрешить выпас коней в урочище Континовка и выделить премию ночной страже для закупки касок. 25 июня 1930 г. 82 человека избрали уполномоченным от общины Тимофея Козика. На собрании 18 февраля 1931 г. присутствовали 33 человека из 161. Рассматривался вопрос землепользования: решался спор между жителями деревни Мельники и имения Карч.

28 февраля 1931 г. 73 человека выбирали в Мельниках солтыса и его заместителя. На должность солтыса были выдвинуты Антон Савчук, Данила Кивачук, Михаил Кивачук, Филипп Пинчук, Савва Кивачук, Федор Солоп, Федор Кивачук, Павел Мирчук, Шымон Савчук, Антоний Кивачук. В результате голосования Антон Савчук получил 27 голосов «за», 59 «против», Данила Кивачук – 52 «за», 38 «против», Михаил Кивачук – 52 «за», 23 «против», Филипп Пинчук – 22 «за», 57 «против», Савва Кивачук – 8 «за», 57 «против», Федор Кивачук – 5 «за», 57 «против», Павел Мирчук – 5 «за», 64 «против», Шымон Савчук – 5 «за», 67 «против», Антоний Кивачук – 27 «за», 49 «против». Результатов Федора Солопа в протоколе нет. Возможно, он снял свою кандидатуру или это ошибка составителей протокола. В протоколе особо выделен Михаил Кивачук, вероятно, его избрали солтысом.

На должность заместителя солтыса были выдвинуты Назар Солоп, Филипп Кивачук, Савва Кивачук, Павел Мирчук. В результате голосования голоса распределились следующим образом: Назар Солоп – 25 голосов «за», 39 «против», Филипп Кивачук – 24 «за», 43 «против», Савва Кивачук – 6 «за», 61 «против», Павел Мирчук – 68 «за», 22 «против», который и был избран [4, л. 1об, 2–22об.].

В декабре 1938 г. жители д. Замшаны Петр Середа и Стефан Тарасюк обратились с жалобой на процедуру проведения выборов в местный общественный совет (раду громадскую). С жалобой разбирался Председатель общественной избирательной комиссии Онисим Наумчик, который 3 декабря 1938 г. выяснил следующее: «29 ноября 1938 г. Петр Середа и Стефан Тарасюк составили лист кандидатов в члены рады громадской. Онисим Наумчик принял эти списки, но затем 1 декабря 1938 г. на заседании общественной комиссии рассмотрели, соответствуют ли поданные списки статьям 21–23 закона о выборах в общественные советы (рады) и пришли к вводу, что нет. Списки содержали 16 кандидатов, а должны были содержать 32, потому что община в Замшанах

выбирала 16 членов совета и 16 их заместителей. Об этом было сказано Петру Серede, но он не только не захотел уточнить списки, но и стал настаивать на своей правоте, после чего стал угрожать старостой и выбежал из здания. Новые списки представлены не были» [5, л. 8об.]. Этот список сохранился. В его состав вошли:

1. Михаил Хотынюк, 36 лет, сын Петра и Варвары;
2. Григорий Наумчик, 42 года, сын Максима и Анны;
3. Шымон Коробейко, 36 лет, сын Александра и Стефании;
4. Остап Злукла, 52 года, сын Адама и Марии;
5. Василь Волчик, 39 лет, сын Трофима и Федосии;
6. Демид Ухал, 28 лет, сын Артемия и Дарьи;
7. Филипп Сацюк, 51 год, сын Томаша и Елены;
8. Макар Хотынюк, 50 лет, сын Григория и Стефании;
9. Игнатий Ухал, 42 года, сын Карпа и Параски;
10. Лукаш Злукла, 49 лет, сын Адама и Марии;
11. Василий Хотынюк, 52 года, сын Игнатия и Параски;
12. Николай Хильчук, 44 года, сын Назара и Марии;
13. Дмитрий Борсук, 34 года, сын Василия и Доминики;
14. Филипп Ухал, 39 лет, сын Назара и Марии;
15. Стефан Тарасюк, 29 лет, сын Шымона и Анны;
16. Стефан Тарасюк, 50 лет, сын Власа и Елены [5, л. 10].

Заклучение

Польские власти приступили к созданию органов местного самоуправления на территории Малоритской, Великоритской и Олтушской гмин далеко не сразу после начала своей институализации. Приведенные выше примеры красноречиво говорят о том, что, несмотря на определенное желание со стороны административной власти влиять на работу местного самоуправления, население Малоритчины жило насыщенной социальной жизнью, активно принимало участие в обсуждении и решении интересующих его насущных вопросов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Описание Малоритской гмины // Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 2. Оп. 1. Д. 1248. Л. 1–40.
2. Протоколы и выписки из заседаний гминной рады // ГАБр. – Ф. 23. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–5.
3. Протоколы и выписки из заседаний гминной рады // ГАБр. – Ф. 23, Оп. 1. Д. 18. Л. 1–72.
4. Протоколы собраний жителей деревни Мельники // ГАБр. – Ф. 10. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–50.
5. Жалобы граждан деревни Осово Малоритской гмины и переписки с Громадской избирательной комиссией о неправильном проведении выборов в громадскую раду, приложения протоколов опросов свидетелей // ГАБр. – Ф. 2. Оп. 3. Д. 524. Л. 1–10.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.12.2020

УДК 373.2

Татьяна Васильевна Александрович¹, Алеся Леонидовна Евтух²

¹канд. пед. наук, доц., доц. каф. специальных педагогических дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²магистр пед. наук, преподаватель Пинского колледжа
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Tatiana Alexandrovich¹, Alesya Yevtukh²

¹Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Special Pedagogical Disciplines
of Brest State A. S. Pushkin University

²Master of Pedagogical Sciences, Teacher of Pinsk College
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: ¹Talex1965@mail.ru; ²alesya.navarich.1988@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ В ДОШКОЛЬНОМ ОНТОГЕНЕЗЕ

Обоснована необходимость развития творческих способностей личности на ранних этапах онтогенеза; определены сущностные характеристики креативности, выделены особенности ее развития в дошкольном онтогенезе. Дается краткое описание диагностических методик, представлены результаты констатирующего этапа педагогического эксперимента, содержание формирующего этапа опытно-экспериментальной деятельности и результаты реализации программы развития креативности у детей старшего дошкольного возраста средствами музыкального фольклора.

Research of the Problem of Creativity Development in Preschool Ontogenesis

The article substantiates the need for the development of creative abilities of the individual at the early stages of ontogenesis; defines the essential characteristics of creativity, highlights the features of its development in preschool ontogenesis. Brief description of the diagnostic methods, the results of ascertaining phase of the pedagogical experiment, the content of the formative stage of experimental activities and results of the program of development of creativity of children of senior preschool age by means of folk music.

Введение

В современных условиях модернизации образования ставится задача развития у обучающихся всех возрастов ключевых компетенций, среди которых называется креативность. Понятие «креативность» (от лат. creatio ‘созидание’) буквально понимается как общая способность к творчеству. Это способность человека порождать необычные идеи, находить оригинальные решения, отклоняться от традиционных схем мышления. Творческие способности человека являются его важнейшей личностной характеристикой, существенной частью его интеллекта, а воспитание творческой личности – одной из важнейших задач современного образования.

Творческий путь начинается с детства. С точки зрения психологии дошкольное детство является как раз тем периодом, когда происходит развитие творческих способностей. В этом возрасте дети очень любопытны, у них имеется огромное желание узнавать мир вокруг себя. Именно этот возраст сензитивен для развития образного мышления и воображения – психических процессов, которые составляют основу для развития способности к творчеству.

Гуманистическая парадигма современной педагогики опирается на тезис: задатки способностей к творчеству присущи любому человеку. Креативность как общая универсальная творческая способность проявляется и реализуется в процессе творческой

деятельности в виде готового продукта (материального или духовного). Для развития креативности важно найти способы и средства решения новых задач, требующих нетрадиционного подхода. В качестве такого средства в данном исследовании выступает музыкальный фольклор, т. е. народное музыкальное искусство. По своей природе музыкальный фольклор многообразен и включает в себя песни, хороводы, колыбельные, колядки, частушки, игру на народных инструментах, всевозможные обряды и танцы. Музыкальный фольклор передается из поколения в поколение, имеет огромную духовную силу и большую воспитательную и развивающую ценность.

Таким образом, потребность общества в творческой личности и недостаточная методическая разработанность развития креативности на ранних этапах возрастного развития определили цель данного исследования – теоретически обосновать и разработать методическое обеспечение развития креативности в дошкольном онтогенезе средствами музыкального фольклора.

Особенности развития креативности в дошкольном онтогенезе

Креативность – сложное личностное образование, характеризующееся множественностью интерпретаций и сущностных характеристик. Дж. Гилфорд креативность рассматривает как психический процесс, а именно как дивергентное мышление, отличительной особенностью которого является разнонаправленность и вариативность поиска разных, в равной мере правильных решений относительно одной и той же ситуации. Дивергентный способ мышления лежит в основе творческого мышления, которое характеризуется следующими основными особенностями: *быстрота* – способность высказывать максимальное количество идей; *гибкость* – способность высказывать широкое многообразие идей; *оригинальность* – способность порождать новые нестандартные идеи; *законченность* – способность совершенствовать свой «продукт» или придавать ему законченный вид. Дивергентное мышление, как полагал Дж. Гилфорд, определяет творческие достижения, так как допускает варьирование путей решения проблемы, приводит к неожиданным выводам и результатам, а интеллект (конвергентное мышление) обеспечивает успешность понимания и усвоения нового [6, с. 162].

М. А. Холодная рассматривает креативность в узком и широком значении. Креативность в узком понимании – это дивергентное мышление (точнее, операции дивергентной продуктивности, по Дж. Гилфорду). Креативность в широком смысле слова – это творческие интеллектуальные способности, в т. ч. способность приносить нечто новое в опыт; способность порождать оригинальные идеи в условиях разрешения и постановки новых проблем; способность осознавать проблемы и противоречия, а также формулировать гипотезы относительно недостающих элементов ситуации; способность отказываться от стереотипных способов мышления [10].

Существует большое количество теоретических концепций, исследующих процесс возникновения и развития креативности. Так, например, Н. Ньюман, Л. И. Полтавцева и др., изучавшие наследственные доминанты креативности, полагают, что в основе общих способностей лежат свойства нервной системы (задатки). Сторонники средового подхода развития креативности (В. Н. Дружинин, Е. П. Торренс) считают, что развитие креативности не определяется генетически, а характер культуры влияет на тип креативности и процесс ее развития. Среда, где, с одной стороны, есть внимание к ребенку, а с другой – к нему предъявляются различные несогласованные требования, где невелик внешний контроль за поведением, где есть творческие члены семьи и поощряется нестереотипное поведение, приводит к развитию креативности у детей [4; 6].

На разной возрастной ступени креативность имеет свою специфику. В работах В. Н. Дружинина подчеркивается, что развитие творческой способности, не специализированной по отношению к определенной области человеческой жизнедеятельности, наиболее успешно протекает в 3–5 лет [4]. Однако, как отмечает Е. И. Николаева, для социализации ребенку нужно «пожертвовать» собственной уникальностью. Процент оригинальных ответов в 4 года отмечается у 50 % детей, число их снижается в два раза в начале посещения школы [8].

Д. Б. Богоявленская рассматривает креативность через категорию «интеллектуальная активность» и выделяет два уровня креативности – эвристический и креативный. Эвристический уровень исследователь характеризует как проявление активности человека, который имеет способ решения, но продолжает анализ, что приводит его к открытию новых способов решения. Креативный уровень – самостоятельно найденная эмпирическая закономерность не используется как прием решения, а выступает в качестве новой проблемы. По ее мнению, нижняя возрастная граница первого, эвристического уровня приходится на дошкольный возраст [2].

В исследованиях В. Н. Дружинина, Н. В. Хазратовой обнаружено, что повышение креативности не является поступенчатым и однонаправленным, вслед за существенным повышением креативности можно видеть ее снижение [4]. К такому же выводу приходит и Д. Б. Богоявленская, утверждая: становление творческих способностей не идет линейно, а имеет в своем развитии два пика: наиболее яркий всплеск их проявления отмечается к 3 классу (возраст 10 лет), а второй приходится на юношеский возраст [2].

Исследователи проблем творческого развития личности на этапах дошкольного онтогенеза (С. Т. Кудрявцев, Н. Н. Поддьяков и др.) отмечают, что наиболее общей характеристикой и структурным компонентом творческой личности ребенка-дошкольника является познавательная мотивация, составляющая психологическую основу высокой исследовательской мотивации. Доминирующая познавательная мотивация выражается в форме исследовательской активности и проявляется в более низких порогах чувствительности к новизне ситуации, любознательности, высокой избирательности ребенка по отношению к исследуемому новому. По мере творческого развития ребенка к 5–6 годам основным структурным компонентом творческой личности ребенка становится проблематичность – «постановка субъектом системы вопросов, системы проблемно-творческих задач, которые направляют мышление на наиболее важные стороны исследуемого объекта и обеспечивают постоянную открытость ребенка новому». Проявлением проблематичности является поиск несоответствий и противоречий, собственная постановка новых вопросов и проблем, а также настойчивость, склонность к рискованным действиям, преобразованиям. Креативность дошкольника динамична, она не является чем-то статичным, неизменным. Каждый ее структурный компонент находится в процессе становления, развития. Все они сформированы в разной степени, поэтому их проявления весьма индивидуальны [7; 9]. И. Я. Лернер особенности креативности в дошкольном онтогенезе раскрывает через творческое мышление, которое характеризуется способностью переноса знаний и умений в новую ситуацию, видением новой проблемы в знакомой и нестандартной ситуациях, способностью к альтернативному решению, комбинированием ранее известных способов деятельности в новый и т. д. [5].

В качестве критериев креативности ребенка-дошкольника В. Т. Кудрявцев и В. В. Синельников выделяют следующие параметры:

1) *реализм воображения* – образное схватывание некоторой существенной, общей тенденции или закономерности развития целостного объекта до того, как человек имеет о ней четкое понятие и может вписать ее в систему строгих логических категорий;

2) *умение видеть целое раньше частей*;

3) *надситуативно-преобразовательный характер творческих решений* – способность при решении проблемы не просто выбирать из навязанных извне альтернатив, а самостоятельно создавать альтернативу;

4) *экспериментирование* – способность сознательно и целенаправленно создавать условия, в которых предметы наиболее выпукло обнаруживают свою структуру в необычных ситуациях, сущность, а также способность проследить и проанализировать особенности «поведения» предметов в этих условиях [7, с. 62–66].

Организация и результаты экспериментального исследования по развитию креативности в дошкольном онтогенезе средствами музыкального фольклора

Экспериментальное исследование по проблеме развития креативности у детей старшего дошкольного возраста средствами музыкального фольклора проводилось в ГУО «Ясли-сад № 10 г. Лунина» и ГУО «Ясли-сад № 74 г. Бреста». Выборку составили 50 дошкольников: экспериментальная (ЭГ) и контрольная группа (КГ) – по 25 детей.

Разделяя мнение многих исследователей о том, что основными ориентирами при диагностике и развитии креативности в дошкольном возрасте являются продуктивность (беглость мышления), оригинальность мышления, гибкость мышления, разработанность (способность разрабатывать идею), а также творческое применение, в качестве диагностического инструментария нашего исследования мы использовали следующие методы и методики:

1) тесты «Творческое мышление» Е. П. Торренса в модификации Е. Е. Туник, Т. А. Барышевой, состоящие из 7 субтестов: «Необычное использование», «Заключения», «Слова», «Словесная ассоциация», «Изображения», «Эскизы», «Спрятанная форма»;

2) методика «Солнце в комнате» В. Б. Синельникова и В. Т. Кудрявцева;

3) «Тест идей Шмидта»: придумайте как можно больше фраз, в которых слова начинаются с букв: Б..., У..., Л..., Б...;

4) методика «Что может быть одновременно» Т. Д. Марцинковской [6; 7].

На основе теоретического анализа научно-методической литературы были выделены три уровня развития креативности у детей старшего дошкольного возраста:

1. *Собственно творческий (высокий уровень)*. Дети проявляют инициативность и самостоятельность принимаемых решений, у них выработана привычка к свободному самовыражению; демонстрируют наблюдательность, сообразительность, творческое воображение, высокая скорость мышления; создают свое, новое, оригинальное, не похожее ни на что другое; находят выразительные интонации, мелодия песенки и соответствует словам; с увлечением импровизируют, создавая оригинальные по мелодии и ритму, законченные (или не законченные) по форме пьесы; владеют некоторым запасом движений, танцуют легко, вдохновенно и разнообразно; их танец – целостнодифференцированная модель музыкального произведения; воспроизводят в движении общий характер не только музыки, но и ее частей, отдельные яркие моменты, проявляя исключительно высокую эмоциональную отзывчивость на музыку и отличное чувство ритма.

2. *Творчески воспроизводящий (средний уровень)*. Дети осознанно воспринимают задания, работают преимущественно самостоятельно, но предлагают недостаточно оригинальные пути решения; пытливы и любознательны, выдвигают идеи, но особого

творчества и интереса к предложенной деятельности не проявляют; на анализ работы и ее практическое решение идут лишь в том случае, если данная тема интересна; в музыкальной деятельности им свойственны эмоциональная отзывчивость, интерес, желание включаться в музыкальную деятельность, однако в выполнении задания затрудняются, им требуется помощь педагога, дополнительное объяснение, показ, повторы; не сразу решаются попробовать спеть мелодию, возникшая мелодия однообразна; танцуют с удовольствием, с помощью простых основных (виды шагов, бег, прыжки) и танцевальных движений передают общее настроение музыки; преобладают ритмические вариации, иногда появляются простые мелодические обороты, но в целом их отличает ритмический уровень.

3. *Воспроизводящий (низкий уровень)*. Дети пассивны, с трудом включаются в творческую работу, ожидают подсказки со стороны воспитателя; нуждаются в более длительном промежутке времени для обдумывания; все детские ответы шаблонны, нет индивидуальности, оригинальности; не проявляют инициативы, малоэмоциональны, «ровно», спокойно относятся к музыке, к музыкальной деятельности, нет активного интереса, равнодушны; не способны к самостоятельности, могут сначала отказаться сочинять мелодию, наконец соглашаются, но не выходя на уровень творчества; характер движений не соответствует характеру музыки.

Качественно-количественный анализ результатов констатирующего этапа педагогического эксперимента показал, что только у 5 % дошкольников ЭГ и 10 % КГ высокий уровень развития креативности; у 50 % детей и ЭГ, и КГ – средний уровень; низкий уровень развития креативности у 45 % дошкольников ЭГ и 40 % КГ.

Значительную роль в развитии креативности играет фольклор (англ. *folklore* – ‘народная мудрость’) – народное художественное творчество: песни, сказки, легенды, танцы, драматические произведения, а также произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства. К музыкальному фольклору принадлежат вокальные жанры (песни, былины, плачи) и инструментальные жанры (танцевальные, наигрыши, пастушеские сигналы и др.). О. Н. Анцыпирович, разрабатывая проблему развития креативности у дошкольников средствами музыкальной культуры фольклора, выделяет два принципа организации процесса развития креативности у ребенка-дошкольника. Одним из таких принципов является отказ от пассивно-репродуктивных способов деятельности, поощрение активности и творческой инициативы ребенка. Именно в процессе собственного экспериментирования с музыкальным материалом на основе предложенной модели-образца, а в дальнейшем и в самостоятельно создаваемой импровизации в пении, движении, музицировании происходит как развитие образного мышления и воображения дошкольника, так и усвоение норм музыкального языка, их осознание, а значит, и активное формирование компонентов музыкальной культуры ребенка. Второй принцип – вариантности фольклорных образцов и вариативности их освоения. Выделение этого принципа продиктовано такими особенностями фольклора, как вариантность и вариативность. Вариантность является формой существования фольклора, подразумевая бытование любого фольклорного произведения в вариантах. Вариативность – способ существования фольклорной традиции, который указывает на изменчивый, импровизационный характер создания фольклорного произведения. Варианты одного напева демонстрируют возможные для данного музыкального языка способы изложения музыкальной мысли, поэтому восприятие нескольких вариантов, сравнение их могут способствовать лучшему усвоению языковых норм [1].

Для проведения формирующего этапа педагогического эксперимента была разработана программа развития креативности у детей старшего дошкольного возраста средствами музыкального фольклора. Ее задачи:

- 1) развивать беглость и гибкость мышления, побуждая детей выражать свои музыкальные впечатления в исполнительской и танцевальной деятельности;
- 2) развивать оригинальность творческого мышления через развитие способности к спонтанному творческому поведению;
- 3) развивать творческое воображение и природную музыкальность детей.

Педагогическими условиями развития креативности у детей старшего дошкольного возраста средствами музыкального фольклора являются:

- 1) создание стимулирующей творчество эмоционально-положительной обстановки;
- 2) организация музыкально-творческой деятельности, осуществляемой на основе интегрирования разнообразных форм и жанров музыкального фольклора;
- 3) разработка и внедрение разнообразных форм совместной деятельности взрослых с детьми, таких, как непосредственно образовательная деятельность; праздники и развлечения (обрядовые, народные, сезонные); слушание народной музыки; музыкальные викторины; игры-путешествия; познавательно-исследовательская деятельность; дидактические музыкальные игры; музыкальные гостиные и др.;
- 4) учет индивидуальных интересов, склонностей и способностей детей;
- 5) планомерность и систематичность проведения различных видов музыкальной деятельности с использованием разных жанров и форм музыкального фольклора;
- 6) участие педагога в различных видах музыкальной деятельности детей на основе сотворческих партнерских отношений [3].

Содержательный компонент программы предполагает разные виды музыкального фольклора, включенные в разнообразные формы деятельности: слушание музыки; детское музыкальное исполнительство (пение, музыкально-ритмические движения, игра на музыкальных инструментах); музыкально-познавательная деятельность (начальные элементы музыкальной грамоты); продуктивное и исполнительское творчество, направленные на развитие когнитивного, мотивационно-потребностного, аксиологического и эмоционального компонентов креативности.

Операционно-деятельностный компонент отражает процессуальную часть реализации программы и представлен системой тематических музыкальных занятий как формы организации образовательной работы, праздников, развлечений в совокупности взаимосвязанных методов и приемов работы, направленных на развитие креативности у детей старшего дошкольного возраста. Методика работы выстроена на основе традиционного народного опыта (подражание, подпевание, «подхватывание», пение «за следом», диалог, детское творчество и др.) и технологий современного образования (личностно-развивающие, интерактивные методы, возможности аудио- и видеозаписей).

Широко использовались также практические и игровые методы. Так, например, различные иллюстрации, картинки с изображением музыкальных инструментов, пор года, сказочных героев; портреты композиторов, мультимедиапрезентации позволяют сделать образовательный процесс более ярким и занимательным. Для развития эмоциональности, творческих проявлений воспитанникам предлагались различные подвижные народные игры с элементами инсценировки. Проводились фольклорные праздники («Рождественские колядки», «Масленица», «Пасха»), разучивались календарно-обрядовые песни и хороводы, подвижные игры и танцы, дети играли на музыкальных народных инструментах.

Таблица. – Учебно-тематическая карта музыкальных занятий, праздников и развлечений

Тема занятия, задачи	Виды деятельности	Содержание
<i>Занятие 1. «Зимний фольклор». Задачи:</i> 1) создать у детей эмоциональное настроение, рассказать о происхождении праздника «Крещение»; 2) расширить представление о жанрах колядной песни, развивать музыкально-ритмический слух, формировать навыки чистого интонирования; 3) развивать музыкально-ритмическое чувство, продуктивное мышление	Восприятие музыки; слушание, музицирование; музыкально-ритмическая деятельность	Белорусская народная песня «Ой, аладачкі, ладачкі»; отрывок белорусской народной песни «Го-го-го, каза»; белорусская народная песня «Каляда з казой»; танец «Журавлик» (в танце имитация движений)
<i>Занятие 2. «Зимний фольклор». Задачи:</i> 1) развивать музыкально-ритмическое чувство, эмоциональность; 2) формировать навыки чистого интонирования; 3) закрепить танцевальные и имитационные движения, типовой ритмический рисунок; 4) способствовать осмыслению вариативности фольклорного произведения	Слушание, подпевание; пение; музыкально-ритмическая деятельность; восприятие и импровизация	Белорусские народные песни «А ў лузе», «Шчодры вечар», «Каляда з казой», танец «Журавлик»
<i>Занятие 3. «Зимний фольклор». Задачи:</i> 1) формировать у детей певческие умения; 2) развивать умение эмоционально исполнять музыкальную композицию, способность фантазировать, творчески импровизировать; 3) развивать звуковысотный слух и ладовое чувство, навыки движения в соответствии с музыкой	Пение и музицирование; музыкально-ритмические движения; восприятие музыкального произведения	Белорусские народные песни «А ў лузе», «Каляда з казой»; наигрыш «Каляда»; танец «Журавлик»
<i>Занятие 4. «Зимний фольклор». Задачи:</i> 1) развивать звуковысотный слух, формировать навыки игры на ксилофоне и чистого интонирования; 2) способствовать развитию ритмических движений; 3) развивать воображение, гибкость мышления, оригинальность исполнения	Пение; вокальная импровизация; музыкальная ритмическая деятельность; восприятие и подпевание; подвижная игра	Песня «А ў лузе»; игра в оркестр (русская народная песня «Как у наших у ворот»); музыкальная викторина; танец «Разноцветная игра»; подвижная игра «У медведя во бору»
<i>Развлечение. «Рождественские колядки». Задачи:</i> 1) привлечь внимание детей к красоте зимних звуков природы; 2) развивать способность к образным, свободным импровизациям, развивать тембровый слух, чувство ритма, воображение, ассоциативное мышление	Пение; вокальная импровизация; музыкальная ритмическая деятельность; подвижная игра	Песня-приветствие «Здравствуйце»; музыкально-ритмическое упражнение «Поезд»; подвижные игры «У медведя во бору», «Зайцы на горе стояли», «Колядные подарки»; белорусские народные песни «Шчодры вечар», «Будзьце здаровы»; хоровод «Го-го-го, коза»
<i>Занятие 5. «Занятия наших предков». Задачи:</i> 1) закрепить представления о попевке; 2) формировать движения в соответствии с представленными чертами музыки; 3) разучивать шаг падебаск; 4) развивать эмоциональную отзывчивость, умение интерпретировать музыкальный образ с помощью цветных ассоциаций	Восприятие музыкальных произведений; пение; музыкальная ритмическая деятельность; подвижная игра	Попевка «Сивка-Воронка»; танец «Коваль»; белорусские народные песни «Я табун сцерагу», «Наигрыш на трубе»; подвижная игра «Волк и овечка»

Окончание таблицы

<i>Занятие 6. «Занятия наших предков». Задачи:</i> 1) учить воспринимать музыку посредством использования музыкального фольклора; 2) формировать исполнительские навыки пения, развивать песенную фантазию; 3) формировать умение двигаться с темпом музыки; 4) закрепить знания о звучании музыкальных инструментов	Восприятие музыкальных произведений; пение, музыкальная ритмическая деятельность; подвижная игра	Попевка «Сивка-Воронка»; белорусские народные танцы «Каваль», «Шастак», «Таўкачыкі»; аутентичная мелодия в исполнении баяна, скрипки, цимбал и бубна
<i>Занятие 7. «Занятия наших предков». Задачи:</i> 1) формировать навыки исполнения на ксилофоне; 2) развивать чувства ритма, координацию движений в соответствии с темпом музыки; 3) развивать продуктивное мышление и творческое воображение	Пение; музыкальная ритмическая деятельность; игра на ксилофоне; вокальная импровизация; танцевальная импровизация	Попевка «Сивка-Воронка»; песня «Коў-коў, кавалёк»; танцы «Таўкачыкі», «Каваль», «Млынок»
<i>Занятие 8. «Занятия наших предков». Задачи:</i> 1) способствовать развитию танцевальных движений, формировать умение выразительно и ритмично двигаться в соответствии с характером музыки, передавая в танце эмоционально-образное содержание; 2) формировать у детей певческие умения; 3) развивать способность фантазировать, творчески импровизировать	Восприятие музыкальных произведений; музыкальная ритмическая деятельность; музицирование; пение	Наигрыш «Пастушок»; белорусская народная песня «Я табун сцерагу»; белорусские народные танцы «Таўкачыкі», «Шастак», «Млынок»
<i>Праздник «Масленица широкая». Задачи:</i> 1) расширять представление детей о народных праздниках, развивать двигательную активность детей, эмоциональную отзывчивость; 2) формировать умение передавать имитационными движениями музыкально-игровые образы, творчески подходить к выполнению заданий	Пение; вокальная импровизация; музыкальная ритмическая деятельность; подвижная игра	Песни «Зимушка-зима», «Блины»; танец «Буги-вуги»; пляска «Барыня»; игра-забава «Метла»; хоровод «Весенняя пляска»
<i>Развлечение «Встреча весны». Задачи:</i> 1) воспитывать уважение к истории и культуре родного края через знакомство с народным праздником «Встреча весны»; 2) развивать творческое мышление, его гибкость, оригинальность; 3) развивать продуктивное воображение, эмоциональную выразительность	Вокальная импровизация, пение, музыкальная ритмическая деятельность; подвижные игры с пением	Песни «Жавароначкі, прыляціце», «Свети, солнышко», «Иди, дождик!»; хороводы «Мы весну зовем», «Весна пришла», «Веснянка»; игры «Аист и дети», «Жабка», «Прэла-гарэла»
<i>Развлечение «Пасха». Задачи:</i> 1) познакомить детей с православными праздниками «Вербное воскресенье»; 2) «Пасха»; развивать фантазию, творчество, эмоциональную отзывчивость; 3) воспитывать интерес к народной культуре	Пение; музыкальная ритмическая деятельность; игровая деятельность	Песни «Пасха», «Свети, солнышко», «Пасхальный звон»; подвижные игры «Раскрути яйцо», «Жабка»; танец «Реченька»

Таким образом, во время формирующего этапа педагогического эксперимента мы постарались использовать интересующие детей и соответствующие их возрасту различные виды музыкального фольклора. Реализуемые формы, методы и приемы работы были направлены на развитие у детей старшего дошкольного возраста креативности, дивергентного мышления, продуктивного воображения, эмоциональности, метафорич-

ности, а также на формирование таких качеств креативной личности, как активность, инициативность, самостоятельность. Развивающее взаимодействие строилось на принципах личностно-ориентированного образования с соблюдением требований и условий педагогики креативного развития в дошкольном онтогенезе.

Эффективность разработанной и апробированной программы развития креативности у старших дошкольников средствами музыкального фольклора показал контрольный этап педагогического эксперимента. На основе полученных результатов диагностических методик было установлено:

1. *Собственно-творческий (высокий) уровень* развития креативности был выявлен у 40 % детей ЭГ и 20 % КГ. Эти дети справились со всеми предложенными заданиями самостоятельно, без помощи педагога. Результаты их творческой деятельности отличались оригинальностью, незаимствованными сюжетами, точностью, целостностью, образностью.

2. *Творчески воспроизводящий (средний) уровень* выявлен у 60 % детей ЭГ и 45 % КГ. В их сочинениях, ответах сюжет, как правило, заимствован из других художественных источников, но с привнесением чего-то своего, элементов нового. Дети нуждаются в частичной помощи со стороны педагога.

3. *С воспроизводящим (низким) уровнем* развития креативности детей в ЭГ не выявлено, тогда как в КГ более 30 % респондентов продемонстрировали по-прежнему низкий уровень креативности.

Заключение

Креативность в дошкольном онтогенезе представляет собой интегративное личностное образование, характеризующееся проявлением творческого воображения и дивергентного мышления, проявляющихся в богатстве продуцируемых образов, беглости, гибкости и оригинальности. Значимыми составляющими креативности у детей старшего дошкольного возраста являются направленность на творчество (мотивация), эмоционально-волевая и интеллектуальная активность.

Универсальным средством для развития креативности в дошкольном онтогенезе является фольклорное наследие. Связано это в первую очередь со спецификой музыкального фольклора как устного пласта музыкальной культуры. Именно «устность» порождает большое количество мелодических, ритмических, текстовых вариантов одного напева, а их исполнение предполагает высокую степень импровизационности, вариативности. Музыкальный фольклор способствует развитию у дошкольников творческого воображения и мышления, интереса к творческой деятельности и желания заниматься ею; развивает у детей способность легко и быстро оперировать способами музыкально-творческой деятельности, формирует умения импровизировать, перевоплощаться, сочинять, выражать свои чувства. Музыкальный фольклор как вид искусства формирует внутренний мир ребенка, способствует общему творческому развитию личности через развитие художественного воображения, образно-ассоциативного мышления, наблюдательности, интуиции.

Полагаем, что разработанное программно-методическое обеспечение развития креативности в дошкольном онтогенезе будет способствовать совершенствованию педагогических компетенций педагогов по данному направлению образовательной деятельности, что позволит, в свою очередь, более эффективно развивать креативные способности у дошкольников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцыпирович, О. Н. Формирование основ музыкальной культуры старших дошкольников средствами музыкального фольклора : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / О. Н. Анцыпирович. – Минск, 2012. – 131 с.
2. Богоявленская, Д. Б. Психология творческих способностей / Д. Б. Богоявленская. – М. : Академия, 2002. – 320 с.
3. Дормидонтова, Л. П. Педагогические условия развития творческих способностей дошкольников средствами музыкального фольклора / Л. П. Дормидонтова // Дошк. воспитание. – 2012. – № 3. – С. 94–99.
4. Дружинин, В. Н. Психодиагностика общих способностей / В. Н. Дружинин. – М. : Академия, 1996. – 215 с.
5. Захарова, О. Г. Развитие креативности дошкольника в научно-педагогических исследованиях [Электронный ресурс] / О. Г. Захарова // Актуальные задачи педагогики : материалы IX Междунар. науч. конф., Москва, июнь 2018 г. – М. : Буки-Веди, 2018. – С. 25–29. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/279/14345/>. – Дата доступа: 18.02.2020.
6. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2008. – 210 с.
7. Кудрявцев, В. Т. Ребенок-дошкольник: новый подход к диагностике творческих способностей / В. Т. Кудрявцев, В. Б. Синельников // Дошк. воспитание. – 1995. – № 10. – С. 2–6.
8. Николаева, Е. И. Психология детского творчества / Е. И. Николаева. – СПб. : Речь, 2006. – 220 с.
9. Поддьяков, Н. Н. Проблемы обучения и развития творчества дошкольников / Н. Н. Поддьяков. – Н. Новгород, 1999. – 38 с.
10. Холодная, М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования / М. А. Холодная. – СПб. : Питер, 2009. – 272 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.12.2020

УДК 376

Галина Николаевна Казаручик

канд. пед. наук, доц., зав. каф. специальных педагогических дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Galina Kazaruchik

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Head of Department of Special Pedagogical Disciplines
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: kazaruchykh@tut.by

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИГРЫ-ДРАМАТИЗАЦИИ
КАК СРЕДСТВА РАЗВИТИЯ ИНТОНАЦИОННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ**

Раскрывается значимость интонационной выразительности речи в коммуникации и подготовке детей дошкольного возраста к школе. Представлен онтогенез интонационной выразительности в дошкольном возрасте при нормативном речевом развитии, и описаны особенности интонационной стороны у старших дошкольников с общим недоразвитием речи. Рассмотрена классификация степеней сформированности интонационной стороны речи у дошкольников с речевыми нарушениями. Проанализированы коррекционные возможности игры-драматизации в целом и в развитии интонационной выразительности речи. Описаны виды игр-драматизаций и этапы работы над драматизацией литературных произведений с детьми старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи.

Pedagogical Potential of Play-Dramatization as a Means of Developing Intonational Expressiveness in Preschool Children with a General Speech Impediment

The article reveals the importance of intonation expressiveness of speech in communication and preparation of preschool children for school. The article presents the ontogenesis of intonation expressiveness in preschool age with normative speech development and describes the features of the intonation side in older preschoolers with General speech underdevelopment. The classification of the degree of formation of the intonation side of speech in preschool children with speech disorders is considered. The authors analyzed the correction possibilities of the game-dramatization in General and in the development of intonational speech expression. The types of games-dramatizations and stages of work on dramatizations of literary works with children of senior preschool age with General speech underdevelopment are described.

Введение

Процесс речевого развития включает в себя освоение не только содержательной, но и эмоционально-образной стороны языка, одной из важнейших составляющих которой является интонация. К сожалению, интонация была и остается одной из самых неизученных частей лингвистики. Ее трудно изучать, так как мы очень ограничено можем передать ее на письме знаками препинания и словесным описанием. С появлением звукозаписывающих устройств записывать устную речь и, соответственно, изучать интонацию стало гораздо проще. Особенности интонационной выразительности речи в онтогенезе детей рассматривали многочисленные лингвисты, психологи, педагоги (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Гвоздев, Т. К. Макаренко, Р. В. Тонкова-Ямпольская, М. Ф. Фомичева, Е. Н. Винарская, В. Н. Всеволодский-Генгросс, Е. М. Мастюкова, В. А. Ковшиков, Н. И. Лепская, О. С. Ушакова).

Различают естественную выразительность детской речи и произвольную, осознанную выразительность при передаче текста, который был заранее обдуман: чтение наизусть стихотворения, рассказ заранее продуманного текста, пересказ. Непроизволь-

ная речь детей в абсолютном большинстве случаев яркая и выразительная. Это и есть ее особенность.

С. Л. Рубинштейн говорил о том, что эмоциональная чувствительность ребенка формирует предпосылки для развития у него сознательных форм речевой выразительности [1]. Однако, чтобы сформировать произвольную выразительность, детям необходима помощь взрослых. Уже воспитанников среднего дошкольного возраста учат сознательно передавать свои самые сильные чувства, а в старшем дошкольном возрасте дети выражают самые разнообразные чувства во всех их тонкостях. Они также уже могут оценивать интонационную выразительность речи других детей.

Дошкольный возраст наиболее благоприятен для овладения интонационными характеристиками речи, что далее будет служить основой успешного усвоения школьной программы. Однако не у всех детей развитие интонационной выразительности речи проходит без проблем. Часто отмечается, что у детей с речевыми нарушениями, наряду с фонетико-фонематическими нарушениями, небольшим запасом словаря, аграмматизмом, наблюдается недоразвитие фонематического слуха, слухового внимания, недостаточное понимание значений слов, фразеологизмов, что является причиной интонационно монотонной и невыразительной речи.

У детей с общим недоразвитием речи (далее – ОНР) существуют большие трудности с ее овладением, отмечается значительное отставание в формировании интонационных компонентов речи. Нарушение интонационной выразительности у детей старшего дошкольного возраста с ОНР может влиять на качество восприятия передаваемой другими детьми информации, создавая трудности во взаимопонимании и ограничивая коммуникативные возможности детей. Поскольку самостоятельно овладеть произвольной выразительностью речи для дошкольников с ОНР не представляется возможным, им нужна помощь учителя-логопеда.

Развитие интонационной выразительности речи – одна из наиболее важных задач логопеда при работе с дошкольниками, имеющими ОНР. Она состоит в том, чтобы учить воспитанников изменять силу и высоту голоса в зависимости от текста высказывания, пользоваться паузами, логическим ударением, изменять темп и тембр речи; выражать свои и передавать авторские мысли и чувства. Педагог, учитель-логопед в частности, имеет огромное влияние на интонационную выразительность детской речи. Именно он показывает ребенку интонации, необходимые ему в повседневности. Работа по развитию интонационной выразительности детей должна вестись на всех занятиях, включая логопедические.

Недостаточная изученность интонации как целостного компонента речи, особенностей восприятия и воспроизведения комплекса интонационных компонентов дошкольниками с ОНР существенно затрудняет логопедическую работу, т. к. нарушение интонационной выразительности, ее недоразвитость может обусловить недостаточное формирование полноценной учебной деятельности у детей.

Большой потенциал в развитии у дошкольников интонационной выразительности речи имеют игры-драматизации. Их использование создает возможности для совершенствования вербальной и невербальной произвольной интонационной выразительности речи детей. Однако в настоящее время все еще проведено недостаточно исследований по изучению возможностей игр-драматизаций в развитии интонационной выразительности дошкольников с ОНР. Поэтому цель данной работы заключалась в выявлении педагогического потенциала игры-драматизации как средства развития интонационной выразительности у детей старшего дошкольного возраста с ОНР.

Особенности интонационной выразительности детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи

О. И. Яровенко доказала, что интонации разного типа встречаются уже у детей двух с половиной лет. У детей разного возраста интонационное оформление фраз осуществляется различно. Интонация в два с половиной года характеризуется яркостью и особой концентрированностью проявлений. Восприятие интонации происходит одновременно с восприятием речи, а значит, восприятие интонации, как правило, обгоняет восприятие смысла [2]. Н. Х. Швачкин выявил, что ребенок может освоить голосовую сторону выступления в следующей очередности: тон – в 4–6 месяцев, темп – в 6–12 месяцев и акустическую структуру слова – после первого года жизни [3]. Согласно Яровенко, дети дошкольного возраста довольно хорошо дифференцируют интонационные признаки начала и конца предложения. Возраст четырех лет – «рубеж в усвоении интонационной системы в плане реализации, в пять лет дети четко различают конец и начало предложения, интонационные возможности соответствуют интонации взрослого человека» [2, с. 40].

При нормативном речевом развитии интонационной выразительностью дети в основном овладевают к пяти годам. К этому возрасту дети обычно умеют изменять силу голоса (говорить тихо/громко), и темп речи (говорить быстро/медленно). К старшему дошкольному возрасту дети сознательно выражают свои эмоции при чтении, могут передавать удивление, радость, грусть. В возрасте 6 лет дети в основном пользуются умеренной громкостью голоса, но могут изменять громкость своей речи с учетом характера высказывания. При чтении и пересказе стихотворений ребенок уже может произвольно передать не только смысл текста, но и чувства героя, отношение автора к нему. Дети старшего дошкольного возраста при разговоре также могут сознательно применять различные виды интонации (повествовательную, вопросительную и восклицательную), чтобы лучше довести до собеседника свои мысли и чувства. Однако это умение все еще несовершенно. О. С. Ушакова говорит о том, что у детей умение передавать свое эмоциональное отношение к предметам или явлениям развито на все еще недостаточном уровне [4]. Даже у детей 6–7 лет с нормативно развивающейся речью часто фонематический слух недостаточно сформирован, что отражается в речи: звучание речи; тихое произношение, чрезмерная быстрота или замедленность речи, монотонность, невыразительность [5].

У детей с ОНР к этому возрасту даже это все еще несовершенное умение применять интонационную выразительность не формируется. Л. А. Копачевская в своей работе упоминала, что речь у таких детей довольно-таки монотонна, невыразительна. У них существуют трудности с интонационным оформлением речевых высказываний. [6]. О. Е. Грибова выявила следующие нарушения интонационной стороны речи у дошкольников с ОНР: нечеткое восприятие и воспроизведение мелодических рисунков фраз, логического ударения, ритмических структур, неправильное употребление словесного ударения, ограниченные возможности голоса, убыстрение или замедление темпоритмической организации речи [7]. Л. В. Лопатина говорила о проблемах с интонацией у детей со стертой формой дизартрии. У таких детей помимо дефектов звукопроизношения присутствуют нарушения интонационной выразительности речи, процессов восприятия и воспроизведения интонации в предложении. Наиболее сохранна имитация вопросительной и повествовательной интонации [8].

У детей с нарушениями речи наблюдаются трудности не только в воспроизведении нужной интонации и оформлении высказываний в экспрессивной речи, но и в на-

рушении восприятия интонации. Детям дошкольного возраста с ОНР трудно вербально интерпретировать результаты опознания значений интонационных рисунков высказываний как контрастных (горе и радость), так и сходных (тоска, грусть; гордость и радость). Речь таких детей невыразительна, монотонна и скучна, что препятствует полноценному общению с окружающими их сверстниками и взрослыми.

В. А. Артемов создал классификацию степеней сформированности интонационной стороны речи у дошкольников с нарушениями речи (стертая форма дизартрии, ОНР, фонетическое нарушение, фонетико-фонематическое недоразвитие речи):

1-я степень (низкая) – грубые нарушения просодики. Нарушения тембра, высоты голоса и его силы заметны для окружающих и самого ребенка. Нарушен коммуникативный процесс детей. Нарушения интонационной стороны речи проявляются во всех видах речевой деятельности.

2-я степень (недостаточная) – нарушения голоса носят незначительный характер. У детей возникают трудности при воспроизведении ритмических и интонационных структур. Однако их спонтанная речь достаточно выразительна.

3-я степень (средняя) – непостоянное отклонение от нормы одной или нескольких компонентов просодики. Спонтанная речь довольно хорошо интонирована, но при выполнении заданий возможны некоторые ошибки при передаче мелодического или ритмического рисунка.

4-я степень (высокая) – сформированы все просодические характеристики. Тембр, диапазон голоса детей соответствует возрастным нормам. Tempo-ритмическая сторона речи хорошо сформирована. Дошкольники могут передать произвольно все типы интонации. В спонтанной речи могут пользоваться всеми средствами интонационной выразительности и не испытывают трудностей при выполнении заданий [9].

Г. В. Бабина и Р. Е. Идес к особенностям интонационной стороны речи у детей с ОНР отнесли:

1) невозможность использования высокого голоса при произнесении автоматизированных рядов, фраз и имитации речи, при этом высокий голос заменяется средним или низким;

2) затруднение в дифференцировании среднего и низкого звучания голоса, взаимозамена этих типов голоса, соскальзывание на средний регистр голоса в конце фразы;

3) трудности при использовании громкого голоса: замена громкого на средний, соскальзывание с громкого голоса на средний и тихий (громко произносятся несколько начальных слов);

4) преобладание тихого голоса или его постепенное ослабление к концу фразы;

5) затруднения в поддержании заданного темпа произношения: недоступен быстрый темп проговаривания. Он заменяется средним или медленным. Также присутствуют затруднения при использовании медленного темпа. Он заменяется средним или ускоренным;

6) трудности реализации динамического потенциала [10].

Таким образом, можно сделать вывод об особенностях интонационной стороны речи у детей старшего дошкольного возраста с ОНР. Интонационно-выразительная окраска речи у них снижена, при этом страдает голос (он тихий или слишком громкий). Речь монотонна, невыразительна, затруднена передача типов интонаций. Отмечается нарушение тембра, темпа речи (он ускорен). Также интонационная выразительность речи зависит от сформированности фонематического слуха, слухового внимания, которые также нарушены у детей с ОНР.

В случае нарушения интонационной стороны речи у детей дошкольного возраста могут возникнуть трудности в коммуникативной деятельности, снижение эффективности речевого общения, что в дальнейшем может обусловить недостаточное формирование полноценной учебной деятельности. Необходимо проводить целенаправленную логопедическую работу по развитию интонационной выразительности речи у детей дошкольного возраста с ОНР. При этом важно развивать и понимание основных средств интонационной выразительности, и их активное употребление. Решение обозначенных задач возможно в процессе использования игр-драматизаций, педагогический потенциал которых в развитии интонационной выразительности у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи описан ниже.

Развитие интонационной выразительности у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи в процессе игр-драматизаций

Игра – ведущая деятельности детей дошкольного возраста. Особенно любят дети такие игры, в ходе которых они могут перевоплощаться в какого-либо персонажа, жить другой жизнью, ведь в игре нет никаких запретов. Такой игрой является игра-драматизация. Драматизация – инсценирование литературного произведения с сохранением последовательности эпизодов. Игра-драматизация – игра, которая строится с опорой на сюжетную схему литературного произведения (чаще всего это сказка). По словам О. А. Карабановой, игры-драматизации представляют намеренное произвольное воспроизведение сюжета в соответствии с заданным образцом – сценарием игры [11]. А. Н. Леонтьев же считал, что главным признаком игр-драматизаций является то, что это не непосредственное подражание и имитация персонажа и его действий, а, скорее, свободное творческое построение, отталкивающееся от представлений ребенка [12].

Игра-драматизация несколько схожа с сюжетно-ролевой игрой, т. к. сохраняет некоторые ее признаки: содержание, творческий замысел, сюжет, роли, ролевые действия и отношения. Вследствие ее схожести с ведущей деятельностью детей дошкольного возраста игра-драматизация легче привлекает их интерес, нежели скучные упражнения. Но все же игра-драматизация труднее для ребенка, нежели сюжетно-ролевые игры, в которых дети чаще всего проигрывают события из жизни, которые они уже наблюдали. Детям необходимо помнить сюжет, помнить реплики героев, их действия, заранее продумать их характер и поведение.

Игра-драматизация имеет большой педагогический потенциал как средство развития интонационной выразительности речи детей старшего дошкольного возраста с ОНР. Дети усваивают родной язык, его выразительные средства, используют интонации, которые соответствуют героям, их характеру, который виден из сюжета. В данном виде игры формируется эмоционально насыщенная, выразительная речь. К тому же игры-драматизации способствуют улучшению речевого общения между сверстниками. В кругу сверстников дети более критичны к своей речи и речи окружающих, что позволяет педагогу мотивировать детей на ее улучшение.

В таких играх у ребенка есть возможность создать свой собственный мир, в котором он будет главным, ведь он сам управляет героями, решает, что с ними произойдет. Дети разговаривают вместо своих героев, переживают за их судьбу. Они будто проживают жизнь своих персонажей, перевоплощаются в них. Сильное эмоциональное вовлечение ребенка в игру помогает быть более внимательным к своей речи, старательно пытаться передать с помощью интонационной выразительности, жестов, мимики то, что должен чувствовать герой. Игры-драматизации способствуют развитию та-

ких личностных качеств, как самостоятельность, воображение, инициативность, отзывчивость, ответственность. Они могут являться средством развития личности ребенка.

Коррекционные возможности игр-драматизаций достаточно давно известны, однако все еще недостаточно часто используются. Л. Н. Жога говорил, что драматизация обеспечивает активность детей, поддерживает их внимание, а также способствует сознательному усвоению материала [13].

Игры-драматизации состоят из нескольких последовательных этапов:

1-й этап. Знакомство с литературным произведением (его чтение, беседы по сюжету, просмотр видеозаписей, фильмов по теме; рассматривание иллюстраций, помогающих лучше представить сюжет произведения). Первое прочтение осуществляется логопедом, так как необходимо показать детям образец правильной выразительной речи, способствовать проявлению интереса к предстоящей им деятельности.

2-й этап. Обратная эмоциональная связь с произведением (его пересказ, подвижные игры, связанные с сюжетом).

3-й этап. Отражение эмоций ребенка в художественной деятельности (например, рисование на тему сказки).

4-й этап. Подготовка к самостоятельному разыгрыванию произведения, выбор подходящей ребенку роли (у ребенка решающее право голоса при ее выборе). Создание необходимой среды для разыгрывания сюжета сказки, индивидуальная работа с каждым ребенком над ролью.

5-й этап. Премьера-показ сказки. Детям важно наличие зрителей во время инсценировки, это вызывает у них желание постараться лучше сыграть свою роль, «показать себя». Поэтому будет эффективно разделить детей на две подгруппы, каждая из которых будет поочередно актерами или зрителями. Это также поможет детям критично посмотреть на чужую речь, сравнить со своей, оценить ее достоинства и недостатки.

С детьми старшего дошкольного возраста с ОНР могут использоваться следующие игры-драматизации:

1) игра-импровизация по текстам коротких сказок, рассказов, которые знакомы детям (русская народная сказка «Как собака друга искала», «Васька» К. Д. Ушинского, «Под грибом», «Палочка-выручалочка» В. Г. Сутеева);

2) ролевой диалог персонажей сказок (русские народные сказки «Рукавичка», «Заяц и Лиса», «Три медведя», «Колобок», «Лис и Мышонок» В. В. Бианки);

3) инсценирование фрагмента сказки о животных (русские народные сказки «Теремок», «Кот, петух и лиса», английская народная сказка «Три поросенка», «Одинокий ослик» Г. М. Цыферова);

4) игра-драматизация с несколькими персонажами по народным сказкам (русские народные сказки «Репка», «Коза-дереза», «Барин и мужик») и авторским текстам («Цыпленок» К. И. Чуковского, «Мальчик, который рычал на тигров» Д. Биссета).

При отборе литературных произведений для постановки нужно помнить, что для всех детей-дошкольников особенно важны увлекательный сюжет, наличие интересных и понятных им диалогов, образный язык. Произведения должны быть близки опыту детей, легки для воспроизведения, динамичны. Дети при драматизации могут использовать маски, театральные костюмы, соответствующие персонажам, разнообразные декорации, что будет способствовать созданию более яркого и красочного эмоционального закрепления текста при его разыгрывании.

Игры-драматизации могут быть разнообразны. Это могут быть игры-драматизации стихотворений; игры-хороводы (народные песни); настольный, кукольный театр,

театр масок, театр би-ба-бо (разновидность кукольного театра, в котором главным атрибутом является кукла, состоящая из головы и платья-перчатки); игры-драматизации прозаических произведений (народных и авторских сказок, рассказов); импровизации (разыгрывание сюжета без подготовки – наиболее сложный и реже всего применяемый вид игры-драматизации) [14].

Игры-драматизации помогают детям передать свои эмоции, ощущения. Привычку к выразительной, правильно интонированной речи на публике (необходимую для дальнейшего обучения в школе) можно воспитывать только в ситуации выступления перед публикой. Работа над образом персонажа заставляет ребенка использовать все выразительные средства: экспрессивно-мимические (выразительный взгляд, улыбка, мимика, интонационная вокализация), предметно-действенные (движения тела, разные позы). Ребенок перенимает богатство русского языка, его средства выразительности, использует интонации, соответствующие характеру героев и их поступкам [15].

Необходимо помнить, что игра-драматизация должна выполнять развивающую, познавательную и воспитательную функции, ведь это не только средство развития интонационной стороны речи. Работа над выразительностью реплик своего персонажа активизирует пассивный словарь ребенка, способствует улучшению звуковой культуры речи. Знакомство с литературным произведением, по сюжету которого поставлена игра-драматизация, обогащает словарный запас ребенка. Дети узнают новые слова, открывают мир эпитетов, метафор. Литературная речь учителя-логопеда становится для ребенка образцом грамматического построения словосочетаний и предложений.

В игре-драматизации всегда используются диалоги, благодаря которым создается возможность для дошкольника воспроизводить содержание по ролям [16]. Исполнение ролей, произношение реплик персонажа требует от ребенка четкого, понятного слушателям произношения. Также в процессе игры совершенствуется диалогическая речь (в разговоре между персонажами), грамматический строй речи.

Игра-драматизация должна способствовать и социально-эмоциональному развитию детей: помочь им в формировании способности сопереживать, ставя себя на место других. Игры-драматизации – эффективное средство формирования и развития не только интонационной стороны речи детей, но и эмпатии. Как утверждала М. Д. Махнева, чтобы веселиться из-за чужого веселья и сочувствовать чужому горю, нужно уметь мысленно стать на место другого человека [17]. Это можно сделать только с помощью воображения.

Э. Г. Чурилова писала, что драматическая форма изживания впечатлений жизни уже заложена в детях и выражается независимо от действий взрослого [18]. Театральная деятельность, в частности, игра-драматизация направлена на формирование внутренней мотивации речевого высказывания, освоение средств речевой выразительности. Чтобы помочь дошкольникам раскрыть свой потенциал, научить их спокойно и непринужденно передать сущность своего персонажа, нужна определенная актерская тренировка [19].

Игры-драматизации используются логопедами в работе с детьми с ОНР как самостоятельно, в качестве отдельного метода, так и включаются в деятельность детей, дают материал для детского творчества. Дети могут сами изготавливать определенные атрибуты (элементы декораций, маски и т. п.), а также распределять, сочинять роли. Во время инсценировки дети перевоплощаются в своего персонажа, что побуждает их говорить свободно, выразительно, преодолевать волнение, застенчивость. Войдя в роль, ребенок чувствует себя более уверенно и раскованно, говорит раскрепощеннее.

Игра-драматизация помогает поддерживать интерес дошкольников к занятию, повышает эмоциональный фон и положительную мотивацию. Дети в игре-драматизации являются как зрителями, так и участниками. Дети учатся импровизировать, используя интонацию и мимику. В процессе совместной постановки сценки дети сближаются, у них возникают дружеские привязанности. В ходе игры отрабатываются навыки правильной, выразительной речи и уверенного общения в коллективе. Дети передают голо-сом речевые интонации разных персонажей. Например, волк говорит грубым голосом, а козлята – тоненькими голосами, медведь говорит медленно, а сорока-белобока – быстро.

Таким образом, можно отметить, насколько высок педагогический потенциал игр-драматизаций как средства развития интонационной выразительности речи детей старшего дошкольного возраста с ОНР. Они помогают ребенку почувствовать себя более свободно и дают мотивацию для того, чтобы пытаться пользоваться интонационно правильной, выразительной речью.

Заклучение

1. У детей старшего дошкольного возраста с ОНР наблюдаются трудности восприятия и воспроизведения нужной интонации, выразительного оформления высказываний в экспрессивной речи. Им трудно вербально интерпретировать результаты обозначения смыслов интонационных рисунков высказываний как контрастных (горе и радость), так и сходных (тоска, грусть; гордость и радость).

Интонационно-выразительная окраска речи у детей старшего дошкольного возраста с ОНР снижена, при этом страдает голос (он тихий или слишком громкий). Также дошкольники затрудняются дифференцировать средний и ниже среднего голос, взаи-моменяют их, часто переходят на средний регистр голоса ближе к концу фразы. Таким детям трудно использовать высокий голос, так что они часто заменяют его средним или низким. Отмечаются трудности поддержания заданного темпа речи. Речь таких детей невыразительна, монотонна и скучна, затруднена передача типов интонации, что препятствует полноценному общению с окружающими их сверстниками и взрослыми.

2. Игра-драматизация – эффективный способ развития интонационной вырази-тельности речи у детей старшего дошкольного возраста с ОНР. В ходе данного вида игры дети усваивают родной язык, используют интонации, которые соответствуют ге-роям, их характеру, который виден из сюжета.

Работа над образом персонажа заставляет ребенка использовать все выразитель-ные средства: экспрессивно-мимические (выразительный взгляд, улыбку, мимику, ин-тонационные вокализации), предметно-действенные (движения тела, различные позы). Увлекательность работы над постановкой позволяет детям без лишнего напряжения улучшать выразительность речи. К тому же игры-драматизации способствуют усвое-нию речевого общения дошкольников. Во время проведения игры-драматизации фор-мируется эмоционально насыщенная, выразительная речь. При регулярном проведении таких игр интонационная выразительность речи у детей существенно улучшается.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Лань, 2002. – 720 с.

2. Яровенко, О. И. Становление интонационной системы языка у детей младшего дошкольного возраста / О. И. Яровенко // Становление речи и усвоение языка ребенком : сб. ст. / под науч. ред. Ю. В. Рождественского. – М. : Изд-во МГУ, 1985. – С. 33–46.
3. Швачкин, Н. Х. Возрастная психоллингвистика : хрестоматия / Н. Х. Швачкин. – М. : Лабиринт, 2004. – 319 с.
4. Диагностика речевого развития дошкольников : науч.-метод. пособие / под ред. О. С. Ушаковой. – М. : Совер, 1997. – 146 с.
5. Максаков, А. И. Воспитание звуковой культуры речи у дошкольников : пособие для педагогов дошкол. учреждений / А. И. Максаков. – М. : Мозаика-Синтез, 2005. – 64 с.
6. Копачевская, Л. А. Формирование интонационной выразительности у детей с речевыми нарушениями : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.03 / Л. А. Копачевская ; МПГУ. – М., 2000. – 17 с.
7. Грибова, О. Е. Технология организации логопедического обследования : метод. пособие / О. Е. Грибова. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 96 с.
8. Лопатина, Л. В. Нарушения интонационного оформления высказывания дошкольниками со стертой дизартрией / Л. В. Лопатина, Л. Н. Позднякова // Логопедия. – 2004. – № 1. – С. 36–43.
9. Артемов, В. А. Психология речевой интонации : лекции к спецкурсу / В. А. Артемов. – М. : Просвещение, 1986. – 79 с.
10. Бабина, Г. В. Лингвистические и психоллингвистические аспекты организации работы над произносительной стороной речи / Г. В. Бабина, Р. Е. Идес // Психоллингвистика и современная логопедия / под ред. Л. Б. Халиловой. – М. : Экономика, 1997. – С. 257–268.
11. Карабанова, О. А. Игра в коррекции психического развития ребенка : учеб. пособие / О. А. Карабанова. – М. : Рос. пед. агентство, 1997. – 190 с.
12. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1959. – 345 с.
13. Театрализованная деятельность как средство коррекции речевых нарушений в условиях специального детского сада / Л. Н. Жога [и др.] // Логопед. – 2007. – № 4. – С. 46–75.
14. Артемова, Л. В. Театрализованные игры дошкольников / Л. В. Артемова. – М. : Просвещение, 2001. – 127 с.
15. Складенко, Г. В. Игры-драматизации / Г. В. Складенко, Е. А. Волошина // Дошк. воспитание. – 1983. – № 7. – С. 18–22.
16. Рубенок, Е. А. Игры-драматизации в воспитании дошкольника / Е. А. Рубенок // Дошк. воспитание. – 1982. – № 5. – С. 19–23.
17. Махнева, М. Д. Театрализованные занятия в детском саду : пособие для работников дошкол. учреждений / М. Д. Махнева. – М. : Сфера, 2001. – 171 с.
18. Чурилова, Э. Г. Методика и организация театральной деятельности дошкольников и младших школьников / Э. Г. Чурилова. – М. : Владос, 2003. – 160 с.
19. Макаренко, Л. В. Здравствуй, театр! / Л. В. Макаренко // Дошк. воспитание. – 1998. – № 4. – С. 28.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 09.12.2020

УДК 377.5

Елена Феликсовна Сивашинская¹, Анжелика Вячеславовна Тихонович²

¹канд. пед. наук, доц., доц. каф. педагогики

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²магистрант социально-педагогического факультета

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина,

зам. директора по учебно-методической работе

Брестского государственного колледжа сферы обслуживания

Yelena Sivashinskaya¹, Angelika Tsikhanovich²

¹Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Pedagogy

of Brest State A. S. Pushkin University

²Master's Student of the Department of Pedagogy

Deputy Director for Academic and Methodological Work

Brest State College of the Service Sector

e-mail: ¹sivashinskaya@mail.ru; ²angelik76@tut.by

ПРОЕКТ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ КОЛЛЕДЖА СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ

Уточняются понятие, состав и содержание эстетических компетенций учащихся колледжа. Представлен проект и определены педагогические условия развития эстетических компетенций учащихся в образовательном процессе колледжа. Приводится фрагмент разработанной и апробированной программы формирующего этапа эксперимента. Дана краткая характеристика продуктивных методов и форм обучения и воспитания учащихся колледжа в контексте развития их эстетических компетенций.

Project and Methodological Aspects of the Development of Aesthetic Competencies of Students of the College of the Service Sphere

The definition, structure and content of aesthetic competences regarding college students are specified. It also presents a project and describes pedagogical conditions to develop aesthetic competences in the students. A designed and tested program fragment of the experiment on its forming stage and a brief description of productive educational methods and training forms in relation to college students in the context of their aesthetic competences development are given.

Введение

В современных условиях среднее специальное образование является одним из важнейших источников формирования трудовых ресурсов в Республике Беларусь, развития кадрового потенциала отраслей экономики и социальной сферы, гарантом интеллектуального, культурного и духовно-нравственного развития молодежи. В системе образования уделяется особое внимание решению задач по повышению качества подготовки квалифицированных рабочих, служащих и специалистов с профессионально-техническим и средним специальным образованием. К профессиональной компетентности работников сферы обслуживания общество предъявляет высокие требования. Так, специалисты сферы обслуживания, деятельность которых связана с парикмахерским искусством, должны обладать способностью к профессиональному творчеству, пониманию и эмоциональному переживанию прекрасного в жизни и искусстве. В связи с этим разработка проблемы развития эстетических компетенций обучающихся является одним из важных направлений в современной педагогической теории, а развитие эстетических компетенций входит в число основных задач эстетического воспитания учащихся колледжа сферы обслуживания.

В ходе исследования нами было установлено, что образовательный процесс колледжа сферы обслуживания обладает определенным потенциалом для развития эстетических компетенций учащихся. В процессе изучения учебных дисциплин профессионального компонента, в ходе вовлечения учащихся в воспитательные мероприятия в колледже с использованием соответствующего педагогического инструментария происходит формирование знаний основ живописной грамоты, техники использования художественных материалов при выполнении работ, формирование умений, позволяющих учитывать стилевые направления, модные тенденции и индивидуальные особенности клиентов, создавать единый художественный образ. При определенных педагогических условиях учащиеся способны проявлять нравственно-эстетическое отношение к деятельности по разработке эскизов моделей причесок и стрижек, интерес к созданию художественного образа и коллекции причесок по различным номинациям, а также критическое отношение к собственной деятельности по обеспечению необходимого качества оказываемых услуг.

Цель данной статьи – обосновать необходимость развития эстетических компетенций учащихся колледжа сферы услуг, представить проект и методические аспекты развития данных компетенций в образовательном процессе колледжа.

В теории и практике эстетического воспитания установлено, что проблему развития эстетических компетенций следует решать с позиции компетентностного подхода и общей теории развития компетенций. Согласно концепциям А. В. Хуторского, И. А. Зимней, О. Л. Жук и др., компетенции личности – это знания, умения, опыт, система ценностей и отношений, необходимые ей для решения разнообразных жизненных и профессиональных задач [1–3].

Для нашего исследования представляет интерес классификация компетенций, разработанная С. М. Коломийцем на основе концепции И. А. Зимней. Эта классификация включает следующие группы обобщенных компетенций: познавательные (когнитивные), творческие (креативные), социально-психологические компетенции, профессиональные компетенции. С точки зрения С. М. Коломийца, системный эффект когнитивных компетенций проявляется как способность самостоятельного и критического изучения чего-либо. Системным эффектом творческих компетенций являются повышение эффективности процесса обучения и готовность к решению «творческих» задач профессиональной деятельности. О развитых социально-психологических компетенциях свидетельствует внутренняя гармония человека, адекватность взаимодействия человека с другими людьми, группой, коллективом, а также моральная готовность к постоянному повышению своей квалификации. Системный эффект профессиональных компетенций – результативная профессиональная деятельность, в т. ч. и в условиях неопределенностей и рисков [4].

Понятие, состав и содержание эстетических компетенций раскрываются в работах таких исследователей, как Н. Г. Коренистова, Е. А. Киндлер, С. А. Чернышева, О. В. Шокот и др. Например, Н. Г. Коренистова характеризует эстетическую компетентность как интегральное качество личности, проявляющееся в способности и готовности личности к эстетической деятельности, в совокупности знаний и умений в области художественного творчества [5]. Е. А. Киндлер определяет эстетические компетенции как комплекс когнитивных, ориентационных и операционных компонентов профессиональной деятельности, которые включают ценностные ориентации личности и позволяют творчески интерпретировать художественные произведения, определять их

этыко-філасофскае зместнае, практычна выкарыстаць эстэтычныя ведаў у аналізе тэндэнцый мастацтва [6]. Даследаванне О. В. Шокот прысвечана праблеме развіцця эстэтычных кампетэнцый у працэсе прафесійнай падрыхтоўкі спецыялістаў у сферы абслужвання. Эстэтычныя кампетэнцыі трактуюцца даследвателем «як сістэма звязаных прафесійных якасцяў асобы, у якой яна праяўляе сваю гатовнасць да прафесійнай дзейнасці, сінтэзіруючы ведаў канонаў прастранства і колеравага кампазіцыі, прыкладныя ўмяня арганізавана вонкавае прастранства ў адпаведнасці з правіламі гармоніі на аснове ўстойлівых цэннасных навабразаванняў асобы ў выглядзе мастацкага густу, крэатыўных якасцяў творчага ўспрыяцця і эмацыянальна-цэннасных установак» [7, с. 13].

Тэарэтычны аналіз навуковых работ і нарматыўных дакументаў па праблеме даследавання дазволіў нам ўточніць паняцце, склад і зместнае эстэтычных кампетэнцый. Эстэтычныя кампетэнцыі разураюцца намі як эстэтычныя ведаў, ўмяня, навыкі, цэннасныя адносіны ўчацца колледжа да мастацтва і прыгожаму ў жыцці, а таксама як вопыт іх прымянення і праяўлення пры рашэнні тэарэтычных і практычных задач асобна-прафесійнага характара. Эстэтычныя кампетэнцыі забяспечваюць накіраванасць асобы, яе гатовнасць да эстэтычнаму ўзаемадзейству і ў цэлым сфарміраванасць базовага культуры ўчацца.

Пры вызначэнні кампанентнага складу эстэтычных кампетэнцый ўчацца колледжа мы апраіраліся на падыход І. А. Зімнай да апісання структурных блокаў кампетэнцый (кампетэнтнасцяў). Яна выдзяляе ў структуры кампетэнтнасці ведавы, матавацыйны, паветнацкі (працэсуальна-дзейнасцны), цэннасна-смысловага, эмацыянальна-волевага кампаненты. Указанны кампанентны склад кампетэнтнасцяў можа быць універсальным і прымянімым да апісання структурных блокаў любых відаў кампетэнцый, ў т. ч. і эстэтычных [2]. У нашым даследаванні кампаненты эстэтычных кампетэнцый аб'яднаны ў групы кагнітыўных, цэннасна-смысловых, працэсуальна-дзейнасцных кампетэнцый (далей – КК, ЦСК, ПДК адпаведна). Апісем зместна даныя групы кампетэнцый.

Група кагнітыўных кампетэнцый ўключае:

КК1 – ведаў історыі абразавальнага мастацтва, асноўных напраўленняў развіцця рысунка і жывопісы, кампазіцыі аддільных прадзвядзеньняў мастацтва;

КК2 – ведаў асноў жывопіснага граматы і тэхнікі выкарыстання мастацкіх матэрыялаў пры выкананні работ;

КК3 – ведаў асноўных прынцыпаў, этапаў і працэсу мадэліравання прычэсак і стрыжкаў, ў т. ч. з улікам ўплыва історычных мастацкіх стыляў на сучаснае мадэліраванне прычэсак;

КК4 – ведаў асноўных этычных нормаў і правілаў абшчэння ў ўмовах прадзвядальнага дзейнасці і ўплыва вонкавага віда работніка сферы абслужвання на ўспешнасць прафесійнага дзейнасці.

У групу цэннасна-смысловых кампетэнцый ўвадаюць:

ЦСК1 – праяўленне інтэраса да мастацкага творчэства дзейнасцяў мастацтва разлічных історычных эпох і історыі развіцця парыкмахерскага мастацтва;

ЦСК2 – праяўленне нравасна-эстэтычнага адносіна да дзейнасці па разраўтцы эскізаў мадэляў прычэсак і стрыжкаў;

ЦСК3 – праяўленне жэлаўня ствараць мастацкі образ, а таксама калекцыі прычэсак па разлічным номацыям;

ЦСК4 – проявление критического отношения к собственной деятельности по обеспечению необходимого качества оказываемых услуг по созданию образа с соблюдением основных этических норм и правил общения.

Группа процессуально-деятельностных компетенций состоит из:

ПДК1 – умение различать композицию отдельных произведений искусства различных авторов, воспринимать и анализировать отдельные произведения искусства различных исторических эпох;

ПДК2 – умение разрабатывать эскизы моделей причесок и стрижек с учетом исторических форм, стилевых направлений, модных тенденций и творчески применять различные художественные материалы при создании коллекции;

ПДК3 – умение выполнять прически любого назначения с учетом индивидуальных особенностей внешности потребителя услуги по фотографиям и репродукциям, корректировать недостатки внешности прической и создавать коллекцию причесок;

ПДК4 – умение создавать единый художественный образ с использованием современных средств парикмахерского искусства и декоративной косметики.

Развитие вышеназванных компетенций рассматривается в качестве цели и задач эстетического образования учащихся колледжа как будущих художников-модельеров и, следовательно, системообразующего компонента проекта развития этих компетенций в образовательном процессе колледжа сферы обслуживания. Разрабатывая проект, мы руководствовались тем, что он, во-первых, должен отражать логику и организацию образовательного процесса, а во-вторых – включать педагогические условия развития эстетических компетенций учащихся колледжа в ходе учебных занятий и воспитательной работы. В соответствии с этим проект развития эстетических компетенций учащихся колледжа включает целевой, методологический, содержательный, технологический и оценочно-результативный компоненты, а также педагогические условия развития этих компетенций. Целевой компонент проекта заключается в ориентации учебной и воспитательной работы преподавателей колледжа на развитие вышеназванных когнитивных, ценностно-смысловых, процессуально-деятельностных эстетических компетенций учащихся. Методологический компонент представлен культурологическим, аксиологическим, личностно ориентированным, компетентностным подходами.

Содержательный компонент проекта развития эстетических компетенций учащихся колледжа определяется составом и содержанием эстетических компетенций учащихся колледжа, а также содержанием учебных дисциплин профессионального цикла. Технологический компонент вышеназванного проекта включает методы и технологии развития эстетических компетенций (технологии проблемного, проектного обучения, информационные технологии, методы организации рефлексивной деятельности, деловые и ролевые игры и др.), а также формы воспитательной работы (экскурсии, круглые столы, конкурсы, викторины, творческие вечера, ток-шоу, квесты, коллективные творческие, социально значимые дела, мастер-классы и др.).

Оценочно-результативный компонент проекта состоит из диагностического инструментария, уровней развития эстетических компетенций учащихся колледжа, критериев и показателей, необходимых для их диагностики, а также ожидаемых результатов опытно-экспериментальной работы по апробации данного проекта. В качестве диагностического инструментария применялись следующие методы: анкетирование, тестирование, анализ репродукций художественных произведений с последующей разработкой эскизов современной прически, экспертная оценка и самооценка. Уровни развития эстетических компетенций учащихся устанавливались с помощью «шкалы оценки уров-

ней сформированности профессионально значимых качеств и умений», разработанной К. М. Левитаном [8], диагностических методик, предложенных Н. В. Черниковой [9] и О. В. Шокот [7], адаптированных к нашему исследованию.

Уровни развития эстетических компетенций учащихся колледжа определялись нами на основе уровней сформированности профессионально значимых качеств и умений, выделенных К. М. Левитаном, с учетом специфики нашего исследования: требуемый (эстетические компетенции ярко выражены, всегда проявляются в образовательном процессе); достаточный (эстетические компетенции достаточно выражены и часто проявляются в образовательном процессе); допустимый (эстетические компетенции имеют место, время от времени проявляются в образовательном процессе); недостаточный (эстетические компетенции недостаточно выражены, проявляются редко либо совсем не проявляются в образовательном процессе) уровни [8]. При этом прогнозируемым результатом апробации проекта является повышение уровня развития эстетических компетенций учащихся колледжа.

В ходе проектирования развития эстетических компетенций учащихся в образовательном процессе колледжа сферы обслуживания нами были определены педагогические условия развития данных компетенций:

1) отбор содержания обучения учебным дисциплинам профессионального компонента и воспитательной работы с акцентированием его ценностно-ориентационной составляющей;

2) реализация компетентностного подхода при проектировании учебных занятий по учебным дисциплинам профессионального компонента и воспитательных мероприятий;

3) применение продуктивных методов и форм организации учебно-познавательной и иных видов деятельности учащихся в образовательном процессе колледжа.

Рассмотрим кратко каждое из этих педагогических условий. Согласно первому педагогическому условию, необходимо обратиться к содержанию учебных дисциплин профессионального компонента. К таковым относятся такие учебные дисциплины, как «Рисунок и живопись», «Технология парикмахерских работ», «Моделирование и художественное оформление причесок», «Профессиональная этика и психология делового общения». Анализ предметно-тематического содержания этих дисциплин позволяет выделить разделы и темы, изучение которых наиболее способствует развитию эстетических компетенций учащихся. При отборе содержания воспитательной работы следует делать упор на материал, содержащий информацию об истории изобразительного искусства, об основных направлениях развития рисунка, живописи, а также парикмахерского искусства, о творчестве деятелей искусства различных исторических эпох, о творчестве художников-модельеров парикмахерского искусства на современном этапе и их достижениях в конкурсной деятельности на мировой арене.

Учебный материал искусствоведческого характера также содержит информацию о традициях парикмахерского искусства различных исторических эпох и современности. Акцентирование ценностно-ориентационной составляющей содержания дисциплин профессионального цикла в ходе их изучения способствует развитию интереса учащихся к работе по созданию художественного образа, коллекции причесок с учетом влияния исторических художественных стилей. Реализация данного педагогического условия ведет к организации активной творческой познавательной деятельности учащихся, в т. ч. деятельности по поиску и усвоению знаний об истории и конкурсах парикмахерского искусства и выдающихся представителях профессии, по оформлению альбомов, составлению презентаций и портфолио и т. п.

Определяя второе педагогическое условие, мы опирались на вывод исследователей, что главным вектором компетентного подхода является не столько усвоение знаний и умений, сколько достижение определенного интегрированного результата компетентности. Это предполагает более высокий уровень подготовленности будущего специалиста, включая опыт деятельности, достижения и личностные качества.

Реализуя компетентный подход при проектировании учебных занятий и воспитательных мероприятий, мы выбираем практико-ориентированный характер содержания и форм их проведения [3]. Это позволит усилить роль самостоятельной работы будущих художников-модельеров по решению учебных и профессиональных задач и, следовательно, будет способствовать развитию их профессиональной, эстетической компетентности.

В соответствии с третьим педагогическим условием для развития эстетических компетенций учащихся в образовательном процессе колледжа необходимо применять продуктивные методы и формы организации учебно-познавательной и иных видов деятельности учащихся. При выборе таких методов и форм мы учитывали утверждение исследователей о том, что развитие эстетических компетенций учащихся связано с их творческой активностью, участием в квазипрофессиональной деятельности.

Следует также подчеркнуть, что применение продуктивных методов и форм обучения и воспитания учащихся колледжа, реализация компетентного подхода в образовательном процессе позволяют усилить практический, прикладной, воспитательный аспекты освоения учебных дисциплин профессионального компонента.

Экспериментальная работа по апробации проекта развития эстетических компетенций учащихся в образовательном процессе проводилась в Брестском государственном колледже сферы обслуживания. На всех этапах эксперимента было задействовано 46 учащихся, составивших экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ) группы (по 24 человека). На констатирующем этапе эксперимента с помощью охарактеризованного выше диагностического инструментария были выявлены уровни развития эстетических компетенций учащихся.

Результаты показали, что уровни развития эстетических компетенций учащихся обеих групп на данном этапе эксперимента являются примерно одинаковыми. При этом как в ЭГ, так и в КГ не выявлены учащиеся с требуемым уровнем развития эстетических компетенций. В обеих группах присутствует значительное количество учащихся с недостаточным уровнем развития эстетических компетенций.

Так, недостаточный уровень развития когнитивных компетенций продемонстрировали 65,2 % учащихся ЭГ и 60,9 % учащихся КГ.

Недостаточный уровень развития ценностно-смысловых компетенций показали 69,6 % учащихся в каждой группе.

Недостаточный уровень развития процессуально-деятельностных компетенций выявлен у 87 и 78,3 % учащихся ЭГ и КГ соответственно.

Полученные результаты свидетельствуют об актуальности исследуемой проблемы, а также об имеющемся потенциале развития эстетических компетенций учащихся.

Основная цель формирующего этапа эксперимента заключалась в апробации проекта развития эстетических компетенций учащихся в образовательном процессе колледжа. Для его проведения нами была разработана программа формирующего этапа эксперимента. Приведем фрагмент этой программы (таблица).

Таблица. – Фрагмент программы формирующего этапа эксперимента

№ п/п	Месяц	Тема учебного занятия (учебная дисциплина) или воспитательного мероприятия	Целевые ориентиры	Методы, технологии, формы развития эстетических компетенций
1.1	Январь	Выполнение серии зарисовок стрижек и причесок с аксессуарами в смешанной технике («Рисунок и живопись»)	КК1, КК2, ЦСК2, ЦСК3, ПДК2	Ролевая игра «Подбери аксессуары»; метод «Мозговой штурм»; метод организации рефлексивной деятельности «Клубок пожеланий»
1.2		Общие сведения об окраске волос («Технология парикмахерских работ»)	КК3, ЦСК4, ПДК2, ПДК4	Технология проблемного обучения; дискуссия; метод организации рефлексивной деятельности «Заверши фразу»
1.3		Выполнение мелирования различными методами. Лечение волос («Технология парикмахерских работ»)	КК4, ЦСК3, ЦСК4, ПДК3, ПДК4	Деловая игра «Желание потребителя – закон?»; кейс-технология: анализ предложенной ситуации и выбор метода мелирования; метод организации рефлексивной деятельности «Градусник»
1.4		Моделирование причесок с учетом коррекции лица и фигуры («Моделирование и художественное оформление причесок»)	КК2, КК3, ЦСК1, ЦСК3, ПДК1, ПДК3	Разработка и презентация проектов «Моделирование причесок с учетом коррекции лица и фигуры»; интервьюирование; метод организации рефлексивной деятельности «Рефлексивная мишень»
1.5		Воспитательное мероприятие «Показ фантазийных моделей причесок»	КК2, КК3, ЦСК2, ЦСК3, ПДК2	Театрализованное представление; методы организации рефлексивной деятельности «Заверши фразу», «Голосуем за...»
1.6		Воспитательное мероприятие: акция «Современная прическа. Я выбираю...»	КК1, ЦСК1, ПДК1	Анализ фотографий и репродукций; метод организации рефлексивной деятельности «Голосуем за...»
1.7		Посещение выставки в художественном музее, посвященной 100-летию художника П. А. Даниеля	КК1, КК2, ЦСК1, ПДК1	Экскурсия; метод организации рефлексивной деятельности «Мои впечатления»

Охарактеризуем кратко технологии, методы, формы обучения и воспитания, которые использовались в ходе формирующего этапа эксперимента, в т. ч. представленные в таблице. В процессе развития эстетических компетенций учащихся колледжа активно применяются игровые технологии. При этом отдается предпочтение деловым и ролевым играм. Примером ролевой игры может служить игра «Подбери аксессуары». Она проведена при изучении темы «Выполнение серии зарисовок стрижек и причесок с аксессуарами в смешанной технике» в рамках учебной дисциплины «Рисунок и живопись». В процессе игры учащиеся исполняли различные роли (художник-модельер, конкурсант, потребитель парикмахерской услуги), высказывали свое мнение по проблеме, отстаивали свою позицию, демонстрировали знание законов композиции при подборе аксессуаров для выполнения в дальнейшем серии зарисовок причесок с данными аксессуарами. При изучении темы «Выполнение мелирования различными методами. Лечение волос» (учебная дисциплина «Технология парикмахерских работ») в ходе деловой игры «Желание потребителя – закон?» учащиеся вели переговоры с потен-

циальными потребителями услуги по выполнению мелирования волос различными методами, осуществляли консультирование «клиентов». Таким образом, они были включены в квазипрофессиональную деятельность. В ходе деловой игры удалось создать среду, максимально приближенную к будущей профессиональной деятельности. Это способствовало формированию умений принимать оптимальные решения, развитию профессиональной мотивации, чувства ответственности за результаты работы.

На формирующем этапе экспериментальной работы применялась технология проектного обучения, направленная на организацию самостоятельной работы учащихся по решению учебных и практических задач. Выполнение проектов позволяет объединить теоретические и практические составляющие будущей профессиональной деятельности учащихся, развивать их творческий потенциал. Например, в ходе изучения дисциплины «Рисунок и живопись» учащиеся разработали проект «Коллекция современных моделей причесок», в рамках которого обосновали основную идею и девиз коллекции, выполнили поиск формы, фактуры, цветового решения моделей причесок в контексте общей концепции и создавали коллекции. Технология проектного обучения позволяет развивать у учащихся исследовательские умения, опыт решения эстетических задач. Проектная деятельность способствует повышению познавательной и творческой активности учащихся. Они проявляют интерес, становятся более самостоятельными при интерпретации информации на учебных занятиях, у них развиваются способности творчески применять различные художественные техники и материалы.

С целью развития эстетических компетенций учащихся практикуется также использование на учебных занятиях различных методов организации рефлексивной деятельности. Например, при проведении учебных занятий применялись методы «Рефлексивная мишень», «Оценочный лист», «Синквейн» и др. При проведении учебного занятия по учебной дисциплине «Моделирование и художественное оформление причесок» учащимся было предложено оценить уровень усвоения и ценность представленного материала по методике «Статика – динамика». Они выбирали из предварительно подготовленных карточек с изображением силуэтов причесок в динамичном и статичном состоянии только одну в зависимости от собственного восприятия «динамики» учебного занятия и личного участия в работе. Учащимся, которые выбрали позицию «Статика», в дальнейшем рекомендовалось подобрать для себя варианты деятельности, которые помогли бы им перейти из статичного состояния в состояние движения к усвоению знаний и формированию умений. Кроме того, на протяжении всего формирующего этапа эксперимента учащиеся готовили и представляли мультимедийные презентации, анализировали фотографии, репродукции и учебные видеофильмы, писали эссе. Эти и подобные педагогические методы и приемы способствовали воспитанию ответственности, инициативности, развитию творческих способностей, умения прогнозировать и осмысливать результаты собственной деятельности.

В процессе воспитательной работы с учащимися проводились экскурсии, викторины, устные журналы, театрализованные представления и др. Например, учащимися и преподавателями колледжа был организован круглый стол «Путь к успеху», на который были приглашены участники выставок и конкурсов парикмахерского искусства областного, республиканского, международного уровней. В ходе круглого стола учащиеся обсуждали с гостями условия проведения конкурсов, обсуждали презентацию об организаторах и участниках конкурсов, дискутировали о том, как укрепить позицию представителей Беларуси на мировой арене парикмахерского искусства.

Особого внимания заслуживает такая форма групповой работы, как реализация социально значимых дел. Она предполагает участие учащихся колледжа в качестве художников-модельеров в организации и проведении праздников, вечеров отдыха, утренников, благотворительных акций для воспитанников детских домов, реабилитационных центров и т. д. Например, учащиеся колледжа приняли участие в качестве волонтеров в акции «Разные дети – равные возможности», в ходе которой они оказали парикмахерские услуги детям с ДЦП в реабилитационном центре «Тонус». В формате акции «Доброты в мире должно быть больше!» учащиеся выполняли стрижки пожилым людям.

Заклучение

Таким образом, теоретическое изучение психолого-педагогической литературы и нормативно-правовой документации позволило уточнить понятие, состав и содержание эстетических компетенций учащихся колледжа, обосновать утверждение о том, что образовательный процесс колледжа сферы обслуживания обладает определенным потенциалом для развития данных компетенций, разработать проект и определить педагогические условия развития указанных компетенций в образовательном процессе.

Предварительные результаты опытно-экспериментальной работы позволяют сделать вывод о том, что процесс обучения учебным дисциплинам профессионального компонента в ходе учебных занятий и воспитательной работы по этим дисциплинам предоставляет широкие возможности для развития эстетических компетенций будущих художников-модельеров.

Предметно-тематическое содержание учебных дисциплин, формы и методы организации деятельности учащихся, применяемые в рамках их изучения, оказывают воспитательное и развивающее влияние на личность учащегося, способствуют обогащению его эстетического опыта, становлению его как профессионала, специалиста сферы обслуживания.

При этом продуктивными педагогическими средствами развития всех групп (КК, ЦСК, ПДК) эстетических компетенций учащихся колледжа являются технологии проблемного, проектного обучения, информационные технологии, методы организации рефлексивной деятельности, деловые и ролевые игры, экскурсии, круглые столы, конкурсы, викторины, творческие вечера, ток-шоу, квесты, коллективные творческие, социально значимые дела, мастер-классы и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты [Электронный ресурс] / А. В. Хуторской. – Режим доступа: <http://eidos.ru/journal/2002/04-23.htm>. – Дата доступа: 03.10.2020.

2. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования [Электронный ресурс] / И. А. Зимняя. – 2006. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>. – Дата доступа: 03.10.2020.

3. Жук, О. Л. Педагогика. Практикум на основе компетентностного подхода : учеб. пособие / О. Л. Жук, С. Н. Сиренко ; под общ. ред. О. Л. Жук. – Минск : РИВШ, 2007. – 192 с.

4. Коломиец, С. М. Творческие компетенции студентов социально-экономических специальностей : монография / С. М. Коломиец. – М. : Перо, 2010. – 181 с.

5. Коренистова, Н. Г. Формирование эстетической компетентности учащихся в процессе взаимодействия семьи и школы : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Н. Г. Коренистова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.

6. Киндлер, Е. А. Формирование эстетической компетенции будущих учителей культурологии в процессе преподавания философско-культурологических дисциплин : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Е. А. Киндлер ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 24 с.

7. Шокот, О. В. Формирование эстетической компетенции в профессиональной подготовке студентов колледжа сферы услуг : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / О. В. Шокот ; МПГУ. – М., 2008. – 152 л.

8. Левитан, К. М. Основы педагогической деонтологии : учеб. пособие для высш. шк. / К. М. Левитан. – М. : Наука, 1994. – 192 с.

9. Черникова, Н. В. Особенности эстетического развития личности и формирования эстетической культуры на разных возрастных этапах [Электронный ресурс] / Н. В. Черникова. – Режим доступа: <https://elib.bspu.by/handle/doc/2914>. – Дата доступа: 14.10.2020.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.12.2020

УДК 159.9.07

Марія Степановна Ковалевіч

канд. пед. наук, доц., доц. каф. педагогікі

Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Mariya Kovalevich

PhD (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: maria_brest@tut.by

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: КОНЦЕПЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Представлено теоретико-методологическое обоснование, концепция и технология профессионально-карьерного развития студенческой молодежи, направленные на создание условий, оптимизирующих процесс развития этого феномена. Представлены результаты эмпирического исследования мотивации получения высшего профессионального образования и карьерных ориентаций студентов социально-педагогического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина как основа профессионального становления личности будущих специалистов в сфере образования.

Design and Development of Career Orientations of Future Specialists in the Field of Education: Concept and Technology of Implementation

The concept and technology of professional and career development of students, aimed at creating conditions that optimize the development of this phenomenon, are theoretically and methodologically justified in the article. The results of empirical research of students' motivation to get higher professional education as well as career orientation of students of social and pedagogical faculty of Brest State A. S. Pushkin University as a basis of professional formation of future specialists in the field of education are presented.

Введение

Становление современного специалиста как целостной, гуманной, гармонично развитой личности со сформированным национальным сознанием, включая патриотические чувства, неразрывно связано с его профессиональной подготовкой, осуществляемой в системе высшего образования.

Стратегия «Наука и технология 2018–2040» в Республике Беларусь предусматривает создание «Общества Интеллекта 2040», в котором доминируют гуманистические ценности. Ключевой элемент и движущая сила общества – высокоинтеллектуальный человек-творец, постоянно повышающий свои компетенции. А для этого необходим переход от «парадигмы запоминания» к умениям генерировать оригинальные идеи и ставить новые проблемы. Вместе с тем в документе отмечается недостаточно быстрое реагирование системы образования на изменение рынка труда и формирование новых запросов национальной экономики в специалистах «прорывных областей».

В связи с этим основная цель высшего профессионального образования сегодня – это подготовка высококвалифицированного специалиста, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности. Поэтому необходимо *практическое сопровождение процесса проектирования и развития карьеры* студентов и молодых специалистов, которое включает в себя профпросвещение и консультирова-

ние будущих специалистов в плане достижения стратегических личностных и профессиональных целей на стадии обучения (сначала в школе, а затем в вузе) и представляет собой один из структурных компонентов профессиональной ориентации.

Современные подходы к профориентации молодежи строятся на основе *концепции*, которая предполагает корректировку и развитие ряда характеристик профессиональной пригодности, выработку индивидуального стиля деятельности, компенсацию недостающих профессионально важных качеств. Таким образом, предусматривается комплекс средств для активизации профессионального самоопределения личности и система работы по сопровождению карьерного саморазвития студента, проектированию и развитию его карьерных ориентаций.

Университеты заинтересованы в карьерном продвижении своих выпускников, т. к. карьерный рост обеспечивает развитие личности профессионала. Поэтому управление карьерой будущих специалистов в настоящее время признано одной из важнейших функций высших учебных заведений.

В условиях интеграции Беларуси с мировым сообществом появилась необходимость подготовки профессионально-педагогических кадров, соответствующих требованиям международных стандартов. В образовательном процессе на уровнях национальной системы образования в Республике Беларусь профессионально-карьерное развитие рассматривается как одна из функций высшего образования.

Одно из предположений об изменении роли профессиональной ориентации в ближайшие годы заключается в том, что для значительной части людей не так важно будет найти свою нишу на рынке труда, важнее уметь сконструировать свой собственный профессиональный сценарий.

Анализ и обобщение материалов социологических исследований, ведущихся в данных направлениях, в т. ч. при участии автора статьи, позволяет предположить, что под влиянием трансформационных процессов молодежь начинает формировать новые стратегии профессионального поведения, опирающиеся на измененную систему ценностных ориентаций.

Вузовская практика и психолого-педагогические исследования показывают, что значительная часть абитуриентов высших учебных заведений не имеет положительной профессиональной мотивации со всеми вытекающими отсюда последствиями: отсутствием интереса к учению, постоянными сомнениями и неудовлетворенностью выбранной профессией, стремлением после вуза избежать работы в учреждении образования.

Серьезные проблемы молодежи связаны с проектированием профессиональной карьеры. Усугубляются трудности трудоустройства в связи с отсутствием у потенциальных молодых специалистов требуемого работодателями стажа и опыта работы, сложности получения этого опыта, с проблемой дисбаланса спроса и предложения на рынке труда.

В педагогической науке накоплен опыт теоретических и практических исследований по проблеме карьерного роста, формирования карьеры студенческой молодежи. Однако в вузовской практике эти результаты востребованы лишь частично. Возникают противоречия между:

- 1) необходимостью проектирования и развития карьерных ориентаций на ранних этапах профессионализации и неразработанностью целостной концепции этого процесса;
- 2) необходимостью повышения уровня профессионально-карьерного развития студенческой молодежи и неразработанностью карьероразвивающих образовательных

программ, в которых целью обучения выступает развитие карьерной компетентности с учетом карьерного самоопределения;

3) уникальностью профессионально-карьерного развития каждого студента вуза и ее недостаточным учетом в проектировании новых технологий психолого-педагогического сопровождения карьерного развития студентов в процессе получения высшего образования;

4) необходимостью практико-ориентированной направленности содержания основных образовательных программ и отсутствием необходимой для выстраивания стратегии развития связи с работодателями, недостаточно результативной производственной практикой;

5) программно-методическим и технологическим обеспечением учреждениями образования процесса формирования у будущего специалиста общих и профессиональных компетенций, обеспечивающих в дальнейшем его конкурентоспособность, и требованиями эффективного осуществления этого процесса.

Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. предусмотрено выведение системы образования Беларуси «на уровень, соответствующий мировым стандартам». Стратегические направления развития национальной системы непрерывного педагогического образования предусматривают переход национальной системы непрерывного педагогического образования на кластерную модель развития. Решению данной задачи во многом будет способствовать проектирование и развитие карьерных ориентаций студенчества на ранних этапах профессионализации.

Краткий анализ результатов изучения карьерных ориентаций и профессионального самоопределения

Анализ современных исследований карьеры позволил выявить основные тенденции в ее рассмотрении. Предложено деятельностно-процессуальное определение карьеры, в контексте которого карьера – это форма организации профессиональной жизни в виде долговременного, внутренне последовательного и преемственного процесса реализации профессиональных ценностей, мотивов и целей личности [1, с. 4].

Анализ психологической и педагогической литературы свидетельствует о том, что проблема сущности профессиональной карьеры рассматривается в работах разных авторов. Так, изучается мотивация карьеры (D. McClelland, D. G. Winter), постановка карьерных целей (А. Я. Кибанов, А. К. Гусева), возможности управления карьерой персонала в организации (D. T. Hall, Э. Шейн, А. Я. Кибанов и др.), становление и развитие личности в ходе карьерного продвижения (А. К. Маркова, Э. Молл, А. А. Деркач, Д. Сьюпер), стратегии и тактики гибкой ориентации в профессиональной среде (Н. Бетц, С. А. Дружилов, М. Г. Солнышкина), профессиональных компетенций (Е. В. Садон), карьерных компетенций в рамках технологии ассессмента (А. С. Бажин, Е. А. Могилевкин).

В современных акмеологических исследованиях рассматривается широкий спектр психологических проблем профессионального и личностного развития. Проблема карьеры получила психологическое осмысление в концепциях профессионального самоопределения, персонального развития, психологии зрелости, психологии успеха, мотивации достижения (Д. Сьюпер, Д. Тидман, Д. Холл, Э. Шейн, Д. Макклелланд, А. А. Агапов и др.).

Проблеме особенностей профессиональных и социальных ориентаций студенческой молодежи посвящены исследования А. Н. Дмитриева, В. И. Добрыниной, С. Н. Иконниковой, И. С. Кона, М. Х. Титмы, В. Н. Шубкина, Т. И. Яковук и др.

Среди белорусских авторов, в работах которых рассматриваются разные аспекты проблемы жизненного и профессионального самоопределения, надо назвать А. М. Дулуб, Ж. Е. Завадскую, Е. С. Игнатович, М. С. Ковалевич, Л. В. Луцевич, О. А. Олекс, Е. Н. Прошицкую, Н. К. Степаненкова и др.

В процессе исследования установлено, что проблемой профессионального самоопределения и развития личности занимаются научные центры: НИИ профессионального самоопределения молодежи РАО, лаборатория «Гуманитарные Технологии» при МГУ, где созданы методики дистанционного профориентационного тестирования, Кемеровский областной центр профессиональной ориентации и психологической поддержки населения, где осуществляется разработка материалов по технологиям выбора профессии, лаборатория психологии профессионального развития личности Психологического института имени Л. Г. Щукиной РАО, где разработана Концепция профессионального развития личности, и др.

В 2015 г. в Центре профессионального образования и систем квалификаций Федерального института развития образования России (ныне ФИРО РАНХиГС) была разработана Концепция сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в условиях непрерывности образования [2].

В Республике Беларусь немало делается для организации профориентационной деятельности. Разработана автоматизированная система формирования заказа на подготовку квалифицированных кадров для всех отраслей экономики в Республике Беларусь. Обоснована и утверждена квалификационная характеристика должности «педагог-профориентолог». Осуществляется разработка и внедрение научно-исследовательского проекта «Теоретическое обоснование и определение содержания профориентационного компонента современной образовательной среды» РЦПОМ, сотрудниками которого разработана Концепция развития профессиональной ориентации молодежи в Республике Беларусь [3]. На базе гимназии № 5 г. Барановичи реализуется инновационный проект «Внедрение компетентностно-ориентированной цифровой модели профориентационной работы как компонента мобильного образования» [4].

Хорошо зарекомендовали себя учебно-тренинговый центр «Успешная Карьера» в г. Минске, Центр развития карьеры City Business School, Центр развития карьеры Института бизнеса БГУ, Центр профессионального самоопределения молодежи Брестской области «Профориентир», Центр профориентации, планирования и развития карьеры в Витебском филиале Университета МИТСО, Центр развития «Перспектива успеха» и «Бюро карьеры» в г. Бресте, Центр профориентации в г. Лиозно, Центр развития карьеры в г. Гомеле и др.

Профориентационная работа БрГУ следует миссии «Заинтересованный абитуриент – успешный студент – счастливый выпускник – успешный работник – удовлетворенность работодателя» и основана на идее профориентационного сопровождения образовательного процесса как скоординированной профессиональной деятельности субъектов образовательного процесса, направленной на создание психолого-педагогических условий для успешного профессионального самоопределения, формирования профессионального сознания и трудоустройства студентов по освоенной профессии.

Для качественной организации профориентационной деятельности очевидна необходимость обращения к опыту стран с высокой психологической культурой. Эффек-

тивно работают Центры развития карьеры в Европе и Америке. Среди наиболее известных – Центр развития карьеры Калифорнийского технического университета (Лос-Анджелес (UCLA), Центр развития карьеры Массачусетского технологического института, Центр развития карьеры Сорбонна – II (Университет Париж II, или Университет Париж Пантеон-Ассас), Центр развития карьеры Техасского университета и др.

В развитых странах уделяется большое внимание профессиональной ориентации учащихся, где, наряду с помощью в выборе профессии, приоритетным является формирование самостоятельности, развитие интересов, склонностей и умений оценивать себя в контексте требований рынка труда и самостоятельно выстраивать карьеру.

Выбор человеком того или иного типа карьерного продвижения зависит от интересов, профессиональных установок и мотивов профессиональной деятельности.

Мотивация выбора того или иного варианта карьерного продвижения связана, с одной стороны, с мотивами профессиональной деятельности, с другой – с приверженностью организации; кроме того, на мотивы выбора оказывают влияние объективные и субъективные факторы, способствующие карьерному продвижению.

Результаты исследования

Анализ мотивации получения высшего профессионального образования был произведен на основе данных, полученных при анкетировании будущих специалистов по дошкольному образованию, обучающихся на социально-педагогическом факультете в Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина в 2019/20 учебном году. В исследовании приняли участие 102 респондента.

Проведенное нами исследование показывает, что студенты ставят на первое место «Приобретение знаний» и «Овладение профессией». Это свидетельствует об адекватном выборе этими студентами профессии и удовлетворенности ею. Мотивация получения диплома при формальном усвоении знаний является менее значимой. Однако наличие студентов с низким уровнем развития мотивационной сферы (20 %) говорит о существовании проблемы профессионального выбора и профессиональной адаптации к ВУЗу.

Исследования по проблеме карьеры показывают, что среди факторов, влияющих на профессиональную и должностную карьеру, респонденты ставят *собственные усилия, накопленные знания, умения и профессиональный опыт*. Подобный взгляд на карьеру отражает современную позицию, при которой карьера рассматривается как *результат реализации собственного профессионального и личностного потенциала* и зависит прежде всего от усилий самого человека.

В число ведущих факторов карьеры входит также *желание повысить уровень жизни, улучшить свое материальное положение* при занятии более высокой должности, т. е. материальные стимулы являются одними из определяющих в мотивации к карьерному росту.

В ходе исследования выявлено, что у студентов, обучающихся на специальности «Дошкольное образование», ярко выражены пять карьерных ориентаций: «стабильность работы», «интеграция стилей жизни», «автономия», «компетентность», «предприимчивость». Это свидетельствует о том, что у значительной части респондентов актуализировано желание иметь стабильную, надежную работу, они испытывают потребность в безопасности, защите, карьера ассоциируется ими с общим стилем жизни, уравновешивая потребности человека, семьи и карьеры, карьера для них – это способ реализа-

ции их свободы, профессиональная компетентность является для них ценностным ресурсом, фактором успешности в решении профессиональных задач.

Однако будущие специалисты в области дошкольного образования пока не готовы решать сложные проблемы, преодолевать препятствия, возникающие в процессе их профессиональной деятельности, а новизна, разнообразие и вызов для большинства из них не имеют большой ценности.

Выявлена слабая карьерная ориентация на ценность служения. Основными ценностями при данной ориентации являются «работа с людьми», «служение человечеству», «желание сделать мир лучше» и т. д. На наш взгляд, данная ценностная ориентация является значимой для студентов с ярко выраженной или преобладающей склонностью к профессиям типа «человек – человек» [5].

Сегодня перед высшими учебными заведениями встала проблема создания условий для формирования карьероориентированного студента, который способен выбирать сценарий карьерного развития в связи с собственными ценностными установками, интересами и склонностями.

Разнообразие теоретических концепций и учебных программ по профессиональному и карьерному консультированию свидетельствует об интенсивности и результативности поиска новых решений в профессионально-карьерном развитии молодежи. Теоретическое обоснование вариативности содержания, форм и методов профессионально-карьерного развития создает основу для раскрытия и стимулирования творческих инициатив молодых людей при построении и реализации своих профессиональных планов.

Для молодых людей, получивших определенные профессиональные знания и навыки и не нашедших после окончания учебного заведения работу в соответствии со своими притязаниями, проблема трудоустройства, поиска работы, правильного выбора места работы является социально-психологической. Большинство из них нуждается в профориентационных услугах и психологической поддержке. Для успешного трудоустройства недостаточно иметь только качественное образование, необходимы практические навыки общения с работодателями, знание психологических аспектов интервьюирования и правил написания резюме, владение информацией о состоянии современного рынка труда, знание технологий поиска места работы. В связи с этим была разработана *концепция и технология* педагогической поддержки проектирования и развития карьеры будущего специалиста в процессе обучения в вузе.

В качестве теоретической аргументации концептуальных оснований процесса проектирования и развития карьерных ориентаций на ранних этапах профессионализации специалистов в нашем исследовании выступают: концепция стратегии жизни, аксиология, концепция самоактуализации, психолого-педагогическая антропология, гуманистическая стратегия, акмеологический и личностно ориентированный подходы, которые соответствуют синергетическим представлениям об открытости, нелинейности и неравновесности самоопределяющейся личности как субъекта деятельности.

Представленная концепция в отличие от известных концепций, построенных на основе классической парадигмы жесткого управления процессом профессионального становления личности, представляет собой концепцию синергетического управления процессом проектирования и развития карьерных ориентаций на ранних этапах профессионализации специалистов, в контексте которой процесс проектирования и развития карьерных ориентаций – это:

1) открытая система (процесс проектирования и развития карьерных ориентаций на ранних этапах профессионализации специалистов происходит под влиянием разнообразных факторов: экономических, социальных, правовых);

2) сложная система, содержащая в себе многообразие содержания и способов проектирования и развития карьерных ориентаций;

3) динамичная система, содержание которой не остается постоянным, а зависит от уровня развития личности будущего профессионала и потребности общества в специалистах высокого уровня компетентности;

4) функционально активная система, способная к переключениям между разнообразными типами поведения при изменении внешних условий;

5) вероятностная система: построенный студентом проект его индивидуального профессионального сценария является только общей моделью, которая содержит более или менее реальные варианты, один из которых может быть реализован;

6) ориентирующая система, в которой вероятностный характер развития сочетается с детерминирующим фактором: сознательным отбором информации, ее сопоставлением с собственной информационной программой;

7) целенаправленная в будущее система, которая ориентирована на личностное и профессиональное развитие будущих специалистов.

Концепция основывается на следующих положениях.

1. Процесс развития карьерных ориентаций, становление нового сценария развития личности происходит в условиях открытости, нахождения в бифуркационном состоянии в результате взаимодействия хаоса и порядка; вероятности и детерминированности; случайности и необходимости.

2. Генезис становления карьерных ориентаций обеспечивается способами инициирования собственных тенденций развития системы за счет процесса организации резонансной среды, возникновения механизма самоорганизации личности и перевода ее на основе точного и своевременного воздействия к качественно новому состоянию развития, которое определяется аттрактором в точке бифуркации.

3. Вероятностный прогноз развития карьерных ориентаций возможен, поскольку выбор происходит благодаря сочетанию вероятностного характера развития с детерминантным фактором: сознательный отбор внешних факторов и сочетание их с собственной информационной программой личности.

4. Устойчивое состояние карьерных ориентаций определяется ценностями системы, которые выполняют роль аттракторов и приводят в действие механизм самореализации личности.

5. Эффективность развития карьерных ориентаций зависит не столько от силы педагогического влияния, сколько от его соответствия внутренним тенденциям развития системы и своевременности применения: чем более общий спектр интегрирования внешнего воздействия с внутренними тенденциями развития системы, тем более мощный их синергетический эффект. Решающую роль в этом процессе играет не борьба за существование, а взаимопомощь, согласованность, сотрудничество, совместные усилия педагога и студента в построении и осуществлении жизненной профессиональной перспективы.

6. Регулятивная основа, которая определяет содержание, формы, методы и средства развития карьерных ориентаций будущего специалиста в соответствии со стратегической целью, является система синергетических принципов: открытости педагогической системы, резонанса, единого темпа развития, взаимодействия самоорганизации

и организации, рефлексии, долгосрочного действия; динамичности и вариативности содержания и технологий, обеспечивающих карьероразвивающую направленность образовательного процесса.

Принципиальная новизна разработанной концепции заключается в исследовании процесса развития карьерных ориентаций с позиций поведения нелинейных, неравновесных систем, признания конструктивной роли хаоса (ситуация неопределенности, отсутствие единственного решения проблемы) как условия стабильного и динамичного развития личности, поливариантности путей ее развития, закономерности и разнообразия бифуркационных ситуаций, возможности инициирования дополнительных направлений развития личности студента за счет организации резонансной среды на основе точных и своевременных воздействий, решения вопроса о соотношении необходимости и случайности (случайность рассматривается не как исключение в процессе профессионального становления, а как допустимо возможный конструктивный механизм развития карьерных ориентаций личности), возможности вероятностного прогноза в виде формулирования стратегической цели профессиональной жизни и определения параметров порядка, которые обуславливают направление подготовки специалиста.

Возможности применения. Концепция педагогической поддержки проектирования и развития карьерных ориентаций может быть использована для разработки инновационных технологий педагогической поддержки личностного и профессионального становления будущего педагога.

Технология проектирования и развития карьеры в процессе профессиональной подготовки в вузе включает в себя следующие этапы и мероприятия, направленные на процесс эффективного планирования студентами карьеры будущего специалиста:

1. Профориентационная деятельность в профильных классах: профинформирование, профвоспитание, профдиагностика.

2. Мониторинг личностно-профессионального развития студентов в процессе обучения в вузе.

3. Наличие в учебном плане карьероориентированных учебных курсов, дисциплин по выбору, элективных курсов, способствующих эффективному проектированию и развитию студентами карьерного сценария.

4. Психолого-педагогическая поддержка проектирования студентами карьеры (тренинги по планированию карьеры: тренинг лидерства, тренинг «Билет в будущее: я выбираю свою судьбу», консультации студентов относительно выбора индивидуального образовательного сценария, индивидуального проектирования карьеры).

5. Подготовка «Паспорта профессиональной карьеры» студента.

6. Наличие обратной связи с выпускниками с целью уточнения этапов продвижения по служебной лестнице и соотнесения реального положения дел, касающегося их карьерного роста, с проектированием карьеры в вузе.

С самого начала построения своего жизненного и профессионального сценария человек постоянно сталкивается с множеством ситуаций ответственного выбора, ему необходимо принять адекватное решение, выбрав его из нескольких, зачастую равнозначных, альтернатив. Именно наличие нескольких возможных способов решения приводит к тому, что человек воспринимает ситуацию как требующую принятия решения. При этом важным условием умения принимать решения является *автономность и самостоятельность* человека, когда он принимает на себя ответственность за принятое решение и его последствия, когда он сам в состоянии предлагать и оценивать альтернативы.

Особенно важным это является в выборе профессиональной деятельности человека, поскольку в современных условиях рынок труда и профессий очень динамичен, происходят изменения и внутри профессий, связанные с высокими темпами устаревания знаний, быстрым развитием технологий.

Сохранение инициативы и ответственности человека как субъекта профессионального развития обеспечивается профессиональным психологическим сопровождением. *Метод психологического сопровождения* направлен на содействие субъекту в формировании ориентационного поля развития, создание условий для его саморазвития.

Основными принципами профессионального сопровождения являются: опора на внутренний потенциал и достижения субъекта, признание безусловной ценности внутреннего мира, а также приоритетность потребностей, целей и ценностей его индивидуального сценария развития.

Целью практического сопровождения проектирования и развития карьеры становится анализ возможностей и профессиональных предпочтений человека, перспектив роста и развития, подготовка к вариантам изменений в жизни и карьере человека, формирование уверенного поведения на рынке труда.

Исследование процесса проектирования карьеры в профессиональной подготовке в вузе позволило выделить, а затем обосновать несколько этапов его осуществления:

1 этап: профессиональное самоопределение учащихся, которое происходит на стадии формирования профильных классов, где большое внимание уделяется мотивации профессионального обучения, формирующей начальные карьерные ориентации будущего специалиста;

2 этап: профессиональное обучение, во время которого происходит профессиональное развитие личности и осознание соответствия своих способностей и возможностей, карьероориентированное развитие студента, которое курируется преподавателями, а также осуществляется психолого-педагогическое сопровождение студента в аспекте индивидуального проектирования карьеры;

3 этап: получение высшего профессионального образования и выбор выпускником профессии, на которую он был ориентирован в вузе как на первую ступень в становлении индивидуальной карьеры;

4 этап: реализация карьерного сценария, опирающегося на постоянное саморазвитие, самосовершенствование, самообучение, на развитие профессиональной Я-концепции.

Для подкрепления у студентов мотивации проектирования карьеры нами был разработан элективный курс «Технологии развития профессиональной карьеры», для магистрантов – «Технологии проектирования и развития карьеры педагога-исследователя». Программа данного курса включает следующие разделы: «Основы управления карьерой», «Планирование карьеры», «Развитие карьеры», «Гендерные аспекты развития карьеры».

Для магистрантов дополнительно включены темы: «Профессиональная мотивация личности», «Карьерный самоменеджмент как технология успешного проектирования карьеры», «Профессиональная карьера педагога-исследователя и перспективы ее развития», «Супервизорство как технология подготовки педагога-исследователя».

В процессе преподавания курса используются следующие *формы*: лекции (традиционная, проблемная, лекция-визуализация, мультимедиа-лекция), семинары (традиционные, семинар-беседа, семинар-дискуссия, проблемный семинар, семинар-коллоквиум); *методы*: дискуссионные (диалог, групповая дискуссия, анализ ситуаций из прак-

тики, анализ ситуаций морального выбора); игровые (деловые, ролевые, организационно-деятельностные игры); тренинговые (коммуникативный тренинг), методы самостоятельной работы студентов (работа с учебниками, пособиями, конспектирование, реферирование, написание сочинений, эссе, составление кроссвордов, педагогического коллажа).

Для диагностики компетенций используются следующие *формы и методы*: коллоквиумы; доклады на семинарских занятиях; доклады на конференциях; оценивание на основе деловой игры; тесты; контрольные работы; эссе; рефераты; отчеты по научно-исследовательской работе; публикации статей, докладов; оценивание на основе портфолио; оценивание на основе проектного метода; отчеты по домашним практическим упражнениям с их устной защитой, мастер-классы, авторские презентации и их защиты, промежуточный контроль в форме уплотненного (композиционного) опроса.

Студентам предлагается выбрать одну из технологий проектирования карьеры, например, методику Кибанова, методику Резника, методику Карр-Руфино, методику Лукина. В беседе с каждым студентом оцениваются его карьерные притязания: к какой сложности задач он стремится, к какой ответственности готов, каков его желаемый уровень должности и как он эту должность понимает, что она ему дает: знания, опыт, власть, статус, деньги, связи и т. д.

Хорошо, если получится составить *карьерограмму* – формализованное представление о том, какой путь может пройти будущий специалист, если он мотивирован на карьерный рост, планирует карьерный сценарий и обладает карьерным потенциалом, перечень профессиональных и должностных позиций в организации, фиксирующий оптимальное развитие сотрудника для занятия им определенной позиции. Например, применительно к системе высшей школы служебную карьеру можно представить в виде последовательного замещения различных должностей профессорско-преподавательского состава: ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой, декан факультета, проректор, ректор.

Представленная карьерограмма преподавателя высшей школы отражает традиционную модель карьерного продвижения и предполагает должностной рост «по вертикали» от младших должностей к старшим, в процессе которого работник осваивает необходимые знания, умения, навыки, накапливает профессиональный опыт. В то же время существует и *поливариативный тип карьеры*, при котором работник может развивать и совершенствовать свои способности в пределах не одной, а нескольких профессиональных сфер. Так, преподаватель может переходить с педагогической работы на административную (например, с должности старшего преподавателя на должность главного специалиста учебного или учебно-методического отдела, с должности доцента на должность начальника отдела и т. д.) или совмещать оба вида деятельности.

Заключение

Таким образом, педагогическая поддержка будет обеспечивать успешное профессионально-карьерное развитие студенческой молодежи, если:

1) осуществляется обогащение учебных программ дополнительным материалом для освоения запрашиваемых работодателями трудовых функций – профессиональных компетенций;

2) создаются карьероразвивающие образовательные программы, в которых целью обучения выступает развитие карьерной компетентности с учетом карьерного самоопределения;

УДК 324

Эдуард Николаевич Северин¹, Владислав Павлович Джигило²¹канд. полит. наук, доц. каф. уголовно-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина²магистрант 1-го года обучения ист. факультета

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Eduard Severin¹, Vladislav Dzhigilo²¹Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
of Brest State A. S. Pushkin University²1st Year Undergraduate Student of the Faculty of History
of Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: ¹Endhause1982@mail.ru; ²uladzislaupaulavich@mail.ru

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В БЕЛАРУСИ (1988–2000 гг.)

Отражены политико-правовые факторы избирательного процесса в период становления и развития современного этапа белорусской государственности. Функционирование избирательной системы независимой Беларуси осуществлялось на базе институционального и политико-правового наследия Советской Беларуси. В предложенном исследовании акцент сделан на вопросах определения роли модернизации политико-правовых оснований избирательного процесса с точки зрения его историко-политического развития. Трансформация избирательного законодательства указанного периода осуществляла определяющее воздействие на функционирование общественно-политических институтов.

Political and Legal Factors of the Electoral Process in Belarus (1988–2000)

The article reflects the political and legal factors of the electoral process during the formation and development of the modern stage of the Belarusian statehood. The functioning of the electoral system of independent Belarus was carried out on the basis of the institutional and political and legal heritage of Soviet Belarus. In the proposed study, the emphasis is focused on the issues of determining the role of modernization of the political and legal foundations of the electoral process in terms of its historical and political development. The transformation of the electoral legislation of this period had a decisive impact on the functioning of social and political institutions.

Введение

Модель государственного дизайна СССР, основанная на сращивании партийного и государственного аппарата, привела к партийной монополизации спектра политических прав и избирательных процессов на территории БССР. «Концепция прав человека поначалу вообще не была признана советской научной доктриной. Лишь в конце 50-х – начале 60-х гг. идея прав человека была в Советском Союзе реанимирована, в результате начала формироваться социалистическая концепция прав человека» [1, с. 7].

Политическая реальность в Советской Белоруссии была неизменна вплоть до начала политики перестройки, провозглашенной руководителем СССР М. С. Горбачевым. В политической системе Республики Беларусь на этапе ее становления одним из ключевых факторов являлось политико-правовое наследие БССР. Концепция правопредшественник БССР – правопреемник Република Беларусь базировалась на Договоре о правопреемстве внешнего государственного долга и архивов Союза ССР [2].

Целью нашего исследования является определение политико-правовых факторов избирательного процесса в Беларуси (1988–2000 гг.).

Пример политики перестройки является образцовым, он раскрывает всю степень влияния социальных, экономических и целого комплекса внутри- и внешнеполитических факторов на утверждение новых политико-правовых оснований жизнедеятельности государства. В связи с тем, что политическая и экономическая сферы Советского Союза находились в стадии кризиса, советское руководство во главе с генеральным секретарем КПСС М. С. Горбачевым предприняло попытку его реформирования.

Первым шагом к модернизации избирательной системы СССР стало принятие закона от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР». Данный закон исходил из общепринятых принципов избирательного права. Ключевым изменением стала свобода избрания депутатов на собраниях по месту жительства: этот закон исходя из принципа гласности превращал выборы в демократический элемент построения нового советского общества на территории СССР. Однако отметим, что 1/3 представительства приходилась от общественных организаций, что противоречило принципу прямого избирательного права. При выборах народных депутатов СССР действовала мажоритарная система абсолютного большинства [3].

На основе принятых общесоюзных законов в БССР происходила разработка политико-правовых актов, вносящих изменения в Конституцию БССР 1978 г.: «О выборах народных депутатов БССР» и «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов БССР», на основе которых прошли избирательные кампании в Беларуси в 1990 г. Проведение электоральных кампаний проводилось по следующим нормам: выборы по одномандатным избирательным округам на основе основных принципов избирательного права (всеобщего, равного, прямого при тайном голосовании) [4].

Оптимизации подвергся и Верховный Совет БССР: количество его депутатов ограничивалось в 360 человек (современная Палата Представителей Республики Беларусь составляет 110 человек) [5]. На территории Беларуси, учитывая количество населения, намечалась тенденция оптимизации пропорции депутатов. В 1990 г. сохранялось представительство от общественных организаций: 310 депутатов избиралось по территориальным избирательным округам, 50 депутатов – от белорусских общественных организаций.

Новое законодательство закрепило четкую линию между ветвями государственной власти, ограничивалось пассивное избирательное право для представителей исполнительных органов власти (Совет Министров Белорусской ССР, члены исполнительных комитетов и судьи) [4]. На наш взгляд, данные меры сыграли положительную роль в формировании государственной вертикали, основанной на принципе разделения властей. Данные меры стали эффективным средством для преодоления сращивания партийного и государственного аппарата, а также ограничения компетенции физических лиц только в одной конкретной сфере (законодательная, исполнительная либо судебная власть). Расширилось число субъектов, имевших право выдвигаться в народные депутаты БССР. Право выдвижения по избирательным округам получили трудовые коллективы, коллективы высших и средних специальных учебных заведений, общественные организации, собрания избирателей по месту жительства и военнослужащих по воинским частям в пределах избирательного округа.

С учетом демократизации процедуры выборов в избирательное законодательство страны были внесены дополнения, которые должны были поменять представление о предвыборной кампании. Введение принципа состязательности кандидатов в значительной степени расширяло их полномочия. Агитировать за кандидата теперь могли не только субъекты его предвыборной группы, но и он сам. Вводился институт доверен-

ных лиц. Данный фактор расширял возможности депутатов при агитации. Также повышался уровень политизированности общества и заинтересованности в происходивших политических процессах. Члены различных общественных объединений получили право быть наблюдателями на выборах [4].

По лекалам, установленным новым избирательным законодательством, были проведены выборы Народных депутатов местных Советов XX созыва. Приведем пример на основе архивных документов Государственного архива Брестской области (далее – ГАБр). Согласно фондам архива, хранившим материалы по избирательным кампаниям того периода, во всех избирательных округах г. Бреста было два или более физических лица, выдвинувших свою кандидатуру на должность депутатов местных Советов. Политическая неопределенность и отсутствие опыта участия в альтернативных выборах сказались на проведении избирательной кампании 1990 г. в г. Бресте. Выборы проводились в три и четыре тура (избирательный округ № 3 (Брестский-Ленинский округ), избирательный округ № 4 (Брестский-Прибужский округ) и др.). Следствием модернизации законодательства стало появление в представительных органах власти людей различных специализаций (согласно фондам ГАБО, в избирательной кампании участвовали студенты Брестского пединститута (ныне – БрГУ имени А. С. Пушкина), сотрудники речного порта Бреста, областного театра, директора школ, а также представители ряда других профессий) [5; 6].

Политика перестройки, проводившаяся в СССР во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., привела к исполнению нормативно-правовых обязательств, политико-правовая система в стране начала строиться согласно общепринятым международным стандартам. В русле новой политико-правовой реальности советское руководство отошло от норм марксистско-ленинской традиции. Но советская политическая система не смогла устоять перед столь радикальным реформированием. Как утверждал известный американский политолог Г. Киссинджер, Советский Союз подвергся реформированию как политической, так и экономической сфер жизни; по мнению ученого, советскому руководству следовало начинать с экономической сферы, а после ее успешного реформирования начать с политической [8, с. 150].

БССР становилась независимым государством: 27 июля 1990 г. вступила в силу Декларация о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики. 8 декабря 1991 г., согласно подписанному в Вискулях соглашению, перестал существовать СССР. Начался новый этап развития белорусской государственности.

Нормативно-правовым актом, положившим начало суверенному существованию Беларуси, стала Декларация о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики (далее – Декларация о государственном суверенитете), принятая 27 июля 1990 г. Верховным Советом БССР. На переходный момент между советским периодом и становлением института президентства Верховный Совет стал основополагающим институтом власти белорусского государства. Ст. 1 Декларации о государственном суверенитете гласит: «Республика Беларусь – суверенное государство, утвердившееся на основе осуществления белорусской нацией ее неотъемлемого права на самоопределение, государственности белорусского языка, верховенства народа в определении своей судьбы» [9].

Именно этот политико-правовой акт позволил заявить о государственном суверенитете Беларуси. Так как данный документ заявлял о белорусской государственности, он стал Основным законом Беларуси на период де-факто с 1990 (де-юре с 1991 г.)

по 1994 г. вплоть до принятия Конституции Республики Беларусь. Данный нормативно-правовой акт утверждал демократический вектор развития суверенного белорусского государства «Граждане Республики Беларусь всех национальностей составляют белорусский народ, являющийся носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в республике» (ст. 2) [9].

Заявляя в положениях Декларации о государственном суверенитете о верховенстве Закона и Конституции Республики Беларусь (ст. 3, 7, 12), составители подразумевали создание Конституции суверенной Беларуси, которая, опираясь на мировой политико-правовой опыт и традиции белорусского конституционализма, должна была стать Основным Законом, свободным от советских идеологических установок. Белорусскому народу было предоставлено право определить вариант дальнейшего государственного развития белорусских территорий.

Статус Конституционного акта Декларация о государственном суверенитете получила 17 сентября 1991 г., когда Верховный Совет принял Закон «О названии Белорусской Советской Социалистической Республики и внесении изменений в Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и Конституцию (Основной закон) Белорусской ССР» [10]. Это был ответ на путч в Москве, прошедший 19–21 августа 1991 г.

Официально народ Беларуси стал строить независимое государство, основываясь на принципах, заложенных Декларацией о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики. Советский период белорусской истории является феноменальным в изучении политико-правовой истории белорусского государства. При юридическом декларировании исполнения избирательных норм (Конституции БССР) фактически избирательные процессы не повлияли на функционирование центра принятия решений в виде коммунистической партии Беларуси. Следует отметить, что однозначно негативно относиться к советской правовой традиции нельзя, т. к. основные прецеденты, повлиявшие на становление белорусской государственности, были заложены именно в советский период. Так, были обозначены основы конституционного строя Беларуси, сформирован представительный орган – Советы, именно в Верховном Совете БССР была принята Декларация о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики, положившая начало функционированию независимой Беларуси. Был сформирован ряд политико-правовых норм, обеспечивающих социальную защиту населения и декларировавших правовую состоятельность белорусского народа.

Таким образом, развитие избирательных процессов на белорусских землях в советский период было декларативным. Сращивание партийного и государственного аппарата привело к тому, что регуляция советской политической системы не зависела от проведения избирательных процессов. Однако государственная и нормативно-правовая база, созданная в БССР, стала основой для правовой институционализации в современной Республике Беларусь.

Для реализации спектра политических прав в условиях демократического государства в первую очередь необходимо было институционализировать избирательную систему Республики Беларусь, основанную на принципах народовластия. В Законе «О референдуме (народном голосовании) в Республике Беларусь», принятом 13 июня 1991 г., были обозначены следующие системообразующие избирательные принципы: всеобщности, равенства, прямых и тайных выборов (Ст. 3 Закона). Правом принимать

участие в решении ключевых вопросов политической, социальной, экономической и духовной жизни страны был наделен не только парламент, но и белорусский народ. Согласно Закону, были установлены ограничения, в соответствии с которыми на референдум не могли быть вынесены следующие моменты: вопросы о суверенной национальной государственности, охране общественного порядка, здоровья и безопасности населения, налогах, бюджете, амнистии, помиловании и др. [11]. В начале становления периода государственного суверенитета сформировалось два политических блока с различными взглядами на дальнейшее государственное развитие страны: представители старых партийных элит и представители национальной коалиции. В частности, представители Белорусского Народного Фронта (БНФ) предложили свой законопроект по организации выборов в парламент страны. Суть его заключалась в следующем: проведение выборов по мажоритарно-пропорциональной избирательной системе (50 % депутатов избираются от политических партий, 50 % депутатов – по одномандатным округам). Активисты БНФ пытались провести на референдум вопрос: «Считаете ли Вы необходимым проведение осенью 1992 г. выборов в высший орган государственной власти Республики Беларусь на основе Закона «О выборах народных депутатов Беларуси», проект которого внесен оппозицией БНФ в Верховном Совете, и в связи с этим досрочный роспуск нынешнего Верховного Совета?» [12, с. 45–61]. Однако парламентом было актуализирована идея по созданию мажоритарной избирательной системы на основе одномандатного представительства.

Верховный Совет 15 марта 1994 г. принимает Конституцию Республики Беларусь, ст. 1 которой гласит: «Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство» [5]. Тем самым данный документ оформил на кодифицированном уровне государственный суверенитет Республики Беларусь. Государственный строй страны определялся как парламентская республика с постом президента. В Основном Законе избирательным процессам посвящен III раздел «Избирательная система. Референдум» (отдельные вопросы, касающиеся избирательных процессов, прослеживаются в разделах I, II, IV, V, VIII, IX). Конституция закрепила основополагающие принципы избирательного права, в соответствии с международными договорами Республики Беларусь (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., ратифицированный БССР в 1973 г.) [13]. В частности, новым органом, отвечающим за функционирование избирательной системы в Беларуси, была определена Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов; были установлены возрастные цензы для пользования активным и пассивным избирательным правом (активным избирательным правом наделяются гражданские лица с 18 лет; пассивное избирательное право приобретается с 18 лет при избрании в местные Советы; с 21 года – в Верховный Совет/Палату Представителей Национального Собрания Республики Беларусь; с 35 лет – Президента Республики Беларусь [5]. В Конституции определялись условия проведения референдумов. Президент наделялся полномочиями выдвижения вопросов на республиканский референдум. С принятием Конституции Республики Беларусь избирательное законодательство не упразднилось. Со становлением института президентства требовался закон, обеспечивающий надлежащее исполнение норм реализации избирательного процесса. Верховным Советом Республики Беларусь 30 марта 1994 г. был принят Закон «О выборах Президента Республики Беларусь». Устанавливались округа и субъекты избирательных процессов, определены цензы и категории избирательных процессов. Выборы президента Республики Беларусь (1994 г.) были проведены в соответствии с Законопроектом, разработан-

ным Верховным Советом Республики Беларусь под руководством М. И. Гриба [14]. В результате проведения двух туров голосования (23 июня и 10 июля 1994 г.) первым президентом Республики Беларусь стал А. Г. Лукашенко.

После проведения президентских выборов должность президента стала определяющей в белорусской политической системе. В связи с этим пересмотру подверглись процессы избрания на должности депутатов в парламенте. 29 ноября 1994 г. принят закон «О выборах депутатов Верховного Совета Республики Беларусь». Особенностью Закона являлась конкретизация прав, установленных Конституцией субъектов на выдвижение кандидатов в депутаты. Выборы признавались состоявшимися при 50 %-й явке избирателей. Была принята попытка избежать нерезультативности выборов, избранным считался кандидат, набравший большее количество голосов, чем голосов, поданных против него [15]. 24 ноября 1996 г. состоялся консультативный республиканский референдум, который внес существенные изменения в Конституцию Республики Беларусь. Новым законодательным органом Республики Беларусь стал парламент – «Национальное Собрание», состоящий из двух палат, избираемых на основе косвенного и прямого голосования: верхней палатой территориального представительства Совета Республики; нижней палатой территориального представительства Палаты Представителей. Была предусмотрена возможность отзыва депутата, существовавшая ранее в советской Конституции [16]. Постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 5 ноября 1996 г. Референдум переквалифицировался из консультативного в обязательный [17]. В 1990-е гг. началась активная разработка Избирательного Кодекса страны, который должен был воплотить в себя все предыдущие законопроекты, посвященные избирательному праву страны.

Попыткой апробировать нововведения Избирательного Кодекса стало принятие 23 декабря 1998 г. Закона о выборах депутатов местных Советов. Принятый 11 февраля 2000 г. Избирательный Кодекс Республики Беларусь является документом, объединившим ранее принятые избирательные законы в условиях сложившейся государственной системы. В целом совершенствование избирательной системы проходило «в условиях постиндустриальной модернизации». [18, с. 113].

Заключение

Период 1980-х – 1990-х гг. стал системообразующим в формировании новой архитектуры избирательного процесса в Республике Беларусь. Наиболее существенное влияние на характер модернизации национального избирательного процесса в период становления и развития белорусской государственности оказали следующие факторы:

- 1) политико-правовое наследие БССР;
- 2) процесс перестройки и модернизация белорусского общества определили вектор развития белорусского государства, послужили катализатором активного становления нового дизайна национальной избирательной системы в целом;
- 3) утверждение новых политико-правовых оснований, определивших характер протекания избирательных процессов, стали значимыми компонентами строительства суверенного белорусского государства;
- 4) важным фактором, определившим особенности развертывания национального избирательного процесса, стала институционализация в Республике Беларусь института президентства.

Избирательные принципы, воплотившиеся в общественно-политическую жизнь страны в конце 1980-х – 1990-е гг., применяются и по сей день, обеспечивая функционирование политической системы Республики Беларусь [19].

Одной из ключевых проблем, которая характерна для политической системы Беларуси, была и остается неспособность политических партий завоевать доверие у значительной части электората. Современные белорусские партии не могут выработать ту политическую программу, которая способна заинтересовать широкие слои населения. В Республике Беларусь 15 политических партий, но их рейтинг очень низкий – на уровне статистической погрешности. В настоящее время у политически активных людей нет мотивации вступать в политические партии, т. к. они не обеспечивают в должной мере «социально-политический лифт».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Северин, Э. Н. Становление и развитие теории прав человека в зарубежной и отечественной науке : монография / Э. Н. Северин ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2018. – 127 с.

2. Договор о правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов Союза ССР // Правопреемство государственной собственности бывшего Союза ССР : сб. основных док. по вопросу правопреемства в отношении договоров, представляющих взаимный интерес, гос. собственности, гос. архивов, долгов и активов бывшего Союза ССР. – М., 1996. – С. 58–65.

3. О выборах народных депутатов СССР : Закон СССР, 1 дек. 1988 г., № 9855-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1988. – № 49. – Ст. 729.

4. Об изменении статьи 47 Закона Белорусской ССР «О выборах народных депутатов Белорусской ССР» и статьи 45 Закона Белорусской ССР «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов Белорусской ССР» : Закон БССР, 20 июня 1990 г., № 25-XII // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 12/14. – Ст. 129.

5. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 62 с.

6. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 815. Оп. 10. Д. 3375.

7. ГАБр. – Ф. 815. Оп. 10. Д. 3376.

8. Киссинджер, Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / Г. Киссинджер ; пер. с англ. В. Н. Верченко. – М. : АСТ, 2016. – 416 с.

9. О государственном суверенитете Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декларация Верхов. Совета БССР : 27 июля 1990 г., № 193-XII // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V09000193>. – Дата доступа: 20.04.2020.

10. О названии Белорусской Советской Социалистической Республики и внесении изменений в Декларацию Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики и Конституцию (Основной Закон) Белорусской ССР : Закон Респ. Беларусь, 19 сент. 1991 г., № 1085-XII // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – № 2/300.

11. О референдуме (народном голосовании) в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 13 июня 1991 г., № 859-ХІІ // Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – 1991. – № 25. – С. 364.
12. Василевич, Г. А. Референдумы в Беларуси и ее путь к независимости в конце XX столетия / Г. А. Василевич. – Минск : Молодеж. науч. о-во, 2001. – 145 с.
13. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : принят резолюцией 2200 А (XXІ) Генер. Ассамблеи, 16 дек. 1966 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 10.11.2020.
14. О выборах Президента Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 24 марта 1994 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1994. – № 10. – Ст. 146.
15. О выборах депутатов Верховного Совета Республ. Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 27 окт. 1989 г., № 2919-ХІ : с изм. и доп., внес. Верхов. Советом Респ. Беларусь : по состоянию на 29 нояб. 1994 г. // Ведомости Верховного Совета Респ. Беларусь. – 1995. – № 1–2. – Ст. 3.
16. Аб выніках галасавання на рэспубліканскім рэферэндуме 24 лістапада 1996 года [Электронны рэсурс] / Цэнтральная камісія Рэспублікі Беларусь па выбарах і правядзенні рэспубліканскіх рэферэндумаў. – Рэжым доступу: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Referenda-1996-Itogi.pdf>. – Дата доступу: 11.10.2020.
17. О внесении изменений в постановление Верховного Совета Республики Беларусь «О проведении республиканского референдума в Республике Беларусь и мерах по его обеспечению» : постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 5 нояб. 1996 г., № 761-ХІІІ // Ведомости Верховного Совета Респ. Беларусь. – 1996. – № 34. – Ст. 616.
18. Северин, Э. Н. Политическая модернизация в контексте теории модернизации / Э. Н. Северин // Весн. Брэсц. дзярж. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2018. – № 1. – С. 108–113.
19. Джигило, В. П. Модернизационные процессы избирательного права в Республике Беларусь 1991–2000 гг. / В. П. Джигило, Э. Н. Северин // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава : зб. навук. арт., прысвеч. 80-годдзю Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы і 65-годдзю гіст. адукацыі ў Гродз. дзярж. ун-це імя Янкі Купалы, Гродна 12–13 снежня 2019 г. : у 2 ч. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. – Гродна, 2019. – Ч. 1. – С. 316–317.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.12.2020

УДК 336.77:347.41(476)

Татьяна Александровна Горупа¹, Анастасия Олеговна Евтодьева²

¹канд. юрид. наук, доц., зав. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²студент IV курса юридического факультета

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Tatiana Gorupa¹, Anastasia Yevtodieva²

¹Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines
of Brest State A. S. Pushkin University

²4th Year Student of the Faculty of Law

of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: ¹taharupa21@gmail.com; ²anastasia.evtodieva@yandex.ru

СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРЕДИТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Системно раскрываются все способы обеспечения исполнения обязательств, которые используются в банковской сфере для исполнения кредитных обязательств. Выявляются проблемы законодательства и правоприменительной практики, предлагается принятие конкретных изменений национального законодательства и определяются практические рекомендации договорной работы.

Methods of Securing Credit Obligations in the Civil Turnover of the Republic of Belarus

The authors systematically disclose all the ways to ensure the fulfillment of obligations that are used in the banking sector to fulfill credit obligations. The authors identify problems of legislation and law enforcement practice, suggest the adoption of specific changes in national legislation, and define practical recommendations for contractual work.

Введение

В гражданском обороте под способами обеспечения исполнения обязательств понимают предусмотренные законодательством или договором специальные меры имущественного характера, стимулирующие надлежащее исполнение обязательств должниками путем установления дополнительных гарантий удовлетворения требований кредиторов. Фактически это порядок совершения должником действий, вытекающих из содержания его обязанностей.

Актуальность рассматриваемой темы заключается в имеющем место низком уровне договорной дисциплины, ненадежности и часто просто недобросовестности контрагентов. В силу этого развитие должны получать различные способы обеспечения исполнения обязательств, т. к. именно они становятся основой прочности отношений между кредитором и должником, гарантируют удовлетворение имущественных требований кредитора в случае неисполнения должником обязательства. Так, в 2019 г. только исков о защите прав потребителей, где одним из требований, как правило, является требование о взыскании неустойки, было подано 1 281, из которых 1 042 удовлетворены [12].

В Республике Беларусь способы обеспечения исполнения обязательств кодифицированы на законодательном уровне. В ст. 310 Гражданского Кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) закреплено, что исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, поручительством, гарантией, задатком и другими способами, предусмотренными законодательством или договором [1]. Кроме того,

гл. 18 Банковского кодекса Республики Беларусь определяет ряд специфических способов обеспечения кредитных обязательств [2], которые будут рассмотрены ниже.

Используя метод системного анализа и формально-юридический метод исследования, рассмотрим способы обеспечения исполнения кредитных обязательств подробнее, тем более что банковские организации практикуют заключение кредитных договоров и их обеспечение одновременно разными способами.

Первым вещно-правовым способом обеспечения исполнения кредитных обязательств является залог, который многие ученые считают самым надежным и прочным способом, стоящим на особом месте среди других. Главная идея залога заключается в том, чтобы указать кредитору на особый источник стоимости (имущество залогодателя), из которого могут быть удовлетворены его требования к должнику [10, с. 16].

Условиями действия залога являются: фактическое базовое кредитное обязательство, которое обеспечит залог; субъекты договора залога; предмет залога и сам договор. Предметом рассмотрения судов достаточно часто является и договор о залоге, обеспечивающем кредитные обязательства. Суд исследует материалы дела, включая сам договор о залоге, его существенные условия, соблюдение требований к форме [4].

Существенными условиями договора о залоге являются предмет залога и его стоимость, существо, размер и срок исполнения кредитного обязательства, обеспечиваемого залогом, а также условие о том, у какой из сторон (залогодателя или залогодержателя) находится заложенное имущество (п. 1 ст. 320 ГК Республики Беларусь). Наиболее распространенной практикой является оставление предмета залога у залогодателя, который одновременно может являться и кредитополучателем в одном лице.

Условие о залоге может содержаться в самом кредитном договоре, однако такой договор может заключаться отдельно. Не разрешенным на сегодняшний день является вопрос о заключенности договора о залоге, если в нем не определены условия о существовании, размере и сроках исполнения договора, обеспеченного залогом, как на это указывает ст. 320 ГК Республики Беларусь, но они определены в кредитном договоре.

На наш взгляд, в случаях, когда залогодателем является кредитополучатель, условия о существовании, размере и сроках исполнения кредитного обязательства, обеспеченного залогом, следует признавать согласованными, если в договоре залога имеется отсылка к кредитному договору, регулиющему основное обязательство и содержащему соответствующие условия.

Таким образом, к залоговым отношениям норма о том, что, если сторонами не достигнуто соглашения хотя бы по одному из существенных условий, договор не может считаться заключенным (п. 1 ст. 402 ГК Республики Беларусь) и применяться не может. Договор о залоге, имеющий отсылку к кредитному договору, в котором определены размер, срок и существо такого обязательства, будет считаться заключенным и иметь правовые последствия.

В соответствии со ст. 317 ГК Республики Беларусь, предметом залога может выступать любое имущество, в т. ч. вещи и имущественные права (требования), за исключением имущества, изъятого из оборота, требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, таких, как требования об алиментах, о возмещении вреда, причиненного его жизни или здоровью, и иных прав, уступка которых другому лицу запрещена [1]. Предметом залога могут быть вещи движимые и недвижимые. Вместе с этим гражданское законодательство также определяет перечень имущества, которое не может быть отнесено к предмету залога. Так, Указом Президента Республики Беларусь от 16 июля

1997 г. № 389 «Об упорядочении залога государственного имущества» утвержден Перечень государственных предприятий, организаций, учреждений и государственного имущества, которые не могут быть предметом залога: военное имущество, оборонные объекты; земли, которые не могут выделяться из собственности государства; предприятия, организации и учреждения лесного хозяйства, осуществляющие управление лесами, государственный контроль за лесопользованием, учет, охрану и защиту воспроизводства лесов; имущество, которое используется исключительно в интересах государственно-общественной безопасности и др. [3].

ГК Республики Беларусь в ст. 330 и п. 1 Декрета Президента Республики Беларусь от 01.03.2020 года «О некоторых вопросах залога имущества» позволяют обращаться взыскание, в т. ч. и по кредитным обязательствам, на заложенное имущество как в судебном, так и внесудебном порядке. Основанием реализации последнего способа является имеющееся нотариально удостоверенное соглашение залогодержателя с залогодателем, заключенное либо до, либо после возникновения установленных законодательством оснований для обращения взыскания на заложенное имущество. При этом в таком соглашении должно содержаться условие о предоставлении права залогодателя, либо залогодержателю, либо иному лицу по выбору сторон осуществить от имени залогодателя продажу заложенного имущества.

Вместе с тем процедура уведомления залогодателя о начале обращения взыскания на предмет залога в законодательстве не определена. Представляется, что ст. 330 ГК Республики Беларусь должна быть дополнена п. 11 следующего содержания:

«Если взыскание на заложенное имущество осуществляется во внесудебном порядке, то лицо, производящее взыскание, обязано направить залогодателю уведомление о начале обращения взыскания на предмет залога».

Более того, в целях защиты интересов залогодателя целесообразным является установление в законодательстве гарантированного краткосрочного периода (7 или 10 дней) с момента получения залогодержателем уведомления, в течение которого не допускается реализация заложенного имущества.

Далее, поручительство. Пункт 1 ст. 341 ГК Республики Беларусь закрепляет, что «по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части» [1]. Форма договора обязательно письменная, сам договор, в зависимости от случая, либо возмездный, либо безвозмездный и консенсуальный, односторонний. Одна (основная) сторона – поручитель, другие (второстепенные стороны) – должник и кредитор. Содержание договора поручительства состоит в обеспечении исполнения обязательства, когда третье лицо (поручитель) берет на себя обязательство перед кредитором нести ответственность за должника в случае неисполнения последним его обязательств перед кредитором.

Проблемным является вопрос о том прекращается или нет поручительство в случае смерти должника (кредитополучателя по кредитному договору). Национальное законодательство прямого ответа на этот вопрос не дает. С одной стороны, поручительство – это фидуциарное обязательство, основанное на доверии между сторонами, поэтому логично предположить, что смерть кредитополучателя прекращает и действие договора поручительства. Этой точки зрения придерживаются и другие исследователи. Например Е. А. Мичурина считает, что «положения закона о сохранении обязанности поручителя отвечать за должника и после его смерти имеют спорный характер» [9, с. 12]. С другой стороны, исходя из смысла п. 2 ст. 347 ГК Республики Беларусь, смерть

должника влечет прекращение поручительства, если поручитель не дал согласия отвечать за неисполнение обязательств наследниками. Соответственно, банковские организации должны включать в договоры поручительства пункты об ответственности поручителя хотя бы до вступления наследников в наследство, так они уменьшат риски неоплаты кредитных обязательств.

Вместе с тем наследники, принявшие наследство, отвечают перед поручителем, исполнившим обеспеченное поручительством обязательство, солидарно (п. 3 ст. 1086 ГК Республики Беларусь). Как и в случае смерти поручителя, обязанными по договору поручительства являются наследники поручителя, которые отвечают перед кредитором солидарно в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества.

Таким образом, достаточно острым для гражданского оборота Республики Беларусь остается вопрос прекращения поручительства по кредитным обязательствам.

Что касается банковской гарантии, ее не стоит рассматривать как гарантию в ее классическом понимании. В силу прямого указания закона среди способов обеспечения исполнения обязательств банковская гарантия текстуально объединена законодателем с гарантией как таковой, однако все же отличается от нее и фактически, и формально, даже с учетом того, что банковской гарантии в ГК Республики Беларусь отведена всего одна статья, которая имеет общую отсылку к законодательству.

Банковская гарантия как обеспечительное средство выступает самостоятельным способом обеспечения исполнения обязательств, обладающим особыми признаками. Банковская гарантия представляет собой вид обеспечения исполнения кредитного обязательства, характеризующегося высокой степенью защиты кредитора и быстрой реализацией им своего права при ненадлежащем исполнении обязательства должником [8, с. 145]. Понятие банковской гарантии закреплено в ст. 164 Банковского кодекса [2].

Банковская гарантия отличается от обычной гарантии по довольно широкому спектру позиций.

Во-первых, банковскую гарантию отличает особый субъектный состав участников отношений по банковской гарантии.

Во-вторых, это факт того, что банковская гарантия является самостоятельным, а не дополнительным, акцессорным обязательством, в связи с чем предусмотренное банковской гарантией обязательство гаранта перед бенефициаром не зависит от основного обязательства, для обеспечения которого она выдана.

В-третьих, банк, предоставляющий гарантию, не наделен правом предъявлять бенефициару требования, которые вправе предъявить обеспечивающий обязательство должника обычной гарантией гарант.

В-четвертых, в отличие от гарантии, размер обязательства банка-гаранта не зависит от размера обязательства должника, а банк-гарант несет перед кредитором солидарную, а не субсидиарную, как в гарантии, ответственность.

В-пятых, банковской гарантией может обеспечиваться как уже существующее, так и будущее требование [6].

В судебной практике экономических судов рассматриваются споры о взыскании задолженности по банковской гарантии. Например, ООО «Л» обязалось вносить банку плату за обязательства по выданным банковским гарантиям (контргарантиям) в размере 4 % годовых от суммы гарантии (минимум – 50 евро в месяц) и осуществлять иные платы, связанные с выдачей и сопровождением банковских гарантий (контргарантий). Ответчик, как подтверждают материалы дела, свои обязательства по указанному со-

глашению надлежащим образом не исполнил. Суд удовлетворил требования банка, в т. ч. и по задолженности по банковской гарантии [5].

Понятие неустойки как способа обеспечения исполнения обязательств закреплено в ст. 311 ГК Республики Беларусь, в соответствии с которой неустойка – это определенная законодательством или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору, если иное не предусмотрено законодательными актами, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения [1].

Неустойка представляет собой обычный денежный штраф, уплачиваемый не для компенсации, а исключительно в виде наказания лица, нарушившего обязательство. Что касается видов неустойки, то в ст. 313 ГК Республики Беларусь закреплено существование законной неустойки. Из этого соответственно следует, что вместе с законной неустойкой существует и договорная. Также в ст. 311 ГК Республики Беларусь указано, что неустойка может быть пеней или штрафом. Следовательно, по видам неустойку следует разделять на штраф и пенью, а по основаниям взыскания – на договорную и законную. К характеризующим неустойку признакам относят:

1) предопределенность размера ответственности за нарушение обязательства, о котором стороны знают уже на момент заключения договора;

2) возможность взыскания неустойки за сам факт нарушения обязательства, когда отсутствует необходимость представления доказательств, подтверждающих причинение убытков и их размер;

3) возможность для сторон по своему усмотрению формулировать условие договора о неустойке, приспособив ее к конкретным взаимоотношениям сторон и усилив ее целенаправленное воздействие [6, с. 118].

Доктрине гражданского права известны подвиды неденежной неустойки и зарубежной судебной неустойки, на данный момент существующей в Республике Беларусь лишь частично в форме административного судебного штрафа. Это представляется упущением в белорусском гражданском и кредитном законодательстве, потому предлагается дополнить ГК Республики Беларусь нормами о судебной неустойке (астренте), в частности, дополнить ГК Республики Беларусь ст. 289.1, в которой необходимо будет определить, что в качестве гарантии защиты прав кредитора по неденежному обязательству и в целях стимулирования должника обеспечить исполнение обязательства, суд может присуждать в пользу кредитора денежные средства на случай неисполнения решения суда должником. Также к кредитным обязательствам астрент может быть применен в случае неисполнения решения суда о наложении взыскания на заложенное имущество в результате неисполнения кредитного обязательства.

И, наконец, к иным способам и правовым средствам обеспечения исполнения кредитных обязательств можно отнести следующее.

1. Гарантийный депозит денег. Понятие и определение гарантийного депозита денег закреплено в Банковском кодексе, а именно в ст. 148, согласно которой кредитор-получатель или третье лицо могут передать кредитодателю денежные средства в белорусских рублях либо иностранной валюте для обеспечения исполнения обязательств по кредитному договору и в случае неисполнения кредитором своих обязательств кредитор вправе самостоятельно удовлетворить свои имущественные требования за счет депонированных сумм [2].

2. Перевод на кредитодателя правового титула на имущество, принадлежащее кредитор-получателю, а также имущество, принадлежащее третьему лицу на праве соб-

ственности, праве хозяйственного ведения, оперативного управления, в т. ч. имущественные права, если право на перевод правового титула на такое имущество, в т. ч. на неимущественные права, не ограничено собственником или законодательством Республики Беларусь [7]. Суть перевода правового титула как способа обеспечения исполнения обязательств заключается в установлении досудебной процедуры получения денежных средств от кредитополучателя. Отсюда следует, что это не просто возможность отчуждения имущества, а непосредственно само отчуждение имущества как таковое [11].

3. Страхование кредитодателем риска невозврата (непогашения) кредита и (или) просрочки возврата (погашения) кредита, когда заключается специальный договор страхования и страховая организация (страховщик) обязуется возместить страхователю (кредитодателю) ущерб, причиненный его имущественным интересам невозвратом (непогашением) и (или) просрочкой возврата (погашения) кредита. Если иное не предусмотрено договором страхования, к страховщику, выплатившему страховое возмещение страхователю (кредитодателю), переходит в пределах выплаченной суммы право страхователя (кредитодателя) на возмещение ущерба (суброгация) [2].

4. Обеспечительная уступка права требования и факторинг, возвратный задаток, задаток в обеспечение предварительного договора, а также способы обеспечения обязательств с использованием векселя, аккредитива, денежного удержания, депонирования денежных средств также могут использоваться для обеспечения исполнения кредитных обязательств.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Развитие бизнеса требует использовать самые разнообразные способы обеспечения исполнения кредитных обязательств, тем более, что банковские организации практикуют включение в кредитный договор одновременно нескольких способов; договор о залоге, имеющий отсылку к кредитному договору, в котором определены размер, срок и существо такого обязательства, будет считаться заключенным и иметь правовые последствия.

2. Ст. 330 ГК Республики Беларусь должна быть дополнена п. 11 следующего содержания: «Если взыскание на заложенное имущество осуществляется во внесудебном порядке, то лицо, производящее взыскание, обязано направить залогодателю уведомление о начале обращения взыскания на предмет залога».

3. ГК Республики Беларусь не закрепил правила о том, что смерть должника либо реорганизация юридического лица – должника не прекращают поручительства. Цивилистическая доктрина не выработала четкой позиции по данному вопросу. Поэтому на практике банки в договоры поручительства должны включать пункты об ответственности поручителя хотя бы до вступления наследников в наследство, так они уменьшат риски неоплаты кредитных обязательств.

4. Судебная практика о применении способов обеспечения исполнения обязательств требует обобщения ввиду популярности данных способов в практической деятельности банковских кредитных организаций и издания специального Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, где в порядке судебного толкования были решены многие проблемные вопросы, возникающие на практике.

5. Банковские способы обеспечения исполнения кредитных обязательств достаточно обширны и многочисленны, что позволяет эффективно защищать имущественные права участвующих в банковских отношениях лиц. Несмотря на то, что некоторые

из перечисленных способов используются в Республике Беларусь редко (например, перевод на кредитодателя правового титула на имущество, что считается материально затратным и длительным), их наличие в законодательстве является позитивным признаком надежной правовой защищенности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. [по состоянию на 20.07.2017 г.]. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 656 с.
2. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 окт. 2000 г., № 441-3 : принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г. : одобрен Советом Респ. 12 окт. 2000 г. : в ред. от 2 янв. 2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Об упорядочении залога государственного имущества [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 июля 1997 г., № 389 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Брест, 2020.
4. Решение экономического суда г. Минска [Электронный ресурс] : 30 мая 2018 г., № 287-21/2017 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Брест, 2020.
5. Решение районного суда [Электронный ресурс] : 21 дек. 2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Брест, 2020.
6. Гражданское право : учеб. пособие для вузов / В. Ф. Чигир [и др.] / под общ. ред. В. Ф. Чигира. – 2-е изд. – Минск : Амалфея, 2000. – 976 с.
7. Адамейко, О. О переводе правового титула на недвижимое имущество должника, оказавшегося в процедуре банкротства / О. Адамейко // Вестн. Высш. хоз. суда Респ. Беларусь. – 2012. – № 6. – С. 110–112.
8. Мичурина, Е. Л. Банковская гарантия как способ обеспечения исполнения кредитных обязательств / Е. Л. Мичурина // Вестн. Удмурт. ун-та. – 2015 г. – № 3. – С. 145–150.
9. Мичурина, Е. Л. Некоторые способы обеспечения исполнения кредитных обязательств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. Л. Мичурина. – Саратов, 2016.
10. Нетишинская, Л. Ф. Содержание залогового правоотношения / Л. Ф. Нетишинская // Науч. журн. Кубан. гос. аграр. ун-та. – 2014. – № 100. – С. 1540–1554.
11. Функ, Я. Оказание услуг и перевод правового титула на имущество в контексте института крупной сделки / Я. Функ // Юрид. мир. – 2010. – № 6. – С. 34–36.
12. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 1-е полугодие 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/. – Дата доступа: 22.10.2020.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.12.2020

УДК 347.77/.78(476)

Татьяна Захаровна Шалаева¹, Полина Валерьевна Пошвенчук²
¹канд. юрид. наук, доц., доц. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина
²студент IV курса юридического факультета
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Tatiana Shalaeva¹, Polina Poshvenchuk²
¹Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of Brest State A. S. Pushkin University
²4th Year Student of the Faculty of Law
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: t.shalaeva@mail.ru; milliarage001@gmail.com

ВИДЫ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПРОБЛЕМЫ ИХ КЛАССИФИКАЦИИ

Определяется необходимость совершенствования гражданского законодательства Республики Беларусь в связи с планами вступления во Всемирную торговую организацию, систематизируются нормативные и научные классификации объектов интеллектуальной собственности. Предлагаются конкретные изменения и дополнения гражданского законодательства.

Types of Intellectual Property Objects in the Civil Turnover of the Republic of Belarus and the Problems of Their Classification

The authors in this article determine the need to improve the civil legislation of the Republic of Belarus in connection with plans to join the world trade organization and systematize regulatory and scientific classifications of intellectual property objects. The authors propose specific changes and additions to the civil legislation.

Постоянно растущая роль объектов интеллектуальной собственности в гражданском обороте актуализирует исследования данной сферы, а также порождает необходимость повышения уровня правовой защиты правообладателей исключительных прав для решения как общих стратегических, так и текущих задач экономического и социального развития государства.

Республика Беларусь планирует вступить во Всемирную торговую организацию, заявка о вступлении в которую была подана еще в 1993 г., однако активная работа по присоединению началась только в 2016 г., и сейчас Беларусь вышла на финальную стадию переговоров [1].

Планируется подписать и все нормативные документы ВТО, в т. ч. и Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), устанавливающее базовые минимальные стандарты по охране прав на результаты интеллектуальной собственности, определяющее механизмы разрешения спорных вопросов в сфере интеллектуальной собственности.

Ст. 3 Соглашения ТРИПС определяет принцип национального режима, в силу которого каждый член Соглашения должен предоставить гражданам других членов режим, который будет не менее благоприятный, чем тот, который будет предоставляться собственным гражданам государства-члена в отношении охраны интеллектуальной собственности [2]. Поэтому одной из ключевых проблем для Республики Беларусь бу-

дет являться совершенствование национального законодательства и приведение его в соответствие с требованиями ВТО. И первостепенным здесь будет являться правовое и социально-экономическое обеспечение охраны результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации участников гражданского оборота.

В условиях многообразия форм собственности, развития товарно-денежных отношений, необходимости насыщения рынка различными товарами объекты интеллектуальной собственности становятся неотъемлемым элементом рыночной экономики. В настоящее время авторы, изучающие объекты интеллектуальной собственности, не пришли к единому мнению о самой сущности этого института. До сих пор классификацию данных объектов пытаются упростить, разделяя все на объекты авторского права и права промышленной собственности.

В мировых масштабах задача осложняется тем, что правоотношения, связанные с интеллектуальной собственностью, обычно носят трансграничный характер, что требует, с одной стороны, выработки общих подходов в понимании и классификации объектов интеллектуальной собственности. С другой стороны, каждое государство имеет свою собственную историю развития законодательства об интеллектуальной собственности, свои национальные особенности, вследствие чего применяют и различные подходы к классификации объектов, что создает определенные препятствия в осуществлении международной торговли.

Нельзя не упомянуть о важности унификации внутривидовой классификации, которая необходима для упрощения делопроизводства ведомств по интеллектуальной собственности разных стран, т. к. внутри государств на национальном уровне системы могут сильно отличаться друг от друга. Ранее разрабатывались специальные таблицы соответствия, однако польза от них оказалась небольшой в силу того, что приходилось создавать отдельную таблицу для каждой пары государств. Это сильно усложняло дело и создавало лишние проблемы в работе по общей классификации.

Производились попытки проведения такой унификации в мировом масштабе. Примером тому могут служить Страсбургское соглашение о международной патентной классификации, Ниццкое соглашение о международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков, изобразительных элементов знаков. Сейчас большое количество государств участвует в перечисленных соглашениях [3].

В рамках данной статьи рассмотрим более детально классификацию объектов интеллектуальной собственности, чтобы иметь возможность выделить общее и особенное в правовом регулировании той либо иной группы, что в дальнейшем будет влиять и на особенности правового режима объектов.

Итак, традиционно объекты интеллектуальной собственности разделяют по области применения на авторское право (правовая охрана осуществляется с момента создания) и на промышленную собственность (правовая охрана осуществляется с момента регистрации). Такое деление применяется как в Республике Беларусь, так и за рубежом. Так, в 1983 г. была подписана Парижская конвенция по охране промышленной собственности (ратифицирована в Республики Беларусь 25 декабря 1991 г.) [4]; еще в 1952 г. была подписана Всемирная конвенция об авторском праве (ратифицирована в Республике Беларусь 27 мая 1973 г.) [5]. Приведенная выше классификация имеет большое значение для гражданско-правового регулирования отношений с данными объектами, т. к. они существенно отличаются друг от друга. Еще в дореволюционном гражданском праве В. И. Синайский писал, что основное отличие авторского права от промышленной собственности состоит в том, что авторское право защищает форму вы-

ражения идеи, а промышленная собственность охраняет саму идею изобретения в области открытия новых благ и изобретения новых способов производства существующих благ, имеющих большое промышленное значение, или в области усовершенствования уже имеющихся способов [6].

Рассмотрим и другие варианты классификаций. Так, по мнению А. А. Конева и В. А. Муратовой, следует выделить классификацию по признаку охраняемой стороны объекта. Для этого целесообразно выделить три группы охраняемых объектов: 1) идея созданного объекта; 2) форма выражения идеи; 3) конфиденциальность [7, с. 55].

В российской правовой науке достаточно популярной является классификация объектов на четыре группы: «объекты авторских и смежных прав; объекты патентного права; средства индивидуализации; т. н. нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности» [8]. Данная классификация ярко демонстрирует особенности правовой охраны каждого объекта. Так, если объекты авторских и смежных прав охраняются в силу факта их создания, то объекты патентного права – в силу полученного патента, а средства индивидуализации участников гражданского – в силу государственной регистрации. Что касается нетрадиционных объектов, то они не подлежат регистрации либо патентованию, но могут получить охрану на основании требований их конфиденциальности (например, ноу-хау).

Данная классификация основывается на нормативных положениях Гражданского кодекса Российской Федерации, раздел VII которого «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» определяет и структуру всей подотрасли интеллектуальной собственности: авторское право; права, смежные с авторскими; патентное право; нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности (селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, ноу-хау); средства индивидуализации участников гражданского оборота [9].

Формально-юридический анализ ст. 980 Гражданского кодекса Республики Беларусь позволяет выделить три группы объектов интеллектуальной собственности:

1) результаты интеллектуальной деятельности (произведения науки, литературы, искусства, исполнения, фонограммы и передачи организаций вещания, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения; топологии интегральных микросхем, нераскрытая информация, в т. ч. секреты производства (ноу-хау) (по сути, эту группу можно разделить на объекты авторского права, объекты смежного права и объекты права промышленной собственности);

2) средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг (фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, географические указания);

3) другие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг (логично предположить, что примером может быть защита от недобросовестной конкуренции, т. к. она определена гл. 68 Гражданского кодекса в разделе V «Интеллектуальная собственность») [10].

С одной стороны, средства индивидуализации не являются результатом интеллектуальной деятельности, как показывают вышеназванные нормативные классификации, однако в гражданском обороте они приравниваются к объектам интеллектуальной деятельности, при этом не являясь ими.

Вместе с тем приведенная выше нормативная классификация лишена логической структуры в части понимания недобросовестной конкуренции как объекта интеллектуальной собственности. Недобросовестная конкуренция – это прежде всего недоб-

росовестные действия субъектов, направленные на появление каких-то преимуществ и выгод на рынке товаров и услуг. Конечно же, такие действия могут совершаться с помощью неправомерного использования объектов интеллектуальной собственности или средств индивидуализации участниками гражданского оборота (например, неправомерное использование товарного знака, что вызывает смешение товаров разных производителей-конкурентов), но это только частный случай. В связи с этим предлагаем исключить гл. 68 из Гражданского кодекса Республики Беларусь. На наш взгляд, достаточно полное правовое регулирование вопросов недобросовестной конкуренции осуществляется законом Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [11].

Авторами выделяется классификация по составу: 1) простые объекты (например, литературное произведение), 2) сложные объекты (балет, кинофильм, компьютерная игра и т. д.).

Нормативного определения сложных объектов интеллектуальной собственности в белорусском законодательстве на сегодняшний день не существует. Поэтому стоит выявить их сущность и отличительные черты от других объектов.

По мнению отдельных ученых, простыми являются те объекты, которые заключают в себе один результат интеллектуальной (творческой) деятельности. Это произведения науки, литературы, искусства, изобретения, полезные модели и др. А сложными признаются объекты, которые включают в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. [7, с. 55]. Для примера возьмем аудиовизуальное произведение и проанализируем его состав.

Впервые в Республике Беларусь понятие аудиовизуального произведения появилось в Законе Республики Беларусь «Об авторских и смежных правах» в ст. 1, аудиовизуальное произведение определяется как произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения их звуком), создающих впечатление движения, и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств. К аудиовизуальным произведениям относятся кинематографические и иные произведения (телефильмы, видеофильмы и подобные произведения), выраженные средствами, аналогичными кинематографии, независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации [12].

Ю. Н. Беспалый на основе этого определил следующие существенные признаки аудиовизуального произведения:

- 1) это целое, единое произведение;
- 2) включает в себя созданные несколькими лицами результаты интеллектуальной деятельности;
- 3) присутствует переход к производителю аудиовизуального произведения исключительного права на аудиовизуальное произведение [13].

Также, проанализировав белорусское толкование понятия «аудиовизуальное произведение», можно выделить такие признаки, как:

- 1) изображения должны быть связаны между собой;
- 2) допустимо сопровождение или отсутствие сопровождения звуком;
- 3) воспроизводится при помощи предназначенных для этого технических устройств;
- 4) должно создавать впечатление движения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что аудиовизуальное произведение относится к сложным объектам интеллектуальной собственности по причине наличия признаков, свойственных, по мнению ученых, сложным объектам. Это, в частности, цельность, усложненная структура, наличие нескольких авторов, а также наличие лица, организовавшего его создание.

Основываясь на вышеуказанных признаках, можно утверждать, что к сложным объектам относятся как аудиовизуальные произведения, так и мультимедийные продукты, культурно-зрелищные мероприятия и др.

В то же время А. В. Никитова дает такое определение сложным объектам: «Это самостоятельный результат интеллектуальной деятельности, включающий в себя не менее двух неоднородных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, процесс создания которого выражается в послыном систематическом синтезе элементов в единый объект и организуется специальным лицом» [14].

Е. А. Мазур, со своей стороны, предлагает такое определение: «Под сложным объектом следует понимать объект гражданских прав, созданный автором, организатором такого объекта, включающий в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, образующий единое целое и предполагающий его использование по общему назначению» [15].

Из этих утверждений можно сделать вывод, что сложные объекты интеллектуальной деятельности содержат в себе такие признаки, как:

- а) обязательное наличие лица, организовавшего его создание;
- б) усложненная структура, подразумевающая наличие не менее двух неоднородных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

Однако зарубежная наука и законодательство включают и такие признаки сложных объектов, как:

1) содержание нескольких (более одного) охраняемых результатов интеллектуальной деятельности;

2) создание сложного объекта должно быть организовано лицом, которое приобретает право использования результатов интеллектуальной деятельности в его составе на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров, заключаемых таким лицом с обладателями исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности;

3) сложный объект должен относиться к одному из объектов, определенных в закрытом перечне из: кинофильма, иного аудиовизуального произведения, театрально-зрелищного представления, мультимедийного продукта, базы данных [9].

Следует заметить, что и в Гражданском кодексе Российской Федерации не дается понятий простого и сложного объектов. Однако он их разделяет при помощи перечисления сложных и простых объектов интеллектуальной собственности в статьях 1225 и 1240 [9].

На наш взгляд, Гражданский кодекс Республики Беларусь требует внесения изменений и дополнений касательно понятия сложных объектов по причине того, что данная классификация на простые и сложные объекты используется на практике, но не закреплена в действующем законодательстве. Предлагаем дополнить гл. 60 Гражданского кодекса Республики Беларусь статьей, в которой давалось бы понятие сложных объектов интеллектуальной собственности.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Совершенствование национального законодательства об интеллектуальной собственности обусловлено намерениями Республики Беларусь вступления в ВТО и подписания соответствующих нормативных документов, в т. ч. и Соглашения ТРИПС.

2. Классификация объектов интеллектуальной собственности по различным критериям расширяет научные представления о сущности и особенностях правового режима той либо иной группы объектов. Нормативная классификация объектов интеллектуальной собственности в Республике Беларусь определяет перечень следующих объектов: объекты авторского права, объекты смежного права и объекты права промышленной собственности; средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; другие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг. Вместе с тем она не дает представления об особенностях правовой охраны каждой группы объектов.

3. В настоящее время институт интеллектуальной собственности стремительно развивается в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий, подтверждением чему служит признание новых объектов интеллектуальной собственности, а также выработка новых способов правового регулирования этих объектов через нормативное закрепление их понятий либо простое их перечисление в акте законодательства. К примеру, Гражданский кодекс Российской Федерации определяет сложные объекты через их перечисление.

4. Целесообразным представляется исключение из Гражданского кодекса Республики Беларусь гл. 68 «Недобросовестная конкуренция», т. к. она может быть не только в сфере интеллектуальной собственности, но и в сфере рекламы, производства товаров (работ, услуг) и т. д. На наш взгляд, достаточно полное правовое регулирование вопросов недобросовестной конкуренции осуществляется законом Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции».

5. Следует внести изменения в Гражданский кодекс Республики Беларусь касательно классификации объектов, расширяя их перечень и давая их понятия для упрощения работы с объектами интеллектуальной собственности на практике. В частности, предлагаем дополнить гл. 60 Гражданского кодекса Республики Беларусь статьей «Сложные объекты интеллектуальной собственности».

В целом важно продолжать изучение классификации объектов интеллектуальной собственности, поскольку это позволит лучше изучить пути к унификации и гармонизации национального законодательства об интеллектуальной собственности с международным частным правом. Это, на наш взгляд, будет способствовать усилению защиты прав обладателей интеллектуальной собственности не только на национальном, но и на международном уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Присоединение Беларуси к ВТО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.gov.by/export/wto/accesion/>. – Дата доступа: 11.11.2020.

2. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности. – Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/wto01/trt_wto01_001ru.pdf. – Дата доступа: 11.11.2020.

3. Некрасов, И. А. Классификация объектов интеллектуальной собственности: история развития и проблемы защиты / И. А. Титов // Рос. право в Интернете. – 2004. – № 3. – С. 7.
4. Парижская конвенция по охране промышленной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/paris/trt_paris_00-1ru.pdf. – Дата доступа: 11.11.2020.
5. Всемирная Конвенция об авторском праве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: belgospatent.by/russian/docs/Zakonodat/Konve_ar.doc. – Дата доступа: 11.11.2020.
6. Синайский, В. И. Русское гражданское право / В. И. Синайский. – М. : Статут, 2002. – С. 276–287.
7. Конев, А. А. Различные подходы к классификации объектов интеллектуальной собственности / А. А. Конев, В. А. Муратова, В. А. Гринь // Вестн. Нижегород. правовой акад. – 2015. – № 4. – С. 52–55.
8. Применко, Ю. В. К вопросу о классификации объектов интеллектуальной собственности / Ю. В. Применко // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. – СПб., 2018. – С. 6–8.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс] : 18 дек. 2006 г., № 230-ФЗ : в ред. от 31.07.2020 г. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/2bb6d57fd429e6c04ee080e73cef708aa442fc8/. – Дата доступа: 11.11.2020.
10. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29.08.2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
11. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции : Закон Респ. Беларусь, 12 дек. 2013 г., № 94-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
12. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
13. Беспалый, Ю. Н. Определение правового режима сложных объектов интеллектуальной собственности / Ю. Н. Беспалый // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2014. – № 6. – С. 142–145.
14. Никитова, А. В. Сложные объекты в праве интеллектуальной собственности Российской Федерации / А. В. Никитова // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф. ; отв. ред. А. А. Горохов. – Курск : Юго-Зап. гос. ун-т, 2011. – С. 37–39.
15. Мазур, Е. А. Правовой режим Интернет-сайта как сложного объекта по законодательству Российской Федерации / Е. А. Мазур // Евразийс. адвокатура. – 2013. – С. 132–134.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.12.2020

УДК 341;347.965(476)

Татьяна Захаровна Шалаева¹, Анастасия Константиновна Куличик²¹канд. юрид. наук, доц., доц. каф. гражданско-правовых дисциплин
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина²помощник адвоката, магистрант юридического факультета
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина**Tatiana Shalaeva¹, Anastasia Kulichik²**¹Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of Brest State A. S. Pushkin University²Assistant Attorney, Undergraduate of the Faculty of Law
of Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: ¹t.shalaeva@mail.ru; ²a.kulichik@inbox.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Проанализированы акты международного законодательства, регулирующие адвокатскую деятельность, как принятые, так и не принятые Республикой Беларусь. Делается вывод, что международные принципы, непосредственно регулирующие адвокатскую деятельность, в белорусском законодательстве не закреплены либо закреплены частично и, соответственно, не являются частью системы национального законодательства. В связи с этим предлагается внести некоторые изменения в законодательство Республики Беларусь, регулирующие адвокатскую деятельность, в целях гармонизации его с международными стандартами.

International Legal Regulation of the Advocacy: Experience for Belarus

In this article authors analyze the acts of international legal regulation of the advocacy, which are accepted and which are not accepted by the Republic of Belarus. Authors make the conclusion that international principles directly regulating the advocacy are not accepted or are accepted partly by the Republic of Belarus and respectively are not included in the national legal system. In this connection there is an offer to make some changes in the legislation regulating the advocacy in the Republic of Belarus to harmonize it with the international standards.

Введение

Вопросам соотношения международного и национального права в целом и имплементации международных обязательств государств в частности в научной литературе уделялось достаточно внимания. Это труды таких российских ученых, как И. П. Блищенко [1], В. Г. Буткевича [2], Г. В. Игнатенко [3], Б. И. Осминина [4]. Однако большая часть данных исследований была опубликована еще в советское время, в котором национальное законодательство активно не взаимодействовало с международным. Среди зарубежных ученых, занимавшихся изучением данного вопроса, можно отметить работы Б. Баархорна [5], Ж.-П. Кемби [6], Д. Раушнинга [7].

Механизм имплементации международных норм и принципов в национальное законодательство являлся предметом изучения белорусских исследователей Л. В. Павловой [8], А. И. Зыбайло [9], В. Ю. Калугина [10], А. В. Барбука [11].

Правовое регулирование адвокатской деятельности в Республике Беларусь осуществляется как национальным, так и международным законодательством. В частности, все акты международного права, на обязательность которых Республика Беларусь дала свое согласие, становятся частью белорусского законодательства.

Согласно ст. 8 Конституции Республики Беларусь, «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства». Следует отметить, что некоторые принципы международного права находят отражение в законодательстве Беларуси об адвокатской деятельности частично, другие – не нашли отражения в нем.

Интересен тот факт: анализ международных актов демонстрирует, что практически все принятые Республикой Беларусь международные акты непосредственно адвокатскую деятельность не регулируют, они обозначают общие направления оказания юридической помощи, в т. ч. и на основе взаимопомощи с другими странами; в то же время не принятые Беларусью акты включают в себя международно-правовые стандарты, такие как допуск к адвокатской деятельности, независимость адвокатской профессии, профессиональная этика, конфиденциальность, профессиональное страхование, взаимоотношения адвокатов с судом и другие.

Международные акты, на обязательность которых Республикой Беларусь было дано согласие, авторами условно разделены на три группы.

К первой группе относятся международные акты, закрепляющие основные права и свободы человека, которые и становятся в конечном итоге объектом защиты.

Беларусь является одним из государств – основателей ООН и участницей большинства международных инструментов по правам человека, в т. ч. основных правозащитных договоров: Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (ратифицированы Указом Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 5 октября 1973 г. «О ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах»), Конвенция о правах ребенка (ратифицирована Постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 28 июля 1990 г. «О ратификации Конвенции о правах ребенка»), Конвенция о правах инвалидов (ратифицирована Законом Республики Беларусь 18 октября 2016 г. № 424-З «О ратификации Конвенции о правах инвалидов»).

Хотя Всеобщая декларация прав человека и цитируется во многих документах и некоторые ее нормы имплементированы в национальное законодательство, полностью она не принята Беларусью. Тем не менее Всеобщая декларация прав человека является первым международным документом, закрепившим право на получение юридической помощи, которое также закреплено и в ст. 62 Конституции Республики Беларусь: «Каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в т. ч. право пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде, иных государственных органах, органах местного управления, на предприятиях, в учреждениях, организациях, общественных объединениях и в отношениях с должностными лицами и гражданами».

Ко второй группе международных соглашений автором отнесены договоры о правовой помощи. Данная разновидность договоров способствует международному сотрудничеству между странами в таких областях, как оказание юридической помощи своим гражданам на территории иного государства, осуществление процессуальных действий, получение доказательств, предоставление необходимой информации, исполнение судебных решений на территории другой страны, экстрадиция. Такие договоры могут быть как двусторонними, так и многосторонними.

Примерами многосторонних договоров являются конвенции между государствами – участниками СНГ: Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях

по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (Минская Конвенция), ратифицированная постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 10 июня 1993 г. «О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной 22 января 1993 г. в городе Минске»; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. (Кишиневская Конвенция), ратифицированная Законом Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. «О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам».

Кроме того, существует целый ряд двусторонних договоров о правовой помощи между Беларусью и Литвой, Латвией, Турцией, Сербией, Болгарией, КНР, Польшей и другими странами. В качестве примера можно рассмотреть договор между Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам, ратифицированный Законом Республики Беларусь от 1 июня 2015 г. «О ратификации договора между Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам». Тем не менее с рядом государств, в частности, со многими западноевропейскими странами, США, Канадой такие договоры не заключены, что, на наш взгляд, усложняет сотрудничество с ними в области оказания правовой помощи.

В третью группу международных актов включены так называемые «узкоспециализированные» акты, т. е. соглашения, которые регулируют определенную сферу деятельности на международной арене и к которым периодически приходится обращаться адвокатам для оказания юридической помощи своим клиентам. К ним относятся такие акты, как Конвенция о договоре о международной дорожной перевозке грузов (Беларусь присоединилась к нему постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 ноября 1992 г. № 721 «О присоединении Республики Беларусь к международным договорам, регламентирующим перевозку грузов в международном автомобильном сообщении»); Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Белорусская ССР присоединилась к ней Указом Президиума Верховного Совета БССР от 25 августа 1989 г. № 2847-XI «О присоединении Белорусской ССР к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров»); ряд конвенций Международной организации труда, например, Конвенция о сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю (ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета БССР от 30 июня 1956 г. «О ратификации Конвенций Международной организации труда № 29 от 28 июня 1930 г. относительно принудительного или обязательного труда и № 47 от 22 июня 1935 г. о сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю»).

Переходя к международным актам, согласие на обязательность которых не было дано Республикой Беларусь, хотелось бы отметить Совет Европы – международную организацию, в состав которой входит 47 европейских государств. Республика Беларусь не является членом этой организации, на данном этапе является официальным кандидатом на вступление в нее. К актам, принятым вышеназванной организацией, относятся следующие: Конвенция Совета Европы от 4 ноября 1950 г. № 4 «О защите прав человека и основных свобод», а также Рекомендации R 21 Комитета министров Совета Европы «О свободе осуществления профессии адвоката» (2000). Так, например, в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод зафиксировано право каждого защищать себя лично либо посредством выбранного им самим защитника, или,

если у него нет достаточных средств для оплаты услуг адвоката, иметь назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия.

В международном праве существует ряд документов, касающихся непосредственно организации деятельности адвокатуры, а также порядка оказания юридической помощи, которые не приняты Республикой Беларусь и, соответственно, не включены в национальное законодательство, регулирующее адвокатскую деятельность. К ним относятся: Основные принципы, касающиеся роли юристов; Стандарты независимости юридической профессии Международной ассоциации юристов (МАР); Основные положения о роли адвокатов; Кодекс поведения для юристов в Европейском сообществе.

Стандарты независимости юридической профессии МАР, которые были приняты в 1990 г. в Нью-Йорке, гласят: «Независимость адвокатов при ведении дел должна гарантироваться для обеспечения оказания свободной, справедливой и конфиденциальной юридической помощи». Адвокатам должны быть предоставлены возможности конфиденциально общаться с клиентом, что включает в себя защиту делопроизводства и документов, в т. ч. электронных, адвоката от проверок, а также защиту от вмешательств и отслеживания используемых средств связи и информационных систем [12].

Основными принципами, закрепленными в вышеназванных международных актах, являются обеспечение специальных гарантий адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве, обеспечение независимости адвокатуры и адвокатов в их деятельности, высокий уровень подготовки и квалификации кадров, что выражается в знании и соблюдении адвокатами профессиональных стандартов, этических норм, основных прав и свобод человека, а также в отсутствии любой дискриминации при допуске к адвокатской деятельности.

Рассмотрим, в каких аспектах белорусского законодательства отражены международные принципы, а в каких данные принципы не закреплены или закреплены частично. Одним из принципов, признаваемых международным правом, является право адвокатов на свободу выражения своих мнений, убеждений и ассоциаций, что подразумевает, с одной стороны, возможность участия в открытых дискуссиях по вопросам права, а с другой стороны, возможность создавать и быть членами самоуправляемых профессиональных ассоциаций – органов адвокатского самоуправления, которые могут представлять интересы и защищать права самих адвокатов. Эти ассоциации на основании международных норм и стандартов должны создавать кодексы правил поведения адвокатов и привлекать адвокатов к дисциплинарной ответственности за нарушение вышеуказанных правил.

Данный международный принцип соблюден в Республике Беларусь частично, т. к., с одной стороны, Правила профессиональной этики адвокатов в Беларуси утверждаются постановлением Министерства юстиции – государственным органом. С другой стороны, в Республике Беларусь создана система органов адвокатского самоуправления, возглавляемая Белорусской республиканской коллегией адвокатов (БРКА). При БРКА и территориальных коллегиях адвокатов создаются дисциплинарные комиссии, в полномочия которых входит привлечение адвокатов к дисциплинарной ответственности за совершенные ими проступки.

В то же время Квалификационная комиссия по вопросам адвокатской деятельности, в компетенцию которой входит допуск к квалификационному экзамену и проведение самого экзамена на приобретение статуса адвоката в Республике Беларусь, создается также при Министерстве юстиции. Для сравнения: в Российской Федерации Квалификационная комиссия создается при адвокатской палате субъекта Российской Фе-

дерации, а не при исполнительном органе юстиции. По нашему мнению, в вопросах приобретения статуса адвоката можно было бы дать больше свободы адвокатскому сообществу и позволить органам адвокатского самоуправления самим принимать решение о том, готов ли претендент стать адвокатом.

Что касается гарантий адвокатской деятельности, то отличительным признаком белорусского законодательства является то, что гарантии в большей степени понимаются как сохранение адвокатской тайны, направленное в первую очередь на защиту интересов клиента. Международное же законодательство говорит о гарантиях именно для самих адвокатов: адвокатам должны быть обеспечены безопасные условия их деятельности, свобода от угроз, запугиваний и любого другого вмешательства, а в случаях возникновения угрозы или опасности правоохранительные органы должны обеспечить защиту адвоката и его семьи.

Следующий принцип – недопущение какой-либо дискриминации при допуске к адвокатской профессии. Данный принцип соблюден в белорусском законодательстве частично. С одной стороны, одним из требований приобретения статуса адвоката в Республике Беларусь является то, что адвокат должен быть гражданином своей страны. Данное требование не признается дискриминационным с точки зрения международного права. При этом другим требованием для приобретения статуса адвоката в Беларуси является наличие трехлетнего стажарботы по юридической специальности. Это требование является дискриминационным, т. к. дает приоритет потенциальным работникам суда, прокуратуры, органов внутренних дел перед теми, кто желает заняться адвокатской деятельностью. Дело в том, что попасть во все вышеназванные структуры, кроме адвокатуры, можно сразу после окончания университета и получения высшего юридического образования. Для того чтобы иметь возможность попасть в адвокатуру, выпускнику ВУЗа приходится искать себе работу на три года, чтобы получить необходимый стаж, что становится препятствием для занятия адвокатской деятельностью. В большинстве стран такого условия не существует либо есть ему альтернатива.

Заключение

Таким образом, необходимо отметить, что существует ряд международных принципов, принятых и закрепленных в белорусском законодательстве. Большая часть из них касается непосредственно основных прав и свобод человека, а также базовых принципов оказания юридической помощи, в т. ч. и на основе международного сотрудничества в сфере оказания правовой помощи. Тем не менее проведенное авторами исследование показывает, что не все международные принципы, касающиеся непосредственно адвокатуры и адвокатской деятельности, отражены и закреплены в белорусском законодательстве. Некоторые из них лишь декларируются, но не исполняются на практике, другие отражены в национальном законодательстве частично. Хотелось бы отметить, что, по нашему мнению, соответствие национального законодательства международным стандартам и принципам в сфере адвокатской деятельности в значительной мере поднимает авторитет нашего государства и белорусского адвокатского сообщества на международной арене.

Для гармонизации национального законодательства с международными стандартами предлагаем внести следующие изменения в белорусское законодательство об адвокатской деятельности

1. Исключить из первого абзаца п. 2 ст. 9 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Бела-

реть» фразу «имеющий стаж работы по специальности не менее трех лет, в т. ч. в качестве помощника адвоката».

2. Дать органам адвокатского самоуправления (Белорусской республиканской коллегии адвокатов) возможность самостоятельно принимать решения, непосредственно касающиеся деятельности адвокатуры. В частности, предлагаем наделить БРКА полномочиями по принятию квалификационного экзамена, выдаче лицензий, а также утверждению Правил профессиональной этики адвоката.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блищенко, И. П. Международное и внутригосударственное право / И. П. Блищенко. – М. : Госюриздат, 1960. – 239 с.
2. Буткевич, В. Г. Соотношение внутригосударственного и международного права / В. Г. Буткевич. – Киев, 1981. – 311 с.
3. Игнатенко, Г. В. Взаимодействие внутригосударственного и международного права / Г. В. Игнатенко. – Свердловск, 1981. – 60 с.
4. Осминин, Б. И. Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право / Б. И. Осминин. – М. : Инфотропик Медиа, 2010. – 400 с.
5. Баархорн, Б. Соотношение международного и внутреннего права в Нидерландах / Б. Баархорн // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1996. – № 1. – С. 6–11.
6. Кемби, Ж.-П. Конституционные суды Европы и международное право / Ж.-П. Кемби // Российский ежегодник международного права. 1995 / гл. ред. Л. Н. Галенская. – СПб. : Россия-Нева, 1996. – С. 146–155.
7. Раушнинг, Д. Применение норм международного публичного права в рамках национальной правовой системы / Д. Раушнинг // Российский ежегодник международного права. 1998–1999 / гл. ред. Л. Н. Галенская. – СПб. : Россия-Нева, 1999. – С. 279–283.
8. Павлова, Л. В. Имплементация договорных обязательств Республики Беларусь в национальном законодательстве / Л. В. Павлова // Моск. журн. междунар. права. – 2006. – № 1. – С. 201–208.
9. Зыбайло, А. И. Соотношение международного и внутригосударственного права / А. И. Зыбайло. – Минск : Право и экономика, 2007. – 175 с.
10. Калугин, В. Ю. Механизм имплементации международного гуманитарного права / В. Ю. Калугин. – Минск, 2003. – 336 с.
11. Барбук, А. В. Непосредственное действие международных договоров: теоретический аспект / А. В. Барбук // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2003. – № 2. – С. 3–11.
12. Синцов, Г. В. Особенности международных правовых актов, регулирующих деятельность адвокатуры / Г. В. Синцов, Д. В. Фролов // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Обществ. науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 12–16.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.12.2020

УДК 159.942

Алексей Викторович Северин¹, Елена Станиславовна Киричик²

¹канд. психол. наук, доц., доц. каф. психологии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²магистрант психолого-педагогического факультета

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Aleksey Severin¹, Yelena Kirichik²

¹PhD in Psychology, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Psychology

of Brest State A. S. Pushkin University

²Master's Student of the Faculty of Psychology and Education

of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: ¹psyseverin@mail.ru; ²kirichikelena@yandex.ru

ВКЛАД РЕНЕ ДЕКАРТА В РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭМОЦИЙ ЧЕЛОВЕКА

Представлены результаты теоретического анализа психологических взглядов Рене Декарта об эмоциях человека. Рассматриваются вопросы природы эмоций, механизма формирования и значение эмоций для человека; дуализма и механистического подхода к пониманию души человека; функционирования души и формирования в ней «страстей»; физиологических проявлений внутри тела и внешнего выражения разных эмоций («страстей»); воздействия эмоций на поведение, физиологическое состояние и здоровье человека, а также стремление его к добродетели. Обосновывается практическая значимость изучения эмоций для их осознания и контроля над проявлениями «страстей».

Rene Descartes' Contribution to the Development of the Psychological Concept of Human Emotions

The article presents the results of theoretical analysis of Rene Descartes' psychological views on human emotions. The authors consider the following issues: the nature of emotions, the mechanism of formation and meaning of emotions for a person; dualism and a mechanistic approach to understanding the human soul; the functioning of the soul and the formation of «passions» in it; physiological manifestations inside the body and the external expression of various emotions («passions»); the impact of emotions on behavior, physiological state and health of a person, as well as his desire for virtue. The practical significance of studying emotions for their awareness and control over the manifestations of «passions» is proved.

Введение

Изучая личность человека, важно рассматривать все ее стороны. Одной из сторон психической жизни человека, которая во многом влияет и часто определяет его поведение, является эмоциональная сфера психики. Исследование психологических и философских взглядов мыслителей на природу человеческих эмоций позволяет открыть еще один пласт научных знаний, который может дать толчок к нахождению важных выводов о личности человека.

Как отмечает М. А. Гарнцев, любая изучаемая значительная философская концепция принадлежит не одному прошлому, она обращена к настоящему и будущему своими предзнаменованиями и предсказаниями. Для того же, чтобы археология философского знания благоприятствовала развитию науки, важно продвинуться вперед в изучении диалектических закономерностей историко-философского процесса [1, с. 215]. По мнению авторитетного ученого-психолога Л. С. Выготского, именно Р. Декарт проложил путь к развитию основных теорий эмоций [2, с. 162, 302].

С именем Р. Декарта связаны многие выдающиеся открытия в различных областях науки – математике, физике, анатомии, биологии, астрономии и, конечно, философии и психологии. От латинизированного имени Декарта (Картезий) произошел термин «картезианство», обозначающий целое направление, сформировавшееся под влиянием его идей. Основными произведениями Р. Декарта, оказавшими существенное влияние на науку, можно назвать «Правила для руководства разума» (1628–1629), «Рассуждение о методе» (1637), «О страстях» (1649) и др. [3].

Понятие «страстей» души

По мнению Декарта, именно мысли порождаются душой, и бывают они двух видов: одни являются действиями души, другие – ее страстями. Действия души – это ее желания, а страсти души – все виды встречающихся у нас восприятий или знаний. Желания бывают двух видов – действия души (любовь к Богу) и действия тела (захотелось нам пойти гулять – мы пошли). Наши восприятия также двух видов: причина одних – душа (создание воображаемых целей), других – тело (иллюзии снов, мечты) [4, с. 490].

Как определяет сам Декарт, страсти души – это волнения души, «которые вызываются, поддерживаются и усиливаются некоторым движением духов». По мнению Декарта, «в мозгу имеется небольшая железа, в которой душа более, чем в прочих частях тела, осуществляет свою деятельность». Он заявляет, что душа осуществляет свою деятельность именно в железе в центре головного мозга (эпифиз), противореча своим предшественникам, которые часто органом души называли сердце: «Мнение тех, кто полагает, будто душа берет свои страсти в сердце, не заслуживает внимания, ибо оно основано только на том, что вследствие страстей в сердце чувствуется некоторое волнение». Волнение в сердце возникает как следствие, по мнению ученого, нервной связи с мозгом. Нерв, связывающий мозг и сердце, позволяет чувствовать страсти [4, с. 494–496].

Рене Декарт на примере описывает механизм функционирования души: «Если мы видим какое-нибудь животное, направляющееся к нам, то свет, отраженный от его тела, рисует два изображения его, по одному в каждом из наших глаз; эти два изображения посредством зрительных нервов образуют два других – на внутренней поверхности мозга, обращенной к его полостям. Затем посредством духов, которыми наполнены эти полости, изображения лучеобразно проходят к маленькой железе, окруженной духами. Благодаря этому два изображения, находящиеся в мозгу, образуют в железе одно, а железа, непосредственно воздействуя на душу, передает ей образ этого животного».

Связывая данные размышления с современной наукой, можно говорить, что Декарт описывает механизм зрительного восприятия, протекание психических процессов: ощущений, восприятия, мышления. Эмоциональное отношение к окружающему миру и формирование эмоций философ описывает следующим образом: «Если это образ чуждый и очень пугающий, т. е. если он живо напоминает то, что прежде вредило телу, то он вызывает в душе страсть страха, а вслед за ней – страсть смелости или страха и ужаса в зависимости от особенностей тела и от силы духа, а также в зависимости от того, удалось ли прежде уберечь себя, защищаясь или спасаясь бегством, от вредных вещей, к которым имеет отношение настоящий образ» [4, с. 497].

Обобщая, можно сказать, что Декарт имел в виду то, что ощущения, формируют общую картину восприятия объекта, передают эту картину в железу в центре мозга, где на основе прошлого жизненного опыта или в зависимости от особенностей личности формируется отношение к объекту – эмоция. И в настоящее время не прекращаются исследования механизмов возникновения эмоциональных реакций.

Е. Д. Хомская и Н. Я. Батова выделяют два направления в изучении мозговой организации эмоциональной сферы:

- 1) узкий локализационизм (для каждой «базовой» эмоции имеются свои центры);
- 2) системный подход – существование «эмоционального мозга», т. е. системы, состоящей из лимбической системы переднего мозга (гиппокамп, перегородка, пириформная кора и другие образования); гипоталамуса (32 пары ядер переднего комплекса, связанные с парасимпатической вегетативной нервной системой, а также задний комплекс, связанный с симпатической нервной системой); лимбической области среднего мозга (центральное серое вещество, околоцентральная ретикулярная формация) [5, с. 90].

Самой главной функцией, значением эмоций (страстей) Декарт называет защитную функцию: «они побуждают и настраивают душу человека желать того, к чему эти страсти готовят его тело» [4, с. 498]. Такое понимание функций эмоций актуально и по сей день.

Декарт подчеркивает важность контроля и осознания своих эмоций, чтобы они принесли человеку пользу: «Мудрость больше всего полезна тем, что она учит властвовать над своими страстями и так умело ими распорядиться, чтобы легко можно было перенести причиняемое ими зло и даже извлечь из них радость» [4, с. 572]. Ученый описывает связь эмоций и волевой регуляции. Он отмечает, что одной воли мало, чтобы вызвать в себе определенные эмоции или освободиться от них: «Самое большое, что может сделать воля, когда душевное волнение в полной силе, – это не допустить его последствий и сдерживать многие движения, к которым страсть располагает тело» [4, с. 502].

Важно сформировать понятие, познакомиться с доводами, которые помогут контролировать себя, т. е. важно включение мышления как регулятора эмоций: «Чтобы вызвать в себе отвагу и избавиться от страха, недостаточно только желать этого, а следует познакомиться с доводами, событиями или примерами, убеждающими, что опасность невелика» [4, с. 501]. Кроме этого, в способах контроля своих эмоций Декарт указывает на важность рефлексии и самоанализа: «Среди этих средств я назвал предварительное размышление и искусство, посредством которых человек может устранить недостатки своего характера, стараясь отделить в себе движения крови и духов от тех мыслей, с которыми эти движения обычно связаны». Как пишет Декарт, при возникновении «крайностей страстей» важно подключать мышление, сдерживать чувства, не спешить принимать решения, пока «время и покой не укротят волнения крови» [4, с. 570–571].

В зависимости от способностей контролировать свои эмоции Рене Декарт делит всех людей на тех, кто обладает сильной душой, и людей со слабой душой. Люди с сильной душой обладают сильной волей, способны противостоять страстям, а люди со слабой душой легко увлекаются страстями, их мышление подвержено эмоциям. Однако, по мнению Р. Декарта, важна тренировка: «Даже люди с самой слабой душой могут приобрести полную власть над всеми своими страстями, если приложить достаточно старания, чтобы наставлять их и руководить ими» [4, с. 503–506].

Таким образом, Рене Декарт подходит достаточно механистически и к описанию функционирования души и формирования в ней «страстей». По его мнению, душа осуществляет свою деятельность в железе в центре головного мозга. Нерв, связывающий мозг и сердце позволяет чувствовать страсти. Декарт подчеркивает важность контроля и осознания своих страстей, что происходит благодаря мышлению человека и задействованию волевых качеств.

Класіфікацыя «страстей»

Доктар філосафіі, прафесар псіхалогіі К. Э. Изард стварыў вядомую дыферэнцыяльную тэорыю эмоцый (1991), аб'ектам вывучэння ў гэтай тэорыі з'яўляюцца асобныя эмоцыі, іх уплыву на жыццё чалавека [6]. Аднак яшчэ Дэкарт у трактате «О страстях» разглядае эмоцыі ў асобным парадку. Ён выдзяляе шэсць асноўных страстей: здзіўленне, любоў, ненавісць, жаданне, радасць і печаль [4, с. 510].

Дэкарт пачынае сваю класіфікацыю эмоцый з эмоцыі здзіўлення, якую называе першай з страстей, т. к. яна не мае «працівопаложнай эмоцыі», тлумачыць гэта так: «Яна не мае працівопаложнай сабе, таму што, калі ў перадаваным нам прадмеце няма нічога паражальнага для нас, гэта нас сапраўды не затрагвае і мы разглядаем яго без якой-небудзь страці». У залежнасці ад таго, чаму мы здзіўляемся, узнікае уважэнне альбо пренебрежэнне як адносіны да аб'екта [4, с. 507]. Дэкарт лічыць здзіўленне эмоцыяй пазнання: «Не мае сваёй мэтай ні блага, ні зла, а толькі пазнанне прадмета». Здзіўленне суправаджае практычна ўсе страці і можа ўзмацняць іх. Сіла здзіўлення заключаецца ў раптоўным з'яўленні ўражання, змяняючага «двух духаў» [4, с. 511–512].

Наступныя страці, якія разглядае Дэкарт, – гэта любоў і ненавісць. Учыны дае наступнае вызначэнне любві: «Любоў з'яўляецца рухавіком душы, выкліканым рухам духаў, які побуждае душу па добрай волі звязаць сябе з прадметамі, якія здаюцца ёй блізкімі, а ненавісць з'яўляецца рухавіком, выкліканым рухам духаў і побуждае душу аддзяліцца ад прадметаў, перадаваным ёй шкоднымі» [4, с. 514].

Філасоф выдзяляе два віды любві (любоў да добрага і любоў да прыгожага) і два віды ненавісці («да дрэнных рэчэй» і да дрэнных). Узровень любві Дэкарт вызначае ў залежнасці ад свайго становішча адносна аб'екта любві: «Калі... прадмет свайго любві каштуе менш, чым самога сябе, да яго імкнуцца простае прыцягненне, калі ж яго каштуюць аднолькава з сабой, гэта называецца дружбай, а калі яго каштуюць больш, чым самога сябе, то такая страці можа называцца блаславеннем» [4, с. 516–517].

Любоў і ненавісць – страці, якія ўзнікаюць пад уплывам ацэнкі аб'екта як добрага, падыходнага для чалавека альбо як дрэннага, шкоднага. Па меру Дэкорта, «гэтай жа ацэнкай з пункту гледжання блага і зла вызначаюцца ўсе астатнія страці». Самым прыятным з страстей Дэкарт называе ўнутранае задавальненне ад добрага, якое зрабіў чалавек сам асабіста, а самым горкім – раскаяне як вынік осознання дрэннага дзеяння [4, с. 509].

Далей Дэкарт працягвае сваю класіфікацыю страстей ісходзячы з часовага напраўлення: да будучага, мінулага, сучаснага. Першай страццю, якая, па меру філасофа, звярнута да будучага, можна назваць жаданне валодаць (захаваць) благам альбо пазбегчы зла, у сучаснай інтэрпрэтацыі гэта скорей звучыць так: імкненне да ўспеху альбо пазбегчы неўдачы. Дэкарт гаворыць аб нерасцяпнасці гэтых імкненняў: «Мне здаецца, што імкненне да блага заўсёды існуе разам з імкненнем пазбегчы зла, якое для яго процівапаложна» [4, с. 517].

Наступная група эмоцый, якія разглядае Дэкарт, – гэта радасць і печаль. Гэтыя эмоцыі залежаць ад наяўнасці «блага» альбо «зла» ў душы чалавека. Дэкарт дае такое вызначэнне радасці: «Радасць з'яўляецца прыятным рухам душы, у якой заключаецца яе задавальненне благам, якія ўражання мозгу перадаюцца душы як яе асабістае». Чувства печалі ўчыны абазначае наступным чынам: «Печаль – дрэнная слабасць, якая выяўляе хворы стан, выкліканым у душы дрэнным альбо недастатковым, якія ўражання ў мозгу перадаюцца душы як адносіны да яе са-

мой» [4, с. 520]. У относительно хорошего или плохого человека в зависимости от оценки жизни других людей «благо и зло» может вызывать различные эмоции (рисунок).

Рисунок. – Схема возникающих эмоций относительно хорошего и плохого в человеке и его отношения к другим

Рене Декарт выделяет как положительное значение страстей, так и негативное. Все страсти полезны тем, что они позволяют сохранить важные мысли: «Все страсти полезны только в том отношении, что они укрепляют и удерживают в душе те мысли, которые следует сохранить и которые без этого могли бы легко исчезнуть». Как можно понять из сказанного, удержание в памяти мыслей, согласно Декарту, осуществляется за счет наличия эмоционального отношения к объекту, т. е. то, что нам важно, что вызывает в нас чувства, запоминается нами, а те мысли, которые эмоционально не подкреплены, соответственно не имеют для нас значения и поэтому в памяти не сохраняются.

Негативным действием страстей в данном плане Декарт называет сохранение нежелательных мыслей: «Зло, какое могут причинить страсти, заключается в том, что они удерживают и сохраняют эти мысли дольше, чем это необходимо, либо удерживают и сохраняют и такие, на которых не следует сосредоточиваться» [4, с. 512].

Таким образом, Декарт выделяет 6 основных страстей: удивление, любовь, ненависть, желание, радость и печаль. В своем трактате философ подробно описывает значение этих страстей, их физиологические внутренние проявления в теле, их внешнее выражение, а также подробно описывает производные эмоции от этих основных страстей.

Внутренние и внешние проявления «страстей»

Так как «страсти» – физиологический центр души (по-видимому, эпифиз) и участвуют в движении «духов», они, по утверждению Декарта, оказывают влияние на ход психофизических процессов в организме. Причем каждая эмоция влияет на организм по-своему. Чувству удивления Декарт практически не уделил внимания – он отметил только, что удивление создает «духи» в мозге и поэтому на него и влияет [4, с. 523].

Чтобы упростить процесс анализа психофизического влияния эмоций на организм человека, представления Декарта мы отразили в виде таблицы (таблица).

Таблица. – Сравнение физиологических процессов, происходящих в организме под действием определенных эмоций

Критерий сравнения	Парные страсти			
	Любовь	Ненависть	Радость	Печаль
Пульс	Ровный, наполненный, сильный	Неровный, слабый, учащен	Ровный, частый, не такой сильный и наполненный	Слабый, медленный
В груди	Приятное тепло	Холод и сильный, резкий жар	Приятное тепло по всему телу	Сжимающее давление и холод
Желудок	Пищеварение очень быстрое	Не работает, может быть рвота	Аппетит хуже обычного	Хороший аппетит

Желание как чувство, возникающее в человеке, Декарт не описал так детально и последовательно, как парные страсти. Он отметил, что при стремлении достичь желаемого организм человека мобилизует все свои силы: «При желании я замечаю ту особенность, что оно волнует сердце сильнее любой другой страсти и наполняет мозг большим количеством духов, которые проходят оттуда в мышцы, обостряют все чувства и делают более подвижными все части тела» [4, с. 524].

Далее Декарт конкретизирует формирование и путешествие духов по телу в зависимости от эмоции. Например, при ненависти духи из мозга идут к мышцам желудка и кишечника, далее кровь поступает к селезенке и желчи, далее кровь обратно возвращается к сердцу, чем и объясняется наличие жара (от крови из желчи) и холода (от крови из селезенки) одновременно. При радости возбуждаются нервы, находящиеся во всем теле, тем самым разгоняя кровь. А при печали сердечные отверстия очень сужены маленьким нервом и кровь из вен идет к сердцу в очень незначительном количестве. Страсть желания отличается участием воли, которая очень быстро направляет духи мозга ко всем частям тела, в особенности к сердцу, для того чтобы оно, «приняв большее, чем обычно, количество крови, направило к мозгу и больше духов для сохранения и усиления идеи» [4, с. 526].

Кроме внутренних процессов, происходящих в организме, Декарт останавливается на описании внешнего выражения страстей: «Главные из этих внешних выражений – движения глаз и лица, изменение цвета лица, дрожь, слабость, обморок, смех, слезы, стоны, вздохи». Декарт пишет, что когда страсти владеют человеком, то по движениям глаз можно определить, сердится или радуется человек, по выражению лица это сделать несколько сложнее, т. к. даже при противоположных эмоциях может наблюдаться схожее выражение лица. Кроме мимического выражения, при эмоциях лицо меняет цвет – краснеет или бледнеет, что Декарт связывает с движениями крови. Он приводит такой пример: «Радость делает цвет лица более ярким и румяным, потому что, открывая затворы сердца, она заставляет кровь живее проходить во все вены; последняя же, становясь более теплой и разжижаясь, умеренно наполняет все части лица, а это вызывает улыбку и радостное выражение. Печаль же, наоборот, сужая сердечные отверстия, вследствие чего кровь медленнее течет в вены, и, охлаждаясь и сгущаясь, занимает там меньше места» [4, с. 528–529].

Согласно Декарту, дрожь имеет две причины: в нервы из мозга поступает слишком мало духов (при печали, страхе) и в нервы из мозга поступает слишком много духов (сильное желание, гнев).

Смех ученый описывает как процесс, заключающийся во взаимодействии сердца и легких: «Кровь, идущая из правой полости сердца через артериальную вену, внезапно наполняет легкие и заставляет воздух, содержащийся в них, несколько раз сжиматься; этот воздух стремительно выходит через горло, где производит нечленораздельный сильный звук» [4, с. 537].

Таким образом, по утверждениям Рене Декарта, «страсти» оказывают влияние на протекание психофизических процессов в организме: влияют на внутреннее здоровье и состояние человека, а внешне проявляются в виде бледности или покраснения, слез или смеха, обмороков, вздохов и др.

Значение «страстей» для человека

Основной функцией, ролью страстей, по мнению Декарта, является запечатление и сохранение информации, которое происходит именно благодаря наличию эмоционального отношения к объекту. Ученый постоянно указывает на тесную взаимосвязь эмоций и тела, его реакций. Далее он также пишет о постоянном формировании связей между телом и мыслью, телом и эмоциями: «Между нашей душой и нашим телом существует такая связь, что если мы однажды соединили какое-то телесное действие с какой-то мыслью, то в дальнейшем, если появляется одно, необходимо появляется и другое; причем не всегда одно и то же действие соединяется с одной и той же мыслью».

Все «страсти», по Декарту, относятся к телу, и управление ими дано душе лишь потому, что она связана с телом. Естественное назначение страстей ученый видит в том, чтобы «побуждать душу, способствовать тем действиям, которые могут послужить для сохранения тела или для его совершенствования». Например, радость и печаль – это оценка полезного/вредного для тела. Печаль рассматривается даже как наиболее полезная эмоция в плане избегания вреда, чем достижения чего-то полезного [4, с. 539].

Роль любви и ненависти в том, что они имеют своим источником познание; если это познание истинное, то любовь выходит на первое место, так как приносит радость, ведет к совершенствованию. Так же важна страсть «желание», но только если она не чрезмерна и основана на истинном познании.

Очень важное замечание сделал Декарт по поводу «блага и зла» в человеке: «Как наше благо, так и наше зло зависят... от внутренних волнений, вызываемых в душе ею же самою». Содержание в человеке хорошего и плохого, радости и печали и других чувств зависит от самого человека: он сам формирует в себе эти состояния. «Для того чтобы душа нашла в себе силу бороться со всеми внешними тревогами, ей всегда необходимо иметь внутреннее удовлетворение, тогда они ей не только не повредят, но, наоборот, умножат радость жизни, и, преодолев тревоги, душа будет чувствовать свое совершенство. А для того чтобы наша душа была удовлетворена, она должна лишь неуклонно следовать стезей добродетели». Другими словами, если человек живет и добродетельно относится к себе и окружающему, это помогает быть ему здоровее, помогает быть свободнее от тревог и угрызений совести [4, с. 545].

Таким образом, Декарт описывает как положительное, так и негативное воздействие «страстей» на состояние и поведение человека. Однако содержание этих страстей во многом зависит от самого человека, его силы воли, стремления к познанию и осмыслению, стремления к добродетели.

Заклучение

Теории эмоций имеют большую историю начиная со времен размышлений до времен научных доказательств и психофизиологических исследований. Л. С. Выготский справедливо отмечал: «Учение о страстях занимает совершенно исключительное место в системе Декарта: во-первых, страсти представляют собой единственное явление, в котором мы способны познать во всей ее полноте двойственную природу человека, совместную жизнь духа и тела; во-вторых, это учение представляет единственную во всей системе точку пересечения спиритуалистического учения Декарта о духе и его механистического учения о телах» [2, с. 211].

Механистичное понимание природы человека, функционирования его души, возникновения и проявления эмоций характерное для учения Р. Декарта, отражает его попытки понять и объяснить, описать и разработать психологическую концепцию эмоций. К описанию функционирования души и формирования в ней «страстей» Рене Декарт также подходит достаточно механистически. По его мнению, душа осуществляет свою деятельность в особой железе, в центре головного мозга. В учении об эмоциях Декарт выделил шесть основных страстей: удивление, любовь, ненависть, желание, радость и печаль. Данные «страсти» и их производные оказывают значительное влияние на протекание психофизических процессов в организме. Положительное либо негативное воздействие «страстей» на состояние и поведение человека во многом зависят от самого человека, от его силы воли, стремления к познанию и осмыслению, стремления к добродетели.

Следует отметить, что работы Рене Декарта оказали значительное влияние на последующее становление и развитие психологических взглядов ученых об эмоциях человека (Лейбница, Спинозы, Джеймса, Ланге, Изарда и др.), способствовали изучению эмоциональной сферы человека и построению концепций и теорий, объясняющих закономерности проявления и развития эмоций и чувств в общественной жизни.

При этом изучение сущности эмоций имеет практическую значимость в плане понимания разных сторон психики человека, формирования саморегуляции, раскрытия причин его поведения в различных жизненных ситуациях, понимания особенностей деятельности и общения, направленности и содержания его ценностных ориентаций, понимания отношения человека к самому себе и к окружающему миру, другим людям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гарнцев, М. А. Проблема самосознания в западноевропейской философии (от Аристотеля до Декарта) / М. А. Гарнцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 215 с.
2. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский ; под ред. М. Г. Ярошевского. – М. : Педагогика, 1982–1984. – Т. 6 : Научное наследство. 1984. – 400 с.
3. Марцинковская, Т. Д. История психологии / Т. Д. Марцинковская. – М. : Академия, 2001. – 538 с.
4. Декарт, Р. Сочинения : в 2 т. / Р. Декарт ; сост., ред. В. В. Соколова. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 1654 с.
5. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2001. – 749 с.
6. Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард ; пер. с англ. В. Мисник, А. Татлыбаева. – СПб. : Питер, 1999. – 464 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 17.11.2020

УДК 159.937-053.6

Алексей Викторович Северин

канд. психол. наук, доц., доц. каф. психологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Aleksey Severin

PhD in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Psychology
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: psyseverin@mail.ru

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ ВАРИАТИВНОЙ ФОРМЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Рассмотрены проблема восприятия предметов вариативной формы, специфика перцептивных действий человека с предметами вариативной формы, отличие восприятия константных и вариативных по форме предметов. Обоснована необходимость координации зрительных и тактильных перцепций при восприятии предметов вариативной формы.

The Problem of Perception of Objects of Variable Form in Psychological Science

A number of issues are considered: the problem of perception of objects of variable form, the specifics of human perceptual actions with objects of variable form, the difference between the perception of constant and variable-shaped objects. The necessity of coordination of visual and tactile perceptions in the perception of objects of variable shape is proved.

Введение

Проблеме изучения разных аспектов восприятия посвятили свои исследования многие ученые в области психологии. Так, например, проблемами изучения психического образа предметов, изучения зрительного восприятия, перцептивных действий человека, взаимосвязи движений глаза и руки занимались Л. А. Венгер, Н. Ю. Вергилес, В. А. Ганзен, А. В. Запорожец, В. П. Зинченко, М. А. Кремень, Н. Л. Морина, С. Б. Ткаченко, Л. А. Шифман, А. Л. Ярбус, а также Дж. Брунер, М. Вертгеймер, Дж. Гибсон. Под перцептивным действием в психологии принято понимать «основные структурные единицы процесса восприятия у человека» (А. В. Запорожец), направленные на анализ, получение и уточнение сенсорной информации при восприятии предметов. Понятие перцептивного действия отражает парадигму активности субъекта при восприятии объекта, выделении его как предмета из фона [4–6; 10; 11; 24; 25]. Однако при многообразии исследований восприятия в научной литературе не нашли достаточного отражения теоретические и экспериментальные данные по изучению перцептивных действий при восприятии предметов вариативной формы. Результаты исследований представлены только в единичных работах (А. В. Вартанов, Г. В. Лосик, Н. Л. Морина) [3; 12; 16].

Одним из первых понятие «предмет вариативной формы» в научный оборот ввел В. А. Ганзен, понимая его как сложный целостный объект. По мнению этого ученого, «в общей проблеме восприятия может быть выделена ее важная часть – проблема восприятия целостных объектов» [6, с. 3].

Г. В. Лосик впервые предложил термин «объекты с вариативной формой» – «физические объекты, которые от усилия мышц руки человека при воздействиях на них меняют свою форму в зрительно заметной человеку степени. При этом изменение формы, свойственное физической природе такого объекта, идет в масштабах, не разруша-

ющих объект и его функциональное предназначение для человека... Объект, отличающийся упругостью, возвращается после перцептивного воздействия на него к прежней форме, а объект, отличающийся пластичностью, не возвращается... Объекты, отличающиеся хрупкостью, приобретающие трещины, не могут считаться объектами вариативной формы» [12–14]. Он выделяет три варианта доступности объекта для восприятия его субъектом, которые «означают три степени удаленности объекта от субъекта восприятия и, соответственно, разные возможности изучать форму и динамику объекта» [13, с. 64]. Согласно первому, объект доступен для изучения на расстоянии. При этом манипулятивные действия с ним невозможны. Второй вариант, наоборот, дает возможность для оказания воздействий и изучения формы объекта и ее динамики. При третьем варианте доступности объекта «в зрительной памяти на некоторое время остается его “фотография”. Затем изучение формы объекта ведется за счет интериоризованного сканирования взором его фотографии» [13, с. 64–67]. Г. В. Лосик предлагает понимать под предметами вариативной формы такие предметы, которым присуща вариативность формы: мягкость, упругость, пластичность (например, тело человека, мяч, пружина, ветка дерева, туловище животного и др.). Вариативность формы предмета – это степень его изменчивости, которая определяется зрением при нанесении физического воздействия на разные части предмета рукой или его зрительного осматривания [12; 14].

Специфика перцептивных действий с предметами вариативной формы

В. А. Ганзен считал, что для восприятия предметов вариативной формы необходима «сенсорно-перцептивная тренированность» и учет степени их вариативности [6, с. 22]. Согласно В. А. Ганзену, Н. Л. Мориной, Ж. Пиаже, перцептивные действия с предметами с вариативной формой имеют свою специфику. При изучении вариативности таких предметов формируется особый навык восприятия, который воспринимающему каждый раз предстоит формировать заново. Поэтому такой специфический навык человек вынужден регулярно подкреплять, иначе он претерпевает деформации и даже может быть утрачен [6; 16; 17]. Ж. Пиаже указывает, что благодаря перцептивным действиям «ребенок обнаруживает, что одна палочка более гибкая, чем другая, и что между гибкостью и длиной существует связь; действия, совершаемые над объектом и дающие ему новые характеристики, являются исходной точкой самих логико-математических операций... Если же в физическом опыте заменить гибкий стержень другим любым объектом, то мы рискуем не получить больше истины» [17, с. 50–51].

В связи с этим становится понятным, что восприятие жесткого (константного) по форме предмета не требует обязательного нанесения на него воздействия рукой в случае его повторного восприятия. Форма такого предмета сохраняет относительное постоянство, поэтому ее можно воспринимать и зрительно, на расстоянии. В то же время при каждом восприятии предмета вариативной (изменчивой) формы необходимо кроме зрительного восприятия и осуществление моторного воздействия на него.

Согласно А. В. Варганову и Е. Н. Соколову при восприятии предметов, обладающих вариативной формой, в коре головного мозга активируются специальные нейроны-детекторы, которые кодируют признаки изучаемого предмета [3; 22]. Графически это можно представить в виде точек, расположенных на поверхности трехмерного пространства. Каждая точка на такой гиперсфере характеризует в виде числа какой-то один признак предмета и представляет субъективный признак стимула, анализируя который можно построить субъективную шкалу, по которой человек оценивал предмет вариативной формы.

тивной формы. Вычислив оценку такого признака по данной шкале, можно построить матрицу субъективных различий между разными точками.

При восприятии вариативных предметов приоритетное значение имеет шкала упругости (Г. В. Лосик, Н. Л. Моруна). Субъективные оценки человека по указанной шкале дают информацию о степени изменяемости предмета, которую можно представить в виде матрицы субъективных различий. Именно зрительный анализатор в синхронности с перцептивными движениями руки помогают запоминать вариативность формы предмета. При изучении вариативности таких предметов формируется особый навык восприятия. Степень вариативности ряда предметов (листья дерева, батон хлеба, пружина) воспринимающему каждый раз приходится узнавать заново с помощью зрительного восприятия и моторного воздействия рукой, поэтому такой навык человеку приходится регулярно подкреплять [13; 16].

Восприятие «глаз – рука» как принципиальное отличие перцептивных действий с предметами вариативной формы от константных предметов

Как указывают А. В. Запорожец, В. П. Зинченко и др., преимущественно формирование перцептивных действий (зрительных и осязательных) происходит в дошкольный период [5; 10]. Результаты исследований Л. А. Венгера, В. П. Зинченко, А. Г. Русской и др. свидетельствуют о том, что в ходе развития восприятия происходит становление сенсорных эталонов свойств реальных предметов, а также и перцептивных действий с предметами инвариантной формы. При этом внимание уделяется усвоению ребенком сенсорных эталонов и изучению предметов «жесткой» (константной) формы, а деформация, соответственно, связывается с нарушением формирования сенсорных эталонов или с деформацией перцептивных действий при сохранных сенсорных эталонах [4; 5]. При этом значительную роль в восприятии предмета и изучении его свойств, согласно В. П. Зинченко, играют тактильные ощупывания предмета рукой. Он пишет, что «рука учит глаз» не как орган осязания, а как орган практического действия». Иначе говоря, развитие перцептивных действий идет по принципу «рука – глаз» (сначала развитие движений рук при изучении предметов, потом движений глаз, т. е. «рука учит глаз воспринимать жесткость предметов константной формы») [11].

Развитие перцептивных действий, по Н. Н. Поддьякову, способствует продвижению ребенка в овладении им разными видами деятельности [19]. Для развития перцептивных действий специалисты рекомендуют [4; 6; 15; 16]: создавать установку на восприятие материала (объекта); применять в процессе научения разные виды наглядности; организовывать манипулятивную деятельность с предметами вариативной и инвариантной формы; дополнять практические измерения «на глаз» с использованием показаний приборов; учить фиксировать внимание на определенном предмете и на определенных его частях, учитывать его состояние и динамику при изучении, менять фокус внимания с одного на другой объект и др.

Следует отметить, что в проведенных исследованиях (А. В. Запорожец, В. П. Зинченко, А. Г. Русская, З. М. Богуславская, др.) внимание преимущественно уделялось изучению перцептивных действий с предметами жесткой (инвариантной) формы [5]. Также ученые указывали на роль как движений руки, так и движений глаз при восприятии формы предметов. Например, З. М. Богуславская при изучении зрительного различения формы предметов обнаружила, что высокие результаты дают те испытуемые, которые обводят взором воспринимаемую фигуру [5]. Она совместно с В. П. Зинченко установила, что выработка активного зрительного прослеживания контура предъявляемых

фігур у іспытуемых прыводзіць да з'яўлення оперэжаючых рухаў вачэй. А. Г. Рузская высветліла, што пры адрозненні геаметрычных фігур не толькі тактыльна, але і зрытальна пры дапамозе каардынацыі рухаў рукі, і вачэй адбываецца інтэрыорызацыя знешніх арыентавочных дзеянняў у зрытальны план (т. е. рухі вачэй, падобна рухам рукі, з'яўляюцца працай па фарміраванню выявы, пры гэтым практычная дзейнасць з прадметамі з'яўляецца як бы знятай) [5]. Вынікі вышэйзгаданых даследаванняў падрыхтавалі тэарэтычную «пачву» і аснову для вывучэння перцептыўных дзеянняў чалавека з прадметамі «мягкай» варыятыўнай формы.

Воспрыятую варыятыўнасць формы прадметаў удзялялася значнае ўвага ў працах лекара і псіхолога М. Монтэсэры. Яна паказвала на неабходнасць выкарыстання спецыяльнага сенсорнага матэрыяла для трэніроўкі навыка па воспрыятую прадметаў варыятыўнай формы [15].

Даследаванні вучонага Г. В. Лосіка паказваюць, што існуе асобны від перцептыўных дзеянняў, які адносіцца да тыпу гностычных і адказвае за напаўненне псіхічнага выявы дадатковай інфармацыяй аб варыятыўнасці яго формы [12]. Пры нанесенні на аб'ект уздзеянняў суб'ект ажыццяўляе наступныя дзеянні: маніпуляцыі з прадметамі рукамі, нагамі, губамі, челюстями, языком, паваротам вачэй, галавы, тулавішча. В выніку такога уздзеяння на аб'ект адбываецца некаторы скачок у яго стане. Паралельна з уздзеяннем на аб'ект перцептыўная сістэма вядзе рэгістрацыю і апрацоўку інфармацыі аб змяненні яго стану. Такім спосабам яна назапашвае інфармацыю аб форме даследуемага аб'екта і яго дынаміцы. Прыклады прадметаў варыятыўнай формы прыведзены на малюнку.

Малюнак. – Прадметы варыятыўнай формы

Согласно Г. В. Лосику, специфический вид перцептивного действия (с предметами вариативной формы) является единственным видом перцептивных действий, который ребенок совершает в онтогенезе «на самом себе», вместо того чтобы изучать «вариативность тела» взрослого собеседника. Эталоны жестов, пантомимики, речи, поз окружающих ребенка взрослых он формирует в своей психике, копируя эти вариативные явления у окружающих как эталоны. Но возможные вариации этих эталонов ребенок проигрывает на своем собственном теле. Он этот единственный вид перцептивного действия может симулировать в случае жестов, пантомимики, речи, поз в своей собственной двигательной системе, т. к. она устроена антропоморфно взрослой. Симуляция перцептивного действия у ребенка проходит на ранних стадиях онтогенеза в виде итераций (Г. В. Лосик). Этот вид перцептивного действия априори не подвержен интэрыо-

ризации (по Л. С. Выготскому). Мысленно перцептивные действия над объектом вариативной формы невозможны. Сведения об упругости, пластичности нового по форме предмета или предмета с непостоянным агрегатным состоянием можно узнать, только «сфотографировав глазом до и после воздействия на предмет его изменение формы» и дотронувшись до реального предмета, а не его компьютерной модели в системе виртуальной реальности [13; 14].

Следует отметить, что развитие перцептивных действий при восприятии предметов вариативной формы идет по принципу «глаз – рука» (сначала развитие движений глаз при изучении предметов, потом движений рук: «глаз учит руку воспринимать мягкость, гибкость предметов вариативной формы»). На это указывают И. В. Блинникова [1; 2], Н. Д. Гордеева [8], Е. А. Сергиенко [20], Ю. А. Чудина [22]. Согласно Е. А. Сергиенко, «ведущая роль зрения в развитии интерсенсорного взаимодействия как механизма представленности мира и возможности действовать в нем достаточно экспериментально аргументированы» [20, с. 154]. Он поясняет, что результаты исследований отечественных и зарубежных ученых свидетельствуют о том, что «зрение является интегрирующей, координирующей и калибрующей системой при взаимодействии других модальностей» [20, с. 153] и даже «в случае сенсорного конфликта зрительная система всегда имеет преимущества в зрительно-тактильном соревновании» [20, с. 154].

Эту точку зрения разделяет и другой исследователь И. В. Блинникова. Она изучала особенности зрительной депривации в процессе онтогенеза человека и ее влияния на развитие мозга, когнитивных процессов, координацию зрения и моторики и др. Результаты ее исследований подтверждают, что «зрение имеет решающее значение для интеграции в единую систему сенсорной и моторной сферы, а также оказывает значительное влияние на развитие регуляторных механизмов» [1, с. 28], и что также «для когнитивного развития и для формирования образов окружающего мира более важен зрительный опыт, чем пространственный» [1, с. 30], и «зрение является ведущим анализатором у человека. Отсутствие зрительного опыта отрицательно влияет на все области развития: моторное, когнитивное, поведенческое» [2, с. 47].

И. В. Блинникова в своей работе показывает на примерах, что у детей, которые подвергались зрительной депривации, наблюдаются нарушения сенсомоторной координации зрения и руки, а также нарушения в развитии когнитивных процессов и формировании произвольных действий. Так, «ребенку с глубокими поражениями зрительной системы не хватает стимуляции извне для активизации мозговой деятельности. Вследствие этого возникают, расширяются и закрепляются стереотипные движения» [2, с. 47]. Результаты исследований, проведенных Н. Д. Гордеевой, также показывают, что «нарушение зрительного контроля, особенно в начале работы, вызывает деструкцию действия вплоть до его разрушения» [8, с. 127].

Ю. А. Чудина с позиции теории Е. Н. Соколова указывает на важную роль глаза при восприятии характеристик объектов, при изучении его пространственной ориентации, формы и размера [22]. Результаты исследований, проведенных Ю. А. Чудиной, подтверждают, что теория Е. Н. Соколова приложима для теоретического объяснения механизма зрительного и тактильного восприятия объектов и обработка полученных данных возможна при помощи метода многомерного шкалирования. Она пишет, что «зрительная система анализирует отдельные элементы целостного изображения с помощью нейронов-детекторов различных уровней, которые кодируют признаки данного образа и представляют в виде точки на поверхности этой сферы, представляющей перцептивное пространство стимулов» [22, с. 5], при этом «многомерное шкалирование

позволяет определить физический коррелят для заданного субъективного признака стимула, т. е. взять за основу не физическую, а психологическую характеристику стимула. По матрице субъективных различий между стимулами можно найти векторы возбуждения, которые эти различия определяют. Каждый стимул можно представить набором чисел, равных субъективным отличиям его от других стимулов. Вычислив матрицу попарных различий между стимулами, можно описать каждый стимул как точку в сферическом пространстве» [22, с. 15].

Если принять во внимание доминирующую роль глаза в развитии перцептивных действий, то тогда «реабилитируется» зрение, роль которого как «двигательного органа», по Ю. Б. Гиппенрейтер, состоит в осуществлении и контроле за разными формами деятельности. Она указывает на важность развития зрительного внимания у человека, а также на то, что при помощи зрения возможно как константное, так и не константное видение предметов и явлений окружающего мира [7].

Схожее мнение высказывает В. П. Зинченко: «После зрительного ознакомления с объектом навык формируется быстрее и уменьшается число ориентировочных движений рук.... При координации зрения и руки навык переносится быстрее. Появляются опережающие движения глаз» [11, с. 59]. Соглашаясь с этим, А. В. Варганов и Г. В. Лосик указывают, что зрение особым образом участвует в восприятии гибкости и вариативности. Именно зрительный анализатор в синхронности с перцептивными движениями руки помогают запоминать вариативность предмета [3; 14]. Они также утверждают, что по ошибке вместо вариативности формы предмета в психологии принято изучать ощущение упругости предмета, точнее, какого-либо одного его участка поверхности.

Однако предмет вариативной формы имеет много участков поверхности, и некоторые участки формы могут отличаться или не отличаться упругостью. Под упругостью и гибкостью в физике понимается свойство тел восстанавливать свои размеры, форму и объем после прекращения действия внешних сил или других причин, вызвавших деформацию тел. Но человек может судить о способности тел восстанавливать свои размеры и форму, только наблюдая за формой объекта до и после оказания на него воздействия. Следовательно, в психологической характеристике упругости тела есть и субъективная, и объективная составляющая. Объективно жесткое тело не может ощущаться субъективно упругим. И, наоборот, объективно упругое тело, если оно не подвергнется человеком воздействию в период его созерцания, может субъективно оставаться жестким. Поэтому механизм восприятия вариативного по форме предмета нельзя искать в законах ощущений, а это изучение в психологии приводит к появлению новой проблемы восприятия [3; 14; 21; 25]. Именно поэтому субъективность оценки упругости зависит от субъекта, который принимает решение посредством движений руки изучать или игнорировать определенный участок предмета, а также от функционального назначения предмета для самого субъекта.

По мнению Н. Л. Мориной, «исследование процессов восприятия упругости кроме прикладного имеет и самостоятельное научное значение в области общей и экспериментальной психологии – для разработки вопросов измерения и изучения сенсомоторных систем» [16, с. 71], при этом «под восприятием упругости понимается определение человеком разных степеней сопротивления объекта между границами мягкости и твердости» [16, с. 73].

Согласно ученым (А. М. Пидоря, М. А. Годик, А. И. Воронова), сензитивным периодом для развития кинестетической способности и совместных движений глаза и руки являются промежутки от 13 до 15 лет у девочек и мальчиков [18]. Схожего мне-

ния придерживаются И. Ю. Горская и Л. А. Суянгулова [9]. Они указывают на то, что морфологическое созревание двигательной коры мозга завершается в период подросткового возраста, т. е. от 7 до 12–14 лет. Этот период важен для развития тактильных и зрительных перцепций подростка, для формирования зрительно-моторных координаций при восприятии предметов и явлений окружающего мира, для изучения предметов динамичной (изменчивой) формы.

Г. В. Лосик считает, что «способ двукратного “фотографирования” использует человек, но завуалированно, когда совершает перцептивное воздействие рукой на предмет. Ребенок выучивается наносить на предмет быстрое перцептивное воздействие, “фотографировать” его дважды, вычитать из второго снимка первый, таким образом, дополнительно к объективной информации о форме предмета накапливать в сознании информацию о степенях свободы этой формы. Но не о всех возможных, а о части их. Ибо именно в спектре совершенных субъектом перцептивных действий над объектом отражается спектр жизненных мотивов субъекта познать этот объект» [14, с. 8].

Л. А. Венгер утверждает: «Формирование восприятия пространственных свойств предметов выступает в виде интеграции зрения и осязания – происходит расширение рамок восприятия... Переход от акта хватания в восприятие основан на интериоризации движений» [4, с. 14–15]. На роль координации зрения и тактильного действия при восприятии предметов также указывают исследования Ю. Б. Гиппенрейтер, Н. Д. Гордеевой, Е. А. Сергиенко [7; 8; 20].

Сложность восприятия объектов вариативной формы заключается в том, что такой объект имеет много степеней свободы. Иначе говоря, его можно изменять в ходе воздействия (резиновый мяч, пластилин, цветок и т. д.). В этом состоит его отличие от объекта инвариантной (жесткой) формы, который невозможно изменить в ходе оказания воздействия (стол, кирпич, камень и т. д.). Для восприятия вариативной формы необходимо использовать специальный алгоритм симультанного восприятия с соблюдением определенных правил [9; 13; 15; 20; 22]. Это объясняется спецификой самого воспринимаемого предмета вариативной изменчивой формы, степени свободы которого сложно изучить при обращении только к последовательному восприятию.

М. С. Шехтер и А. Я. Потапова отмечают, что при изучении зрительного восприятия, совершения движений глаз имеется «экспериментально подтвержденная гипотеза о наличии “мягких” эталонов и их роли на первой фазе опознавательного процесса», а также при восприятии предметов нежесткой (вариативной) формы «главную роль играют “мягкие” эталоны» [23, с. 61–63]. Высказываются мнения, что для восприятия предметов вариативной формы необходима поэтапная система введения нового материала, его градация по степени трудности для восприятия. Восприятие рассматривается как система перцептивных действий, для овладения которыми необходимо обучение и практика [5; 6; 14; 20]. Так, например, если форма предмета известна (например, мяч, червяк, рыба) и сформирован «мягкий» сенсорный эталон, тогда можно не наносить перцептивное воздействие на него для изучения его формы, а применить один из следующих способов симультанного восприятия для определения степени его близости или отдаленности к эталону: 1) зрительное осматривание предмета на расстоянии (это червяк, он извивается...); 2) тактильное ощупывание предмета без активного участия зрения (это мяч, он упругий и резиновый); 3) координированное зрительное осматривание и тактильное ощупывание предмета вариативной формы (это не арбуз, а мяч с рисунком арбуза). Отсюда можно сделать вывод, что сначала осуществляется изучение характеристик объекта, потом складывается координация движений глаза и руки (зри-

тельно-тактильная), что приводит к эксплицированию (например, чтобы узнать степень близости к «мягкому» эталону надутости мяча (или шины велосипедной), достаточно изучить ее посредством движений рук, т. е. тактильно, без активного зрительного осмотра). Если предмет мало- или неизвестный, тогда необходимо изучение вариативности/невариативности его формы. В ходе такого изучения формируется сенсорный «мягкий» эталон вариативности формы изучаемого динамического предмета.

Заклучение

Восприятие в общей психологии (А. В. Запорожец, В. П. Зинченко) выступает как система перцептивных действий, развитие которых осуществляется как последовательное овладение все более сложными видами перцептивных действий, основанных на сопоставлении свойств воспринимаемых объектов с системами сенсорных эталонов, и идет по принципу «рука – глаз». Обзор исследований восприятия и перцептивных действий с предметами вариативной формы показал, что восприятие предметов вариативной формы еще недостаточно изучено в психологии. Развитие перцептивных действий при восприятии предметов вариативной формы происходит по интерактивному принципу «глаз – рука».

Под объектами с вариативной формой понимаются такие физические объекты, которые от усилия мышц руки человека при воздействиях на них меняют свою форму в зрительно заметной человеку степени, и такое изменение формы не разрушает объекта и его функционального предназначение для человека. Им присущи мягкость, упругость, пластичность, степень которых определяется зрением при нанесении физического воздействия на разные части предмета рукой или их зрительного осмотра.

В восприятии предмета вариативной формы принимает участие специальный вид перцептивных действий. Так, при изучении вариативности предметов формируется особый навык восприятия, который необходимо постоянно тренировать, ибо моторный его компонент деформируется и может быть утрачен. Этот вид перцептивных действий реализуется по специальному алгоритму, который не требуется при восприятии предмета жесткой формы. Он включается в процесс дополнительного формирования образа на второй стадии, когда форма объекта оказывается уже достаточно изученной в статическом ее состоянии. При формировании образа предмета вариативной формы (физический объект, зрительно меняющий свои пространственные параметры) в процессе совершения зрительных и тактильных перцепций несомненно важным оказывается развитие координации совместных движений глаза и руки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинникова, И. В. Роль зрительного опыта в познании / И. В. Блинникова // Вестн. МГЛУ. Сер. Пед. антропология. – 2007. – № 5. – С. 26–37.
2. Блинникова, И. В. Роль зрительного опыта в развитии психических функций / И. В. Блинникова. – М. : Ин-т психологии РАН, 2003. – 142 с.
3. Варганов, А. В. Восприятие объектов с вариативной формой [Электронный ресурс] / А. В. Варганов, А. С. Кузнецов, Г. В. Лосик // Психол. журн. Междунар. ун-та природы, общества и человека. – 2009. – № 2. – С. 1–17. – Режим доступа: <http://www.psyanima.ru/journal/2009/2/index.php.html>. – Дата доступа: 10.01.2011.
4. Венгер, Л. А. Восприятие и обучение / Л. А. Венгер. – М. : Просвещение, 1969. – 366 с.

5. Венгер, Л. А. Восприятие и действие / Л. А. Венгер, В. П. Зинченко, А. Г. Русская ; под ред. А. В. Запорожца. – М. : Просвещение, 1967. – 323 с.
6. Ганзен, В. А. Восприятие целостных объектов / В. А. Ганзен. – Л. : ЛГУ, 1974. – 160 с.
7. Гиппенрейтер, Ю. Б. Движения человеческого глаза / Ю. Б. Гиппенрейтер. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 256 с.
8. Гордеева, Н. Д. Модификация функциональной структуры действия при нарушении зрительного контроля / Н. Д. Гордеева, А. А. Корнеев, И. В. Федорова // *Вопр. психологии.* – 2003. – № 6. – С. 126–135.
9. Горская, И. Ю. Базовые координационные способности школьников с различным уровнем здоровья / И. Ю. Горская, Л. А. Суянгулова. – Омск : Сиб. гос. акад. физ. культуры, 2000. – 210 с.
10. Запорожец, А. В. Избранные психологические труды : в 2 т. / А. В. Запорожец. – М. : Педагогика, 1986. – Т. 1. – 320 с.
11. Зинченко, В. П. Движения глаз и формирование образа / В. П. Зинченко // *Вопр. психологии.* – № 6. – 1956. – С. 50–64.
12. Лосик, Г. В. Новый вид перцептивных действий / Г. В. Лосик // *Психалогия.* – 1998. – № 9. – С. 84–94.
13. Лосик, Г. В. Перцептивные действия в восприятии речи / Г. В. Лосик. – Минск : Ин-т техн. кибернетики НАН Беларуси, 2000. – 168 с.
14. Лосик, Г. В. Перцептивные действия человека. Кибернетический аспект / Г. В. Лосик. – Минск : Объедин. ин-т проблем информатики НАН Беларуси, 2008. – 138 с.
15. Монтессори, М. Дом ребенка: метод научной педагогики / М. Монтессори ; пер. с ит. С. Г. Займовского ; ред. Е. А. Хилтунен. – М. : АСТ-Астрель, 2006. – 269 с.
16. Морина, Н. Л. Восприятие упругости и медицинская диагностика / Н. Л. Морина // *Психол. наука и образование.* – 2002. – № 4. – С. 70–87.
17. Пиаже, Ж. Генетическая эпистемология / Ж. Пиаже. – СПб., 2004. – 160 с.
18. Пидоря, А. М. Основы координационной подготовки спортсменов / А. М. Пидоря, М. А. Годик, А. И. Воронов. – Омск : Физкультура и спорт, 1992. – 76 с.
19. Поддьяков, Н. Н. Мышление дошкольника / Н. Н. Поддьяков. – М. : Педагогика, 1977. – 262 с.
20. Сергиенко, Е. А. Раннее когнитивное развитие. Новый взгляд / Е. А. Сергиенко. – М. : Ин-т психологии РАН, 2006. – 464 с.
21. Соколов, Е. Н. Восприятие и условный рефлекс / Е. Н. Соколов. – М. : МГУ, 2003. – 288 с.
22. Чудина, Ю. А. Конфигурационные и категориальные механизмы восприятия формы : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.02 / Ю. А. Чудина. – М., 2003. – 147 л.
23. Шехтер, М. С. Новые экспериментальные данные о функциях «мягких» этапов в познавательном процессе / М. С. Шехтер, А. Я. Потапова // *Вопр. психологии.* – 2004. – № 3. – С. 121–126.
24. Bruner, J. Visually preadapted constituents of manipulatory action / J. Bruner, B. Kozlowski // *Perception.* – 1972. – Nr 1. – P. 3–14.
25. Izmailov, Ch. A. Multidimension scaling of configurations from lines / Ch. A. Izmailov, K. Davydova // *Psychometric methodology.* – Stuttgart ; New York : Gustav Fischer Verlag, 1993. – P. 579–584.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 17.11.2020

УДК 398.3

Іна Анато́льеўна Швед¹, Ірына Васі́льеўна Поўх²¹д-р філал. навук, праф., праф. каф. рускай літаратуры і журналістыкі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна²канд. філал. навук, дац. каф. замежных моў
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна**Ina Shved¹, Iryna Pouxh²**¹Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Literature and Journalism
of Brest State A. S. Pushkin University²Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages
of Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: ¹ruslitjurn@brsu.brest.by; ²iryna_pouxh@tut.by**«МЕТАТЭКСТ» ФАЛЬКЛОРНАЙ РЭЧАІСНАСЦІ
Ў ЕЎРАПЕЙСКА-АМЕРЫКАНСКАЙ ФАЛЬКЛАРЫСТЫЦЫ***

Праца прысвечана разгляду еўрапейска-амерыканскага вопыту тэарэтыка-метадалагічнай рэфлексіі праблем прысваення і канструявання аб'екта даследавання фалькларыстыкі, выяўленню асноўных падыходаў да раскрыцця сутнасці, гісторыі і межсаў «фальклорнай рэчаіснасці» ў сучаснай навуковай парадыгме еўрапейска-амерыканскай фалькларыстыкі. У выніку аналізу розных сучасных еўрапейска-амерыканскіх фалькларыстычных даследчых праграм высветлена, што аб'ект фальклору вызначаецца як аднесены да традыцыі і спецыфічных спосабаў яе групавой эксплікацыі. Фальклорная традыцыя канцэптuallyзуецца ў чатырох асноўных аспектах: 1) у што людзі вераць (элементы светапогляду) і што ведаюць (побытавыя веды), 2) чым яны займаюцца (віды дзейнасці), 3) што вырабляюць (архітэктура, выяўленчае мастацтва і рамёствы) і 4) што, як і дзеля чаго гавораць (вербальны фальклор). «Мета-тэкст» фальклорнай рэчаіснасці ў сучасных даследаваннях улучае шырокае поле калектыўных формаў культуры і паўсядзённасці, пераадолювачы пры гэтым межы звыклых жанраў, вербальных і рытуальных формул.

The «Metatext» of Folk Reality in European and American Folklore Studies

The article discusses the European and American experience in theoretical and methodological analysis of the issues concerning acquisition and construction of folklore study object of research. The authors dwell upon the main approaches to the essence, history and scope of «folk reality» in the present-day research paradigm of European and American folklore studies. The evaluation of various modern European and American folklore research programmes revealed that the object of folklore relates to tradition and specific ways of its group explication. Folk tradition concept comprises four main aspects: 1) what group members believe in (philosophy) and know (common knowledge), 2) what they do (activities), 3) what they make (architecture, arts and crafts), and 4) what they say, how and what for (verbal folklore). The «metatext» of folk reality in modern research covers a wide range of collective culture and routine forms, overcoming the customary borders of genres, verbal and ritual formulae.

Уводзіны

Нягледзячы на тое што фалькларыстыка з'яўляецца інстытуцыялізаванай дысцыплінай і агульны ўзровень сучасных ведаў пра фальклор пасля больш як двухсотгадовага яго вывучэння нельга назваць нізкім, у канкрэтных галінах фалькларыстыкі, у яе нацыянальных навуковых школах больш ці менш грунтоўна даследаваны толькі

*Праца выканана пры фінансавай падтрымцы БРФФД у межах задання «Беларуская фалькларыстыка ў сучасным свеце: метадалагічны, праблемна-тэматычны дыяпазон, тэарэтычныя навацыі» па прыярытэтным накірунку «Грамадства і эканоміка» (дамова № Г20У-004 ад 04.05.2020).

пэўныя аспекты фальклору, масавых тэкстаў і сімвалічных практык з акцэнтацыяй на тых ці іншых тэарэтычных падыходах. У сферы тэарэтычнай фалькларыстыкі да сённяшняга часу адсутнічае «дамоўленасць» паміж даследчыкамі нават па такіх базавых пытаннях, як вызначэнне тэрміна «фальклор», прадмета фальклору (у яго сувязі з ментальнасцю, ідэнтычнасцю, культурнай гісторыяй, сацыяльным парадкам), трактоўкі фальклорнай традыцыі і таго, якім чынам яна сябе выяўляе, якія яе функцыянальныя, кантэкстуальныя, перфарматыўныя, трансмісійныя асаблівасці, як фарміруецца фальклорны дыскурс паўсядзённасці і як яго даследаваць. На фоне моцнага эпістэمالагічнага сумніву набывае актуальнасць навуковае асэнсаванне ў гістарыяграфічным аспекце асноўных традыцый і парадгм сусветнай фалькларыстыкі, ацэнка інтэлектуальнага ўнёску прадстаўнікоў тых ці іншых нацыянальных навуковых школ у комплекс дасягненняў фалькларыстыкі як інтэрнацыянальнай акадэмічнай дысцыпліны.

Мэта працы – ахарактарызаваць «метатэкст» фальклорнай рэчаіснасці ў еўрапейска-амерыканскай фалькларыстыцы.

У англамоўным ужыванні, як адзначаюць замежныя фалькларысты, слова «фальклор» мае сёння па меншай меры два дысануючыя значэнні: агульнапрынятае ў сваёй «натуральна-моўнай» форме і спецыфічнае ў навукова-тэрміналагічным апарате, прычым сэнс, які ўкладаўся ў тэрмін «фальклор» Вільямам Джонам Томсам, у цяперашні час характэрны хутчэй для яго «нефалькларыстычнага» ўжывання. Што да беларускай фалькларыстыкі, то ў яе дыскурсе тэрмін «фальклор» доўга заставаўся і ў пэўным сэнсе застаецца дасёння ў межах, прапанаваных рамантычна настроеным Томсам, які натхняўся ідэяй адкрыцця старажытных самабытных формаў «народнай славеснасці» і акцэнтаваў само яе існаванне. Чаму акцэнтаваў? Таму што яшчэ да Томса Вальтэр Скот, браты Грым, Эліас Ланро і іншыя дзеячы звярнулі ўвагу на фальклор, на такія яго экспрэсіўныя формы (жанры), як казкі, песні, прыказкі, звычаі, павер'і і інш., і на тое, што гэтыя формы захоўваюцца на працягу доўгага часу, выключна альбо пераважна дзякуючы вуснаму бытаванню. Першыя навукоўцы стварылі прэцэдэнт атрымання фальклорных фактаў непасрэдна ад носьбітаў традыцыі (падчас таго, што пазней назавуць палёвым даследаваннем) і шляхам устанаўлення паралелей і аналогій у рукапісах і першых апублікаваных працах. Яны прыцягвалі ўвагу іншых да гэтых «народных старажытнасцей» шляхам іх апісання і друкавання адпаведнага ілюстратыўнага матэрыялу, часта арыентуючыся на густ адукаванага чытача, г. зн. скажалі фальклорны тэкст. У сваіх публікацыях і настойлівых рэкамендацыях першыя даследчыкі фальклору заклікалі іншых збіраць такія матэрыялы і захоўваць яго з дыдактычнымі мэтамі для нашчадкаў. На радзіме Томса (і сканструяванага ім тэрміна), у Англіі, вядомай сваім кансерватызмам, захалпеннем старажытнай загадкавай гісторыяй, ужо з канца XVII ст. некаторыя брытанскія арыстакраты, «вучоныя джэнтльмэны-антыквары» збіралі не толькі прадметы старыны, але і вусныя і пісьмовыя «нацыянальныя рарытэты» («народную літаратуру» (*popular literature*), «народныя старажытнасці» (*popular antiquities*)), занатоўвалі ў сваіх маэнтках і падчас падарожжаў па Еўропе фальклорны матэрыял. Такім чынам, да таго як у 1846 г. Томс сканструяваў тэрмін *Folklore* (The Lore of the people) – «народныя веды, народная мудрасць» і прапанаваў яго для назвы вербальных «нацыянальных рарытэтаў», значная колькасць гэтых «рарытэтаў» ужо была сабрана як у бібліятэках, так і ў «полі», запісана ад еўрапейскіх сялян – носьбітаў фальклору.

Як вядома, Томс пад псеўданімам А. Мертон у часопісе «The Athenaeum» у 1846 г. апублікаваў ліст, аснову якога склала ідэя ўзнаўлення «Міфалогіі Брытанскіх астравоў», падобна да «Міфалогіі Нямецкай» Якаба Грыма. Гэтая міфалогія, на думку аўтара

ліста, можа з'явіцца толькі шляхам збірання бясконцага мноства дробных фактаў, якія адносяцца да старажытных нораваў, звычайў, абрадаў, прымхаў, балад, прыказак і г. д. Хоць многія старажытныя элементы духоўнай культуры поўнасьцю зніклі, але многаяе рассыпана ў памяці тысяч чытальнікаў часопіса. Гэтыя рэшткі Томс прыпадабняе да каласоў, якія захаваліся рассяянымі па полі. Калісьці з гэтага поля продкі маглі збіраць значны ўраджай (гэтая рыторыка «збірання плёну» доўга вызначала пафас фалькларыстычных прац, у т. л. англамоўных).

Замена ранейшых лацінскіх тэрмінаў на «добрае саксонскае» Folk-lore не была фармальнай і засведчыла прэтэнзію на фарміраванне новай галіны ведаў. Увядзенне Томсам новага тэрміна павінна было запачаткаваць незалежнае даследаванне старажытнай спадчыны продкаў («старажытных народных ведаў, мудрасці»). Другая частка тэрміна (Loge) дазваляла аб'яднаць разнародныя матэрыялы паводле прыкметы іх агульнай ролі (звязанай з асэнсаваннем, пазнаннем свету і самаідэнтыфікацыяй) у культуры. На працягу станаўлення і развіцця еўрапейскай і амерыканскай фалькларыстыкі ўведзеная Томсам дэфініцыя фальклору бесперапынна дапаўнялася і пашыралася, адлюстроўваючы разнастайныя падыходы да яго вывучэння. Адна з прычын гэтага – цікавасць фалькларыстаў толькі да пэўных аспектаў аб'екта даследавання, абумоўленая як суб'ектыўнымі асабістымі абставінамі, так і сацыякультурнымі адметнасцямі адпаведнага перыяду.

На пачатковым этапе станаўлення і развіцця фалькларыстыкі еўрапейскія навукоўцы заклалі падмурак для развіцця розных тэорый фальклору, прапанавалі шэраг метадалагічных падыходаў да яго канцэптуалізацыі. У прыватнасці, у другой палове XIX ст. у еўрапейскай фалькларыстыцы актыўна развіваліся гісторыка-геаграфічны і гісторыка-тыпалагічны падыходы да інтэрпрэтацыі фальклору. Так, фінскія навукоўцы Й. О. І. Ранкен (*Johan Oskar Immanuel Rancken*), Вільгельм Манхардт (*Wilhelm Mannhardt*) і іх аднадумцы шляхам фалькларыстычных даследаванняў імкнуліся не толькі апісаць фінска-шведскую нацыянальную культуру перыяду развіцця нацыянальнага руху і станаўлення нацыянальнай ідэнтычнасці ў Фінляндыі, але і параўнаць культурныя з'явы (вызначыўшы іх адметнасці) больш шырокага географічнага рэгіёну. Істотным фактарам развіцця фінскай нацыянальнай культуры была наяўнасць шведскамоўнага насельніцтва на тэрыторыі Фінляндыі, што не толькі садзейнічала ўстанаўленню культурных узаемасувязяў паміж двума нацыямі, але з цягам часу стала значнай палітычнай з'явай. Менавіта гэтыя абставіны падштурхнулі фінскіх і шведскіх фалькларыстаў канца XIX – пачатку XX ст. да распрацоўкі кампаратыўнага падыходу да вывучэння фальклору, які, сярод іншага, дазваляў прадэманстраваць сувязь шведскамоўнага насельніцтва Фінляндыі з жыхарамі Швецыі і паспрыяць захаванню ўласнай шведскай культуры. Гэты кампаратыўны падыход да вывучэння фінскай і шведскай культур стаў асновай гісторыка-геаграфічнага метаду інтэрпрэтацыі фальклору, распрацаванага Ю. Кронам (*Julius Krohn*) у другой палове XIX ст. і пазней удасканаленага яго сынам К. Кронам (*Kaarle Krohn*). Асноўным аб'ектам даследавання фінскіх навукоўцаў і іх калег з іншых краін Еўропы стаў тэкст. Так, Ю. Крон сістэматызаваў старажытныя тэксты Паўночнай Еўропы па географічным і храналагічным прынцыпах з мэтай выявіць іх паходжанне, класіфікаваць іх паводле прынцыпу «арыгінальныя / узнікшыя (напластаваныя) пазней». У XX ст. гісторыка-геаграфічны падыход да інтэрпрэтацыі фальклору знайшоў сваё адлюстраванне ў працах эстонскага фалькларыста Уолтэра Андэрсана (*Walter Anderson*), фінскіх даследчыкаў К. Крона і Мацці Куусі (*Matti Kuusi*), шведскага фалькларыста К. В. фон Сідаў (*Carl Wilhelm von Sydow*) і інш. [43; 5, с. 154–155].

У 1937 г. шведскі этнограф С. Эрыксан (*Sigurd Erixon*) у манаграфіі «Рэгіянальная еўрапейская этналогія» [19] апісаў фальклор як вынік дзейнасці мясцовых альбо сялянскіх супольнасцей. Яшчэ раней, у 1914 г., брытанская даследчыца Ш. С. Берн (*Ch. S. Burne*), першая жанчына-прэзідэнт Фальклорнага таварыства Брытаніі, рэдактар «Фальклорнага даведніка», вызначыла мэту фалькларыстыкі як «вывучэнне народа» (*learning of the people*) [14, с. 5; 9, с. 6]. Прытрымліваючыся канцэпцыі культурнай эвалюцыі, Ш. С. Берн у іерархічнай лесвіцы прагрэсу ставіла фальклор на адну ступень з «нецывілізаванымі альбо часткова цывілізаванымі іншаземнымі нацыямі» ці «мясцовым сялянскім насельніцтвам» [9, с. 6]. Устойліvasць традыцый даследчыца і яе калегі тлумачылі перажыткамі адсталага светапогляду мінулых часоў з яго прымхамі і забабонамі, а самі традыцыі лічылі проста формай, без унутранага міфалагічнага і магічнага зместу. Такім чынам, значная частка іх даследаванняў уяўляла сабой кампаратыўнае гістарычнае вывучэнне «перажыткаў» мінулага ў сучаснай культуры, якое рабілася з мэтай прасачыць паходжанне звычайў і звязаць іх з прагрэсам ці яго адсутнасцю на працягу розных стадый развіцця культуры (з кульмінацыяй у т. зв. «вышэйшай» цывілізацыі) [14; 9, с. 6]. Адзначанай вышэй тэорыі «перажыткаў» прытрымліваліся і навукоўцы Амерыканскага фальклорнага таварыства, створанага ў 1888 г. у Кэмбрыджы, штат Масачусетс, па аналогіі з Фальклорным таварыствам Брытаніі. Амерыканскія даследчыкі звярталіся да «рэшткаў амерыканскага фальклору» [9, с. 6], надаючы асаблівую ўвагу асобным супольнасцям, чый фальклор неабходна было захаваць, пакуль ён не знік: афраамерыканцы, індзейцы, мексіканцы і інш.

У «Стандартным слоўніку фальклору, міфалогіі і паданняў» (1949) М. Ліч (*Maria Leach*) спасылаецца на працы шэрагу еўрапейскіх фалькларыстаў, у т. л. прадстаўнікоў антрапалагічнай школы (Э. Б. Тайлар (*Edward Burnett Tylor*), А. Лэнг (*Andrew Lang*) і інш.) і прыводзіць 21 дэфініцыю фальклору, ілюструючы разнастайнасць падыходаў да яго. Тым не менш у большасці адзначаных дэфініцый прысутнічаюць агульныя ключавыя словы «традыцыя», «вусная перадача», «культура» і «літаратура» [10], што дазваляе вылучыць гэтыя канцэпты як агульныя вызначальныя чыннікі дэфініцыі тэрміна «фальклор» адзначанага перыяду. У названай працы выразна адчуваецца ўплыў антрапалагічнай школы, у прыватнасці, у сцверджаннях, што людзі «праходзяць адны і тыя ж стадыі развіцця і, адпаведна, увасабляюць інфармацыю пра сваё развіццё ў адных і тых жа аповядках» [38, с. 301] і што пэўныя аспекты еўрапейскіх казак і практык вядуць свае карані з першабытных крыніц. Трэба адзначыць, што ў гэты перыяд актыўна развівалася амерыканская антрапалагічная школа фальклору, прадстаўленая ў значнай ступені працамі Ф. Боаса (*Francis Boas*), а таксама т. зв. новай эвалюцыйнай школай антрапалогіі (Л. Уайт (*Leslie White*), Дж. Сцюард (*Julian Steward*) і інш.) [38].

У першай палове XX ст. у еўрапейскай фалькларыстыцы актыўна ўжываецца тэрмін «народны побыт (лад)» (*folklife*), уведзены шведскімі фалькларыстамі ў пачатку стагоддзя. У 1950-я гг. навукоўцы імкнуліся размежаваць тэрміны «фальклор» і «народны лад», выкарыстоўваючы першы з іх для апісання вусных традыцый, а другі – для даследавання матэрыяльнай і сацыяльнай культуры. Гэтае размежаванне ў пэўным сэнсе перашкаджала комплекснаму даследаванню фальклорных традыцый. У Нарвегіі, напрыклад, этналогія распалася на дзве дысцыпліны: «народны побыт» як вывучэнне матэрыяльнай і сацыяльнай культуры і фальклор (у сэнсе «фалькларыстыка») як вывучэнне духоўнай спадчыны. Падобнае размежаванне існавала таксама ў Фінляндыі і Даніі [3]. Адзначаную тэндэнцыю адлюстроўвае і шэраг тагачасных дэфініцый фальклору як «слоўнага (вербальнага) мастацтва» (У. Р. Баскам (*W. R. Bascom*), 1955), *béaloideas* («ведаў, якія трансліююцца вусна»; ірландскі тэрмін, якім абазначаецца фальклор)

[35, с. 1] і пазней як «літаратуры, што перадаецца ў вуснай форме» (Ф. Л. Атли (*F. L. Utley*), 1961) [10].

Пасля Другой сусветнай вайны, у перыяд актыўнага распаўсюджвання музеяў народнай архітэктуры і побыту (*open-air museums*), тэрмін «народны побыт» (*folklife*), які ўжо доўгі час шырока ўжывалі еўрапейскія фалькларысты [9, с. 20], актыўна ўваходзіць у амерыканскую фалькларыстыку поруч з тэрмінам «фальклор». У сваёй працы «Амерыканскі народны побыт: супольнасць культур» М. Хафард (*Mary Hufford*) вызначае гэтак паяцце як «разнастайныя шляхі пазнання і выяўлення сябе і свайго месца ў гэтым свеце», як «жыццё і каштоўнасці пэўнай супольнасці, адлюстраваныя ў безлічы мастацкіх форм і ўзаемадзеянняў» [24, с. 5]. Народны лад, побытавая культура ўвасабляюцца ў імёнах, што даюцца людзям у гонар святых, продкаў альбо нацыянальных герояў, у штодзённым побыце, фальклорных тэкстах, музычных творах, святочных традыцыях, практыках і г. д. Яго асноўныя ўласцівасці – універсальнасць, разнастайнасць і ўстойлівасць.

У 60-я гг. XX ст. фальклор разглядаецца ў гісторыка-тыпалагічным аспекце як не занатаваныя (*unrecorded*) на матэрыяльным носьбіце народныя традыцыі [13]. Выданне «Агульныя этналагічныя канцэпты; Міжнародны слоўнік рэгіянальнай еўрапейскай этналогіі і фальклору» О. Хальткранца (*Åke Hultrantz*), якое пабачыла свет у 1960 г. у Капенгагене, утрымлівае шэраг артыкулаў з дэфініцыямі фальклору, агульным крытэрыем для якіх з'яўляецца наяўнасць традыцыі [25; 10]. У аглядзе еўрапейскіх тэорый фальклору О. Хальткранц адзначае, што адным з падыходаў да фальклору было разуменне «агульнай культуры народа ў супрацьлегласць культуры эліты» [25, с. 138], «духоўнай культуры народа, у прыватнасці вуснай традыцыі» [25, с. 138]. Да вусных традыцый звяртаецца і ірландскі фалькларыст Шон О'Сулеван (*Seán Ó Súilleabháin*) у сваім азначэнні фальклору як «вельмі шырокага тэрміна, які ахоплівае ўвесь комплекс вусных традыцый усіх народаў» [34, с. 8; 35, с. 1]. Як сцвярджае даследчык, фальклор «уключае не толькі народныя павер'і і звычаі, але і традыцыйныя казкі, паданні, песні, прыказкі, малітвы, замовы і загадкі – усе тыпы вуснай літаратуры, што існуюць у больш-менш устойлівай форме. Ён таксама ўключае мясцовую гісторыю» [34, с. 8; 35, с. 1]. Акцэнт на прыналежнасці фальклору да традыцыі – па форме і змесце, па стылёвых адметнасцях і спосабу перадачы ад чалавека да чалавека – робіць і Ян Брунванд (*Jan Brunvand*), амерыканскі фалькларыст, ганаровы прафесар універсітэта Юта, у працы «Даследаванне амерыканскага фальклору: Уводзіны» [13]. Разам з «незанатаванасцю» і традыцыйнасцю Я. Брунванд адзначае такія ўласцівасці фальклору, як неафіцыйны характар і незалежнасць ад дзяржаўных інстытутаў, а таксама перадачу ад чалавека да чалавека ў вуснай форме ці праз уласны прыклад.

Культуралагічны падыход да вывучэння фальклору выразна ўвасобіўся ў працах Р. Абрахамса (*Roger Abrahams*) і Г. Гласі (*Henry Glassie*), якія вызначылі фальклор як «серыю артэфактаў, якія падпарадкоўваюцца агульным законам культуры, што ўзнікаюць у выніку супярэчнасцяў паміж інавацыямі і ўстойлівасцю і ўскладняюцца ўзаемадзеяннем розных груп» [1, с. 98]. Пазней даследчыкі прапанавалі новую дэфініцыю з мэтай збліжэння літаратуразнаўчага і антрапалагічнага падыходаў, вызначыўшы фальклор як «прыклады традыцыйнага выканальніцтва (*performance*), якія прыцягваюць увагу сваёй адмысловасцю», альбо проста «традыцыйныя віды дзейнасці» [2, с. 145; 10]. Зроблены Абрахамсам акцэнт на традыцыі і яе носьбітах навукоўцы [10] разглядаюць як спробу паяднаць фальклор (вусную народную творчасць) і народны лад (*folklife*) у якасці сацыяльнага і матэрыяльнага складнікаў, прыцягнуць увагу да выканальніцтва, каб падкрэсліць актыўнае і дарэчнае выкарыстанне фальклору ў штодзён-

ным побыце. У сваю чаргу, Г. Глассі адзначаў адрозненне паміж падыходам амерыканскіх фалькларыстаў, якія рабілі акцэнт на вуснай творчасці і выканальніцтве, і еўрапейцаў, з іх зваротам да культуры і рэгулярных сацыяльных, не звязаных з выканальніцтвам, практык як «кульмінацыі культурна абумоўленага ‘ноу-хау’ (*know-how*)» [22, с. 5; 10]. Адначасова былі падкрэслены такія ўласцівасці вусных і матэрыяльных фальклорных форм, як непарыўная сувязь з мінулым, лакалізаванасць і практычная перадача шляхам імітацыі і дэманстрацыі.

У гэты ж перыяд прадстаўнікі «фінскай школы» фалькларыстыкі, у прыватнасці фінская даследчыца Э.-К. Конгас (*Elli-Kaija Kōngäs*), імкнуліся вылучыць ключавое слова, якое б характарызавала як навуковую дысцыпліну, так і корпус матэрыялаў яе даследавання, выяўляла б «адметнасць, якая была б яго [фальклору] апазнавальным знакам і паказвала б на яго адрозненне ад літаратуры і антрапалогіі» [29, с. 84]. Разглядаючы традыцыйныя матэрыяльныя і сацыяльныя практыкі, Э.-К. Конгас уводзіць у фінскую фалькларыстыку сканструяваны ў пачатку XX ст. тэрмін «ментыфакт» (*mentifact*) – нешта створанае адным чалавекам, часта падчас штодзённай дзейнасці [20; 10].

Сацыялагічны падыход да інтэрпрэтацыі фальклору ўвасоблены ў працах А. Дандэса, Д. Бен-Амоса, Д. Нойса (*D. Noyes*) і інш. А. Дандэс (*Alan Dundes*) разглядае прыналежнасць да групы як неад’емную ўласцівасць фальклору. Менавіта фальклор, па яго сцверджанні, «надае групе пачуццё групавой ідэнтычнасці» [17, с. 2]. Нямецкія даследчыкі, у прыватнасці Э. Ключэн (*E. Klusen*) у артыкуле «Калектыўная песня як калектыўны аб’ект» (1967), выкарыстоўваюць запазычанае з сацыяльных навук паняцце «першаснай групы» [Цыт. па: 31, с. 22]. Э. Ключэн адзначае большую аб’ектыўнасць «групы», у параўнанні з «супольнасцю» – больш ідэалізаваным паняццем. Ён вызначае групу як «канкрэтнае адзінства людзей, якія ўзаемадзейнічаюць паміж сабой» [Цыт. па: 31, с. 22]. Група можа стварацца з пэўнай мэтай, час яе існавання можа быць абмежаваны, колькасць удзельнікаў злічаецца некалькімі дзясяткамі, але яе павінны складаць не менш за дзве асобы. Абавязковымі прыкметамі групы даследчык называе асабістае знаёмства ўсіх яе ўдзельнікаў, непасрэдную камунікацыю і ўзаемадзеянне, а таксама наяўнасць як мінімум аднаго дамiнуючага элемента, што вызначае яе склад і функцыі. Традыцыйна група носыбітаў фальклору трактавалася ў сацыяльных катэгорыях і лічылася, што ўсе яе ўдзельнікі маюць адзіны агульны статус ці ўласцівасць (ідэнтычнасць). Не падтрымаўшы такую трактоўку, Д. Бен-Амос назваў асноўным фактарам існавання групы не агульную ідэнтычнасць, а рэгулярнае ўзаемадзеянне [Цыт. па: 31, с. 23].

У першай палове 1970-х гг. у цэнтры ўвагі амерыканскіх даследчыкаў знаходзіўся камунікатыўны аспект фальклору як сродку ўнутрыгрупавога і міжгрупавога ўзаемадзеяння. Р. Баўман (*Richard Bauman*) адзначыў, што значная частка фальклору ствараецца ў працэсе рэгулярнага ўзаемадзеяння прадстаўнікоў розных сацыяльных груп і грунтуецца на іх адметнасцях [31, с. 23]. У 1972 г. Д. Бен-Амос у сваім артыкуле «Да вызначэння фальклору ў кантэксце» разглядае фальклор як «мастацкую камунікацыю ў малых групах» [7, с. 13], а на два гады пазней, у манаграфіі Д. Хаймса «Асновы сацыялінгвістыкі: этнаграфічны падыход» фальклор вызначаецца як «камунікатыўныя паводзіны», якія вывучаюцца ў эстэтычным, экспрэсіўным альбо стылістычным кантэксце [26]. Да паводзінаў як вызначальнага канцэпту вывучэння фальклору звяртаецца і Р. Баўман у артыкуле «Да біхейвіярысцкай тэорыі фальклору: адказ Роджэру Уэлшу» (1969) [6]. Даследчык пераносіць акцэнт з мыслення на паводзіны носыбітаў фальклору і падтрымлівае актуалізаваную Д. Бен-Амосам неабходнасць «кантэкстуалізацыі» фалькларыстыкі [10], у прыватнасці, як сацыяльна-біхейвіярысцкай навукі. Некаторыя з гэтых ідэй былі перапрацаваны даследчыкамі XXI ст., калі «практыка» стала адным

з ключавых канцэптаў, што вызначаюць сутнасць фалькларыстычнага і культуралагічнага аналізу. С. Дж. Бронер (*S. J. Bronner*) у артыкуле «Да вызначэння фальклору на практыцы» прапаноўвае «практыка-арыентаванае азначэнне» [10, с. 15], у якім захоўваецца значнасць кантэксту для фальклорных працэсаў, але асноўная ўвага надаецца ведам (ці пазнанню) як грунту традыцыі. Згодна дэфініцыі С. Дж. Бронера, фальклор – гэта «традыцыйныя веды, якія выкарыстоўваюцца на практыцы і вынікаюць з яе» [10, с. 15]. Зрабіўшы акцэнт на дзейнасці, альбо практыцы, даследчык паядноўвае паўтаральныя дзеянні ў вуснай, сацыяльнай і матэрыяльнай формах, больш шырока трактуе значнасць фальклору як культурнай з’явы з пункту погляду т. зв. «фемічных» (*phemic*; стылізаваных, змешчаных у пэўнай культуры альбо экспрэсіўных) працэсаў. Вызначэнне самога паняцця «практыка» пачынаецца з выяўлення ведаў, якія звычайна атрымліваюцца ў выніку адзначаных вышэй працэсаў паўтаральнай, перлакутыўнай (наўмысна накіраванай на адрасата з мэтай дасягнення пэўнага выніку) камунікацыі з дапамогай візуальных, вусных і пісьмовых сродкаў, а таксама імітацыі і дэманстрацыі (апошняе нярэдка датычыцца сацыяльных і матэрыяльных традыцый). У С. Дж. Бронера тэрмін «фемічны» выступае ў якасці дадатковага вызначальнага элемента варыятыўнага паўтору як уласцівасці фальклору ў кантэксце фальклорнай практыкі як праявы мыслення. Шэраг утылітарных практык, тыповых для пэўнай сацыяльнай групы альбо рэгіёна, як, напрыклад, рамёствы, медыцына, сельская гаспадарка, не могуць разглядацца як мастацтва, выканальніцтва (*performance*), фантазія або гульня, але тым не менш яны лічацца традыцыямі дзякуючы паўтаральнасці ў часе і прасторы. «Фемічнасць» мае канатацыю трансляцыі, у выніку чаго ўсталёўваецца ўзаемасувязь паміж фальклорным матэрыялам і працэсам яго перадачы. Працэс стварэння альбо перадачы «ведаў» (*lore*) успрымаецца як традыцыйны, дзякуючы паўтаральнасці, варыятыўнасці і асацыятыўнаму звароту да былога вопыту (прэцэдэнту). Указанне на «прымяненне на практыцы і вытокі з яе» сведчыць пра наяўнасць канататыўных законаў як адаптаванага вопыту альбо выніку (вербальнага, матэрыяльнага ці сацыяльнага) паўтаральных паводзінаў. Гэты вынік, па сцверджанні С. Дж. Бронера, можа быць дасягнуты і ўвасоблены адным індывідам [10, с. 18]. У аснову такой практыка-арыентаванай метадалогіі С. Дж. Бронера кладзе праксіс (*praxis*), які вызначае як канататыўнае паўтаральнае дзеянне, на ўвасобленай у традыцыях і звычаях сімвалічнасці якога будуюцца культура [10, с. 18]. Менавіта даследаванне праксісу, па меркаванні Бронера, дапамагае вызначыць крыніцы і матывы паводзінаў людзей.

Вяртаючыся да тэндэнцый трактоўкі фальклору ў 1970-х гг., адзначым, што да разгляду яго камунікатыўнай функцыі дадаецца не менш значная – эканамічная (у шырокім значэнні слова), што выдатна адлюстравана ў азначэнні Э. Д. Айвса (*Edward D. Ives*), адпаведна якому «як ніводная песня, выканаўчае майстэрства, любая творчасць не можа разглядацца па-за культурай ці субкультурай, да якой належыць і часткай якой з’яўляецца, так і ні адзін мастацкі твор не можа разглядацца як самамэта, па-за працэсам свайго стварэння-выкарыстання» [27]. У гэты ж перыяд даследчыкі падкрэсліваюць зменлівасць і дынамічнасць як адных з ключавых уласцівасцей традыцыі ў цэлым і фальклору ў прыватнасці, сцвярджаючы, што «традыцыя – гэта не статычная, нязменная сіла, якая прыйшла да нас з мінулага, а даўнія, уласцівыя пэўнай культуры матэрыя і магчымасці, якія ўплываюць на яе носьбіта ў значна большай ступені, чым яго/яе асабістыя густы і таленты» [39]. Адзначаецца таксама, што ўсе экспрэсіўныя з’явы, на якія звяртаюць увагу фалькларысты, так ці інакш нагадваюць вядомыя народныя традыцыі. Прыведзенае вышэй азначэнне сведчыць пра павышэнне ўвагі да асобы чалавека – актыўнага носьбіта, выканаўцы фальклору, – якому адводзіцца асноўная роля

ў захаванні і далейшым распаўсюджванні традыцыі. Развіваючы ідэю дынамічнасці фальклору як апрацоўкі традыцыйнага зместу і стылю ў працэсе выканання, амерыканскі фалькларыст Б. Толкен (*Barre Toelken*) падкрэслівае значнасць таленту мастацтваў, але гэтая значнасць выяўляецца выключна ў межах традыцыі, якая мае вялікую каштоўнасць. Пры такой трактоўцы гісторыка-геаграфічны падыход рэалізуецца ў аналізе распаўсюджвання мастацкіх твораў у часе і прасторы. Даследчык адзначае нязменнасць формы і кантэксту, але падкрэслівае варыятыўнасць твора ў працэсе выканання [39].

«Гістарычнасць» фальклору акцэнтуюць і венгерскія даследчыкі. В. Войгт (*Vilmos Voigt*) у артыкуле «Канцэпт “сучаснага фальклору”», якім мы яго бачым з Будапешта, Венгрыі, Еўропы» [40] размяжоўвае паняцці «фальклор» і «сучасны фальклор», сцвярджаючы немагчымасць стварэння дакладнай дэфініцыі апошняга, бо ў сучасны фальклор можа ўваходзіць любая вусная, неафіцыйная, імправізаваная дзейнасць супольнасці. Неад’емнымі ўласцівасцямі фальклору даследчык называе яго прыналежнасць «сучаснікам», як «традыцыі, створанай разнастайнымі грамадскімі супольнасцямі». В. Войгт адзначае, што ў венгерскай фалькларыстыцы пераважаюць сацыяльныя і гістарычныя аспекты даследавання фальклору, і адначасова з гэтым указвае на адсутнасць у Венгрыі адзінай тэорыі фальклору (у тым ліку сучаснага), канцэпцый традыцыі, ідэнтычнасці або этнічнасці. Напрыканцы XX ст. ў Венгрыі назіралася ўзмацненне цікавасці да «фалькларызму», канцэпцый пераходу фальклору ў «нефальклор» (*non-folklore*) [40, с. 167] з мэтай размежаваць «новыя» праявы сучаснага фальклору і фалькларызм, а таксама традыцыйны фальклор XIX ст. і неафалькларызм XX ст.

Непасрэднае дачыненне да рэалізацыі прыняццю гістарызму ў фалькларыстыцы мае канцэпцыя культурных перажыткаў. В. Войгт разглядае адзначаны феномен як адну з найважнейшых адметнасцей фальклору і вылучае тры асноўныя накірункі яго даследавання: 1) вывучэнне культурных перажыткаў, якія дайшлі да нашага часу ў нязменным выглядзе (традыцыя надання імёнаў, вясельныя песні і танцы і інш.); 2) элементы, якія захаваліся, але прайшлі праз значныя функцыянальныя пераўтварэнні (пахавальныя абрады, мужчынская і жаночая святочная вопратка); і 3) новыя з’явы (турызм, прыватныя музеі і калекцыі і г. д.). Асаблівую значнасць венгерскія фалькларысты надаюць трансфармацыі, якую разглядаюць як асобную ключавую катэгорыю фальклору і народнай культуры. В. Войгт размяжоўвае паняцці «змены» і «трансфармацыя», разумеючы пад апошняй сітуацыю, калі нейкая з’ява бесперапынна існуе ў разнастайных формах. Праявай трансфармацыі вучоны называе і «сучасны» фальклор, які з’яўляецца не толькі змененай старажытнай формай, але і самастойнай з’явай.

Напрыканцы 1980-х гг. ўзмацняецца ўвага даследчыкаў да месца чалавека, асобы ў фальклорным мастацтве. Калі ў згаданай вышэй манаграфіі Дж. Б. Толкена (1979) чалавек выступае як носьбіт фальклорнай традыцыі, актыўнасць якога абмяжоўваецца яе інтэрпрэтацыяй, то У. А. Уілсан у артыкуле «Глыбейшая неабходнасць: фальклор і гуманітарныя навукі» [42] сцвярджае непарыўную сувязь фальклору не толькі з культурнай спадчынай і разнастайнымі культурнымі ўвасабленнямі, але і з асобай чалавека, разглядаючы фальклор як спробу вызначыць аснову «агульнай чалавечнасці», імператывы існавання чалавека, і гэта ставіць фалькларыстыку ў цэнтр гуманітарных даследаванняў. Значнасць носьбіта фальклору як творцы падкрэсліваецца і ў манаграфіі Г. Гласі (*Henry Glassie*) «Дух фальклорнага мастацтва» (1989), які заўважае, што, нягледзячы на вялікую колькасць і разнастайнасць дэфініцый фальклору, усе яны паядноўваюць у дынамічнай узаемасувязі ідэі індывідуальнай творчасці і калектыўнага ладу жыцця (*collective order*) [22]. Сцвярджаючы адначасовую традыцыйнасць і зменлівасць фальклору, павольнасць і паслядоўнасць яго развіцця пры наяўнасці нязменнага цэнт-

ру, даследчык адзначае, што фальклор задавальняе патрэбу калектыву ў бесперапынным існаванні, а індывіда – у актыўным удзеле ў жыцці калектыву [23].

У пачатку XXI ст. адбываецца далейшая эвалюцыя падыходаў да інтэрпрэтацыі фальклору. У гэты перыяд пераасэнсоўваецца значэнне традыцыі як аб'яднальнага фактару ў дачыненні да фальклору [11; 12]. Адзначаецца шматасэнсоўнасць самога паняцця «традыцыя», якая трактуецца як аснова вуснай і матэрыяльнай праяў «народнасці» (*folkness*), а таксама сцвярджаецца неабходнасць удакладнення значэння гэтага паняцця ў кантэксце фальклору ў адрозненне ад мастацтва, літаратуры і гісторыі [10]. У прысвечаным фальклору артыкуле з «Энцыклапедыі сацыяльных навук» (2004) Д. Нойс (*Dorothy Noyes*) вызначае фальклор як метакультурную катэгорыю, з дапамогай якой пэўныя жанры і практыкі сучаснага грамадства пазначаюцца як несучасныя [32]. У гэты ж перыяд некаторыя замежныя даследчыкі ўключаюць у паняцце «фальклор» не толькі аб'ект даследавання, але і саму навуку, якая яго вывучае. Так, у адзначаным вышэй артыкуле Д. Нойс сцвярджае, што тэрмін «фальклор» распаўсюджваецца таксама і на вывучэнне такіх «навуковых» матэрыялаў. М. С. Сімс (*Martha C. Sims*) і М. Стывенс (*Martine Stephens*) – аўтары манаграфіі «Жывы фальклор: Уводзіны ў навуку пра людзей і іх традыцыі» (2005) – разглядаюць фальклор як максімальна шырокі тэрмін, які ахоплівае «як тое, што вывучаюць фалькларысты, так і назву дысцыпліны, у межах якой яны працуюць» [37, с. 1] і з'яўляецца сродкам «неафіцыйнага і нефармальнага» [37, с. 8] пазнання навакольнага асяроддзя ды самапазнання.

Функцыя фальклору як сродку пазнання ўскосна ўвасабляецца праз уласціваю яму паўтаральнасць. У падручніку «Фалькларыстыка: Уводзіны» (1999) амерыканскія навукоўцы Р. А. Джорджэс (*Robert Georges*) і М. О. Джоунз (*Michael Owen Jones*) адзначаюць паўтаральнасць экспрэсіўных форм, працэсаў і паводзінаў у асабістым узаемадзеянні і традыцыйных практыках і вызначаюць фальклор як «бесперапыннасць і ўстойлівасць у прасторы і часе ведаў, мыслення, вераванняў і пачуццяў людзей» [21, с. 1], «неад'емную і найважнейшую частку нашага штодзённага жыцця» [21, с. 2]. Менавіта гэтыя асабістыя ўзаемадзеянні актыўных носьбітаў фальклору, на думку даследчыкаў [10], ствараюць «кантэкст», у якім назіраюцца экспрэсіўныя (выразныя) паводзіны.

Напрыканцы XX ст. ў еўрапейскай і амерыканскай фалькларыстыцы шырока распаўсюджваецца семіятычны падыход, распрацаваны амерыканскім даследчыкам Ч. С. Пірсам (*Charles Sanders Peirce*) у пачатку стагоддзя [15]. Амерыканскі фалькларыст і семіёлаг венгерскага паходжання Томас Шэбёк (*Thomas Sebeok*) адзначае, што «фальклор... багата насычаны семіятычнымі ідэямі і практыкамі» [36, с. 51]. Прадстаўнікі гэтага шматаспектнага падыходу цікавіліся як лінгвістычнымі знакавымі сістэмамі (займеннік першай асобы адзіночнага ліку як складнік культурнага самаўсведамлення (Б. Лі (*Benjamin Lee*) «Семіятычнае паходжанне дуалізму “розум – цела”» [30], недастатковасць моўных сродкаў для выражэння пэўнай ідэі (Е. В. Дэніэл (*E.V. Daniel*) «Семіётыка суіцыду Шры-Ланкі» [16])), так і пазалінгвістычнымі знакавымі сістэмамі.

Шматаспектнасць семіятычнага падыходу адпавядае шматаспектнасці і разнастайнасці самога фальклору, яго форм. Так, у 1989 г. ЮНЭСКО выдала «Рэкамендацыі па ахове традыцыйнай культуры і фальклору», дзе прапанавала ўласнае рабочае значэнне фальклору. Згодна з дэфініцыяй ЮНЭСКО, фальклор – гэта «сукупнасць заснаваных на традыцыі творчых набыткаў культурнай супольнасці, якія дэманструюцца групай альбо асобнымі індывідамі і агульнапрызнана адлюстроўваюць яе культурную і сацыяльную ідэнтычнасць; яе стандарты і каштоўнасці перадаюцца ў вуснай форме, праз імітацыю ці інакш. Яе формы ўключаюць... мову, літаратуру, музыку, танец, гульні, міфалогію, рытуалы, звычаі, рамёствы, архітэктурную і іншыя віды мастацтва» [18]. З пры-

ведзенай дэфініцыі відаць, што ЮНЭСКА спалучае традыцыйны фалькларыстычны і культуралагічны падыходы да вызначэння тэрміна «фальклор», робіць акцэнт на разнастайнасці яго жанраў і форм, разам з тым адсутнічае агульны навуковы прынцып класіфікацыі фальклору.

Сучасныя даследчыкі імкнуцца выпрацаваць комплекснае азначэнне, якое ўвабрала б у сябе асноўныя рысы падыходаў іх папярэднікаў. Так, на афіцыйным сайце Амерыканскага фальклорнага таварыства фальклор вызначаецца як «традыцыйнае мастацтва, літаратура, веды і практыкі, што распаўсюджваюцца пераважна ў вуснай камунікацыі і ўзорах паводзінаў» [44]. Амерыканскія навукоўцы разглядаюць фальклор як уласцівасць групы, а фальклорныя традыцыі – як асноўны элемент групавой ідэнтычнасці. Даследчыкамі вылучаюцца чатыры асноўныя складнікі фальклорнай традыцыі: тое, у што людзі вераць (элементы светапогляду), чым яны займаюцца (віды дзейнасці), што ведаюць (побытавыя веды), што вырабляюць (архітэктура, выяўленчае мастацтва і рамёствы) і кажуць (вербальны фальклор).

Пашырэнне інтэрпрэтацыі тэрміна «фальклор» назіраецца і ў еўрапейскіх даследаваннях. Так, ірландскі даследчык Д. О'Гілан (*Diarmuid Ó Giolláin*) ва ўводзінах да манаграфіі «Месца ірландскага фальклору: Традыцыя, сучаснасць, ідэнтычнасць» будзе ўласною дэфініцыю фальклору на бінарных апазіцыях: «прадмет і крытычны дыскурс, аматарскі энтузіязм і акадэмічная дысцыпліна, рэшткі сельскагаспадарчай культуры і папулярная культура сучасных гарадоў; кансерватыўны (антымадэрнісцкі) і радыкальна контркультурны; сфера правінцыйных інтэлектуалаў-дылетантаў і апантаных будаўнікоў нацыі; перадача прыватна ў вуснай форме і праз агульнадаступныя электронныя сродкі» [33, с. 1].

Напрыканцы XX ст. ў еўрапейскай і амерыканскай фалькларыстыцы пачынаецца распрацоўка новага накірунку, які даследуе т. зв. «грамадскі» (*public* – англ., *öffentliche* – ням.) фальклор. Яго асноўнымі адметнасцямі становяцца дыялог з супольнасцямі, наяўнасць метадалогій перадачы рэпрэзентатыўных і інтэрпрэтатыўных паўнамоцтваў, далучэнне зацікаўленых асоб да распрацоўкі праграм, палітыкі [4]. У артыкуле «Дыялагічнасць грамадскага фальклору і крытычнае вывучэнне спадчыны» амерыканскі даследчык Р. Бэран (*Robert Baron*) паказвае, як дыялагічнасць грамадскага фальклору выяўляецца праз грамадскія праекты, фальклорныя фестывалі, дзяржаўныя праграмы па падтрымцы фальклорнага мастацтва, а таксама праекты па падтрымцы культурных аб'ектаў мясцовага значэння. Аўтар артыкула дэманструе комплексны характар працы «грамадскіх фалькларыстаў», іх функцыі як навукоўцаў, адміністратараў, прадзюсараў фальклорных мерапрыемстваў, а таксама дзяржаўных служачых, якія займаюцца аховай культурнай спадчыны. Праксіс публічнага фальклору, які ствараецца адзінствам пералічаных вышэй акцый і функцый, разглядаецца як патэнцыял для стварэння праксісу даследавання культурнай спадчыны для навукоўцаў – кансультантаў і даследчыкаў нематэрыяльнай культурнай спадчыны.

На мяжы тысячагоддзяў еўрапейскія фалькларысты прапанавалі канцэпцыю «другога жыцця» фальклору [35, с. 2]. Фінскі фалькларыст Л. Хонка (*Lauri Honko*) сцвярджаў, што разнастайнасць фальклорных формаў тлумачыцца здольнасцю фальклору вяртацца да жыцця ў розных кантэкстах. Калі «фальклорны працэс» пачынае сваё першае жыццё, у ім фальклор выступае «арганічнай часткай» супольнасці, а пасля пераходзіць у другое жыццё, што ўяўляе сабой «перапрацоўку матэрыялу ў навакольным асяроддзі, адрозным ад зыходнага культурнага кантэксту»; у «другім жыцці» фальклор занатаваны і захаваны ў архівах [23, с. 39, 48]. Адзначаную тэорыю падтрымлівае і ірландскі даследчык Д. О'Гілан (*D. Ó Giolláin*): «"Другое жыццё" фальклору паўсюль

навокал нас. Ён у вернакулярных адметнасцях архітэктуры і дызайна інтэр'ера, у асабістых упрыгожаннях, у маркетынговых стратэгіях (зварот да фальклору як сведчанне традыцыйнасці, аўтэнтычнасці і натуральнасці), у сцэнічных песнях і танцах, у музейных экспанатах, у сюжэтах мультфільмаў, раманаў і фільмаў. Ён стаў часткай асяроддзя постмадэрну» [33, с. 174]. Даследчыкі візуалізуюць працэс распаўсюджвання фальклору на сучасным этапе развіцця грамадства ў выглядзе рызаматычнай сеткі (прапанаванай французскімі філосафамі Ж. Дэлэзам (Gilles Deleuze) і Ф. Гуатары (Félix Guattari)): сеткі ўзаемасувязей, якая цягнеца ва ўсіх накірунках, не мае нейкай устойлівай траекторыі, па меры таго як людзі разумеюць, інтэрпрэтуюць, выкарыстоўваюць і паўторна выкарыстоўваюць яе [35, с. 2].

Адпаведна такой трактоўцы распаўсюджвання фальклору, амерыканскія даследчыкі таксама адмаўляюцца ад крытэрыя прыналежнасці да групы як неад'емнай характарыстыкі фальклору, умовы яго існавання як з'явы культуры [10, с. 14]. Увядзенне новых паняццяў «сольны фальклор» (*solo folklore*, Дж. Мечлінг (Jay Mechling)), «сімвалічнае самастварэнне» (М. Джоунз (Michael Owen Jones)) засведчыла ўяўленне пра тое, што і адзін чалавек самастойна (або ў сваёй арганізацыі) можа перадаваць, адаптаваць ці выкарыстоўваць фальклорныя ідэі [28; 10, с. 14].

Заклучэнне

Увядзенне Томсам тэрміна «Folk-lore» адмыслова вызначыла асноўныя накірункі трактоўкі фальклору як сферы сэнсу (lore), якая ў пэўных формах эксплікуецца групай (folk) і вызначаецца індывідуальнай рэцэпцыяй «актыўнага носьбіта». Сучаснымі еўрапейска-амерыканскімі фалькларыстамі аб'ект фальклору вызначаецца як аднесены да традыцыі і спецыфічным спосабам яе групавой эксплікацыі. Разам з тым «метатэкст» фальклорнай рэчаіснасці вар'іруе ў межах асобных культур, краін, гістарычных этапаў, нацыянальных навуковых школ і інш. Разнастайнасць падыходаў да пабудовы канцэпцый фальклору і інтэрпрэтацыі адпаведнага тэрміна на працягу XIX–XX стст. ілюструе складанасць і шматграннасць фальклорнай традыцыі як сацыякультурнай з'явы і цесную ўзаемасувязь яе праяў з менталітэтам як носьбітаў фальклору, так і яго даследчыкаў. Калі на пачатковым этапе станаўлення фалькларыстыкі «Folk-lore» як каштоўнае, канчаткова аформленае цэлае адносіўся да старажытнасці, яе рэшткаў, захаваных у памяці еўрапейскіх сялян, то сучасная фалькларыстыка выяўляе «фальклорную» феноменалогію не толькі ў «традыцыйных жанрах і відах прастанароднай культуры», але і ў кантэксце шматлікіх рознасубстанцыйных праяў сучаснай культуры. Адпаведна «метатэкст» фальклорнай рэчаіснасці ўлучае шырокае поле калектыўных формаў культуры і паўсядзённасці, пераадольваючы пры гэтым межы звыклых жанраў, вербальных і рытуальных формул.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Abrahams, R. *Folklore in Culture: Notes toward an Analytic Method* / R. Abrahams // *Texas Studies in Literature and Language*. – 1963. – Nr 5. – P. 98–110.
2. Abrahams, R. *Introductory Remarks to a Rhetorical Theory of Folklore* / R. Abrahams // *Journal of American Folklore*. – 1968. – Nr 81. – P. 143–58.
3. *An Introduction to Scottish Ethnology: A Compendium of Scottish Ethnology* / ed. A. Fenton. – Edinburgh : Birlinn, 2013. – 528 p.
4. Baron, R. *Public folklore dialogism and critical heritage studies* / R. Baron // *International Journal of Heritage Studies*. – 2016. – Vol. 22, nr 8. – P. 588–606.

5. Barrera-González, A. *European Anthropologies* / A. Barrera-González, M. Heintz, A. Horolets. – New York ; Oxford : Berghahn Books, 2017. – 296 p.
6. Bauman, R. *Towards a Behavioral Theory of Folklore: A Reply to Roger Welsch* / R. Bauman // *Journal of American Folklore*. – 1969. – Nr 82. – P. 167–170.
7. Ben-Amos, D. *Toward a Definition of Folklore in Context* / D. Ben-Amos // *The Journal of American Folklore*. – 1972. – Vol. 84, nr 331. – P. 3–15.
8. Blank, T. J. *Tradition in the Twenty-First Century: Locating the Role of the Past in the Present* / T. J. Blank, R. G. Howard. – Logan : Utah State University Press, 2013. – 240 p.
9. Bronner, S. J. *The Oxford Handbook of American Folklore and Folklife Studies* / S. J. Bronner. – Oxford : Oxford University Press, 2019. – 856 p.
10. Bronner, S. J. *Toward a Definition of Folklore in Practice* / S. J. Bronner // *Cultural Analysis*. – 2016. – Nr 15 (1). – P. 6–27.
11. Bronner, S. J. *Explaining Traditions: Folk Behavior in Modern Culture* / S. J. Bronner. – Lexington : University Press of Kentucky, 2011. – 544 p.
12. Bronner, S. J. *The Meaning of Tradition* / S. J. Bronner // *Special Issue of Western Folklore*. – 2000. – Vol. 59, nr 2. – P. 87–104.
13. Brunvand, J. *The Study of American Folklore: An Introduction* / J. Brunvand. – New York : W. W. Norton, 1968. – 383 p.
14. Burne, Ch. S. *Handbook of Folklore* / Ch. S. Burne. – Whitefish : Kessinger Publishing, 2003 (reprint 1914). – 376 p.
15. Chappell, B. *Folklore Semiotic: Charles Peirce and the Experience of Signs* / B. Chappell // *Folklore Forum*. – 1999. – Vol. 30, nr 112. – P. 73–93.
16. Daniel, E. V. *The Semiosis of Suicide in Sri Lanka* / E. V. Daniel // *Semiotics, Selfand Society*. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1989. – P. 69–100.
17. Dundes, A. *What is Folklore?* / A. Dundes // *The Study of American Folklore*. – Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1965. – P. 1–3.
18. Dutfield, G. *Protecting Traditional Knowledge and Folklore: A review of progress in diplomacy and policy formulation* / G. Dutfield // *Intellectual Property Rights and Sustainable Development*. – Geneva : ICTSD – UNCTAD, 2003. – 63 p.
19. Erixon, S. *Regional European Ethnology* / S. Erixon // *Folk*. – 1937. – Nr 54. – P. 89–108.
20. *Folklore: An Encyclopedia of Beliefs, Customs, Tales, Music, and Art* / ed. Thomas A. Green. – Santa Barbara : ABC-CLIO, 1997. – Vol. 1. – 892 p.
21. Georges, R. A. *Folkloristics: An Introduction* / R. A. Georges, M. O. Jones. – Bloomington : Indiana University Press, 1999. – 352 p.
22. Glassie, H. *The Spirit of Folk Art* / H. Glassie. – New York : Abrams, 1989. – 276 p.
23. Hakamies, P. *Theoretical Milestones: Selected Writings of Lauri Honko* / P. Hakamies, A. Honko. – Helsinki : Folklore Fellows' Communications, 2013. – 338 p.
24. Hufford, M. *American Folklife: A Commonwealth of Cultures* / M. Hufford. – Washington : American Folklife Center : Library of Congress, 1991. – 23 p.
25. Hultkrantz, A. *General Ethnological Concepts* / A. Hultkrantz // *International Dictionary of Regional European Ethnology and Folklore*. – Copenhagen : Rosenkilde and Bagger, 1960. – Vol. 1. – 365 p.
26. Hymes, D. *Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Perspective* / D. Hymes. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1974. – 260 p.
27. Ives, E. D. *Joe Scott, the Woodsman-Songmaker (Music in American Life)* / E. D. Ives. – Urbana : University of Illinois Press, 1978. – 473 p.

28. Jones, M. O. Studying Organizational Symbolism: What, How, Why? / M. O. Jones. – Thousand Oaks : Sage, 1996. – 73 p.
29. Kōngäs, E.-K. The Concept of Folklore / E.-K. Kōngäs // *Midwest Folklore*. – 1963. – Nr 13. – P. 69–88.
30. Lee, B. Semiotic Origins of the Mind-Body Dualism / B. Lee // *Semiotics, Self and Society* / ed.: B. Lee, G. Urban. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1989. – P. 193–228.
31. Noyes, D. Humble Theory: Folklore's Grasp on Social Life / D. Noyes. – Bloomington : Indiana University Press, 2016. – 470 p.
32. Noyes, D. Folklore / D. Noyes // *The Social Science Encyclopedia* ; ed.: A. Kuper, J. Kuper. – New York : Routledge, 2004. – P. 375–378.
33. Ó Giolláin, D. Locating Irish Folklore: Tradition, Modernity, Identity / D. Ó Giolláin. – Cork : Cork University Press, 2000. – 228 p.
34. Ó Súilleabháin, S. Irish Folk Custom and Belief (Irish Life and Culture) / S. Ó Súilleabháin. – Dublin : The Three Candles, 1967. – 93 p.
35. Robitaille, A. Introduction: New Perspectives on Irish Folklore / A. Robitaille, M. Shokouhi // *Estudios Irlandeses*. – 2017. – Nr 12 (2). – P. 1–7.
36. Sebeok, Th. A. American Signatures: Semiotic Inquiry and Method / Th. A. Sebeok. – Norman : University of Oklahoma Press, 1991. – 255 p.
37. Sims, M. C. Living Folklore: An Introduction to the Study of People and their Traditions / M. C. Sims, M. Stephens. – Logan : Utah State University Press, 2005. – 312 p.
38. Smith, M. W. The Importance of Folklore Studies to Anthropology / M. W. Smith // *Folklore*. – 1959. – Vol. 70, nr 1. – P. 300–312.
39. Toelken, B. The Dynamics of Folklore / B. Toelken. – Boston : Houghton Mifflin, 1979. – 456 p.
40. Voigt, V. The Concept of Today's Folklore as We See It from Budapest, Hungary, Europe / V. Voigt // *Journal of Folklore Research*. – 1984. – Vol. 21, nr 2/3. – P. 165–175.
41. Voigt, V. Three Forms or Three Kinds of Oral Literature / V. Voigt // *World Literature Studies*. – 2014. – Nr 6 (23). – P. 100–110.
42. Wilson, W. A. The Deeper Necessity: Folklore and the Humanities / W. A. Wilson // *Journal of American Folklore*. – 1988. – Vol. 101, nr 400. – P. 156–167.
43. Wolf-Knuts, U. On the history of comparison in folklore studies [Electronic resource] / U. Wolf-Knuts // *Norden Og Nordiske Fagtradisjoner*. – Mode of access: <https://www.hanko.uio.no/planses/Ulrika.html>. – Date of access: 16.05.2020.
44. American Folklore Society [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.afsnet.org/page/WhatIsFolklore>.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 19.06.2020

УДК 398.3

Іна Анатолеўна Швед

*д-р філал. навук, праф., праф. каф. рускай літаратуры і журналістыкі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна*

Ina Shved

*Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Literature and Journalism
of Brest State A. S. Pushkin University*

e-mail: ruslitjurn@brsu.brest.by

КАЗА ЯК ЧЫННІК ЗААЛАГІЧНАГА КОДА БЕЛАРУСКАГА ФАЛЬКЛОРУ*

Мэтай працы з'яўляецца вызначэнне міфасемантыкі і функцыянальнасці вобраза казы як чыніка заалагічнага кода розных жанраў і відаў беларускага фальклору. Гісторыка-генетычнае і функцыянальна-семантычнае даследаванне «тэксту казы» паказала, што ў ім актуалізуюцца значэнні ўрадлівасці, апатрапейчнасці, ахвярнасці, адраджэння, сувязі з процілеглымі полюсамі сакральнага свету, а таксама любоўна-шлюбная і смеха-эратычная сімволіка. У заалагічным кодзе каза (казёл) карэлююць з воўкам, мядзведзем, лісой, зайцам, рознымі насякомымі.

Goat as an Element of the Zoological Code of the Belarusian Folklore

The purpose of this work is to determine the mythosemantics and functionality of the image of the goat as the factor of the zoological code of Belarusian folklore. A historical-genetic and functional-semantic study of the «goat text» has shown that the values of fertility, apotropy, sacrifice, rebirth, connection with opposite poles of the sacred world, as well as love-marriage and laughter-erotic symbolism are actualized. In the zoological code goat is correlated with wolf, bear, fox, hare and various insects.

Уводзіны

Вобраз казы (казла) у міфапаэтычнай карціне свету беларусаў адыгрывае важную ролю, звязаны з разнастайнымі ўяўленнямі і выклікае даволі складаныя сімвалічныя асацыяцыі і ацэнкі. Адпаведна сімволікай гэтай жывёлы ў традыцыйнай культуры розных народаў, у т. л. славян, здавён цікавіліся міфалагі, фалькларысты, этнолагі, мовазнаўцы, мастацтвазнаўцы і інш. Фалькларысты звярталі ўвагу на сімволіку і функцыі гэтага вобраза ў сувязі з даследаваннем розных відаў і жанраў беларускай традыцыйнай культуры, найперш каляднага абрадавага комплексу і казак [1, с. 598–600]. У энцыклапедычным слоўніку «Міфалогія беларусаў» уключаны сціслы артыкул Ю. Драздова і Л. Салавей, прысвечаны міфалогіі казы [2, с. 209]. У гэтым жа слоўніку С. Санько разглядае народную назву сузор'я «Каза» [2, с. 210]. Між тым гэты вобраз як чыннік заалагічнага кода беларускага фальклору не быў прадметам спецыяльнага даследавання вучоных. Мэта працы – вызначыць міфасемантыку і функцыянальнасць казы як чыніка заалагічнага кода беларускага фальклору.

Каза (казёл) – найраней дэмістыфікаваная і міфалагізаваная жывёла. У беларускай песеньцы выкарыстанне казла апісваецца наступным чынам: «Казлова мяса ядуць, / З казловай шкуры боты ш'юць» [3, с. 313]; часта персанажа, якога славяць-апяваюць, маюць у «боціках казловых». Коз гадавалі для атрымання малака; у каляндарна-абра-

*Прадстаўлены некаторыя вынікі навукова-даследчай працы «Зоологический код белорусской традиционной духовной культуры (по записям XIX – начала XXI в.)», якая выконваецца па ДПНД «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (№ дзяржрэгістрацыі 20160897 ад 13.04.2016).

давых песнях яны згадваюцца сярод свойскіх жывёл, якіх імкнуцца паспяхова разводзіць і засцерагаць ад негатыўных праяў дэманізаваных істот: «Купальнае ночы / Выпеклі ведзьме вочы, / Каб ведзьма не хадзіла, / Каб расы не збірала, / Каб козкам не шкодзіла» [4, с. 104]. У многіх народаў свету казёл займаў значнае месца ў духоўнай культуры, сакралізаваўся, належаў да світы багоў, якія ўвасаблялі сексуальныя сілы, адказвалі за ураджайнасць, плоднасць і аднаўленне свету. Казёл выступаў іх спадарожнікам, атрыбутам і нават заамарфічнай эпіфаніяй (напрыклад, Гермеса). Па дапамогу да казланогага бога звярталіся егіпецкія жанчыны, якія не маглі зацяжарыць. У Рыме падчас святкаванняў у гонар Фаўна ў хвяху прыносілі казлоў і напрыканцы з прадукавальнай мэтай білі жанчын рамянямі з казловай скуры [5, с. 562]. Важную ролю каза і казёл адыгрывалі ў славянскіх абрадах *навалецця* (спявалі: «Стары год канчаем, новы зачынаем»): з іх дапамогай намагаліся абудзіць урадлівасць прыроды і плоднасць жанчын, забяспечыць сямейны лад, дабрабыт, бо «дзе каза ходзіць, там жыта родзіць». Адпаведна прысутнасць казы і казла (вобразы, маскі, жывой істоты) была значнай для абраднасці і зімовай, і вясновай (у межах апошняй, верагодна, і ўзнік сам абрад «Ваджэння казы»). Міфа-рытуальная сімволіка казы земляробчых святкаванняў зімовага сонцавароту, звязаная з плоднасцю, багаццем, дабрабытам, трансліруецца і ў народны соннік: «[А чаму каляднікі хадзілі з казой?]» – «Ой, это очень хорошо, это к деньгам, к достатку большому козу водят». – «А што значыць, калі ў сне пабачыш казу?» – «Эта к деньгам, это к достатку» (ФА*; Збунін, Брэсцкі р-н). З вясной асацыіруецца выган коз на пашу ў вясновых песнях, напрыклад: «Вжэ літо наступае, / Маты сынка пробуджае: – Вставай, сынку, хопыць спаты, / Пора коз на пашу выгоняты. / Чужы козы напаслыся, / А нашы у хлы-ві настаялыся» (ФА; Астремчава, Брэсцкі р-н).

Паэтапнае супастаўленне казы са старажытнымі пярэднеазіяцкімі багамі ўрадлі-васці, накшталт хецкага Тэлепінуса, было зроблена У. Тапаровым. У сувязі з гэтым характэрны сюжэт дзіцячых казак пра выгнанне казы з дапамогаю пчалы, а таксама казка пра казу, зайчыка і пеўня, які выганяе казу з хаты зайчыка (аналагічную казе ролю можа выконваць лісіца) [2, с. 209]. Тут, паводле Ю. Драздова і Л. Салавей, развіваецца схема выгнання пакрыўджанага бога ўрадлівасці, каб ён выканаў сваю асноўную функцыю – паспрыяў ураджаю. Адсюль вынікае гіпотэза, што каза магла раней быць увасабленнем бога, які нараджаецца і памірае. На Каляды ладзіцца абрад: апрапанутую казу «забівае» дзед-стралок – каза памірае, але калі яе адорваюць, зноў ажывае, пяецца песня пра ўрадлівасць [2, с. 209]. Калядныя абыходы менавіта з казой або казлом і адпаведныя песні карысталіся найбольшай папулярнасцю («Казла цэгалі ў Свічкі – ад Ражаства да Старага Новага году» (в. Дзяменічы, Жабінкаўскі р-н), «на Каляду, Шчадруху» (в. Плянта, Кобрынскі р-н) [6, кн. 2, с. 284]). Прывядзем архіўныя матэрыялы з Берацейшчыны, дзе яшчэ і сёння на Каляды пераапрапанутыя разыгрываюць сцэнку з танцамі, смерцю і ўваскрасеннем маскі-персанажа «казы» ці «казла». Так, у вёсцы Кустын «дзед» (або «цыган») просіць «казу» паскакаць, а іншыя каляднікі выконваюць песні, якія заклінаюць ураджай, вядуць дыялог з «казой»: «Го-го-го, каза, / Го-го-го, шэра, / Дэ рожкі дэла? / – На соль праела. / – Лызь, каза, на печ, / Пакажы чапец. / – На печы авёс / Вялікі парос» (ФА; Брэсцкі р-н).

Потым «каза» падае пад каментар каляднікаў: «Ой, Боже, коза наша здохла». Пасля гэтага яны просяць гаспадароў: «А шчоeb коза встала, / Дай, хозьяйка, сала. / А шчоeb

*ФА – Фальклорна-этнаграфічны архіў студэнцкай навукова-даследчай лабараторыі «Фалькларыстыка і краязнаўства» БрДУ імя А. С. Пушкіна.

нэ болілы у ейі ножкы, / Дай, хозяйка, шчэй і пірожкы». «Каза» ўстае, адораныя каляднікі дзякуюць за пачастунак, жадаюць дабрабыту гаспадарам і ідуць у іншую хату (ФА; в. Ляплёўка, Брэсцкі р-н) працягваць рытуальны дараабмен. Паводле іншых запісаў, «хадзілі з казой. Каза танцавала: “Трэба гаспадару даць сала, / Шоб наша коза встала”. Калі ніхто нічога не даваў ці не адкрываў дзверы, то гаварылі: “У гэтай хаты няма чаго даты”» (ФА; в. Чэрні, Брэсцкі р-н); «Прыходыць дед, той шо з козой, і кажэ: “Го-го-го, дэ коза ходыць, там жыто родыць. / Дэ коза рожком, там жыто стожком”. Тая коза впала, а він ходыць до хозяйкі і кажэ: “Бабо, дай кусок сала, коб моя коза встала”. Потом прыходыць другый, лупыць деда палкою, дед горбатый такый. Прыходыць врач: “Я есть врач, лечу котэй, котэнят, здохлых собачынят, вашу козочку тожэ полічу. Як дам одного лікарства, то вона губамы ‘Тр-у-у’. Як дам другога лікарства, то встанэ”. Дае бутылочку. Коза встала. Він ходыць: “Го-го-го, ныбого, поклянся всім і втыкай відсім”. Забрав і пойшов» (ФА; в. Вельямовічы, Брэсцкі р-н). Жыхар в. Крывошын згадвае: «Тожэ мы прыбіраліся. Казу, кажух на другі бок, мядзведзя зробім, там бусла, там, гэта сама, а асобенна казу, бо трэба было ж гаварыць: “Ой, каза павалілася, нешта каза хоча”. От ужэ там другі мядзведзь кажэ: “Я знаю, што каза хоча. Хоча кусок сала. Не дасі сала і кілбасу, а то хату растрасу”» (ФА; Ляхавіцкі р-н). Маглі вадзіць жывую казу і разыгрываць батлейкавыя сцэнкі [6, кн. 1, с. 52]. Сама абрадавая дзея звалася «Вадзіць (цягаць) казу», «Казёл», «Каза»; «збірацца на Казу» ‘пераапрацаваць, рыхтаваць да калядавання’: «Жэншчыны такыйі молодэйі, мужыкы – на Козу. Собырайіцца на Козу і так о одівайіцца, кожуха выворочувалы, рога такыйі робэлы з палок, прывязувалы» (ФА; в. Пагубяцічы, Брэсцкі р-н). Каза магла быць і ў выглядзе вялікай лялькі на кіі.

У калядках і шчадроўках малюецца карціна цяжкасцяў, якія трэба было пераадолець гасцям з сакральнага свету: казлу ці казе з павадыром, каб трапіць з далёкіх мясцін (з турэцкай зямлі, Масквы і інш.) у гаспадароў двор (яны хадзілі-блудзілі па жоўтых пясках, па цёмных лясах, па шчырым бару, па чыстым полі, моры, балоце, на іх нападалі ваўкі з ваўчанятамі, стралок, які «збіў казе хвасток», разбойнікі ці жаўнеры, якім каза збірала ягадкі, і інш.). Казу хацелі забіць, шкуру аблупіць і зрабіць з яе боты, “шубу” ці дуду. Каза (радзей казёл) характарызуецца як нябога, добрая, мудрая, разам з тым яна пагражае дзікім жывёлам (зайцу, лісе) тым, што звяжа іх і сколе рагамі (падобна, як у жывёльнай казцы), таму казу лаюць: «Ох ты, казіца, / Старая псіца, / Сваім дзетушкам / Не памошніца» [7, с. 394]. Яна выяўляецца як шэрая, белая, залатая, з залатымі, срэбнымі, крутымі, дарагімі капшыцамі; у аграрна-магічным плане вылучаюцца таксама барада [7, с. 403], «мыза» [7, с. 405], хвост і рогі (якія каза можа «пераеці на соль»), напрыклад: «Гдзе каза хвостом, там жыта кустом, / Гдзе каза рогам, там жыта стогам, / Гдзе каза нагою, там жыта капою» [7, с. 390]. Каза не толькі забяспечвае ўрадлівасць і дабрабыт, але і прадухіляе няшчасці, яе заклікаюць «закласці свае рогі, падабраць свае ногі» і вынесці з хаты «бяду, гора» [7, с. 413]. Ідзі адраджэння, «маладой гульні», забеспячэння ўрадлівасці, вітальнасці выяўляюцца ў акцыянальным кодзе гульні-паказу: казу просяць за пачастунак «пакланіцца зграбна», «павярнуцца складна», расхадзіцца, пагуляць «па ўсяму двару гаспадарскаму», павярнуцца «і на ножкі, і на рожкі», паскакаць, паплясаць. Дзеямі з казой імітаваўся *цыклізм працэсу «жыццё – смерць – уваскрасенне»*: спачатку яна гарэзліва скакала, тупала, «бадала» дзеда, а потым, пабітая дзедывым кіем, «упала, здохла, прапала». Паводле адной з калядак, казу, якая нарадзіла казла і скіравалася да возера напіцца вады, папярэджаюць, каб не азіралася і не глядзела ў ваду, бо «перакуліся, і свету табе не будзе ўжо» [7, с. 423]. Звычайна смерць гэтай жывёлы выяўляецца як гвалтоўная і нагадвае кроўнае ахвяраванне (магчыма, духу

ўрадлівасці ў выглядзе казла): «Ударылі казла ў правае вуха, / Пацякла з казла чорная юха» [7, с. 424].

У каляндарна- і сямейна-абрадавых песнях паэтычна абмалёўваецца міфа-рытуальнае і ўтылітарнае значэнне гэтай жывёлы: «У тым сяле весяло: / Радзяцца ісці / Козаньку біці, / Скуру злупіці, / Чаботы сшыці. / – Наша каза варана! / Заўтра радзі казьяня. / Будзем казу даіці, / Будзем сыры ляпіці. / Паставім казу на талерцы, / Прап’ём казу на гарэлцы, / Паставім казу на ляду, / Прап’ём казу на мяду» [7, с. 382]. У радзінна-хрэсьбіннай песні бабка нясе парадзісе ў пачастунак казла: «А ўчора позна / Зарэзалі козла, / І ўсяго прынясла» [8, с. 322]. У валачобнай песні валачобнікі раяць гаспадыні казла шукаць яго на крутой гары: «Там ты найдзеш казла свайго. / Сабяры, бабка, рожкі ды ножкі, / Навары, бабка, сем місак кашы, / Сабяры, бабка, папоў ды дзякоў, / Папоў ды дзякоў ды шэрых ваўкоў» [9, с. 427]. Не выключаны рытуальна-абрадавыя вытокі дзіцячых песенек, паводле якіх казла, які пайшоў гуляць у чыстае поле, сустракаюць заяц або сямёра ваўкоў, і адзін з іх – з гарэлым бокам – бярэ казла «папярок жывата, / Як ударыў воўк казла / Аб сырую зямлю, – / Яго рогі пры ў дарогі, / Галава – па лугам. / Тама дзевушкі гулялі, / Яны ямачкі капалі, / Бабушкі ведама давалі: / – Ох, ты, бабушка, / Ты, Варварушка, / Ты вары клёцкі, / Памінай казельку!» [3, с. 308–309]. У такіх песнях, якія перайшлі ў дзіцячы рэпертуар, можа абыгрывацца *мужчынская эратычная сімволіка казла*: ён у гародзе ломіць «качашок» (жаночы сімвал), але не можа дастаць зялёнай руты-мяты (дзявочы сімвал); у купальскай песні маладзіца просіць казла не скакаць «ў вагарад», не таптаць яе зялёнага чабору [4, с. 356] (хоць вядома і шкадлівасць гэтай жывёлы, калі яна трапляла ў агарод). У творы інсітнага мастацтва на тэму вясновавага буяння прыроды казёл выступае ў комплексе з катом і бугаём, якім традыцыйна прыпісваюцца эратычныя значэнні, мужчынская вытворчая сіла: «Прыйшла высна, і все зеленэ, / Коты дэруцця, як шалены. / Рэве на прывязі бугай, / Козёл козу повів у гай. / А я стою і все то бачу... / Смэяцца хочэцца – аж плачу!» (ФА; в. Чэрск, Брэсцкі р-н).

Да вяснова-летняй традыцыі належаць «козлёныя хораводы» (тэрмін – паводле выказвання жыхароў в. Ракітна). На Берасцейшчыне на Вялікдзень выконваецца гульніва-танцавальны карагод ілюстрацыйна-выяўленчай разнавіднасці, колавай формы «Ой, паскачы, козлэ». У сярэдзіне кола, утворанага дзяўчатамі, становіцца Козлэ (хлопец ці дзяўчына), які на працягу карагоднай дзеі выяўленча ілюструе пластыкай, мімікай, жэстамі паэтычны змест песні. Спяваюць: «Ой, паскачы, козлэ, ой, паскачы, козлэ, / Як нашы дэвкы скачут, як нашы дэвкы скачут. / По злёным грудочку, по злёным грудочку, / У вышнёвым садочку, у вышнёвым садочку». Далей гурт прапаноўвае паказаць, як скачуць хлопцы, бабы, дзяды і г. д. [6, кн. 2, с. 30]. Паводле шматлікіх іншых песень такога тыпу, казла бяруць за рогі, прывязваюць «к дубоваму тыну», «б’юць, ругаюць ды праўду пытаюць», хто і як скача.

Гульня «Козле» вельмі арганічна ўпісана і ў жніўны гульніва-абрадавы комплекс. Дзяўчаты ўтвараюць два колы, адно ў сярэдзіне другога. Карагодніцы, узяўшыся ў сваіх колах за рукі, адначасова рухаюцца па крузе ў розныя бакі: знешні – па ходу сонца, унутраны – супраць. Адначасова спяваюць: «О-і, мое козле, козле, / О-і, мое козле, козле, / Хто мое да жыто пожны, / Хто ж мое да жыто пожны?...» [6, кн. 2, с. 28–29]. Увогуле ў жніўнай абраднасці даволі празрыста прадстаўлена старажытная міфічная семантыка казла і казы, сувязь гэтых жывёл з аграрнай магіяй і, магчыма, з зерневымі духамі. На Палессі жняю, якая не паспявае за ўсімі, ідзе апошняя, называлі «казёл-барада», кпілі з яе: «на тебя коза мекает» [10, с. 523]. «Цягнуцца (застацца) на казе» ‘быць апошняй жняёй’. Гэтая тэрміналогія абыгрываецца-развіваецца ў жніўных песнях тыпу:

«А я жала, зажалася, / А я жала, засталася, / На козенке засталася. / Вы мяне пасадзіце, / Вы мяне пасадзіце / Ці козаньку падганіце. / – Нечым шэльму падганяці, / Нечым шэльму падганяці, / Лепей казу падагнаці» (ФА; в. Мачулішча, Камянецкі р-н). У іншай жніўнай песні свякроў папярэджвае нявестку-жню: «Шэльма, не ляніся, / На казе не цягніся». На гэта нявестка адказвае: «А жну, не лянюся, / На казе валакуся» [11, с. 117]. У дажынкавых песнях рогі ці хвост казы (белай) забіраюць маладзіцы, што асацыіруецца з завяршэннем жніва: «– Ой, ты мая коза біла, / Дэ ты свого хвоста дзіла? / Положыла на полыцы / Да і взяли молодыцы» (ФА; в. Рудкаўка, Іванаўскі р-н), «Тыпэр у нас дожыночкі, / Нап’емося горілочкі. / – Ой, ты мая коза біла, / Дэ ты свого рога діла? / – Положыла на полыцы, / Да украли молодыцы» (ФА; в. Махро, Іванаўскі р-н).

Тэрмінамі «каза» і «казёл» (ці «барада») абазначалі рытуальны прадмет, які сімвалізаваў заканчэнне жніва: вянок з жыта, звіты напрыканцы жніва, або некалькі каласоў, якія пакідалі на хлебнай ніве нязжатымі па заканчэнні жніва (іх абжыналі вакол, вышолвалі, запляталі ў выглядзе касы, «завівалі справа налева» (ФА; в. Чэрні, Брэсцкі р-н), упрыгожвалі, аблівалі вадой, унутр ставілі асвятчаную вадку і хлеб. «Бярут некалькі каласкоў (20), звязваюць і делаюць казу. Вакол ёй спэваюць песні («Дажалы жыто до конца, пойдэм до дома за сонця») і ідуць додому. Дома гуляюць і отмечаюць. Делают квітку з каласкоў, звязваюць, на Сплінне святят. І колы сеюць, зёрнышкі вытрясяць і ставяць на полі» (ФА; в. Івахнавічы, Брэсцкі р-н). Праз сімваліку «казы» ці «казла» і дзеянні з імі мадэлююцца ідэі *цыклізму і біялагізму прыроднага часу, кругазвароту жыцця, рытмічнага адраджэння плоднасці, ураджайнасці зямлі*. Увесь час, пакуль завівалі «казу» (ці «баряду»), спявалі жніўныя песні, звяртаючыся да «казы»: «Дай Божэ тэбэ, козонька, / Хорошэнько ўбраты, / І дай Божэ на літэчко / Жніва дождаты» [6, кн. 1, с. 184]. Кожны цыкл мае пачатак (нараджэнне), росквіт, завяданне (старасць) і смерць, пасля якой адбываецца адраджэнне, пачынаецца новы цыкл – «каза» «вечна вяртаецца» на ніву, каб зноў і зноў быць упрыгожанай, яна ж трактуецца як ахвяра палявым жывёлам і птушкам, радзей – Богу, «добраму духу» [6, кн. 1, с. 183–184] – духу жыватворна-хтанічнага характару, апекуну нівы, які мог мець іпастась казла. У сувязі з рэалізацыяй ідэі «вечнага вяртання» характэрны рытуалы Першай Прачыстай, калі абсявалі вакол пакінутай на полі «казы» жытам са словамі: «Ну, козонька, ты богатая, ты цвітамы очэнь украшэна красіво», а потым засявалі поле. «І до козонькі звэрнуўся да й кажэ: “О, козонька, дай Божэ, шоб ты на літо дождала, да зноў тэбэ на літо убралы хорошэнько”» [6, кн. 1, с. 215].

Казёл выступае галоўным міфічным персанажам рытуальных «бародных» песень. Пастаяннай прыкметай гэтай жывёлы (увасабленне мужчынскай вытворчай сілы) з’яўляецца барада: «Ішоў казёл па мяжэ, / Дзіваваўся барадзе. / Дзіва, барада! / Дзіва, барада! / Дзівавалася каза, / Што балтаіцца ў казла. / Дзіва, барада! / Дзіва барада! / А ты, козінька-казёл, / Пакажы мне й свой хахол! / Дзіва, барада! / Дзіва, барада» [11, с. 406]. Барада – гэта іншасказальнае абазначэнне і асноўнага міфалагічнага персанажа абраду, і рытуальнага прадмета. Яна акцэнтуюцца і ў партрэце «чалавечага» гаспадара поля, якое належала як людзям, так і не-людзям. Прычым гэтыя значэнні могуць актуалізавацца ў адным тэксце, ствараючы адмысловы сімбіятычны вобраз «чалавечага» і «сакральнага» гаспадара поля: «Стаіць козел на горэ, / Дывуецца барадзе. / Дыво! Дыво! / Ён барадою патрасе / Ды нам гарэлку прынясе. / Дыво! Дыво!» (пасля гэтай песні жней гаспадар іх частаваў) (ФА; в. Мачулішча, Камянецкі р-н). Жня, якая перадае гаспадару дажынкавы вянок, можа тройчы цягнуць яго за баряду і патрабаваць гарэлкі. У Расонскім раёне ў канцы жніва баряду з каласоў чаплялі гаспадару нівы ці старшыні калгаса. Гэтыя рытуальныя практыкі дазваляюць меркаваць, што «абрад вырабу баряды адлюст-

роўвае старажытную рытуальную практыку прыстаўляць зробленую з каласоў бараду чалавеку, які прадстаўляў антрапаморфнае бовства» [12, с. 234]. А перад тым, як стаць антрапаморфным, гэтае бовства магло быць зааморфным, у прыватнасці ў выглядзе казла.

У сувязі са стэрэатыпным успрыняццём казла (і казы) як юрлівай жывёлы, якая ўвасабляе сексуальнасць, плоднасць, урадлівасць, трэба адзначыць, што ўзгаданыя «козлэныя» гульні ўключаюць элементы эротыкі. Прыкладам можа быць гуляня ў «Казу» в. Моталь Іванаўскага раёна (гуляюць на папрадухах, гулянках, вяселлі). У ёй задзейнічаны дзве асобы: жанчына, якая выконвае ролю казы, і Барабаншчык. Апошні шырока разводзіць ногі ўбок, дзвюма рукамі трымае перад сабой барабан. Каза на карачках пралязіць паміж нагамі Барабаншчыка. Ён падчас гэтага гучна б'е Казу бубнам некалькі разоў па «мяккім месцы» [6, кн. 2, с. 295]. Гуляючы ў «Казла», жынчыны па чарзе могуць падкідваць адна другую [6, кн. 2, с. 284]. У песнях з любоўна-шлюбнымі матывамі, якія выконваліся падчас гульні ў «Козаньку», каза надзяляецца выразнай *жаночай сімволікай*, напрыклад: «Ходзі, козонько, потанцуемо, коляду. / Ходзі, воўчэньку, потанцуемо, коляду. / У цебэ, воўчэньку, зубы вострыя, коляду...» [6, кн. 1, с. 59]. У шматлікіх калядках распрацоўваецца матыў заляцанняў сівага воўка, які знаходзіцца ўнізе дрэва, да дзікай казы (якая сядзіць на вершліне дрэва), і іх шлюбу. Падобныя матывы вядомы таксама вясельным песням з вобразам казы-нявесты, напрыклад: «Походзіла серая козка по лужку, / Пошукала себе месцінку полежаць. / – Ой, не боюся стральцоў, / Шчо заб'юць, / Боюся шэраго воўка, / Коб не з'еў. / Походзіла молодая дзевочка по сеньях, / Пошукала себе месцінкі, / Дзе посядзець. / – Не боюся сватоў, / Шчо зап'юць, / Боюся молодого жанішка, / Коб не ўзяў...» (ФА; в. Дзятлавічы, Лунінецкі р-н). Любоўна-эратычнае значэнне ў такіх кантэкстах прыпісваецца сімвалічнай карціне з'ядання-расчлянення ваўком казы і яе дзяцей: «Лятала каза па бярэзнічку, / Летучы, блекатала: / – Каб не той ваўчок – шэранькі бачок, / Я бы тут зімвала: / Учора прыляцеў, / Дзетачак паеў, / А сягоння самую...» [13, с. 421]. Пакінутыя пасля сустрэчы казы з воўкам казіныя «рожкі да ножкі» сімвалічна асацыіруюцца са знішчанай дзясочасцю, красой дзяўчыны [14, с. 161]. Скокі вясельнікаў у выглядзе казлоў (і коней) мелі месца ў карнавальна-гульнівай (што не выключае няўдольна-магічную функцыю) частцы вясельнай абраднасці.

Каза, як і свіння, выяўляе жаночую эратычную семантыку і ўпісана ў кантэксты выкрыцця неадэкватнасці паводзін хлопцаў традыцыйнай шлюбнай стратэгіі, непрыстойнай жарсці ў прыпеўках тыпу: «Што вы, хлопцы, / Што вы, хлопцы, / Самі сябе губіце: / За чатыры пацалункі / Вы казу палюбіце» (ФА; в. Соргавічы, Баранавіцкі р-н), «Міхаіл казу даіў, / Цыцкі адарваў / І дамоў цягаў. / Маці жарыла, варыла / І “спасіба” гаварыла» (ФА; в. Пачапава, Баранавіцкі р-н). У веснавой песні ў жартоўна-здэклівым тоне хлопца стымулююць узяць шлюб: «– Чаго, Васілька, не жэнішся? / Будуць дзеці таткам зваць: / – Хадзі, татка, вячэраць, / Матка вячэру наварыла, / Чужую казу падаіла, / Паставіла пад лаўкаю / І накінула караўкаю» [15, с. 365]. У купальскіх песнях з іх сінтэзам знішчальнага і жыццядайнага смеху, з любоўна-шлюбным гульнівым падтэкстам хор статусных персанажаў – дзяўчат пэўнай мясцовасці, выражаючы свае палкія, «кіпячыя» калектыўныя эмоцыі, знеслаўляе недаспелых да шлюбу хлопцаў, малюючы «перавернута-зніжаныя» дынамічныя карціны з вобразам казы. У купальскіх песнях пра няспелых да шлюбу хлопцаў «kozy-оўцы» з'ядаюць хмель, неабходны для падрыхтоўкі рытуальнага напою [4, с. 238]. У піліпаўскай песні «дурну, неразумну дзеўку», якая не ўмее прасці, а толькі гуляе, папярэджваюць, каб паводзіла сябе адпаведна нормам, не хадзіла ў «сараханчыку-размаханчыку» каля тыну, бо «як завідзюць паповы козы-

воўцы», разарвуць яго на кусочки [7, с. 63]. Такую недасужую дзяўчыну можа караць і заяц – увасабленне мужчынскага пачатку.

Выразную мужчынскую семантыку казёл выяўляе і ў кантэксце ганьбы дзяўчат-недаросткаў, якія не адпавядаюць нормам падрыхтаванасці да шлюбу, не валодаюць неабходнымі навыкамі ў сферы прадзільна-ткацкіх работ (што з'яўляецца маркерам шлюбнай спеласці дзяўчыны). У сувязі са сказаным характэрна піліпаўская песня з вобразам казла, маркіраванага атрыбутамі іншасветнага: ён як сакральны назіральнік-кантралёр падыходзіць пад акно (з яго медыятыўнай функцыянальнасцю), вызначаецца крывізной, сувяззю з печчу і можа выконваць функцыю жаніха «няўдалай» нявесты: «Як прышоў, як прышоў казёл пад аконца. / Ці прадучь, ці прадучь дзеўкі валаконца? / А ўсе дзевачкі прадучь, адна Манька не прадзе. / Аддадзім мы яе за казла, за казла. / За каросліва пуза, за крывую за нагу, / За крывую за нагу, за сівую бараду. / А крывую нагою жар заграбаці, / А сівою барадою комін выціраці. / А сівою барадою комін выціраці, / А карослівым пузам печ засланыці» [7, с. 62].

У семантычным кодзе твораў гумарыстычнай скіраванасці (жартоўных песнях, небыліцах, прыпеўках і інш.) частотным з'яўляецца матыў язды на запрэжаных казе, казле (смаленых) ці казлянятах: «А й пойдэм мэ / До мамкы ў гостэкэ. / Мой мужэк – на коні, / Я, молодэця, – на свэнні, / Діткэ – на козлятках...» (ФА; в. Сулічава, Драгічынскі р-н); «Запражыце й, запражыце й / Казу смаленую. / Завязіце й, завязіце й / Бабу хваленую» [8, с. 367], «Да запражце, да залажыце / Казла рагатага. / Вой, павязём мы ў магазін дзеда й багатага. / Да запражыце, да залажыце / Казу рагатую. / Ой, павязём мы ў магазін / Бабу й багатую» [8, с. 367], «Паліцай на казе / Самагоначку вязе, / А я куплю наўздагон, / І душа з яго вон!» (ФА; в. Бухлічы, Столінскі р-н). На белай казе выехаў бядняк сустракаць каралеву Бону і ў тапанімічным паданні пра в. Белакозы [16, с. 296].

Каза ці казёл, а таксама іх часткі фігуруюць у ганьблячых песнях і прыпеўках, у прыватнасці з асмяянымі цэнтральнымі вясельнымі персанажамі («А ў свата лыса галава, / Ды казліна рыжа барада» (ФА; в. Соргавічы, Баранавіцкі р-н)), («Я сваему козліку / Прывязала чайнік. / А ён ходзіць па сялу, / Думае – начальнік» (ФА; в. Мілавіды, Баранавіцкі р-н)). У *парэміях*, якія ўяўляюць сабою характарызацыю або апісанне сітуацыйнага цэлага, каза можа пазначаць чалавека безадносна полу і ўзросту, вобразна ўвасабляць інфармацыю пра пэўныя жыццёвыя сітуацыі, ацэнкі (часцей адмоўныя) паводзін чалавека і інш. («Прышла коза до воза, а сіна няма» (ФА; в. Орхава, Брэсцкі р-н); «Казла бойся спераду, каня ззаду, а дурня з усіх бакоў», «Стары казёл, да моцныя рогі» (ФА; в. Мілавіды, Баранавіцкі р-н), «Воўк казе не таварыш» (ФА; в. Аброва, Івацэвіцкі р-н).

Пэўныя спосабы дзеяння, стратэгіі павозін чалавека прадстаўляе каза (казёл) у групе з іншымі дзейнымі асобамі ў жывёльных казках. Пры гэтым каза (казёл) можа выступаць як у ролі падманшчыка і пераможцы, так і ахвяры каварнай парады (тэрмін Е. Меляцінскага). Так, ва ўзгаданых вышэй казках СУС 43, СУС 212 казе (ці лісе) дробныя жывёлы пагражаюць расправай, і яна верыць гэтаму. Казёл можа даваць каварную парадку, а можа і сам стаць даверлівай ахвярай «дарадцы». Так, у казках СУС 21 казёл раіць свайму спрадвечнаму антаганісту – галоднаму воўку – раскрыць пашчу нібыта для таго, каб казлу лягчэй было ўскочыць у яе (у жартоўнай песеньцы смелы і ўпарты казёл «трох ваўкоў убіў / І ў Піцер даступіў» [3, с. 303–304]). У іншых казках казёл сам становіцца ахвярай падману: ліса, якая трапіла ў яму, пабачыла казла, які яе мінаў і, расхваліўшы прахалоду ямы, прапанавала скочыць да яе. Калі даверлівы казёл зрабіў гэта, ліса залезла на яго і выскачыла з ямы (СУС 31). У казцы «Каза-падманшчыца» за падман казу караюць выгнаннем у лес: «Жыв дід і бабка з дочкою, і була у іх коза.

Погнала дочка пасты козу. Цылы дзень пасла по лісовы, по траўцы, по муравцы, а вэчором праганейэ додому. Дід пытаецца в козы: “Коза мая, козучка, дэ була? Шчо ты йіла, шо пыла?” Коза кажэ: “Ныгдэ ны була, нычога ны йіла, нычога ны пыла. Тылько бігла чырыз мосточок, ухопыла клюновы лісточок, а як бігла чырыз грэбыльку, то вхопыла водыцы кропыльку”. Россэрдывся дід на дочку, шчо кепско попасла козу, насварыв на йі і на другый дзень отпраывв бабу пасты козу. Цылы дзень пасла баба козу по лісовы, по траўцы, по муравцы, а вэчором праганейэ до дому. Дід зноў пытаецца в козы: “Коза, мая козучка, дэ була? Шчо ты йіла, шо пыла?” А коза зноў кажэ: “Ныгдэ ны була. Нычога ны йіла, нычога ны пыла. Тылько як бігла чырыз мосточок, ухопыла клюновы лісточок, а як бігла чырыз грэбыльку, то вхопыла водыцы кропыльку”. Россэрдывся дід і на бабу, шо кепско напасла козу, насварыв на йі. А на другой дзень надягнув дід бабыного куфтана і хустку і погнав сам пасты козу. Цілы дзень пас дід козу по лісовы, по траўцы, по муравцы, а вэчором праганейэ до дому, пырыудягнувся в свойэ удяганне, сів на прызбі і чыкайэ козу з пашы. Прыйшла коза на подвір’е, а дід в йейі пытаецца: “Коза, мая козучка, дэ була? Шчо ты йіла, шо пыла?” А коза і кажэ: “Ныгдэ ны була. Нычога ны йіла, нычога ны пыла. Тылько як бігла чырыз мосточок, ухопыла клюновы лісточок, а як бігла чырыз грэбыльку, то вхопыла водыцы кропыльку”. Россэрдывся дід на козу-подманьшчыцу і выгнав йіі в ліс» (ФА; в. Чэрск, Брэсцкі р-н).

Каза і казёл з’яўляюцца частотнымі вобразамі дзіцячага фальклору. У песеньках каза (можа быць з лупленым бокам) ці казёл сцерагуць капусту, збіраюць арэхі, аб’ядаюцца лебяды, цыбулі, часныку, каза жне траву і корміць казлянят, яна, «як скакала праз масток, адваліўся ёй хвасток» [3, с. 320] і інш. Вельмі актыўна выкарыстоўваецца матыў «каза (казёл) – ахвяра ваўкоў». «Вумнага» козліка з’ядаюць ваўкі, і ад яго застаюцца толькі ножкі, рожкі ды барада [3, с. 308–309]. Так звычайна гіне дзедаў і бабін кармілец [3, с. 308]. Апазіцыя «каза (слабы, ахвяра) – воўк (моцны, пераможца)» можа актуалізавацца і ў магічных кантэкстах. Так, лічылася дрэннай прыкметай, калі двое маленькіх дзетак сустрэнуцца ў царкве падчас хросту. Калі якая-небудзь кума жадае зла другому дзіцяці, яна можа сказаць: «Тваё казляня, маё ваўчаныя, маё ваўчаныя тваё казляня з’есць» [17, с. 146]. Разгляданы заавобраз прадстаўлены і ў сучасным гульнівым фальклоры, у прыватнасці ў лічылках тыпу: «Сидел козёл на лавочке, / Считал свои булавочки. / Раз, два, три, / Выходи из круга ты!» (ФА; в. Рэчкі, Івацэвіцкі р-н). Ён фігуруе і ў аповедах пра назвы прыродна-ландшафтных локусаў, вёсак. Напрыклад, пра в. Казлы апавядаюць, што калі пан адправіў служак мераць зямлю пад будучае паселішча, да іх выбеглі дзікія казлы. Гэтая сустрэча і матывавала назву вёскі (ФА; в. Чапялі, Пружанскі р-н).

Казёл як *эманацыя неўтаймаванай моцы прыроды*, рэпрэзэнтант *хтанічных сіл*, якія кіруюць не толькі жыццём, адраджэннем, урадлівасцю, але і смерцю, звязваюцца з *засветамі*. І гэтыя абставіны разам са стэрэатыпным успрыняццем казла як *пажадлівай, упартай, шкадлівай жывёлы з дурным пахам і рогамі* матывавалі яго трактоўку як *нячыстай істоты*. У хрысціянізаваных уяўленнях, народнабіблейскіх аповедах козы захоўваюць *неадназначнасць ацэнкі*, лучацца як з боскім, так і чортавым пачаткамі. У наратывах пра акружэнне Хрыста ў хляву каза мае пазітыўную трактоўку, называецца святой: «І козы каля Яго, і кароўкі стаялі. І Ён ляжаў, а кругом анёлачкі над Ёім ляталі» [6, кн. 2, с. 386], «Божа Маці родзіла Ісуса Хрыста ў ясьлях, і там былі козы і овечкі. І вот с гэтых пор і козы, і овечкі называюцца сьвятымі. От вездзе: і ў цэрквах козочкі нарысаваныя і овечкі. І еслі от на Крэшчэніе берэш ёлочку і сено, то бацюшко расказвае, што ні корові, ні коню не даваць, а толькі можна козом і овечком, да» [6, кн. 2, с. 386]. У іншых кантэкстах авечкі і козы проціпастаўляюцца паводле апазіцыі

«святы (чысты) – грэшны (нячысты)», што, верагодна, з'яўляецца вынікам уздзеяння хрысціянскіх прытчаў пра Страшны суд з радзяленнем авец і казлоў (узгадаем Евангелле ад Матфея) ды адпаведных выяваў, ікон. Напрыклад, жыхарка в. Лушчыкі, апавядаючы пра пахавальны абрад, апеліруе да тэмы раздзялення душ паводле прынцыпу «праведныя» (авечкі) і «грэшныя» (казлы): «У труну ложылы рубашку, штаны, всё новое белё, бо трэба ж пэрыодітыся на Страшный суд. Господь прідёт на облако і будет судіть живых і мёртвых, і поставыть по левую сторону козлов, по правую овец...» (ФА; Кобрынскі р-н).

Этыялагічная легенда акцэнтуюе ўвагу на «дваістай» прыродзе казы, якая сваім стварэннем абавязана і чорту, і Богу: «Чорт здзелаў казу, ды не жывую, без духу, духу не ўпусціў. Дык ён яе паставіць, яна стаіць, не ідзець; папахнець – яна паваліцца. Бог глядзеў, глядзеў, ды падышоў, ды дунуў – і стала каза жывая, і пашла каза. А на чорта і цяпер паходжа: і рогі чарціныя, і барада, і вочы шклянэя» [16, с. 49]. Незвычайныя вочы коз – важны элемент іх партрэта ў розных жанрах, напрыклад, у дзіцячай песеньцы, якая, верагодна, мае міфа-рытуальныя вытокі, у «казла вочкі глядзяць, як свечы гараць» [3, с. 310]. На тагасветную прыроду казы ўказвае і яе крывізна (шчадкоўка: «Не дыбай, каза, / Крывыя ногі» [7, с. 398]), асіметрыя, выяўленая ў рознай колькасці вачэй. У казцы ў хаце дзеда і бабы прарасло гарохавае зерне. Дзед палез па сцябліне наверх і ўгары знайшоў хатку, «а ў тэй хатцы, што масла, што сыра: лаўкі і столь... з малочнага». Там (у нябеснай, верхняй, сакральнай сферы) жылі тры казы: аднавокая, з двума і трыма вачыма. Каза з трыма вачыма і знайшла (ўбачыла) дзеда: «Хацелі козачкі запароць старога, а потым адумаліся і ўзялі старога пасвіць іх, а старую даць да малачко збіраць». У іншым тэксце Казьма Крывы (аднавокі) мае статак коз; пад казлом хаваецца герой пасля таго, як пазбавіў Казьму Крывога адзінага вока. Тут відавочная аналогія з грэчаскім Кіклопам [2, с. 209]. Трэба адзначыць і тое, што козы з незвычайнай лясной хаткі баяцца перуна. Баба, якая трапіла ў хатку коз з сыру, бліноў і каўбас, «kozy подойіла, молоко поцыдыла, побула з козьмы» і выправілася дадому. Козы пашлі з бабкай, каб пабачыць дзеда. «Ну, йдуть вони пуд грозы, йдуть, аж тут бы заграміло. А козы давай хаватыся» [6, кн. 2, с. 328]. Маркерам далучанасці казы да іншага свету выступае таксама яе сувязь з металамі. У казцы дзеду даецца «залатая козка», з якой сыплюцца золата і серабро. Наогул каза (ці частка яе цела) часта называецца залатой: каза – залаты рог; ведзьма абарочвае дачку казы – «нібыта залатой» [2, с. 209]. У калядных песнях, як адзначалася вышэй, каза і казёл атрыбутуюцца золатам і срэбрам («Наша козачка / Уся залатая» [7, с. 406]). Ражаныя звяртаюцца да казла: «Паварочвайся, казёл, на капыцікі, / На сярэбраныя, на ўсе крутыя» (ФА; в. Чэрні, Брэсцкі р-н).

У міфалагічных тэкстах, якія распрацоўваюць тэму згодэманізму, «козьлячыя» часткі цела (капыты, рогі, барада) праступаюць па краях цела *дэманаў* ці *нячыстая сіла* паказваецца людзям у вобразе казла. Так, паводле запісу з Рэчыцы Столінскага раёна, мужыкі, якія «дерэво загатоўлялі», расклалі вогнішча і пяклі сала. Да іх далучыўся прыгожа апрануты мужык. Адзін з вяскоўцаў разглядзеў у яго «ногі козьлячыя»: «У нас людзі як людзі, а ў ёго ногі козьлячыя». Дасведчаны мужык добра прыпёк сваё сала і прышэльцу «по губах... як пошло трэшчаць, як пошоў такі шум, віцер такі... І дів'яцца, а там вместо сала кусок берэзы, а вместо хлеба кора із сосны» [6, кн. 2, с. 482]. У вобразе чорнага казла (лакатыўна звязанага з вадой) уначы паказваецца смяляны чорт: «Уночы чорны казёл ходзіць паміж бочак да нюхае тую смалу, што падчас цячэ з бочак. Лоцманы кажуць, што чорны казёл бывае і на плытах, да не такі рахманы, як у нас; уночы выскачыць з вады, прабяжыць па плыту дай боўць у ваду, а ўдзень-то

толькі выткне морду з рагамі дай нырне» [18, с. 599]. Іншыя тэксты дазваляюць сцвярджаць, што казёл уяўляўся іпастасцю вадзяніка. У Чашніцкім раёне апавядаюць, як чалавек палез купацца, нягледзячы на тое, што вадзянік тройчы яго папярэджваў: «Ня ідзі, а то пакурнеся». Непаслухмяны чалавек захлынуўся, і, калі яго паплылі шукаць вадалазы, убачылі, што «яго абыкнавенны казёл дзяржыць зубамі за нагу. А як гэта, што абыкнавенны казёл ды ў вадзе дзяржыць зубамі? І гэты чалавек утапіўся, здаровы мужчына» [19, ч. 1, с. 87]. У выглядзе казла ўяўлялі хваробы, якія суправаджаюцца болямі пад лыжачкаю і спазмамі ў страўніку. Казламі называюць уласцівыя гэтым хваробам ваніты [17, с. 736–737].

Паводле прынцыпу «кол калом выбіваюць», казёл надзяляецца *адгоннай семантыкай* і выкарыстоўваецца ў *народнай медыцыне*. Так, каб дамавік не мучыў па начах коней, «то трэба каля коней дзяржаць чорнага казла на прывязі» [18, с. 507]. Ад коклюшу раяць націраць пяты лоем белага казла [17, с. 507].

«Нячыстыя» козы асацыіруюцца з адмоўна ацэненымі «нячыстымі» кусаючымі *насякомымі-крывасмокамі*, у прыватнасці ў загадках пра чалавека: «Стаіць дуб, на дубу клуб, на клубу лозы, на лозах козы. – Чалавек» [20, с. 94]. «Казліныя» назвы частотныя ў сферы наймення розных раслін і асабліва грыбоў (тыпу «казляк»), загадкі: «На лазе, на тармазе стаіць каза на адной назе. – Грыб», «Стаіць казёл над вадою з чырвонаю барадою. – Трысцё» [20, с. 65, 66], «Поміж гуркамі, буракамі коза з зёлёнымы рогамі. – Цыбуля» (ФА; в. Лышча, Пінскі р-н).

Заклучэнне

Адзначым, што ў семантычным полі фальклорных вобразаў казла і козы выяўляюцца значэнні плоднасці, урадлівасці (адпаведна ў мужчынскім і жаночым аспектах), апатрапеічнасці, ахвярнасці, цыклізму адраджэння-ўваскрасення прыроды, сувязі з сакральным светам, як з боскім (святым, чыстым), так і дэманічным (грэшным, нячыстым) пачаткамі. Асноўны корпус фразеалагічнага і песеннага афармлення вобраза козы (казла) прысвечаны асмяянню чалавечых заганаў праз суаднясенне іх з паводзінамі і знешнім выглядам гэтай жывёлы. У заалагічным кодзе каза (казёл) карэлююць з воўкам, мядзведзем, лісой, зайцам, рознымі насякомымі.

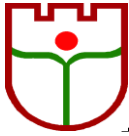
СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Беларускі фальклор : энцыклапедыя : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.). – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2005–2006. – Т. 1 : Акапэла – Куцця. – 2005. – 765 с.
2. Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск, 2011. – 607 с.
3. Дзіцячы фальклор / склад. Г. А. Барташэвіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 734 с.
4. Купальскія і пятроўскія песні / уклад. А. С. Ліса, С. Т. Асташэвіч, Г. В. Таўлай. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 631 с.
5. Kowalski, P. Leksykon: znaki świata. Omen, przesąd, znaczenie / P. Kowalski. – Warszawa ; Wrocław : PWN, 1998. – 654 s.
6. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. – Мінск : Выш. шк., 2001–2013. – Т. 4 : Брэсцкае Палессе : у 2 кн. / А. М. Боганева [і інш.] ; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. – Кн. 1–2. – 2008–2009.

7. Зімовыя песні: калядкі і шчадроўкі / уклад. А. І. Гурскі, З. Я. Мажэйка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 736 с.
8. Радзіны. Абрад. Песні / уклад. Г. А. Пятроўская. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 637 с.
9. Валачобныя песні / склад. Г. А. Барташэвіч, Л. М. Салавей, В. І. Ялатаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 560 с.
10. Белова, О. В. Коза / О. В. Белова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) [и др.]. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012. – Т. 2 : Д–К. – 1999. – С. 522–524.
11. Жніўныя песні / уклад. А. С. Ліса, В. І. Ялатава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – 816 с.
12. Терновская, О. А. Борода / О. А. Терновская // Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. / редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) [и др.]. – М. : Междунар. отношения, 1995–2012. – Т. 1 : А–Г. – 1995. – С. 231–234.
13. Паэзія беларускага земляробчага календара / уклад. А. С. Ліса ; падр. народ. календара У. А. Васілевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 612 с.
14. Восеньскія і талочныя песні / склад. А. С. Ліс, С. Т. Асташэвіч, В. І. Ялатаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 678 с.
15. Веснавыя песні / склад. Г. А. Барташэвіч, Л. М. Салавей, В. І. Ялатаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 607 с.
16. Легенды і паданні / склад. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – 552 с.
17. Народная медыцына: рытуальна-магічная практыка / уклад. Т. В. Валодзінай. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 776 с.
18. Зямная дарога ў вырай: Беларускія народныя прыкметы і павер'і : у 3 кн. / уклад., праф. У. Васілевіч. – Мінск : Маст. літ., 1996–1999. – Кн. 3. – 1999. – 654 с.
19. Полацкі этнаграфічны зборнік : у 2 ч. / уклад. А. У. Лобач. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч. 1, вып. 2 : Народная проза беларусаў Падзвіння. – 292 с.
20. Загадкі / склад. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 363 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 19.06.2020

УДК 32

Борис Михайлович Лепешко

д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Boris LepeshkoDoctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy
of Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: borys_lepieszko@tut.by**ОБ ИЗМЕНЕНИИ ХАРАКТЕРА СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ**

Рассматривается характер современной эпохи, существенно изменившийся после двух событий XX в. – глобального экономического кризиса и инфекционной пандемии. Подчеркивается сузубо антропологический характер новой эпохи, разворачивающийся на фоне кризиса либеральной ортодоксии. Рассматриваются такие существенные черты новой эпохи, как кризис сложившихся философских, политических систем, опора на нравственность и экзистенциальную проблематику.

On the Changing of the Modern Era

The nature of the modern era, which has changed significantly after the global economic crisis and the infectious pandemic is considered in the article. The purely anthropological character of the new era, unfolding against the backdrop of the crisis of liberal orthodoxy is emphasized. Such essential features of the new era as the crisis of the prevailing philosophical and political systems, reliance on morality and existential issues are considered in the article.

В последнее время разговоры об изменившемся характере эпохи приняли широкий характер. Главные проблемы, которые при этом выдвигаются на первый план сводятся к следующим: надо ли полагать, что экономический и инфекционный (коронавирус) кризисы означают одновременно кризис демократических институтов? Можем ли мы утверждать, что эпоха постмодернизма действительно закончилась и мы накануне некоего нового философского, мировоззренческого революционного изменения наших мыслей и действий? Если мир не будет прежним после окончания периода кризисов, то каким будет этот мир, и какие идеи будут играть в нем приоритетную роль, и кто именно будет воплощать эту роль, какие структуры, страны, союзы? Вопросы, действительно, серьезные, их много, и очевидно, что они будут ставиться в ближайший период и ответы на них будут разными. Причем ответы эти не могут быть однозначно «экономическими», «политическими», «идеологическими» и прочими: здесь перед нами как раз тот случай, когда анализ должен быть междисциплинарным. Выскажем по этому поводу некоторые соображения.

Первое: это должна быть эпоха не цифровая, не технологическая, не однополярная, это должна быть эпоха человеческая. Фантазмы относительно ирреального мира или мира робототехники останутся фантазмами, более или менее талантливыми, но все упирается в ценность человеческой жизни, ее сохранение, и здесь возможны самые различные подходы, варианты решения. Споры относительно того, что выбирать в качестве приоритетов, развитие экономики или сохранение человеческих жизней (Д. Трамп), даже во время глобальных мировых кризисов бессмысленны и ошибочны именно по этой причине: зачем нужна высокоэффективная экономика, если не будет ее адресата, ради кого будут работать автоматизированные и роботизированные заводы и фабрики, зачем новые технологии, если ими не воспользуется конкретный человек? Скажут: столь же бессмысленна и обратная дихотомия: зачем жизнь человека, если она не будет

обеспечена достижениями современной производственной деятельности? Но это лукавое противопоставление хотя бы потому, что человек продемонстрировал возможности выживания в самых различных условиях природы и социума, чего не скажешь о производстве, которое все же не является самодостаточным. Можно вспомнить и согласиться с известной максимой Ф. Энгельса, согласно которой «труд создал человека», но ведь это вовсе не означает, что появился некий «труд», который принялся формировать новое социально-биологическое существо. Понятно, что это напоминает известный спор о том, что появилось раньше – курица или яйцо. Даже если принять гипотезу Ф. Энгельса за истину, на первый план выдвигается такой термин, как «процесс», достаточно противоречивый и в деталях непонятный до сих пор. Но история человеческой цивилизации достаточно ясно свидетельствует о том, что при любых технологических, промышленных революциях все упиралось в потребности человека, его идеалы и ценности. К слову, об идеалах и ценностях: нас ожидает изменение векторов идеологического характера, связанное, как минимум, с пересмотром и изменением основополагающих демократических идеалов и выдвиганием на первый план полярных демократизму социальных институтов. Их можно назвать авторитарными или как-то иначе.

Мы пережили в 90-е и последующие годы период увлечения либеральными, демократическими идеями, связанными с господством идеи прав человека, мультикультурализмом и т. д. К слову, здесь существует известное противоречие. В первом нашем тезисе мы говорили о возвращении к человеческому характеру эпохи, но ведь это привычный пассаж либеральной фразеологии. Но суть вопроса в том, что либерализм дискредитировал себя, особенно это касается поведения многих сугубо демократических стран во время коронавирусного кризиса. Примеры общеизвестны: «огораживание» государств в национальных границах, лозунг «Каждый для себя!», национальный эгоизм, возведенный в абсолют и т. д. Об этом в последнее время сказано много, и проявилась общая тенденция: резко выросла роль государства, его влияние на происходящие события. Никто уже не вспоминает известный афоризм о том, что государство должно «уйти из экономики» (в частности), что свобода личности – важнейшая и приоритетная максима поведения общества и властных структур, поскольку всем понятно: жесткое решение «больше двух не собираться», принятое во время коронавирусного кризиса (Германия), означает не только реверанс в пользу конкретной ситуации, но и способ выживания общества в целом. Это, конечно, вовсе не означает, что права человека забыты навсегда, но это говорит о том, что сразу же выходит на первый план при малейшем изменении ситуации в обществе. Кстати, это еще говорит и о том, насколько мы уязвимы перед разного рода испытаниями, как легко поддаемся на «провокации» кризисов, различных социальных катаклизмов. Грош цена этим «базовым ценностям», если они могут быть мгновенно нарушены в изменившихся социальных условиях.

Говоря о кризисе демократических идей, нельзя не отметить рост интереса к идеям социалистическим. Здесь достаточно вспомнить те настроения, которые получили развитие в США во время последней предвыборной кампании, в частности фразеологию одного из кандидатов на пост президента сенатора Б. Сандерса. Конечно, не надо думать, что речь идет о возвращении к тем идеям, которые излагал, например, Р. Косолапов в своих известных работах по теории социализма [1]. Речь о новых акцентах, которые связаны с организующей и распределяющей ролью государства, идеями социальной справедливости. Бесплатное обучение в вузах, усиление контроля за оружием и владельцами оружия, усиление экологических стандартов, новые налоги на крупный бизнес, вообще перераспределение доходов и многое иное – вот что представляет собой «социализм» Берни Сандерса. В нем нет почти ничего от классического советского социализма, как и от социализма К. Маркса. Тем не менее он отражает то не-

довольство капиталистической системой, которое распространено сегодня у части населения в США. Конечно, можно спорить, чего здесь больше: понимания того, что капитализм далеко не исчерпал свои ресурсы и в Америке мало не социализма, а капитализма? Но сложно спорить с тем, что случайным всплеск интереса к социалистическим идеям не назовешь. На наш взгляд, это некий «мутный социализм» – социализм с американским лицом, в котором социализм в классической марксистской форме найти вообще сложно и США вряд ли в обозримый период воспримут даже некоторые основополагающие идеи марксистского характера. Но важно то, что в кулуарах той же демократической партии достаточно много говорят, например, о социализме и совсем не говорят об иных методологических концептах, скажем, о развитии постмодернистских идей. Можно сказать, что социализм с американским лицом есть форма «улучшения», совершенствования капитализма, но никак не означает появление новой влиятельной идеологии.

Можно предположить, что развитие ситуации в этом направлении будет связано с развитием уже устоявшихся клише, совершенствованием тех идей, которые фактически «въелись» в кровь и плоть западного общества. Какие это идеи? Это защита частной жизни в правовом государстве, система равных свобод для всех граждан, доступ к независимым судам, разделение властей, гарантирующее связь публичного управления с правом и законом и т. д. Могут сказать: и что в этом нового, обо всем этом сказано достаточно много. Это верно, но сегодня мы вправе заметить, что многие названные и иные постулаты на практике остались пустым звуком в кризисной ситуации, ситуации, когда ряду стран Европы понадобилась срочная помощь со стороны союзников для борьбы с коронавирусом, но эти страны (Италия, Испания) этой помощи не получили. Как будто предвидя подобную ситуацию, такой крупный мыслитель, как Ю. Хабермас предположил, что в привычные либеральные трафареты мышления необходимо вносить изменения, которые бы позволили гораздо более гибко и оперативно влиять на меняющуюся обстановку, в частности в Европейском союзе. Это возможно в двух направлениях. Первое: максимально большое количество заинтересованных граждан должно политически участвовать в жизни общества путем предоставления равных прав на ассоциации, выборы, конкуренцию между партиями, программами, соблюдение принципа большинства при принятии решений. И второе: совершенствование публичной сферы путем отделения правящего государства от экономического общества, соблюдения свободы печати и многообразия массмедиа и др. Причем «Статус гражданина, ориентированного на общее благо, не должен приравниваться к статусу потребителя или клиента, преследующего лишь свои собственные цели» [2, с. 114]. Но суть вопроса в том, что при столкновении с жесткой кризисной действительностью и эти сами по себе замечательные призывы не срабатывают. И дело не спасает даже модное в последнее время слово «коммуникация», ориентированное на практику правотворчества. Новизна подхода Ю. Хабермаса связана, скажем, со следующей констатацией: «Процедура и коммуникативные предпосылки демократического формирования мнения и волеизъявления функционируют как важнейшие шлюзы для дискурсивной рационализации решений правительства и органов управления» [2, с. 116]. Суть вопроса в том, что должна быть налажена прямая связь между властью и избирателями. Ситуацию не спасает отсылка к «коммуникации», которая сама по себе носит существенное, феноменологическое значение.

В этой связи представляет интерес обращение к пониманию динамики постмодернистских взглядов и ответ на вопрос, будут ли они иметь значение в ближайшем будущем именно как основа развития европейской цивилизации. Важно заметить, что постмодернизм в любых его проявлениях сегодня не называется в качестве методоло-

гической основы последующих изменений в обществе. Можно спорить, умерло ли вообще это не столь давно влиятельное интеллектуальное течение или оно еще не исчерпало все ресурсы для саморазвития. Но сложно спорить с тем, что основные его постулаты не вызывают энтузиазма у политической элиты. Скажем, одним из важнейших постулатов неклассической философии, «смыкающейся» с постмодернизмом, было неприятие аксиом как неоспоримого знания. Отсюда упрек классики в нежелании расстаться с догматическим багажом и увлечение однажды устоявшимися истинами. Вопрос об истине вообще не ставится: их (истин) столько, сколько высказано точек зрения относительно того или иного факта, явления. Более того, даже в среде отечественных обществоведов проявилось своего рода любовное многообразие тех же исторических объяснений одного и того же явления: дескать, чем их больше, тем лучше. Об этом подробно сказано в соответствующих разделах научной литературы [3, с. 19]. Но в реальности проявилась совсем иная закономерность: стремление найти одно объяснение, а не предложить обществу некий спектр мнений, причем часто совершенно различных. Стала востребованной определенность, а не расплывчатость формулировок и критика определений в угоду описанию. В частности, надо бы объяснить происходящие в первой половине 2020 г. сложнейшие для человеческого сообщества вопросы, причем в ясных и понятных экономических, философских, политических категориях. Можно погружаться в смысловое разнообразие, но время требует вполне определенных формулировок, ясных ответов на поставленные вопросы. Попробуйте рассуждать в категориях постмодернизма о событиях, связанных с инфекцией коронавируса, и вы достаточно быстро придете к принципиальной невозможности этой затеи, исключая фантастические сюжеты и глубокомысленное погружение в «шизоидные настроения», философию смерти и т. п. Остается, правда, литературное, в целом художественное творчество, потенциал которого достаточно велик и плодотворен, однако для целей нашей работы они востребованы в недостаточно высокой степени.

Может вызвать противоречивые суждения тезис постмодернистской философии, связанный с идеей глубинной предпосылочности субъекта и опосредованности его внутреннего мира различными внешними детерминантами. Скажем, речь может идти о социальных и культурных ценностях, которые субъект не выбирает, приходя в мир: язык, общественно-политическая среда и т. д. Но главное здесь все же иное: приоритет субъекта перед объективной картиной мира, то, что в марксистском понимании этой дихотомии называли идеалистическим миропониманием. Почему «противоречивые суждения»? Потому что сугубо человеческий характер предстоящей эпохи, о котором уже шла речь, на первый взгляд, связан с этим постмодернистским тезисом. Но и возражения существенные. Во-первых, это вовсе не только постмодернистская традиция – подобные идеи коренятся в классической философии со времен Аристотеля и Демокрита. Во-вторых, в современной системе ценностей акценты были несколько иными: речь шла об абсолютизации прав человека, глобальном миропорядке в рамках либеральной фразеологии. Предстоящая эпоха, на наш взгляд, более критично относится к этой идее, поскольку многочисленные вызовы XX–XXI вв. показывают невозможность эффективных управленческих (в частности) решений на основе именно либерального миропорядка. Далеко не случайно на территории большинства постсоветских государств либеральная идея вовсе не является доминирующей.

В итоге несложно констатировать, что единой, общепринятой, конвенциональной точки зрения по поводу идейного содержания наступающей эпохи нет. Можно, правда, апеллировать к известному тезису о «борьбе всех против всех», можно говорить о борьбе «двух миров» (трех, четырех?), и это будет верным в главном: время соперничества на земле вовсе не закончилось, и мы будем рассуждать либо о соперниче-

стве США и Китая, возможно, России и Индии, но сама по себе идея жесткой конкуренции никуда не испарилась. Мы достаточно долгое время говорили о «новом мире», глобализирующемся мире, мире без границ, общих ценностях, которые объединят человечество, но время показало всю иллюзорность такого подхода. Сколько было сказано прекрасных и высоких слов о новом качестве такого межгосударственного объединения, как Европейский союз. Но ситуация с инфекционным кризисом наглядно продемонстрировала, что на первом месте остаются национальные интересы, а «европейской общности» еще предстоит доказывать свою политическую профпригодность.

Таким образом, налицо ситуация, которую обычно называют патовой. Нет зримых ресурсов (интеллектуальных, управленческих и иных), которые могли бы знаменовать прорыв в политическом, ином мироустройстве. Конечно, так было почти всегда, тем не менее всегда можно было бы наметить некие основополагающие линии общественного развития. Скажем, усиление притягательности социалистических, коммунистических идей в период после Второй мировой войны. Или явное противоборство двух систем – советской и американской – еще не столь давно. Много говорилось о новом миропорядке, основанном на либеральных ценностях, и противостоящих этим идеям авторитарным системам, в основе которых лежат традиционные ценности. Но такой ясности сегодня не существует, мир на разломе, Евросоюз в значительной степени потерял свою притягательную силу, и потому столь актуальными выглядят футурологические прогнозы о характере мирового развития в ближайший и более отдаленный периоды. Можно предположить, что на первый план выдвинутся два основных положения. Первый – это вопросы экзистенциального характера, связанные с перспективой существования человека как биологического вида. И второй: поиски нравственных опор человеческой жизни, поскольку становится очевидным, что процессы, основанные на абсолютизации прав человека и человеческой свободы, таковыми на самом деле не являются. Рассмотрим эти положения более подробно.

Говоря о вопросах экзистенциального характера, подчеркнем их особенности. Это понимание приоритета вопросов жизни и смерти в период глобальных кризисов, каковым, несомненно, стал нынешний период, в котором переплелись инфекционная и экономическая составляющие. Оказалось, что человечество все так же беззащитно перед силами природы (экологический кризис), его могут погубить инфекции (коронавирус), а деньги вовсе не всецельны в качестве универсального средства существования человеческого общества. Даже ситуация возможной глобальной ядерной катастрофы приобрела некие новые оттенки, связанные с пониманием того, что не только ядерное оружие может положить конец человеческой цивилизации. Общество всеобщего потребления стало настолько явной фикцией, что даже рекламные объявления в период кризиса первой половины 2020 г. стали выглядеть чужеродным элементом. Конечно, не надо думать, что экономика и ее сопутствующие элементы изменяются в принципиальном плане, но стоит задуматься о том, что на смену привычным клише об обществе всеобщего благоденствия приходят мучительные размышления о смысле происходящего, что сущность человека не сводится к максимальному накоплению и рейтинги журнала «Форбс» достаточно скоро могут разделить судьбу журнала «Плейбой». Старая идея Платона о том, что миром должны управлять философы, мудрецы, не столь утопична, как это может показаться. Ее суть сегодня в том, что сущность человека в сомнении, а не в догматизме, в напряженном размышлении о сути происходящего, а не в цитатничестве и повторении прописных истин. «Надо думать» – вот кредо экзистенциальных поисков современного человека, впрочем, это кредо человека во все эпохи его существования. Сама по себе мысль – залог успеха любой личности, в т. ч. и той, для которой слово «прибыль» не является определяющим. И здесь критерием успешности

человеческой личности является нравственность, этические максимы, которые в полной мере отражают человеческую сущность.

Если абстрагироваться от того положения, что в мире издавна существует поврону добра и зла, что основные нравственные проблемы не меняются в течение столетий, становится очевидным: нет у нас иного универсального критерия нашей собственной состоятельности, чувства человеческого достоинства. Патриарху Алексию II в свое время в Страсбурге евродепутаты задали вопрос: если права человека первичны, всеобъемлющи и абсолютны, то почему Русская православная церковь выступает против однополых браков, не приветствует шествия сторонников ЛГБТ и т. д. И действительно, вопрос означал необходимость признания концептуальной ошибки. Но ответ патриарха был замечательным: в том-то и дело, заявил он, что права человека не абсолютны, не всеобъемлющи. Они вторичны по отношению к действительно первичным вещам: нравственным заповедям, христианской морали.

Говоря в целом, нет необходимости концентрировать внимание на какой-то «отдельной» морали, будь то моральный кодекс строителя коммунизма, христианская мораль, моральные кодексы иных мировых религий. Главное в том, чтобы это была система норм, заповедей именно этического порядка, которые воплощают в себе те ценности, которые присущи каждому человеку. В этом смысле даже атеистическая система нравственных ценностей может быть приемлема, если в ее основе такие общеизвестные положения, как гуманизм, отрицание применения силы по отношению к другому человеку, идеи справедливости, свободы и т. д. Не может быть приемлем в этом аспекте «воинствующий атеизм», поскольку он наполнен идеологическим содержанием, связан с искоренением альтернативных взглядов.

Нельзя не сказать и о том, что подлинная нравственность всегда связана с философией действия. Она не может быть сугубо абстрактной, исключительно нравоучительной. Так, например, Алексей Хомяков, известный русский мыслитель христианского направления, был именно таким деятельным человеком. Он стремился реально помочь людям: строил, учил, внедрял новые формы сельскохозяйственной жизни, был просветителем, человеком с именем не только «славянофила», но и человека, реально помогающего другим людям. Он погиб от холеры во время пандемии, хотя мог бы спрятаться от нее за границей, как это делали многие иные талантливые русские того периода. Прав был Достоевский, когда говорил: «Идеи меняются, сердце остается одно» [4, с. 701]. Мы можем вспомнить с благодарностью и тех врачей, которые спасали русское, белорусское общество от пандемии 2020 г.: без лишних слов, без клятв и заверений в высокой нравственности своих поступков. Действительно, идеи меняются, а сердце остается одно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косолапов, Р. И. Социализм: к вопросам теории / Р. И. Косолапов. – М. : Мысль, 1979. – 598 с.
2. Хабермас, Ю. Ах, Европа / Ю. Хабермас. – М. : Весь мир, 2012. – 160 с.
3. Гаспарян, Д. Э. Введение в неклассическую философию // Д. Э. Гаспарян. – М. : РОССПЭН, 2011. – 398 с.
4. Хомяков, А. С. Всемирная задача России / А. С. Хомяков. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2011. – 711 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.12.2020

УДК 316.33

Анатолій Івановіч Лысюк¹, Марія Грыгор'еўна Сокаловская²

¹д-р політ. навук, канд. філос. навук, доц., доц. каф. політологіі і сацыялогіі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

²ст. прафесар каф. політологіі і сацыялогіі
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Anatjly Lysiuk¹, Maria Sokolovskaya²

¹Doctor of Political Science, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Political Science and Sociology
of Brest State A. S. Pushkin University

²Senior Lecturer of the Department of Political Science and Sociology
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: ¹ailysiuk@list.ru; ²llogos@list.ru

ЖЕНСКОЕ ПРИЗВАНИЕ И СТИХИЯ В ТРУДАХ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

Исследуются образы женщины, ее социальная и духовная миссия. Отмечается, что в поле изначально заложен трагизм, выражающийся в расколе на два составляющих элемента – мужской и женский, который необходимо преодолеть через андрогинность. В представлении Бердяева в женщине представлено как божественное начало (репрезентация метафизической Вечной женственности), так и демоническое, которое объективируется в виде актуализации чувственной и сексуальной стихии, объектом которой является мужчина. Указывается на существенное различие личностных характеристик мужчины и женщины в условиях «падшего» бытия. Подчеркивается, что высшим призванием женщины является реализация дара любви в ее религиозном понимании, а также благотворное воздействие на своего гендерного собрата – мужчину. Женщина как стихия проявляется в извращении подлинного содержания любви и стремлении интегрировать в себя маскулинный компонент.

Woman's Vocation and Element in Berdyaev's Works

The article examines women figure, her social and spiritual mission. It is noted that tragicalness was originally laid in gender, which is expressed in a split into two elements – male and female, which must be overcome through androgyny. In Berdyaev's view in a woman are represented both divine spark (representation of the metaphysical eternal femininity) and demonic, which is objectified in the form of an actualisation of the sensual and sexual element, the object of which is a man. The author points out a significant difference in personal characteristics of a man and a woman in the conditions of this earthly life. It is emphasised that the highest vocation of a woman is realisation of a gift of love in its religious understanding, as well as a beneficial effect on her gender brother – a man. The woman as an element appears in perversion of a true content of love and aspiration to integrate masculine component into herself.

Введение

Николай Бердяев принадлежит к числу выдающихся русских философов конца XIX – начала XX в., которые разрабатывали проблему пола и половых отношений, эротической любви, укорененных естественным образом в личности и взаимоотношения мужчины и женщины. Современный исследователь В. Н. Розин подчеркивает, что «в русской философии начала века вопросы пола, любви и секса не просто обсуждались, но отчасти стояли в центре внимания» [1, с. 79]. Разумеется, существовали различные научные школы, изучающие эту проблематику. Л. В. Евсеева отмечает, что в сфере проблематики пола и любви Бердяев ориентировался на направление, начатое и открытое «В. Соловьевым – философско-платоническое, связанное с возрождением и переосмыслением античных теорий любви и попытками их синтеза с современными течениями философии и психологии», основанными на концепции целостности человеческой лич-

ности [2, с. 32]. Бердяев убежден в том, что «вопрос о поле и любви имеет центральное значение для всего нашего религиозно-философского и религиозно-общественного миро-созерцания. Главный недостаток всех социальных теорий – это стыдливость, а часто и лицемерное игнорирование источника жизни, виновника всей человеческой истории – половой любви» [3, с. 232]. При этом особые претензии адресуются христианской догматике, поскольку именно она в этот исторический период ценностно и ритуально определяла модели поведения в современном понимании гендерных половинок. Он полагает, что «христианство не преобразило пола, не одухотворило половой плоти, наоборот, оно окончательно сделало пол хаотическим, отравило его» [3, с. 235].

При всей очевидности того факта, что пол в реальности выступает в виде двух начал (мужское и женское), концепция Бердяева, равно как и других русских мыслителей этого периода, страдает одним «дефектом» – известным пренебрежением личности женщины, которая в их трудах большей частью лишена самостоятельного значения и выступает как дополнение к мужскому, маскулинному.

Такой подход является отражением как минимум четырех факторов. Во-первых, его укоренением в религиозную (православную) картину мира, в котором за женщиной «числятся» периферийные социальные позиции. Во-вторых, отражением патриархальной традиции, господствовавшей в то время в российском обществе, основанной на доминировании мужчины в семье и обществе. В-третьих, личным убеждением Бердяева в том, что женщине, при всех ее достоинствах, присуща изначальная ограниченность и она, в отличие от мужчины, неспособна вместить в себя всю полноту жизни. В-четвертых, нельзя не согласиться с Ю. Ю. Черным, отмечавшим, что «философия пола и любви Бердяева тесно связана с особенностями психологического склада и обстоятельствами личной жизни самого мыслителя» [4, с. 9]. В этих обстоятельствах существенным эвристическим потенциалом обладает специальное изучение образа женщины, ее мира и деятельности, представленных в работах Бердяева, поскольку, по его убеждению, личностный и метафизический статус женщины является важнейшей точкой мироустройства, в которой сходятся божественные и демонические, природные и социальные силы. Раскрытие этого образа, его аналитическое «расколдовывание» позволяет обнаружить не только ключевые скрижали бытия человека, но и его новые содержания. Для Бердяева принципиальным является также проекция метафизического образа Вечной женственности на конкретные облики и лица реально существующих женщин. В научной литературе отсутствуют работы, специально посвященные изучению женского начала, разработанного русским философом.

Важность современного исследовательского обращения Бердяева к «женским проблемам» обусловлена актуальностью поиска новой гармонии в отношениях между мужчиной и женщиной в ситуации уже сложившейся в эпоху постмодерна «противоречивой идентичности», когда «во многих странах, в особенности относящихся к иудео-христианской цивилизации, идея дихотомизма маскулинных и феминных черт... уступила место их континууму» [5, с. 84]. Мужчины и женщины стали пересекать прежние границы гендерных ролей, что стало серьезным социальным вызовом, на который современному обществу необходимо искать адекватные ответы.

Глубокое и всестороннее рассмотрение выдающимся русским философом образа и социальной миссии женщины, ее отношений с мужчинами позволяет скорректировать оптическую модель анализа проблематики гендера в современном социуме, что является целью статьи.

Пол как элемент бытия человека

Для того чтобы в полной мере осмыслить понимание Бердяевым личности и сути женщины, необходимо первоначально определить выделенные им содержательные характеристики феномена пола. Мыслитель в этом отношении солидаризируется с русским философом В. Розановым, который с «гениальной откровенностью и искренностью заявил во всеуслышание, что половой вопрос – самый важный в жизни... не менее важный, чем... вопрос социальный, правовой, образовательный и другие... и в корне своем связан с религией» [3, с. 234].

Бердяев, как и многие русские религиозные философы «серебряного века», отмечает, что существует два измерения пола – онтологический (метафизический) и личностный (индивидуальный). В «Смысле творчества» подчеркивается, что половая полярность выступает основой творения, что существует метафизика плоти, а весь космос, социальный мир и каждый индивид пронизаны разделением на мужское и женское, а также их жаждой слияния в плоти. Он полагает, что в конкретном индивиде посредством пола осуществляется пересечения сакральных и земных пространств и энергий.

Бердяев констатирует, что половая принадлежность существенно влияет на мироощущение индивида, поскольку «она разлита по всему существу человека, проникает во все его клетки и определяет всю совокупность жизни» [6, с. 265]. По своей природе мужчина и женщина мыслят по-разному и составляют два различных характера и типа человека. В этом своем понимании он опирается на конкретные характеристики пола, данные австрийским философом Отто Вейнингером в книге «Пол и характер».

Бердяев исходит из убежденности в существенном различии личностных характеристик мужчины и женщины в земной жизни, в условиях «падшего» бытия. Так, в письме к княгине И. П. Романовой он отмечал, что, «существует огромное различие, почти пропасть между мужским и женским миром. Мужская и женская психология настолько разные, что в одни и те же слова вкладывают разное содержание. У женщин совсем иные ожидания от жизни и от человеческих отношений, чем у мужчин» [Цит. по: 4, с. 80]. Согласно Бердяеву, в поле изначально заложен трагизм, который выражается в его разрыве, расколе на два составляющих элемента – мужское и женское. Для индивида возникает задача принципиальной важности – достигнуть совершенной индивидуальности посредством их слияния в «единый дух и единую плоть», что возможно только в Боге. Тем самым будет преодолена пропасть, возникшая между полами, а конкретные мужчина и женщина достигнут своей полноты и совершенства. Преодоление пола достигается, таким образом, через феномен андрогинности, генетически и метафизически присущий человеку как таковому. Однако новый андрогинический образ человека и его подобие Божье совершенно не означают растворение пола или избавление от него. Этот образ, представляющий преображенную личность, требует и соответствующего преображения пола. Женская и мужская монада должны преодолеть свою враждебность и антагонизм, начинать как движение к сближению, взаимопониманию и взаимодополнению, так и осознанию своих особых духовных и мирских миссий.

По убеждению Бердяева, было бы ошибочным отождествление пола с сексуальностью человека. Он допускает возможность достойной, напряженной и разнообразной половой жизни без сексуальной самореализации и чувственной экспрессии, поскольку сексуальное влечение преодолимо, в то время как пол является постоянной константой. Для обоснования своей позиции философ использует понятие Эроса как феномена, далеко выходящего за пределы чисто сексуального содержания и даже пола. Речь идет о мистической эротической любви, источником которой является Христос как Божественный Эрос, нацеленный на интеграцию в мире мужского с Вечной женственностью,

в т. ч. в Боге предназначенном конкретном человеческом образе. Бердяев пишет: «Эрос платонический сам по себе безличен, он направлен на красоту, на божественную высоту, а не на конкретное существо. Но в христианском мире эрос трансформируется, в него проникает начало личности» [7, с. 337]. Философ убежден, что вся тайна и все сияние пола раскрываются только в любви между мужчиной и женщиной.

В. В. Розин указывает на противоречивость подобной позиции Бердяева. Соглашаясь с тезисом Бердяева о том, что без мистического притяжения к женщине и влюбленности в Вечную женственность мужчина не способен играть значимую роль в истории, он одновременно отмечает, что «трудно согласиться с Бердяевым, что человек пола (мужчина и женщина) не целостен, что он всего лишь половинка, ищущая для восстановления целостности другой своей половины, что с пола начинает тлеть и распадаться личность человека», что «нельзя быть личностью в сексуальном акте» [1, с. 86]. Действительно, интимная близость, взятая вне любовных отношений, не выходит за пределы чувственных удовольствий. Но если мужчину и женщину связывают высокое любовное чувство и подлинно любовные отношения, то подобная близость является важной их составной частью, не только доставляя божественную радость, но и усиливает самые высокие духовные и душевные порывы индивида.

Женщина как призвание

В представлении Бердяева в женщине в полной мере представлено как божественное начало, так и демоническое. Божественное выступает как ее *призвание*, связанное с реализацией замысла Божьего в его земном измерении, репрезентацией метафизической Вечной женственности. Демоническое через женщину объективируется в виде актуализации *стихии*: чувственной и сексуальной. Мыслитель придерживается позиции, что ключевое метафизическое (мистическое) призвание женщины – способствовать утверждению андрогинности человека, его исконной бисексуальности и через это приближаться к образу и подобию Божьему. Только таким образом может быть прекращена разрушающая и отравляющая обе стороны борьба между женщиной и мужчиной за доминирование и превосходство.

Что же должна сделать на этом поприще женщина? Безусловный ее приоритет – в полной мере реализовать свой высший дар – дар любви. Бердяев в «Смысле творчества» констатирует, что «у женщины есть призвание к любви и чувство ее полноты... Женщина часто бывает гениальна в любви, ее отношение к любви универсальное, она вкладывает в любовь всю полноту своей природы и все упования свои связывает с любовью» [6, с. 323]. В то время как женщина может быть в любви гениальной, то мужчина – только талантливый, если женщина в любви проявляет, как правило, свою универсальность и целостность, то мужчина демонстрирует к ней дифференцированное отношение, выступая одномерным существом. Русский философ убежден, что настоящей, подлинной может быть исключительно духовная любовь, мистическая влюбленность как воплощение подлинного Эроса, порождающего чувственно-эротическое отношение к Христу. Бердяев полагает, что религиозное отношение к любви, укорененное в образ Вечной женственности, исторически приводит к средневековому культу Мадонны, облику Прекрасной Дамы, любви к Деве Марии как конкретному проявлению божественного духа. В его представлении, например, средневековый «романтизм полон чаяниями преображения плоти, новой духовной и плотской любви, утверждает высшее божественное достоинство личности. В любовном сродстве душ... совершается как бы слияние с женственной душой мира... чувственное общение с Божеством» [3, с. 247–248].

При этом происходит рождение в т. ч. именно индивидуального любовного влечения, любви-эроса, что позволяет сфокусироваться на конкретном человеке, в котором удастся увидеть любимый образ, предначертанный Богом, в результате чего и может состояться встреча «суженого с суженой».

Но Афродита Небесная – не отвлеченно-духовная и бесплотная, она полнокровна, конкретно-чувственна в такой же степени, как и духовна, основана на стремлении к абсолютному соединению мужчины и женщины в одну плоть, где происходит слияние духовного и телесного. Бердяев настаивает, что «нужно делать различие между эросом и сексом, между любовью-эросом и физиологической жизнью... Любовь лична, индивидуальна, направлена на единственное, неповторимое, незаменимое лицо. Половое же влечение легко соглашается на замену» [7, с. 331]. Он убежден, что сильная влюбленность может и не знать сексуального влечения, не теряя при этом себя. Происходит фокусировка на душевной и духовной стороне отношений между мужчиной и женщиной при известном пренебрежении физическим компонентом любви и даже некоторым страхом перед ней. В его концепции любовь, лишённая части своего земного проявления, может приобретать черты неестественности и вырождения, теряя интегративную связь с природой, не говоря уже о духе. В этой позиции отражена и его личная драма, связанная с отношениями с женой, Лидией Рапп, поскольку на начальном их этапе он подчеркивал важность интимной близости, а в последующем неоднократно высказывал уже разочарование ей. Так, в письмах к М. О. Гершензону он пишет: «Я очень стыжусь всего элементарно-биологического, всего природного, родового. Все это я всегда ощущаю как призрачное, не подлинное, как тяжелый кошмар, как плен... Всю плотскую жизнь человеческого рода я способен воспринимать лишь эстетически, лишь со стороны формы. С биологически-родовой точки зрения я безнадежный декадент, только творчество я ощущаю как жизнь» [8, с. 126].

Правда, женщина при всей своей гениальности в любви, по убеждению Бердяева, должна осознавать, что идеальная любовь будет приводить ее не к семейному очагу, характерной и неизбежной чертой которого является прозаичность и обыденность, примитивность «мирского благоустройства», а к свободному творчеству, «художеству», свободному полету в земных и духовных устремлениях, развитию в женщине подлинно личного начала, преодолевая тем самым тяжесть земного бытия.

Т. В. Рябина подчеркивает, что «Бердяев первым попытался снять противоречие между любовью и свободой... через феномен “христовой любви”, синтезирующей эротический и каритативный ее компоненты» [9, с. 29, 34]. Он осуждает и считает преступными не любовные отношения Анны Карениной и Вронского, а семейный мир Анны и ее мужа Каренина. В своих письмах он ставит перед женой радикальную задачу – победить «прозу жизни» и вместе с ним войти в «необыденный мир» и обрести при помощи любви духовное спасение. В житейском измерении в таком случае женщина, покидая семейное гнездо, оказывается в роли самолета, не знающего надежного аэродрома. Но при подобном прочтении феномена любви теряется связь с религиозным (христианским) источником, т. к. в нем основанное на любви слияние мужчины и женщины в один дух и одну плоть должно осуществляться в семейном интересе.

Бердяев стремится доказать, что при всей нацеленности женщин на любовь она (любовь) в земной жизни является чрезвычайно редким гостем в силу имманентно ей присущего аристократизма и глубины. Более того, в падшем мире она преисполнена трагичности и заключает в себе «роковое семя гибели», о чем свидетельствуют истории Ромео и Джульетты, Тристана и Изольды и др. По причине особой значимости любви для женщины этот трагизм касается ее в наибольшей степени. На этот обстоятельство

указывает Бердяев и в своей работе «Любовь у Достоевского», отмечая, что в романах великого писателя женщины часто вызывают сильное сладострастие, часто сопряженное с состраданием. Но все эти глубокие переживания не сопряжены с предметом любви, а в самой любви преобладает беспросветное и мучительное «темное и истребляющее начало», несущее ей гибель.

Женское воздействие на социальный мир проявляется и в ее благотворном влиянии на своего гендерного собрата – мужчину. По нескольким направлениям.

В первую очередь, определяя и направляя его связь с земным в силу присущей ему космической природы; через женщину он соединяется с «матерью-землей». Кроме этого, выступая в роли стимула жизни мужчины, поскольку, как полагает русский философ, без мистической и эротической влюбленности в женственность и женщину, Прекрасную Даму, мужчина был бы не в состоянии вдохновенно творить мировую историю и мировую культуру. В его представлении, «в половой энергии скрыт источник творческого экстаза и гениального прозрения. Все подлинно гениальное – эротично... Гениальность насквозь эротична, но не сексуальна в специфическом, дифференцированном смысле этого слова» [6, с. 298]. Он описывает, таким образом, психологический феномен, который в психологической науке получил наименование «сублимация», а источником мужской сублимации является именно женщина.

При всей своей ориентированности на мужчину и зависимости от него женщине, как полагает Бердяев, свойственны собственная миссия и предназначение. Он указывает на то, что женщина может быть и равной мужчине, и даже выше его, но только в своем женском призвании, изменяя мир, общество, сферу творчества «первоклассными женскими делами». Поэтому он выступает сторонником того, чтобы открыть женщине все области социальной жизни и все блага культуры, чтобы она внесла в них нечто «свое», безусловно важное. Первейшая ее задача – оставаться просто женщиной, сохранить свои честь и достоинство и ни в коем случае не «обезьянничать» и не подражать во всем мужчине, поскольку ее социальная и духовная функция «не меньше и не хуже всех мужских дел». Принципиально важно также для нее вести мир к любовной гармонии, к красоте и свободе. И все это должно быть основано на христианских принципах, т. к. «женский вопрос» решается не в социально-экономической сфере, а в религиозной, метафизической.

Важен также эстетический компонент, исходящий от женщины. Бердяев убежден, что женщина должна быть прекрасной и вызывать к себе восхищение, быть предметом любви и поклонения, совершенным творением Божиим, настоящим произведением искусства, воплощением красоты, которую так ищут, любят и обожают мужчины. Красота способствует в т. ч. пробуждению в ней эротической и социальной энергетики. Поэтому «быть Данте – это высокое призвание, но не менее высокое призвание – быть Беатриче; Беатриче равна Данте по величию своего призвания в мире» [6, с. 254]. Мыслитель подчеркивает, что в социуме женщина, однако редко являет собой тот образ красоты, перед которым можно преклониться, который можно боготворить. В женщине заключен и момент познавательный, эвристический, поскольку «только женщине могут открыться некоторые тайны жизни, только через женщину может приобщиться к ним мужчина. Пусть женщины плохие математики и логики, плохие политики и посредственные художники, в них таится мудрость высшая, чем всякая, – математика и политика» [6, с. 254]. Правда, в чем же конкретно эта мудрость заключается, философ умалчивает. В особенности выводя «женщину в любви» за пределы семейного пространства.

Женщина как стихия

Выше уже указывалось на наличие в женщине наряду с метафизическим демонического и природного содержания, выраженного в имманентно присущей ей темной природной стихии – «безличной и бессознательной», ограничивающей потенциал личности и способной к ее превращению в «стихию демоническую». Наиболее очевидным образом эта стихия проявляется в исходящем от нее чувственном соблазне, так притягивающем мужчин, поскольку по своей природе она является «мировой носительницей сексуальной стихии». Бердяев отмечает, что именно через сексуальность проявляется ее сила над мужчинами: «Женщина стала коренной, быть может, единственной слабостью мужчины... У мужчины есть огромная половая зависимость от женщины, есть слабость к полу женскому, слабость коренная, быть может, источник всех его слабостей» [4, с. 280]. Эта сила искушения генетически коренится в образе праматери Евы, через природно-родовую женственность которой дьявол выступил источником соблазна и утвердил греховную власть женственной природы над падшим человеком, мужчиной. Эта сила основывается в т. ч. на тотальной сексуальности женщины, которая «сексуальна в своей силе и в своей слабости» и которую она часто не осознает.

В результате женщина может становиться для мужчин болезнью, «которая носит название фетишизма в любви... Болезнь эта состоит в том, что предметом любви делается не цельный человек, не живая, органическая личность, а часть человека, дробь личности, например, волосы, руки, ноги, глаза, губы вызывают безумную влюбленность, отдельная, отвлеченная от сущности часть превращается в фетиш. При фетишизме ощущение личности любимого теряется, индивидуальности человека не видно» [3, с. 242].

Женская стихия проступает и через извращение подлинного содержания любви. Любовь как призвание проявляется в том, что для любящего человека некоторый другой конкретный человек приобретает сверхценность. Любовь в этом случае выступает как преодоление собственного эгоизма, проявление высшего альтруизма («агапе»). Любовь как стихия обладает вполне определенными чертами, но совершенно иными, противоположными, а именно: а) личностным эгоизмом, т. к. в ее фокусе пребывает сама женщина – и только она; б) одержимостью; в) смертельной опасностью, заключая в себе нечто жутко страшное и грозное для мужчины, способное его поглотить, «как океан»; она есть непросветленность и «притягивающая бездна»; г) магией и склонностью к гипнозу; д) умением порождать иллюзии, включая и создание обманчивого образа женской красоты, прикрывая и скрывая его несоответствие с идеальным женским образом; е) искусством лжи; ж) деспотизмом, инстинктом собственности и господства; з) безмерностью притязаний, которые никогда не могут быть выполнены мужчиной; и) ревностью, превращающей женщину в «фурию»; к) склонностью к истерическому поведению; л) слабо выраженным чувством личности и тотальной поглощенностью стихией пола, поскольку она в первую очередь является женщиной, а только потом – человеком. Если использовать в этой части нашей работы христианский дискурс, то легко заметить, все выше приведенные индикаторы любви как стихии страдают очевидной оккультностью.

Кроме этого, женская любовная стихия в представлении Бердяева, пронизанная токами сексуальности, наносит удар по восстановлению целостности человеческого существа – андрогинности. Философ убежден, через сексуальный контакт только *имитируется*, а не реализуется воссоединение, слияние мужчины и женщины. Он отмечает, что мужчина все время стремится через сексуальное обладание женщиной заново восстановить утерянный андрогинический образ, но эти попытки являются тщетными, т. к. сексуальный акт их большей частью разъединяет, а не сближает. Подчеркивается, что в эротическом стремлении изначально заложена и неспособность, бессилие мужчи-

ны проникнуть не в плоть, а в душу женщины и таким образом овладеть ею, слиться с ней, поскольку он не обладает способностью (даром) осознать и принять в себя женскую природу, а следовательно, их отношения – это отношения обреченных на взаимную слепоту и глухоту.

Стихия пола проявляется также в отходе женщины от идеи Вечной женственности, т. е. в ее стремлении интегрировать в себя маскулинный компонент, предлагаемый женской эмансипацией. Бердяев справедливо отмечает: «Женское эмансипационное движение покоится на том предположении... что нужно походить на мужчину, превратиться в мужчину, чтобы стать человеком... Женская эмансипация есть принижение достоинства женщины, отрицание высшего и особенного призвания женщины в мире, признание женственности лишь слабостью, недоразвитостью, безличностью и порабощением» [1, с. 250]. Осуществляя надругательство над Вечной женственностью, эмансипированная женщина проникается «неэстетичностью», теряет обаяние, грубеет, заражается вульгарностью, всеми мужскими пороками, лишается чувства и смысла любви, погружается в иллюзорное бытие. Атакуя женскую эмансипацию, Бердяев воспроизводит многие положения концепции пола и любви В. Розанова. В отношении к эмансипации женщин у русского мыслителя наблюдается тем не менее противоречивая позиция. С одной стороны, он указывает на ее разрушительные последствия для личности женщины. Однако с другой стороны, он же призывает женщин искать социальное призвание и самореализацию за пределами семьи, сковывающей их якобы рабскими узами.

У Бердяева при всех реверансах в сторону женщины можно все-таки обнаружить, говоря современным языком, известный сексизм. Согласно его убежденности, это проявляется и в ее односторонности («женщина по природе своей всегда живет одним, не вмещает в себе многого»), и в привязанности к конкретному времени и состоянию, и в сравнительно слабом развитии ее чувства личности, и в большой зависимости от изменчивых эмоциональных переживаний. Он подчеркивает, что «в мужской сфере женщина ничего великого до сих пор не создала и никогда не создаст» [6, с. 250]. Такой подход находит свое подтверждение и в его работе «Любовь у Достоевского», в которой утверждается, что «антропология Достоевского – исключительно мужская антропология... Женщина интересует Достоевского исключительно как момент в судьбе мужчины, в пути человека. Человеческая душа есть прежде всего мужской дух. Женственное начало есть лишь внутренняя тема в трагедии мужского духа, внутренний соблазн» [10, с. 274]. Обращение к этой работе целесообразно, поскольку, как отмечает Ю. Ю. Черный, «Бердяев... не только открывает в Достоевском себя самого, что свойственно всякой интерпретации, но и приписывает писателю собственные мысли и чувства», вкладывая в него многое от собственного мировоззрения и мирозерцания [4, с. 91].

Как известно, возникшее в последующем своеобразное в общественном измерении «восстание женщин» привело к тому, что женщины в самых разных государствах, особенно принадлежащих к иудо-христианской цивилизации, стали настолько влиятельными социальными агентами, что развитие человечества уже немыслимо без масштабного «женского участия».

Заключение

Во-первых, Бердяев является представителем направления в русской религиозной философии по проблемам пола и любви, связанного с возрождением и переосмыслением античных теорий любви и попытками их синтеза с христианством. Подобный подход основан на концепции целостности человеческой личности.

Во-вторых, русский мыслитель выделяет два измерения пола – онтологический (метафизический) и личностный (индивидуальный), подчеркивая, что в конкретном индивидууме посредством пола осуществляется пересечение сакрального и земного миров.

В-третьих, в поле изначально заложен его трагизм, который выражается в разрыве, расколе на два составляющих элемента – мужской и женский, который через андрогинность следует преодолеть.

В-четвертых, в представлении Бердяева в женщине в полной мере представлено как божественное начало (репрезентация метафизической Вечной женственности), так и демоническое, которое объективируется в виде актуализации эмоциональной, чувственной и сексуальной стихий.

В-пятых, мыслитель исходит из убежденности в существенном различии психологии, характера, личностных качеств мужчины и женщины в условиях «падшего» бытия.

В-шестых, «женщина как призвание» должна решить несколько задач, среди которых главными являются следующие: а) способствовать утверждению андрогинности в обществе; б) реализовать свой высший дар – дар любви в его преимущественно религиозном понимании и преломлении; в) благотворно воздействовать на своего гендерного собрата – мужчину, стимулируя его к социальному и культурному творчеству; г) достойно осуществить собственную «женскую» миссию и предназначение; д) сохранить и развить свои красоту, честь и достоинство; е) утвердить в мире метафизические начала женственности.

В-седьмых, «женщина как стихия» проявляется преимущественно в: а) исходящем от нее чувственном и сексуальном соблазне, адресованном мужчинам; б) извращении подлинного содержания любви; в) стремлении интегрировать в себя посредством эмансипации маскулинный компонент; г) ее относительной личностной неразвитости; д) доминанте эгоизма в любовных отношениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Розин, В. М. Природа сексуальности / В. М. Розин // *Вопр. философии.* – 1993. – № 4. – С. 79–88.
2. Евсева, Л. В. Тема любви в экзистенциальной философии Н. А. Бердяева / Л. В. Евсева // *Культур. жизнь юга России.* – 2008. – № 1. – С. 30–33.
3. Бердяев, Н. А. Метафизика любви и пола / Н. А. Бердяев // *Русский эрос, или философия любви в России.* – М. : Прогресс, 1991. – С. 232–265.
4. Черный, Ю. Ю. Философия пола и любви Н. А. Бердяева / Ю. Ю. Черный. – М. : Наука, 2004. – 132 с.
5. Соколовская, М. Г. Гендерная социология / М. Г. Соколовская. – Брест : БрГУ, 2018. – 184 с.
6. Бердяев, Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, 2018. – 497 с.
7. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – М. : ЭКСМО, 2005. – С. 259–637.
8. Бердяев, Н. А. Письма к М. О. Гершензону / Н. А. Бердяев // *Вопр. философии.* – 1992. – № 5. – С. 119–136.
9. Рябинина, Т. В. Диалектика любви и свободы в эротической теории философии Н. А. Бердяева / Т. В. Рябинина // *Вестн. МГТУ.* – 1999. – Т. 3, № 1. – С. 29–34.
10. Бердяев, Н. А. Любовь у Достоевского / Н. А. Бердяев // *Русский эрос, или философия любви в России.* – М. : Прогресс, 1991. – С. 273–283.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.12.2020

УДК 658.5

Марія Владимировна Варакулина

канд. экон. наук, доц., декан юридического факультета

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Maria Varakulina

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: varakulina@brsu.brest.by

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ: СМЕНА ПАРАДИГМ В ПЕРИОД ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Рассматриваются вопросы концептуальных преобразований, происходящих в системе управления людьми в организациях. Акцент делается на противоречиях, с которыми сталкивается современная система управления и которые обусловлены цифровизацией экономики. Исследуются тенденции развития системы управления персоналом. Предлагаются новые подходы к построению моделей и формированию внутреннего содержания системы управления персоналом в организации. Особое внимание уделено ключевым характеристикам системы управления персоналом «нового типа», ориентированным на повышение гибкости управления организацией. Делается вывод о необходимости развития теории управления персоналом с учетом цифровых технологий в целях более эффективного использования человеческого потенциала и снижения рисков проявления деструктивных форм трудового поведения.

Organization's Personnel Management System: Changing Paradigms in the Period of Digitalization of the Economy

In the presented article, the author touches upon the issues of conceptual transformations taking place in the system of people management in organizations. The emphasis is on the contradictions faced by the modern management system and which are caused by the digitalization of the economy. Trends in the development of the personnel management system are investigated. New approaches to the construction of models and the formation of the internal content of the personnel management system in the organization are proposed. Particular attention is paid to the key characteristics of the «new type» of personnel management system, focused on increasing the flexibility of the organization's management. The conclusion is made about the need to develop the theory of personnel management, taking into account digital technologies in order to more efficiently use human potential and reduce the risks of manifestation of destructive forms of labor behavior.

Введение

В последние десятилетия, определяя систему управления персоналом, ученые выделяют два направления: управление человеческим капиталом и управление человеческими ресурсами (например, М. Армстронг «Практика управления человеческими ресурсами»). При этом следует отметить, что содержательная сторона подсистемы управления персоналом варьируется у различных авторов от «действий, направленных на оценку и удовлетворение потребностей будущих сотрудников, а также на расширение и развитие способностей людей – их вклада, потенциала и применимости – за счет обучения и постоянного расширения возможностей» (М. Армстронг) до «внедрения количественных показателей для измерения ценности этих качеств (знаний, умений, опыта и т. д.) и использования знаний для эффективного управления организацией» (Р. Налбантьян и др.). Разнообразие подходов к пониманию сущности термина *система управления персоналом* предопределяет и вариативность моделей ее построения.

По нашему мнению, наполнение содержательной стороны системы управления персоналом в организациях сегодня должно быть ориентировано в большей степени на полноценную интеграцию управленческих и современных информационных техно-

логий, что позволит адаптировать ее к условиям перехода к цифровой экономике. В настоящее время уже недостаточно говорить о количественных оценках человеческого капитала, управлении знаниями и удовлетворении потребностей сотрудников организации. Динамичность изменений как внешней (рынки факторов производства, глобализация и регионализация экономики и т. д.), так и внутренней (новые технологии, инновации и т. д.) среды не позволяет рассматривать систему управления персоналом статично и исключительно с позиции традиционных принципов и механизмов.

Подходы к определению системы управления персоналом

Одним из основополагающих принципов, определяющих базис, саму суть менеджмента, выступает принцип системности, предполагающий рассмотрение любой организации как целостной производственной социально-экономической системы, состоящей из элементов (подсистем), взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом. Количество этих подсистем напрямую зависит от многих факторов: масштаба деятельности, размера организации, отраслевой специфики и т. д.

Однако количество подсистем не является ключевым фактором в обеспечении эффективности функционирования организации. Более важное значение имеет комплексность, т. е. охват всех направлений деятельности и обеспечивающих подсистем. Определенный отпечаток накладывается и кругом задач, решаемых организацией в процессе своей деятельности. Например, с точки зрения финансов в качестве подсистем организации выделяются производственно-инвестиционная подсистема, финансовая подсистема и подсистема кадрового обеспечения. В производственном менеджменте традиционно акцентируют внимание на производственно-технической подсистеме, логистической подсистеме, подсистеме трудовых ресурсов и т. д. Классическое определение организации, формулируемое в экономической науке как открытой социально-экономической системы, исходит из выделения экономической и социально-личностной подсистем.

Рассматривая структуру системы управления предприятием, ряд авторов фиксирует в качестве ее элементов управление деятельностью (деловую активность) и управление людьми (лидерство) [1]. Управление деятельностью включает организационное планирование, конструкторско-технологическую проработку управленческих решений, управленческий учет и контроллинг. Под управлением людьми традиционно понимается обеспечение эффективного взаимодействия между всеми членами трудового коллектива, кадровая политика, развитие персонала, информирование, мотивация работников и другие важные аспекты деятельности руководителя как лидера [1].

Существуют и другие варианты определения составных элементов системы управления предприятием. Однако при любом подходе всегда присутствует подсистема, которая связана с управлением персоналом организации. При этом в качестве объекта управления могут определяться трудовые ресурсы, кадры, персонал, человеческие ресурсы или человеческий капитал. Теоретики и практики отдельных школ менеджмента акцентируют внимание на контексте восприятия персонала, но ни одна школа при этом не ставит под сомнение необходимость существования самой системы управления людьми в организации. Таким образом, обеспечение организации необходимым персоналом, его эффективное использование остается актуальным вопросом с того момента, как он был сформулирован Г. Мюнстербергом, и до настоящего времени.

Определение сущности системы управления персоналом можно встретить у многих авторов. Его содержание зависит прежде всего от приверженности исследова-

теля к определенной школе. По этой причине, по нашему мнению, рассматривая сущностную сторону системы управления персоналом и группируя различные трактовки ее определения, необходимо исходить из понимания авторами содержания управления персоналом как элемента производственно-хозяйственной системы.

В научной литературе и практике управления в настоящее время применяются следующие понятия: управление трудовыми ресурсами, управление кадрами, управление трудом, управление персоналом, управление человеческими ресурсами, управление человеческим фактором, организация труда и т. д. Все эти категории в той или иной степени относятся к трудовой деятельности, управлению поведением человека в процессе его труда. Доминирование на определенной стадии развития науки менеджмента конкретного понятия системы управления персоналом продиктовано прежде всего теми подходами, которые являлись главенствующими в тот или иной период. Сами же акценты определяются развитием производительных сил общества, преобладающим типом производственных отношений и целым рядом других факторов. Можно говорить, что категория «система управления персоналом» в каком-то смысле является исторической, поскольку ее содержание зависит и от исторического этапа, на котором находится общество.

Безусловно, существование разнообразных толкований появилось во многом благодаря переводной научной литературе, в которой присутствует специфическая терминология, присущая различным школам менеджмента.

Исходя из последних разработок теории и практики управления персоналом, в качестве комплексного, учитывающего все аспекты исследуемой функции менеджмента можно рассматривать определение, данное в соответствии с концепцией управления человеческими ресурсами. С позиций данной теории, управление персоналом на современном этапе можно определить как «стратегический и логически последовательный подход к управлению наиболее ценным активом предприятия: людьми, которые коллективно и индивидуально вносят вклад в решение целей и задач предприятия» [2]. А система управления персоналом, в свою очередь, ориентируется на «подбор человеческих ресурсов, их развитие, оценку и взаимоотношения руководителей и сотрудников» [2]. В таблице представлены наиболее распространенные подходы к определению системы управления персоналом.

Таблица. – Подходы к определению системы управления персоналом

Автор	Подход
М. Армстронг	Согласованное объединение философии человеческих ресурсов и стратегии человеческих ресурсов
Б. Бекер и С. Герхарт	Архитектура системы (руководящие принципы), варианты альтернативной политики, процессы и практика управления человеческими ресурсами
К. Фомбран	Подходы к управлению процессами цикла человеческих ресурсов: отбор, аттестация, вознаграждение, развитие
А. Я. Кибанов	Совокупность методов, процедур и приемов воздействия на персонал
Н. П. Беляцкий	Приемы и методы, используемые при выполнении отдельных функций управления персоналом; техника работы с людьми
А. А. Брасс	Организация (структура, кадры) и механизм (принципы, функции, методы, стиль руководства) управления персоналом
В. А. Спивак	Механизмы взаимодействия, взаимосвязь объекта и субъекта управления персоналом

Ученые, как правило, определяют систему управления персоналом либо как совокупность методов и подходов к управлению человеческими ресурсами, либо через структуру и механизм управления персоналом, либо с помощью категорий философии, стратегии и тактики управления человеческими ресурсами в организации. Ряд ученых в понимании сущности и содержания системы управления персоналом отталкиваются от процессного подхода в менеджменте.

Содержание системы управления персоналом: традиционные модели и современные тенденции

С позиций генетического подхода, будущее состояние системы во многом определяется генезисом ее развития. В этом смысле, на наш взгляд, целесообразно исследовать существующее традиционное видение модели системы управления персоналом. Следует уточнить, что отечественная и зарубежная (прежде всего западная) теории существенно не отличаются во взглядах на структуру системы управления персоналом в организации. В данном вопросе различия в представлении зависят от научной школы и от подхода к определению сущности системы управления персоналом. Так, сторонники функционального подхода отталкиваются от перечня функций, реализуемых системой. Представители процессного подхода акцентируют внимание на управленческих бизнес-процессах. Рассмотрим несколько моделей, которые, на наш взгляд, наиболее полно отражают позицию ученых по данному вопросу.

Теория управления человеческими ресурсами в качестве одной из моделей системы управления персоналом предлагает использовать Гарвардскую схему [2]. Представители Гарвардской школы исходили из того, что система управления человеческими ресурсами изначально обладает двумя характерными особенностями:

1) значительная (преобладающая) часть ответственности за обеспечение реализации эффективной политики в отношении персонала, как правило, возлагается на менеджеров среднего звена;

2) работникам необходимо вырабатывать принципы, обеспечивающие развитие деятельности персонала и применяющиеся таким образом, чтобы взаимно усилить оба уровня в системе управления.

В основу гарвардской модели положен учет интересов всех групп влияния в организации: акционеров, руководства, работников, государства и профсоюзов. Модель признает важность компромисса (выраженного или скрытого) между интересами всех участвующих сторон, а также между группами интересов. Модель делает акцент на стратегическом выборе и учитывает активное влияние внешней и внутренней среды организации на процесс принятия руководством управленческих решений, в т. ч. стратегических. Исходя из этого, по мнению исследователей, требуется интеграция рыночных, товарных и социально-культурных аспектов деятельности предприятия [2].

Некоторые сторонники концепции «управления человеческими ресурсами», определяя модель системы управления ими, выделяют в качестве ключевой составляющей управление человеческим капиталом. Ярким примером такого подхода может служить модель, предложенная М. Армстронгом [2], которая увязывает управление человеческими ресурсами и управление человеческим капиталом. Следует отметить, что и управление человеческими ресурсами, и управление человеческим капиталом решают одни и те же задачи. Принципиально отличен лишь подход. При управлении человеческими ресурсами организация концентрируется на решении задачи обеспечения необходимыми ресурсами (т. е. говорят о ресурсообеспеченности). При управлении челове-

ческим капиталом решается задача создания условий для формирования и эффективного использования человеческого капитала в организации (т. е. говорят об инвестициях). Модель представляет собой один из вариантов функционального подхода к проектированию системы управления персоналом на предприятии.

Процессный подход к построению модели системы управления персоналом используется многими учеными, например, коллективом авторов под руководством О. А. Высоцкого. Сторонники данного подхода во главу угла ставят процессы, реализуемые в системе управления персоналом. В настоящее время процессный подход рассматривается как доминирующий в менеджменте и определен в качестве ключевого в системе международных стандартов ISO.

Оценивая перечисленные выше модели и подходы, можно отметить, что их внутреннее содержание формировалось исходя из сложившегося технического и технологического развития, состояния социальных, политико-правовых и экономических факторов. Происходящие в последние несколько десятилетий активные изменения, прежде всего в технологической сфере, приводят к необходимости пересмотра традиционного взгляда на систему управления персоналом. Прежде всего это выражается в изменившемся подходе к восприятию человека как центрального элемента экономической системы. Экономика знаний, цифровая экономика существенно преобразуют всю систему производственных и трудовых отношений в организации.

Использувавшаяся достаточно длительное время, ограниченная практика «работы с кадрами», способная быть результативной только в условиях полной занятости и предсказуемости экономики конкретного предприятия, а также при использовании жестких организационных структур, в настоящее время неспособна поддерживать эффективное развитие предприятия. Требуются новые модели управления [3], нацеленные на:

1) создание условий для непрерывного развития организации на основе развития ее персонала;

2) применение вариативных мотивационных программ, не только зависящих от текущей (оперативной) результативности конкретного работника, но и учитывающих коллективный характер труда при активном делегировании полномочий работникам в части принятия управленческих решений;

3) формирование новых организационных ценностей, норм, установок, разделяемых персоналом предприятия;

4) гибкие организационные структуры, позволяющие наиболее эффективно использовать творческий потенциал «человеческих ресурсов» предприятия, повышать их активность, формировать навыки самолидерства;

5) использование цифровых технологий в организации работы персонала.

Повышение качества жизни, выражающееся прежде всего в росте уровня удовлетворенности разнообразных как материальных, так и духовных потребностей, сказывается и на производственной сфере. Работник воспринимает себя уже не просто как часть системы, но осознает себя как личность. В таких условиях невозможно мотивировать персонал без учета требований со стороны работника к качеству трудовой жизни.

Проблема традиционных систем управления кроется в попытке их чрезмерной формализации. При этом неважно, на каком аспекте мы концентрируем внимание. Это может быть излишне детализированное описание всех процессов; формирование жесткой иерархической структуры с конкретным перечнем функций, закрепленных за каждым подразделением; чрезмерная формализация критериев и показателей при определении целей и задач системы, составлении планов и программ. При использовании тра-

диционных моделей чаще всего отталкиваются от предположения о предсказуемости среды на достаточно длительный временной интервал, а также о возможности упорядочения всех элементов системы управления персоналом.

Однако в реальности современная экономическая ситуация делает практически невозможной глубокую формализацию. Именно поэтому жесткие структуры неэффективны, а жесткие планы чаще всего не выполняются. И этому есть несколько причин, напрямую связанных с системой управления персоналом в организации.

Прежде всего, сам объект управления – люди в организации. Выделяют множество факторов, благодаря которым формализация в отношении человека не дает запланированного результата. Например, «предел Чейтина», который у конкретного человека свой. Каждый человек в организации имеет свой предел понимания сложных задач и конструкций. В условиях высокой скорости усложнения среды работники могут просто «не успевать» и останавливаться на своем уровне восприятия получаемой информации. Обратная связь при этом вряд ли поможет управляющей подсистеме, поскольку только подтвердит тот факт, что управляемая подсистема не понимает стоящих перед ней задач либо не способна решать эти задачи. А поскольку в организации работают сотрудники с разным потенциалом, жестко формализовать все инструкции не представляется возможным. Часть сотрудников будет работать на пределе своих возможностей, в то же время отдельные работники будут использовать свой потенциал не в полном объеме. Остается либо постоянно обновлять персонал исходя из меняющихся условий хозяйствования (что однозначно отрицательно отразится на мотивации), либо непрерывно развивать компетенции работника (что может снизить продуктивность, поскольку работник будет отвлечен от выполнения своих непосредственных функций, т. е. может быть нарушен баланс в распределении времени).

Сложность формализации поведения сотрудника в организации находится в центре внимания исследователей начиная с 50-х гг. XX в., когда появилось бихевиаристское направление в теории менеджмента. Уже тогда отмечалось, что поведение человека в процессе труда находится под влиянием многочисленных, в т. ч. субъективных и не всегда прогнозируемых факторов. Однако в последние десятилетия проблема восприятия человека как особого фактора, а не ресурса, становится все более актуальной.

Второй аспект, который необходимо учитывать при определении внутреннего содержания системы управления персоналом, состоит в том, что излишняя формализация управления, как правило, «связывает», ограничивает сотрудника. Традиционная жесткая иерархическая система управления персоналом не нацелена на «слишком хороших» сотрудников, которые отличаются от среднестатистического работника и не вписываются в «жесткие» рамки. Как следствие, организация избавляется от неудобных исполнителей и по сути сама «уничтожает» свой интеллектуальный потенциал, опускаясь до уровня системы, работающей по принципу «главное не нарушать инструкцию». В этих условиях невозможно критическое мышление, генерация идей. Такая организация в эпоху цифровой экономики обречена на уход с рынка.

Еще одной характеристикой традиционных систем управления выступает их стремление к выполнению плана ради самого выполнения, что в условиях меняющейся среды необратимо приводит к кризису [4]. Сюда же можно отнести и излишнюю формализацию показателей планов организации. Директивность задач, показателей приоритетов приводит к тому, что исполнители начинают ориентироваться не на поступательное развитие организации, а на достижение конкретного показателя, например, написать не менее трех отчетов, провести не менее семи встреч (неважно, с каким резуль-

татом), произвести не менее десяти единиц продукции (возможно, абсолютно ненужной рынку). Формализация в данном случае приводит к снижению эффективности функционирования организации.

Наконец, скорость преобразований, происходящих в современной жизни и затрагивающих всех без исключения экономических субъектов. Новые технологии, цифровизация экономики меняют поведение потребителей, поставщиков экономических ресурсов и государства. Попытка жесткой регламентации всех процессов и строгое следование данным регламентам приводит к снижению эффективности системы, которая не успевает реагировать на происходящие изменения. Во многих, особенно в крупных отечественных организациях государственного сектора, механизм работы с персоналом продолжает оставаться на уровне технологий конца XX в., что делает систему управления персоналом неспособной отвечать на новые вызовы, решать новые задачи.

Таким образом, в современной теории и практике управления персоналом имеет место противоречие между требованиями, предъявляемыми к системе управления персоналом со стороны ее потребителей, и ее сложившимся традиционным внутренним содержанием и организацией. Данное противоречие требует поиска новых моделей системы управления персоналом.

Система управления персоналом в условиях перехода к цифровой экономике: проблема статичности и способы ее преодоления

Выделяя особенности традиционных моделей системы управления персоналом, мы отмечаем их стремление к статичности, под которой нами понимается состояние стабильного соотношения между отдельными элементами системы, сохраняемое долгое время. Действительно, такие важные в современных организациях локальные нормативные документы, как штатное расписание, организационная структура, положения от отделов, должностные инструкции, описания процессов и т. д. делают систему управления организацией в целом и систему управления персоналом в частности крайне неповоротливой. Дополнительно к данным документам каждая организация разрабатывает систему планов с достаточно жесткими, директивными показателями.

Одной из проблем, с которой сталкиваются современные организации, является неспособность процессного подхода в управлении обеспечить решение стоящих перед организацией задач. Процессный подход предполагает создание и использование достаточно формализованного описания бизнес-процессов в разрезе параметров, а также ориентирован на регулярность совершаемых действий. Именно данные особенности процессного подхода и снижают его эффективность в условиях, когда среда изменяется очень быстро, что зачастую приводит к смене целей и задач, стоящих перед системой.

Приведем несколько отвлеченный пример. Эпидемия COVID-19 внесла коррективы в деятельность практически всех организаций. И многие из них столкнулись с проблемой: действовать по ситуации и тем самым нарушать все инструкции и описания процессов или вначале изменить всю локальную нормативную базу, переписать все процессы и только потом изменить поведение системы. На данном экстремальном примере, где здоровье и жизнь людей подвергаются опасности, можно увидеть слабые стороны традиционных систем управления персоналом.

На наш взгляд, современная система управления персоналом находится на этапе концептуальных изменений. В мировой практике уже имел место переход от функциональной модели к процессной. Сегодня происходит нечто аналогичное. Современным

компаниям необходимы гибкие, динамичные модели, ориентированные на решение конкретных задач [4].

Для иллюстрации данного вывода необходимо отметить ключевые характеристики цифровой экономики. Так, большинство авторов выделяют следующие ее особенности:

- 1) широкое использование информационно-коммуникационных технологий в деятельности организаций;
- 2) формирование новой социальной среды и конструирование виртуального мира (интернет-людей);
- 3) возникновение новых видов деятельности и цифровизация отраслей экономики, появление интернета вещей;
- 4) ключевым фактором производства становится информация, которая характеризуется большими объемами и высокой скоростью передачи и изменения;
- 5) высокая скорость технических преобразований, приводящая к быстрой смене технологий производства и ведения бизнеса;
- 6) информационные перегрузки, принятие решений в условиях избыточной и зачастую излишней или недостоверной информации;
- 7) персонализация бизнеса, ориентация на конкретного потребителя и др.

Перечисленные нами черты цифровой экономики позволяют выделить две особенности использования человеческого фактора. Первая состоит в том, что традиционные рутинные виды работ, которые можно описать и формализовать с использованием процессного подхода, а также оценить через систему директивных показателей, скорее всего, будут выполняться не людьми, а техникой («умный город», «умный дом» и т. д.).

Вторая особенность выразится в появлении новых видов деятельности людей, новых профессий, которые, скорее всего, будут ориентированы на решение каких-то конкретных задач и не будут являться рутинными. Следовательно, процессный подход, формализованное планирование, жесткие структуры управления людьми вряд ли будут применимы.

Еще одним аспектом, требующим осмысления, выступает тот факт, что зачастую, управляя людьми, руководитель организации акцентирует внимание на использовании современных технологий сбора и аналитической обработки информации (достаточно больших объемов), но это не означает цифровизацию управленческой деятельности, поскольку не приводит к изменению работы руководителя и появлению новых более прогрессивных управленческих решений. На наш взгляд, переход к цифровым технологиям управления должен строиться на качественно новых методах работы с персоналом и методах принятия управленческих решений.

Скорость и масштабы изменений будут только увеличиваться, и это приведет к невозможности жесткого статичного планирования деятельности организации. Следовательно, изменится сама парадигма управления персоналом организации. По нашему мнению, ключевыми характеристиками системы управления персоналом «нового типа» станет:

- 1) отказ от жесткой архитектуры системы управления в пользу гибких структур; использование цифровых платформ для организационного построения систем управления; отказ от вертикальной интеграции;
- 2) недирективность показателей, критериев и приоритетов системы управления персоналом, переход к динамическим рекомендательным оценочным показателям;

3) переход от процессного подхода в деятельности работника к ориентации на действия исходя из задач и текущих приоритетов системы, вплоть до управления по текущей ситуации (в данном случае речь идет именно об управленческих процессах, а не о производственных);

4) широкое использование информационно-коммуникационных технологий в реализации всех подсистем системы управления персоналом, в т. ч. частичная автоматизация отдельных направлений;

5) пересмотр реализации функции обеспечения сохранности информации и информационной безопасности организации в сфере управления персоналом;

6) на начальном этапе может возникнуть потребность в масштабном переобучении работников, причем, как отмечают специалисты, не только рабочих специальностей, но и работников умственного труда; произойдет изменение характера умственного труда: на передний план выйдут аналитические способности и умение работать в условиях многозадачности и неопределенности.

Именно такой подход позволит преодолеть те противоречия, которые возникают сегодня в системе управления людьми в организациях.

Заключение

Проблема современных структур управления кроется в попытке их чрезмерной формализации, что в условиях цифровой экономики объективно приведет к кризису системы. На основе проведенного исследования нами сделан вывод о необходимости разработки и обоснования новых моделей системы управления персоналом, основанных на гибких динамичных приоритетах и способных поддерживать устойчивое развитие организации в условиях цифровой экономики. В свою очередь, развитие теории управления персоналом с учетом цифровых технологий сделает возможным более эффективно использовать человеческий потенциал, снизить риски проявления деструктивных форм трудового поведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беяцкый, Н. П. Управление персоналом : учебник / Н. П. Беяцкый. – Минск : Современ. шк., 2010. – 448 с.
2. Армстронг, М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг ; пер. с англ. под ред. И. Малкова. – СПб. : Питер, 2018. – 832 с.
3. Велесько, Е. И. Стратегический менеджмент / Е. И. Велесько, А. А. Неправский. – Минск : БГЭУ, 2016. – 308 с.
4. Непейвода, Н. Н. Введение в хаотическое управление (сетевой вариант) / Н. Н. Непейвода // Цифровая экономика. – 2020. – № 2 (10). – С. 27–44.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.12.2020

УДК 330.1

*Александр Александрович Трофимук¹, Диана Валерьевна Гавва²,
Екатерина Анатольевна Сирисько³*

¹канд. физ.-мат. наук, доц.,

*доц. каф. алгебры, геометрии и математического моделирования
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*

*²преподаватель-стажер каф. прикладной математики и информатики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*

*³преподаватель-стажер каф. алгебры, геометрии и математического моделирования
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*

Aleksandr Trofimuk¹, Diana Gavva², Yekaterina Sirisko³

*¹Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Algebra, Geometry and Mathematical Modeling
of Brest State A. S. Pushkin University*

*²Trainee Teacher of the Department of Applied Mathematics and Computer Science
of Brest State A. S. Pushkin University*

*³Trainee Teacher of the Department of Algebra, Geometry and Mathematical Modeling
of Brest State A. S. Pushkin University*

e-mail: ¹alexander.trofimuk@gmail.com; ²dianagavva96@gmail.com;

³ekatherinasirisko@gmail.com

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ФИЛИАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ «БРЕСТГАЗ» ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ

Производственное управление «Брестгаз» является обособленным структурным подразделением производственного республиканского унитарного предприятия «Брестоблгаз». Областное унитарное предприятие производственного управления «Брестгаз» является государственным предприятием и входит в состав Белорусского концерна по топливу и газификации. На предприятии постоянно регулируется численность сотрудников в соответствии со стоящими перед предприятием экономическими и производственными задачами, однако в последние годы наблюдается тенденция к снижению количества трудовых ресурсов, что приводит к снижению экономических показателей предприятия. В то же время совершенствуется политика повышения образовательного уровня персонала, которая соответствует основным целям развития и функционирования производственного управления «Брестгаз». В работе проанализировано соотношение общеобразовательного уровня персонала предприятия с общим количеством работников, были разработаны рекомендации по совершенствованию кадровой политики.

Branch Enterprises Endowment of Production Management «Brestgaz» with Labor Resources

Production Management «Brestgaz» is a separate structural division of the production Republican UE «Brestoblgaz» Regional unitary enterprise production management «Brestgaz» is a state-owned enterprise and is part of the Belarusian concern for fuel and gasification. The number of employees at the enterprise is improving every year in accordance with the economic and production tasks facing the enterprise, but in recent years there has been a tendency to reduce the number of labor resources, which leads to a decrease in the economic indicators of the enterprise. At the same time, the policy of implementing the General education level of personnel is being improved, which corresponds to the main goals of the development and functioning of the production management «Brestgaz». The paper analyzed the ratio of the General education level of the company's staff to the number of employees, as well as developed recommendations for improving the personnel policy.

Кадровая политика предприятия – генеральное направление кадровой работы, совокупность принципов, форм организационного механизма по выработке целей и за-

дач, направленных на сохранение и развитие кадрового потенциала, на создание квалифицированного и высокопроизводительного сплоченного коллектива, способного своевременно реагировать на постоянно меняющиеся требования рынка с учетом стратегии развития организации [3].

Кадровая политика производственного управления (ПУ) «Брестгаз» включает в себя политику подбора кадров, их обучения, оплаты труда, формирования кадровых процедур, социальных отношений.

В целях совершенствования организации работы ПУ «Брестгаз» на предприятии внедрены типовая структура и штатное расписание предприятия газового хозяйства. Для повышения эффективности работы с кадрами, совершенствования системы подбора и расстановки руководящих кадров государственного производственного объединения (ГПО) «Белтопгаз» были разработаны и утверждены приказом № 346 от 31.05.2019 «Положение о порядке рассмотрения кадровых вопросов и заключения контрактов с руководящими кадрами; «Порядок назначения (освобождения) и согласования назначения (освобождения) на должности, включенные в кадровый реестр»; «Перечень должностей руководящих кадров, включенных в кадровый реестр ГПО “Белтопгаз”».

В соответствии с этими положениями, а также Коллективным договором унитарного предприятия (УП) «Брестоблгаз» на 2019–2020 гг., Положением ПУ «Брестгаз», документами системы менеджмента качества и интегрированной системы менеджмента и иными нормативными документами осуществляется кадровая политика предприятия.

Согласно кадровой политике предприятия главный потенциал ПУ «Брестгаз» заключен в его персонале. Для характеристики обеспеченности предприятия трудовыми ресурсами в среднем за период определяют среднесписочную численность работников. Для определения среднесписочной численности работников на предприятии ведется табель учета использования рабочего времени [2]. При определении среднесписочной численности используется формула средней арифметической:

$$Ч_{\text{сс}} = Ч_{\text{см}} / T, \quad (1)$$

где $Ч_{\text{сс}}$ – среднесписочная численность работников; $Ч_{\text{см}}$ – численность работников за все дни работы предприятия за анализируемый период; T – период (дней).

Среднесписочная численность персонала предприятия ПУ «Брестгаз» в период с 2017 по июнь 2019 г. отображена в таблице 1 на основе Отчета по труду и движению работников за соответствующий период.

Таблица 1. – Среднесписочная численность персонала предприятия ПУ «Брестгаз» за 2017–2019 гг.

Год		Весь персонал	Рабочие	Служащие	Руководители
2017	численность, человек	483	380	103	59
	удельный вес, %	100	78,67	21,33	57,28
2018	численность, человек	478	378	100	58
	удельный вес, %	100	79,08	20,92	58,0
2019	численность, человек	473	377	96	58
	удельный вес, %	100	79,7	20,3	60,42
Отклонение 2019 г. от					
2018	численность, человек	5	1	1	–
	удельный вес, %	X	+0,62	0,62	+2,42
2019	численность, человек	10	3	9	1
	удельный вес, %	X	+1,03	–1,44	+0,72

По данным, приведенным в таблице, среднесписочная численность персонала ПУ «Брестгаз» в 2019 г. сократилась по сравнению с 2017 г. на 10 человек, или на 2,07 %, а по сравнению с 2018 г. на 5 человек, или на 1,05 %. Численность рабочих предприятия в 2019 г. сократилась по сравнению с 2017 г. на 3 человека, или на 0,79 %, а по сравнению с 2018 г. – на 1 человека, или на 0,26 %. Снижение численности персонала в 2019 г. по сравнению с 2018 г. наблюдается по служащим на 9 человек, или на 6,8 %, а по руководителям – на 1 человека, или на 1,69 %. По сравнению с 2018 г. снижение по персоналу ПУ «Брестгаз» произошло по служащим на 4 человека, или на 4 %.

Наибольший удельный вес среди персонала ПУ «Брестгаз» занимают рабочие, на втором месте расположены служащие, что наглядно продемонстрировано на рисунке 1.

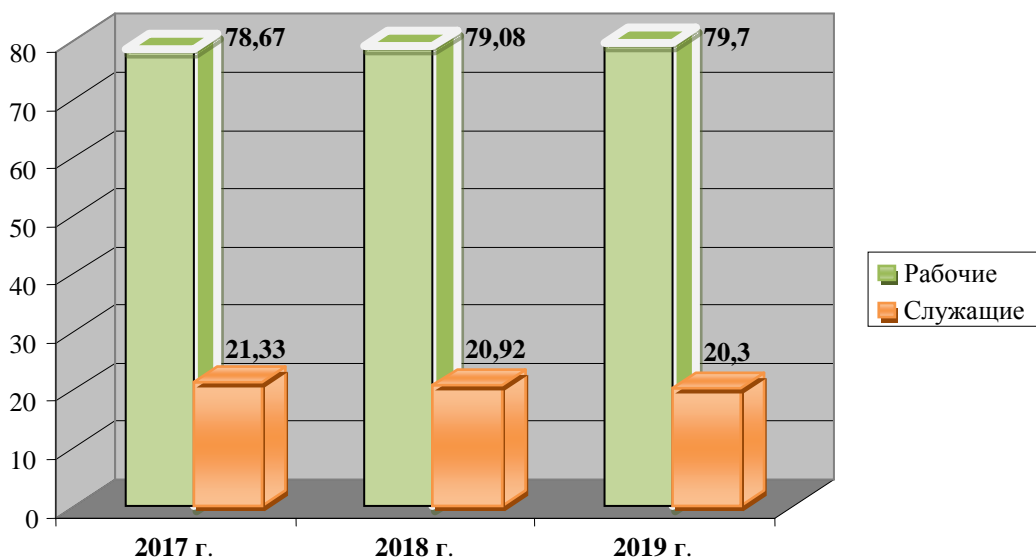

Рисунок 1. – Структура категорий персонала по группам

До недавних пор увеличение удельного веса рабочих в общей численности промышленно-производственного персонала считалось позитивным фактором, но в настоящее время подход несколько изменился и качество управления оценивают не по доле управленцев в общей численности работающих, а по другим критериям [3].

Неотъемлемой частью осуществления кадровой политики является не только наличие образования, но и его уровень. В соответствии с Формой 6-т (кадры), которая содержит информацию о численности, составе и профессиональном обучении кадров ПУ «Брестгаз», а также сведений по кадрам за соответствующий период, можно проанализировать уровень образования персонала за три года (таблица 2).

Таблица 2. – Общеобразовательный уровень работников предприятия

Год		Высшее	Среднее специальное	Профессионально-техническое	Общее среднее	Общее базовое	Всего работников
2017	численность, человек	111	103	113	175	5	507
	удельный вес, %	21,89	20,32	22,29	34,52	0,99	100

Окончание таблицы 2

2018	численность, человек	109	101	111	166	3	490
	удельный вес, %	22,24	20,61	22,65	33,88	0,61	100
2019	численность, человек	114	98	117	170	2	501
	удельный вес, %	22,75	19,56	23,35	33,93	0,4	100

По данным таблицы 2, наибольший удельный вес в структуре уровня образования персонала в течение трех лет занимают работники с общим средним образованием. Это характеризует недостаточно высокий уровень квалификации работников и рабочих на предприятии.

Кадровой политикой предприятия ПУ «Брестгаз» предусматривается профессиональное обучение персонала в соответствии с потребностями предприятия и занимаемым должностям. Динамику профессионального обучения можно проследить на основании сведений по кадрам ПУ «Брестгаз» по состоянию на 1 января соответствующего периода и Формы 6-т (кадры) за 2018 и 2019 гг., которая отображена в таблице 3.

Таблица 3. – Динамика профессионального обучения работников ПУ «Брестгаз»

Мероприятие	Год			Отклонение 2019 г. от			
	2017	2018	2019	2018 г.		2017 г.	
				человек	%	человек	%
Повышение квалификации	57	68	46	22	67,65	11	80,70
Профессиональная подготовка и переподготовка	108	99	129	30	130,30	21	119,44
Курсы целевого назначения	56	51	6	45	11,76	50	10,71
Всего обучено работников	221	218	184	34	84,40	37	83,26

Из таблицы 3 видно, что наибольшую долю в общем составе мероприятий по обучению кадров составляют мероприятия по профессиональной подготовке и переподготовке. Хотя просматривается тенденция увеличения количества мероприятий, что свидетельствует о правильном подходе к организации работы с кадрами и заботе о предоставлении качественного товара и услуг предприятием, однако общая тенденция по всему обучающемуся персоналу показывает снижение данной динамики. Это связано с целевым первичным отбором персонала и говорит о том, что на предприятие поступает квалифицированный трудовой ресурс.

Для построения эффективной кадровой политики необходимо провести анализ движения трудовых ресурсов, выявить и проанализировать причины имеющегося движения кадров. Источником информации для изучения движения персонала предприятия является Отчет о количестве принятых и уволенных работников в ПУ «Брестгаз» за соответствующий период (таблица 4).

Таблица 4. – Численность работников ПУ «Брестгаз» (прием, увольнение) за 2017–2019 гг., человек

Показатели	Год			Отклонение 2019 г. от	
	2017	2018	2019	2018	2017
Принято работников (без совместительства)	51	41	56	15	5
Из них:					
руководители	2	4	5	1	3
специалисты	3	1	4	3	1
рабочие	46	36	47	11	1
Уволено работников (без совместительства)	61	60	49	11	12
Из них:					
по соглашению сторон, по собственному желанию	31	24	24	0	7
пп. 5, 7, 8, 9 ст. 42 ТК РБ	2	3	1	2	4
истечение срока трудового договора	19	23	21	2	2
другие основания прекращения трудового договора	9	10	3	7	6
Среднесписочная численность	483	478	473	5	10

Численность принятых работников в 2019 г. увеличилась по сравнению с 2018 г. на 15 человек, или на 36,6 %, и на 4 человека, или на 9,8 %, по сравнению с 2017 г. Основную долю принятых работников в 2019 г. составляли рабочие (87,5 %), далее идут руководители (8,9 %), остальную долю принятых составляют специалисты (7,1 %).

Увольнение работников по сравнению с 2018 г. уменьшилось на 11 человек, что по динамике за три года свидетельствует о заинтересованности в работе на данном предприятии. Одним из факторов, обуславливающим снижение уволенных работников, является рост заработной платы.

Для характеристики движения рабочей силы рассчитывают и анализируют динамику следующих показателей:

1) коэффициент оборота по приему $K_{оп} = Ч_{п}/Ч_{сс}$, где $Ч_{п}$ – численность всех принятых работников за данный период (человек);

2) коэффициент оборота по выбытию $K_{ов} = Ч_{в}/Ч_{сс}$, где $Ч_{в}$ – численность выбывших работников за данный период (человек);

3) коэффициент текучести кадров $K_{т} = Ч_{вн}/Ч_{сс}$, где $Ч_{вн}$ – численность работников, выбывших с предприятия по неуважительным причинам (по инициативе работника, из-за прогулов и др., человек);

4) коэффициент соотношения принятых работников к выбывшим $K_{с} = Ч_{п}/Ч_{в}$.

Динамика движения рабочей силы ПУ «Брестгаз» в соответствии с данными формулами представлена в таблице 5.

Таблица 5. – Оценка обеспеченности предприятия трудовыми ресурсами

Показатель	Год			Отклонение 2019 г. (%) от	
	2017	2018	2019	2018	2017
Коэффициент оборота по приему	0,1	0,09	0,12	133,33	120,00
Коэффициент оборота по выбытию	0,13	0,13	0,1	76,92	76,92
Коэффициент текучести кадров	0,02	0,03	0,01	33,33	50,00
Коэффициент соотношения принятых работников к выбывшим	0,84	0,68	1,14	167,65	135,71

Данные таблицы 5 позволяют сделать следующие выводы:

1. Коэффициент оборота по приему на работу в 2019 г. по сравнению с 2018 г. увеличился на 33,33 % и на 20 % по сравнению с 2017 г. В течение трех лет прослеживается положительный рост данного показателя. Коэффициент оборота по выбытию в 2017 и 2018 гг. сохранил свое значение, в 2019 г. наблюдается снижение на 23,08 %. Результаты этих показателей свидетельствуют о заинтересованности работников в работе на данном предприятии.

2. Коэффициент текучести кадров в 2019 г. по сравнению с 2018 г. снизился на 66,67 %, а по сравнению с 2017 г. снизился в 1,5 раза. Это говорит о том, что выбытие по неуважительным причинам имеет место быть и необходимо выявить причины данного факта, хотя и прослеживается тенденция к его снижению.

3. Коэффициент соотношения принятых работников к выбывшим в 2019 г. составляет 1,14 и свидетельствует о превышении принятых работников над уволенными. В 2019 г. данный показатель увеличился на 35,71 %, а по сравнению с 2018 г. – на 67,65 %. Динамика этого показателя характеризует рост принятых работников на предприятии относительно уволенных.

4. Поскольку данные за 2019 г. взяты за период с января по июнь, можно сделать вывод, что численность персонала ПУ «Брестгаз» в первом полугодии 2019 г. сократилась по сравнению с 2017 г. на 10 человек, или на 2,07 %, а по сравнению с 2018 г. – на 5 человек, или на 1,05 %. Наблюдается снижение численности руководящего состава и численности рабочих, хотя в долевого соотношении они увеличиваются. Но в то же время прием работников увеличился на данном предприятии в 2019 г. по сравнению с 2018 г. на 33,33 %, а по сравнению с 2017 г. – на 20 %, а коэффициент оборота по выбытию в течение трех лет снижается, хотя и не очень заметно. Это говорит о положительной тенденции: работники заинтересованы в работе на данном предприятии. Также наблюдается снижение активности политики по профессиональному обучению трудовых ресурсов предприятия. Это может говорить о хорошей дифференциации, тщательном отборе персонала при заключении с ним трудовых отношений.

Таким образом, можно утверждать, что на предприятии построена грамотная кадровая политика, однако она недостаточно эффективна: необходимо проводить более тщательный отбор трудовых ресурсов при поступлении на предприятие во избежание дополнительных затрат, связанных с целевым обучением персонала. Соотношение определенного общеобразовательного уровня персонала с количеством работников актуально ввиду сложности работ, выполняемых на ПУ «Брестгаз».

Нами были предложены пути совершенствования деятельности предприятия в области кадровой политики:

1) повышение образовательного уровня сотрудников за счет курсов по повышению квалификации и переподготовки;

2) проведение мероприятий по исключению увольнения сотрудников по таким причинам, как прогул, появление на рабочем месте в нетрезвом виде, хищение имущества нанимателя, грубое нарушение правил охраны труда;

3) предотвращение и уменьшение текучести кадров с помощью мотивации и стимулирования (премия за отсутствие прогулов, льготное питание, дополнительные выходные дни, оплачиваемый отпуск).

Следуя данным рекомендациям, предприятие ПУ «Брестгаз» повысит уровень образования работников, что, в свою очередь, повысит качество предоставляемых услуг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варакулина, М. В. Управление персоналом : учеб.-метод. комплекс / М. В. Варакулина, О. В. Дмитрачкова. – Брест : БрГУ, 2011. – 198 с.
2. Гуськов, С. В. Оценка эффективности производственно-хозяйственной деятельности организаций / С. В. Гуськов, Г. Ф. Графова. – М. : Академия, 2007. – 192 с.
3. Савицкая, Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия : учебник / Г. В. Савицкая. – М. : ИНФРА-М, 2015. – 365 с.
4. Устав ПРУП «Брестоблгаз».

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 08.12.2020

УДК 332.142

Tatiana Siluk*doktor ekonomii, adiunkt, adiunkt w katedrze turystyki i krajoznawstwa
Brzeskiego uniwersytetu państwowego imienia A. S. Puszkina***Tatiana Siluk***Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Tourism and Country Studies**Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: silyukts@mail.ru*

CZYNNIKI I NOWE WARUNKI DYSPROPORCJI ROZWOJU REGIONALNEGO

W artykule zbadano pojęcie «region» z punktu widzenia geografii, socjologii, nauk politycznych i ekonomii, wyznaczone różne rodzaje regionów, zidentyfikowane pojęcia «rozwój», «rozwój ekonomiczny», «rozwój regionalny». Zauważono, że cechą rozwoju gospodarczego jest wzrost gospodarczy, który definiuje się jako zwiększenie produkcji dóbr i usług poprzez zwiększenia efektywności wykorzystania czynników produkcji. Określone czynniki egzogenne i endogenne oraz wskaźniki rozwoju regionalnego. Autor stwierdza, że powstają nowe warunki rozwoju regionów, takie jak zmiany instytucjonalne, współpraca instytucji publicznych i gospodarczych, jakość zarządzania nieruchomością, strategia polityczna, baza naukowa, dostęp do komunikacji, jakość środowiska. Warunki te doprowadzą do dysproporcji w rozwoju regionów.

Factors and New Conditions for Regional Development Imbalances

The article investigates the concept of «region» from the point of view of geography, sociology, political science and economics, defines various types of regions, reveals the essence of the concept «development», «economic development», «regional development». It has been noted that the feature of economic development is economic growth, which is defined as an increase in the production of goods and services by enhancing the efficiency of the use of the factors of production. Exogenous and endogenous factors and indicators of regional development have been identified. The author concludes that new conditions for the development of regions have now been created, such as institutional changes, cooperation of public and economic institutions, and quality of property management.

Wstęp

W ujęciu długofalowym każda jednostka samorządowa dąży do rozwoju. Po wprowadzeniu reformy administracyjnej w roku 1999 doszło do trójstopniowego podziału kraju. Na poziomie gmin, powiatów, miast mamy doczynienia z rozwojem lokalnym. Z kolei rozwój województwa rozpatrywany jest na poziomie rozwoju regionalnego [1, s. 6]. Jednostka wojewódzka bierze czynny udział w życiu społecznym i gospodarczym. Zarządzanie województwem to nie tylko zaspokajanie potrzeb mieszkańców, ale też ukierunkowanie na pomnażanie zasobów dzięki racjonalnie prowadzonej polityce.

Rozwój jest to więc proces zmian obecnego stanu na lepszy, który prowadzi do poprawy warunków życia mieszkańców, wzrostu dobrobytu. Jest to zatem proces pozytywnych zmian. Procedura zarządzania rozwojem regionalnym obejmuje kilka etapów, wśród których wyróżniamy diagnozowanie, budowanie wizji, formułowanie celów krótko-, średnio- i długookresowych, wyznaczanie scenariuszy rozwojowych, tworzenie projektów rozwojowych oraz ich wdrażanie.

O skuteczności rozwoju regionalnego decyduje racjonalna kalkulacja szans i możliwości, określenie potencjalnych zagrożeń, ale też oddziaływanie władzy szczebla wojewódzkiego na gospodarkę, przestrzeń i społeczność w celu stworzenia odpowiednich warunków wpływających na rozwój regionalny.

Na rozwój regionalny wpływ ma bardzo wiele czynników. Czynniki te są zróżnicowane i zależne od procesów gospodarczych jak i społecznych zachodzących w danym kraju. Można zatem uznać, że mają charakter wielowymiarowy [2, s. 4].

1. Pojęcie regionu

Termin «region» wywodzi się z łacińskiego słowa *regio*, co oznacza okolicę, krainę, dzielnicę. Pojęcie «region» jest wykorzystywane w różnych kontekstach przez przedstawicieli wielu nauk. Toteż istnieją zróżnicowane definicje.

W geografii region to część przestrzeni geograficznej, która posiada pewną jednorodność wewnętrzną. Sprawia ona, że obszar różni się od terenów przyległych posiadaniem określonych cech środowiskowych (jakość gleb, klimat i t. d.).

W sensie politologicznym zasadniczymi cechami różniącymi regiony są odrębność opcji politycznych, stopień popularności doktryn politycznych, akceptacja dla władz politycznych oraz skuteczność tych władz.

W ujęciu socjologicznym, mówiąc o regionie, trzeba zwrócić uwagę na zbiorowość ludzką, która go tworzy. Istotą regionu są więzi między ludźmi, poczucie odrębności w stosunku do innych obszarów oraz związek emocjonalny z tzw. małą ojczyzną. Regiony etniczne odróżniają się od siebie charakterystycznymi cechami obyczajowymi, kulturowymi oraz lingwistycznymi.

W ekonomii region to obszar o określonej specjalizacji gospodarczej, w którym zachodzą przyipywy czynników takich, jak kapitał, siła robocza, technologia, informacja. Według Domańskiego region ekonomiczny to «ukształtowany lub kształtujący się układ ekonomiczny, którego elementy powiązane są między sobą i ze środowiskiem przyrodniczym relacjami współwystępowania i współzależności, a z otoczeniem zewnętrznym – relacjami współzależności o dużym nasileniu» [3, s. 31].

Istnieje wiele różnych definicji regionu ekonomicznego. Jednak we wszystkich możemy dostrzec następujące elementy wspólne: występowanie licznych powiązań społeczno-gospodarczych na obszarze, który został określony jako region ekonomiczny (powiązania wewnętrzne), podkreślenie związków i zależności zachodzących między danym regionem a regionami sąsiednimi i gospodarką narodową (powiązania międzyregionalne i ogólnokrajowe), konieczność zaistnienia w ramach regionu profilu gospodarczego (specjalizacja) [4, s. 13–14].

Ze względu na wewnątrzregionalne powiązania, czyli różnice strukturalne, regiony ekonomiczne możemy podzielić na:

1) regiony strefowe (powierzchniowe) – obszary, które są względnie jednolite pod względem przyjętych kryteriów, chociaż niecałkowicie jednorodne, o znaczącej dominacji określonych cech działalności społeczno-gospodarczej, np. rolnictwa, leśnictwa, turystyki, pewnych gałęzi przemysłu i in.;

2) regiony węzłowe – strefy ciążenia do określonych obszarów centralnych, t. z. miast, ośrodków przemysłowych, węzłów komunikacyjnych i innych; ich specyfiką jest wzajemne oddziaływanie między niedużymi obszarami intensywnej działalności społeczno-gospodarczej (duże miasta, aglomeracje miejskie, ośrodki przemysłowe) a obszarami peryferyjnymi, które stanowią swoiste zaplecze ośrodków centralnych;

3) regiony kompleksowe – to obszary, na których wykształciły się odpowienie zespoły, które świadczą o określonej specjalizacji gospodarki danego terenu; jego kompleksowość jest skutkiem rozwoju wielowymiarowego z zachowaniem właściwych proporcji między poszczególnymi gałęziami dóbr i usług [5].

W ujęciu statycznym, w którym bierze się pod uwagę tempo rozwoju, wyróżniamy regiony słabo rozwinięte (zacořane, depresyjne), średnio rozwinięte, wysoko rozwinięte.

Biorąc pod uwagę ujęcie dynamiczne, występują regiony o niskim tempie rozwoju, które dla zarządzających są obszarami problemowymi i średnim i szybkim tempie rozwoju, które są motorem rozwoju danego obszaru.

W literaturze można spotkać klasyfikacje regionów, która uwzględnia poziom rozwoju regionu do pozycji pod względem tempa rozwoju. Jest to klasyfikacja czterostopniowa zaproponowana ona przez L. Klaassena. Bazując na tej typologii, można wyróżnić regiony:

- 1) wyżej rozwinięte i szybciej się rozwijające;
- 2) niżej rozwinięte i wolniej się rozwijające;
- 3) niżej rozwinięte i szybciej się rozwijające;
- 4) wyżej rozwinięte i wolniej się rozwijające.

Klasyfikacja ta stała się przedmiotem rozważań G. Gorzelaka, który wzbogacił ją oceną rozwoju w odniesieniu do gospodarki krajowej. Uwzględnia w tym kontekście relacje tempa rozwoju pojedynczych regionów w odniesieniu do ich wkładu w rozwój całej gospodarki oraz do nakładów, jakie gospodarka ta ponosi na ich rozwoju. W efekcie wyróżnia się cztery typy regionów: silne, słabe, «wyzyskiwane», «wyzyskujące».

Podział na przedstawione wyżej grupy regionów możliwy jest przy włączeniu kategorii dochodu narodowego wytworzonego i regionalnych wartości produkcji czystej jako mierników tempa wzrostu oraz relacji produkcji czystej w regionie do wielkości spożycia i akumulacji jako mierników bilansu z resztą kraju [3, s. 14–15].

2. Pojęcie rozwoju

Najogólniej «rozwój» jest definiowany jako proces pozytywnych zmian. Rozwój jest to długofalowy proces przeobrażeń, polegający na przechodzeniu do stanów lub form bardziej złożonych albo pod pewnym względem doskonalszych [6, s. 56]. Rozwój można rozpatrywać w trzech płaszczyznach: gospodarczą, społeczną, ekologiczną.

Rozwój gospodarczy to długofalowy proces przeobrażeń w gospodarce. To proces, którego celem jest zaspokajanie potrzeb mieszkańców danego regionu przyczyniając się do ich postępu. Jest to wzrost ilościowy oraz jakościowy. Wzrost ilościowy dotyczy m. in. wzrostu produkcji, zatrudnienia, inwestycji, rozmiarów kapitału, spożycia oraz dochodów.

Istotną cechą, która charakteryzuje rozwój gospodarczy, jest wzrost gospodarczy. Wzrost gospodarczy definiowany jest jako zwiększenie produkcji dóbr i usług pod wpływem poprawy efektywności oraz lepszego wykorzystania czynników produkcji. Wzrost gospodarczy wpływa na poprawę jakości życia ludzi. Stąd też mówi się, że ze wzrostem gospodarczym związany jest rozwój społeczny, polegający na poprawie poziomu życia społeczeństwa.

Rozwój to jest proces złożony. Jego istota jest zależna od celu, któremu ma służyć. Warto przytoczyć definicję rozwoju regionalnego J. Szlachty, T. Kudłacza, A. Klasika. Według J. Szlachty «rozwój regionalny to systematyczna poprawa konkurencyjności podmiotów gospodarczych i poziomu życia mieszkańców oraz wzrost potencjału gospodarczego regionów, przyczyniający się do rozwoju społeczno-gospodarczego kraju». T. Kudłacz definiuje rozwój regionalny jako «trwały wzrost poziomu życia mieszkańców i potencjału gospodarczego w skali określonej jednostki terytorialnej». A. Klasik określa rozwój regionalny jako «trwały wzrost trzech elementów: potencjału gospodarczego regionów, ich siły konkurencyjnej oraz poziomu i jakości życia mieszkańców» [7].

Rozwój w ujęciu regionalnym składają się z: wzrostu gospodarczego i zatrudnienia, wzrostu dobrobytu i jakości życia ludności, rozwoju technologicznego i innowacji, restruk-

turyzacji działalności gospodarczych, rozwoju usług i zasobów społecznych, wzrostu ruchliwości zawodowej, społecznej i przestrzennej, rozwoju infrastruktury instytucjonalnej, poprawy jakości środowiska, wzbogacenia tożsamości regionalnej i procesów integracyjnych.

Rozwój zachodzi za pośrednictwem różnych podmiotów, t. j. podmiotów gospodarczych, mieszkańców, organizacji pozarządowych, instytucji władzy publicznej. Wyrazem rozwoju w skali regionalnej jest kreacja nowych i poprawa istniejących walorów użytkowych regionu, np. rynku pracy; możliwości rozwoju gospodarczego, np. przez zagospodarowanie infrastrukturalne; walorów ekosystemu.

Pod wpływem rozwoju regionalnego powstają też nowe wartości. Są nimi:

1) nowe firmy (a tym samym powstawanie nowych miejsc pracy), zasoby mieszkaniowe, instytucje sektora usług publicznych, nowe dobra i usługi, które zaspokajają popyt regionalny i ponadregionalny;

2) interesujące lokalizacje, które oferują tzw. trwałe czynniki lokalizacyjne w formie nieruchomości i urządzeń infrastrukturalnych, a także wysokiej jakości środowisko przyrodnicze;

3) tzw. miękkie czynniki lokalizacyjne, do których można zaliczyć wiedzę, kwalifikacje zawodowe i umiejętności regionalnej społeczności, a także jej kreatywną aktywność i skłonności innowacyjne.

3. Mierniki rozwoju regionalnego

Rozwój regionalny to kategoria wielowymiarowa. Rozwój w znaczeniu regionalnym jest utożsamiany głównie z:

1) wzrostem znaczenia regionu w odniesieniu do kraju;

2) wzrostem efektywności gospodarowania (optymalizacją warunków funkcjonowania podmiotów gospodarczych);

3) poprawą standardu życia mieszkańców;

4) eliminacją różnicowania wewnątrz oraz międzyregionalnego;

5) podnoszeniem konkurencyjności regionów.

Wyszczególnione wyżej identyfikatory rozwoju regionalnego wymagają uszczegółowienia. Do tego służą odpowiednie mierniki. W zakresie rozwoju regionalnego na płaszczyźnie kraju przyjmuje się wartość PKB na jednego mieszkańca, potencjał demograficzny regionu, potencjał gospodarczy, znaczenie sektora usług [7].

W sferze poprawy atrakcyjności obszaru funkcjonowania podmiotów gospodarczych wyróżnia się wskaźniki:

1) wielkość nakładów inwestycyjnych na kompleksowe przygotowanie obszarów pod działalność gospodarczą;

2) wzrost dostępności komunikacyjnej (np. telekomunikacyjnej);

3) wzrost liczby podmiotów prywatnych zarejestrowanych w sektorze usług rynkowych;

4) wzrost ilości podmiotów z udziałem kapitału zagranicznego;

5) wzrost inwestycji w regionie;

6) wzrost w sektorze prywatnym wartości brutto środków trwałych;

7) wzrost nakładów na sferę badawczo-rozwojową;

8) wzrost poziomu rentowności podmiotów;

9) wzrost liczby instytucji otoczenia biznesu.

Istotne znaczenie odgrywają mierniki identyfikujące poziom życia mieszkańców regionu, wśród których bada się m. in. wyżywienie, warunki mieszkaniowe, wykształcenie, rekreację, ochronę zdrowia [7].

4. Czynniki rozwoju regionalnego

«Zgodnie z zasadą zapewnienia efektywności najwyższej jakości polityki regionalnej należy dążyć do maksymalizacji skuteczności działania i racjonalnego wykorzystania środków publicznych. Oznacza to stałe dążenie do zwiększania zdolności absorpcyjnych regionu, poprawiania i upraszczania procedur i struktur organizacji i administracji publicznej, zwiększania profesjonalizmu i kompetencji kadr. Ważnym czynnikiem zapewniającym jakość polityki regionalnej jest odpowiednie podejście do planowania rozwoju regionalnego. Oznacza to dążenie do optymalnego wyboru kierunków polityki regionalnej w odniesieniu do specyficznych uwarunkowań, przynoszącego maksymalnie korzystne efekty rozwojowe dla danego regionu» [8, s. 40].

Ogromne znaczenie dla rozwoju regionu w kontekście gospodarczym ma szereg czynników. T. G. Grosse wymienia następujące:

1) uwarunkowania organizacyjne biznesu, czyli sieć współpracujących ze sobą instytucji ekonomicznych i społecznych, zwłaszcza instytucji finansowych, naukowych, badawczych, przedsiębiorstw usługowych, stowarzyszeń zawodowych i gospodarczych tworzących ramy kapitału społecznego sprzyjającego przedsiębiorczości i innowacyjności;

2) normy życia społecznego ceniące rywalizację i zachęcające jednocześnie do współpracy premiujące innowacyjność i przedsiębiorczość;

3) dojrzałość strategii politycznej i jakość funkcjonowania władz publicznych wszystkich szczebli; w tym kontekście oznacza to powołanie regionalnego podmiotu samorządowego odpowiedzialnego za prowadzenie polityki rozwoju, wyposażonego w odpowiednie instrumenty finansowe, kompetencyjne, majątkowe i organizacyjne, prowadzenie samodzielnej polityki inwestycyjnej i wspieranie działalności gospodarczej przez władze samorządowe oraz współpracę władz samorządowych i instytucji rządowych w polityce regionalnej;

4) kultura organizacyjna administracji regionalnej ceniąca sprawne i skuteczne działania zgodne z wytyczonymi celami politycznymi; ważną rolę pełni tu służba cywilna czyli korpus apolitycznych i profesjonalnych urzędników specjalizujących się w określonej dziedzinie spraw publicznych;

5) wartości ogólnospołeczne i dominująca doktryna ekonomii politycznej panujące w danym regionie wywierające kluczowy wpływ na funkcjonowanie administracji publicznej osadzonej w określonych realiach kulturowych oraz na efektywność funkcjonowania rozwiązań instytucjonalnych służących rozwojowi regionalnemu;

6) elity polityczne i urzędnicze kierujące działaniami instytucji publicznych, w założeniu reprezentujące wartości stymulujące rozwój gospodarczy regionu zarówno w wymiarze samorządowym jak również ogólnopaństwowym [9, s. 19].

Wśród wymienionych wyżej czynników rozwoju gospodarczego na szczególne podkreślenie zasługuje rola zarządzania regionalnego stanowiącego motywujące, twórcze i kierownicze działania w procesie rozwojowym. Zarząd regionalny powołany do sprawowania tej funkcji pełni rolę ważnego czynnika rozwojowego i jest częścią infrastruktury danego regionu. Najważniejsze zadania administracji regionalnej stanowią:

1) motywowanie organizacji i innych zaangażowanych podmiotów do aktywacji potencjałów regionalnych, tworzenie sieci organizacyjnych ukierunkowanych na projekty lub cele;

2) kooperacyjne wypracowywanie wspólnych celów rozwojowych;

3) skupianie zasobów regionalnych, dostosowywanie strategii rozwojowej i wypracowywanie pomysłów projektowych, co wymaga kooperacji oraz nowych wzorców przekazywania informacji;

4) zabieganie o uzupełniające środki finansowe i partnerów projektowych, organizowanie partnerstwa publiczno-prywatnego (PPP – *Public Private Partnership*);

5) inicjowanie i kierowanie długofalowym procesem rozwojowym, organizowanie kontaktów pomiędzy podmiotami regionalnymi i ekspertami z zewnątrz, włączanie administracji państwowej do działań, organizacja regionalnych procesów edukacyjnych (podnoszenie kwalifikacji);

6) wewnętrzne i zewnętrzne umacnianie regionu poprzez utrwalanie tożsamości regionalnej, pielęgnowanie dziedzictwa naturalnego i kulturowego, doskonalenie wizerunku regionu na płaszczyźnie konkurencji międzyregionalnej [10, s. 7–8].

Z istotą rozwoju regionalnego związane są czynniki sprawcze. Czynniki sprawcze są to okoliczności, które w sposób pośredni bądź bezpośredni przyczyniają się do zmian w gospodarce danego regionu. Możemy wyróżnić dwie zasadnicze grupy czynników sprawczych: czynniki endogeniczne i czynniki egzogeniczne.

Czynniki endogeniczne stanowią główną siłę sprawczą rozwoju regionalnego:

1) obejmują wszystkie zasoby własne regionu;
2) znajdują się na obszarze danego regionu;
3) mają charakter specyficzny odpowiadający tylko danemu regionowi i przez niego wytworzony;

4) wynikają z potencjału społecznego i gospodarczego, walorów położenia geograficznego, wielkości i dostępności zasobów czynników produkcji, stanu infrastruktury, poziomu przedsiębiorczości, polityki intraregionalnej.

Do czynników endogenicznych, czyli lokalnych, wpływających na rozwój regionalny zalicza się:

1) czynniki ekonomiczne regionu, co oznacza zróżnicowanie struktury ekonomicznej oraz struktury gospodarczej; stopień przedsiębiorczości; poziom ochrony zdrowia, edukacji, świadczeń społecznych, zdolności absorpcji środków pomocowych (np. funduszy unijnych) przeznaczonych na rozwój regionalny; jakość marketingu regionalnego; wzrost kapitału zaangażowanego w gospodarce regionalnej; napływ krajowych i zagranicznych inwestycji gospodarczych; zmiany dochodów ludności, przedsiębiorstw i organów samorządu terytorialnego działających w regionie;

2) czynniki społeczne, czyli zmiany demograficzne w społeczeństwie, tempo jak również charakter procesów urbanizacyjnych, zmiany w standardzie życia, postęp kulturalny, potencjał intelektualny, poziom wykształcenia, stopień samoorganizacji społeczeństwa oraz jego udział w podejmowaniu decyzji lokalnych i regionalnych, warunki uczestnictwa podmiotów lokalnych w zarządzaniu regionem, struktury podmiotów lokalnych, doświadczenie lokalnych podmiotów związane ze współpracą z innymi podmiotami, sprawność funkcjonowania samorządów terytorialnych i ich organów, zdolność i kierunki dokonywanych przez władze samorządowe wyborów (często mających charakter polityczny) co do działań i zasad zarządzania rozwojem regionalnym;

3) czynniki technologiczne: poziom innowacyjności, struktura techniczna, jakość produkcji, innowacje produktowe, unowocześnienie struktury rzeczowej aparatu wytwórczego, rozwój przemysłów wysokiej technologii, rozwój i udoskonalenie infrastruktury technicznej;

4) czynniki środowiskowe: występowanie zasobów naturalnych, jakość i ochrona środowiska przyrodniczego, rezerwy terenów pod inwestycje bezpośrednie, świadomość i kultura ekologiczną społeczeństwa, racjonalność gospodarowania zasobami środowiska przyrodniczego;

5) czynniki infrastrukturalne: dostępność komunikacyjna, istnienie w regionie aglomeracji, zagospodarowanie przestrzenne, infrastruktura techniczna i społeczna (w tym turystyczna);

6) zaplecze naukowo-badawcze i rozwojowe – obecność instytucji naukowo-badawczych i szkół wyższych;

7) kapitał społeczny: zależny od umiejętności, wiedzy, profesjonalizmu miejscowych kadr (zwłaszcza kierowniczych), umiejętności współpracy i rozładowywania konfliktów, kultury technicznej, organizacyjnej, kultury życia codziennego [11].

Czynniki endogeniczne coraz częściej uznaje się za sprzyjające kreatywności. Podkreśla się, że od nich zależy rozwój nowych działalności, idei i koncepcji, a także tworzenie nowych produktów i atrakcji regionalnych. Stymulują one nowe metody zarządzania, mają wpływ na poziom przedsiębiorczości, nowe inicjatywy, sposoby zachowywania oraz komunikowania się.

Czynniki egzogeniczne są to czynniki zewnętrzne w stosunku do regionu i obejmują zmiany w regionie w kontekście makroekonomicznym, które są konsekwencją m. in. procesów globalizacji, integracji europejskiej, warunków makroekonomicznych, polityki interregionalnej i polityk sektorowych, zmian ustrojowych (np. decentralizacja państwa), koniunktury gospodarczej, sytuacji politycznej, konkurencyjności otaczających regionów. Wśród nich występuje:

1) organizacja kraju pod względem terytorialnym oraz podmiotowy charakter regionów (czyli zakres kompetencji organów regionów; wyposażenie w odpowiednie instrumenty finansowe, kompetencyjne, majątkowe i organizacyjne; relacje między instytucjami rządowymi a samorządowymi w polityce regionalnej);

2) napływ kapitału inwestycyjnego (BIZ); jest źródłem korzyści związanych z transferem nowoczesnych technologii, w dziedzinie zarządzania, organizacji i kultury pracy; wzrostu dochodów ludności i zmniejszenia bezrobocia; efektów mnożnikowych («biznes rodzi biznes») i rozwoju przedsiębiorstw kooperacyjnych, wzrostu eksportu; napływ BIZ jest znacznie większy do regionów konkurencyjnych niż do nieatrakcyjnych: do regionów wysoko konkurencyjnych napływa kapitał innowacyjny o wysokim poziomie zaawansowania technologicznego, zaś do regionów niekonkurencyjnych napływa kapitał lokujący się w dziedzinach o średnim lub niskim poziomie zaawansowania technologicznego;

3) popyt zewnętrzny na produkty i usługi regionu (określa potencjał eksportowy regionu; eksport stanowi «test» konkurencyjności oferty produkcyjnej i usługowej);

4) pomoc publiczna: skala i formy pomocy państwa kierowanej do regionów problemowych (wynika z realizowanej polityki regionalnej państwa i UE) [7].

5. Nowe uwarunkowania rozwoju regionów

Współcześnie w rozwoju regionalnym tracą na znaczeniu czynniki zasobowe (ziemia, woda, surowce naturalne i td.). Z kolei na znaczeniu zyskują czynniki jakościowe, czyli np. kwalifikacje pracowników, sprawność administracji. Przewiduje się, że wzrosną znaczenia takich czynników, jak warunki instytucjonalne, obejmujące współpracę instytucji społecznych i gospodarczych; jakość funkcjonowania władz publicznych oraz strategii politycznej; zaplecze naukowe; dostępność komunikacyjna (w preferowanej pozycji znajdują się regiony, przez które przechodzą szlaki transportu transkontynentalnego i na obszarach których znajdują się wielkie węzły komunikacji międzynarodowej, o ile tym regionom uda się włączyć do tych węzłów systemu swej komunikacji wewnętrznej); otoczenie środowiskowe (obejmuje jakość środowiska naturalnego, ale także ogólny ład przestrzenny oznaczający logiczne i funkcjonalne rozmieszczenie elementów gospodarczych i społecznych w przestrzeni).

6. Dysproporcje w rozwoju regionalnym

Rozwój regionalny jest zjawiskiem nierównomiernym. Można zatem mówić o dysproporcji. Dysproporcje rozwojowe są to zróżnicowania poziomu rozwoju poszczególnych obszarów kraju wskutek różnego tempa ich rozwoju gospodarczego, zróżnicowanego wyposażenia w zasoby czynników rozwoju zwłaszcza jakościowych i różnych zdolności dostosowawczych do zmieniających się warunków otoczenia [7].

Warto zauważyć, że z upływem czasu zróżnicowanie się pogłębia. Źródła dysproporcji regionalnych wynikają ze zróżnicowania:

- 1) warunków naturalnych;
- 2) dostępności komunikacyjnej;
- 3) rozmieszczenia dużych ośrodków osadniczych (aglomeracji);
- 4) korzyści aglomeracji, związanych ze wzrostem skali produkcji, bliską lokalizacją przedsiębiorstw tej samej gałęzi, koncentracja zakładów różnych branż oraz usług;
- 5) dostępu do kapitału inwestycyjnego;
- 6) wyposażenia w infrastrukturę instytucjonalną;
- 7) poziomu przedsiębiorczości;
- 8) zdolności adaptacji (absorpcji) innowacji;
- 9) dostępu do wiedzy i rozwoju technologicznego.

Warto zauważyć, że Białoruś jest krajem zróżnicowanym pod względem regionalnym. Zróżnicowanie to wynika z:

- 1) uwarunkowań historycznych, poziomu zagospodarowania poszczególnych regionów (obecne przestrzenne zróżnicowanie procesów gospodarczych ma bardzo stare, przed-rozbiorowe korzenie, na co wskazuje trwałość sieci osadniczej i struktur agrarnych);
- 2) konsekwencji gospodarki nakazowo-rozdzielczej w okresie BSRR;
- 3) różnych skutków transformacji systemowej po roku 1991.

Podsumowanie

Każda jednostka samorządowa dąży do rozwoju. O rozwoju regionalnym mówimy na poziomie województwa. Zarządzanie województwem nie obejmuje tylko zaspokajania potrzeb mieszkańców, ale też ukierunkowanie na pomnażanie zasobów dzięki racjonalnie prowadzonej polityce.

Rozwój to jest więc proces zmian, czyli zmiany obecnego stanu na lepszy, który prowadzi do poprawy standartów życia. Jest to razem proces pozytywnych zmian. Samo wdrażanie strategii rozwoju nie jest procesem jednolitym. Toteż składa się kilku etapów. O skuteczności rozwoju regionalnego decyduje racjonalna kalkulacja szans i możliwości, określenie potencjalnych zagrożeń, ale też oddziaływanie władzy szczebla wojewódzkiego na gospodarkę, przestrzeń i społeczność w celu stworzenia odpowiednich warunków wpływających na rozwój regionalny.

Na rozwój regionalny wpływ ma wiele czynników. Są to tzw. czynniki sterujące. Główna klasyfikacja czynników obejmuje podział na czynniki egzogeniczne i endogeniczne. Czynniki są zróżnicowane w zależności od procesów gospodarczych jak i społecznych zachodzących w danym kraju. Można zatem uznać, że mają charakter wielowymiarowy.

Warto zauważyć, że rozwój regionu nie zachodzi równomiernie na całym obszarze, dla tego mamy więc doczynienia ze zjawiskiem dysproporcji regionalnej.

LISTA WYKORZYSTANYCH ŹRUDŁ

1. Gralak, A. Rozwój regionalny. Zagadnienia ogólne / A. Gralak. – Warszawa, 2008. – 228 s.
2. Churski, P. Rozwój regionalny w warunkach transformacji gospodarczej i integracji europejskiej / P. Churski. Red. S. Ciok, D. Ilnicki. – Wrocław, 2004. – 304 s.
3. Szewczuk, A. Rozwój lokalny i regionalny. Teoria i praktyka / A. Szewczuk. – Warszawa, 2011. – 345 s.
4. Domański, R. Kształtowanie otwartych regionów ekonomicznych / R. Domański. – Warszawa, 2002. – 267 s.
5. Antoszak, R. Regionalne zróżnicowanie płac [Zasób elektroniczny]. – Tryb dostępu: http://old.ue.poznan.pl/att/DZE_EKCW1_p.antoszak_z24.pdf. – Data dostępu: 14.11.2019.
6. Szymła, Z. Podstawy badań rozwoju regionalnego / Z. Szymła // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Ekonomicznej w Bochni. – 2005. – Nr 3. – S. 51–59.
7. Rozwój regionalny [Zasób elektroniczny]. – Tryb dostępu: <http://stary.wl.sggw.pl/units/zuolwrr/materialy/rozwoj/Rozwojregionalny>. – Data dostępu: 14.11.2019.
8. Korol, J. Wskaźniki zrównoważonego rozwoju w modelowaniu procesów regionalnych / J. Korol. – Toruń, 2007. – 178 s.
9. Grosse, T. G. Przegląd koncepcji teoretycznych rozwoju regionalnego / T. G. Grosse // Studia Regionalne i Lokalne. – 2002. – Nr 1 (8). – S. 14–23.
10. Seibert, O. Czynniki sukcesu zintegrowanego rozwoju regionalnego / J. Korol. – Warszawa, 2015. – 234 s.
11. Grabowska, A. Lokalna gospodarka turystyczna a rozwój [Zasób elektroniczny]. – Tryb dostępu: <http://www.ue.katowice.pl/uploads/media/5>. – Data dostępu: 14.11.2019.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 07.12.2020

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзнак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. 60б.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);

- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя аб'ёмам 100–150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;

- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруюцца падзагалюнкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);

- спіс выкарыстанай літаратуры; спіс выкарыстанай літаратуры дубліруюцца ў лацінскім алфавіце (References), пры гэтым колькасць крыніц, прыведзеных у спісе, і ў References, павінна супадаць.

- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на мове артыкула і англійскай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, электронны адрас і кантактныя тэлефоны);

- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;

- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;

- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 31.12.2020. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 23,95. Ул.-выд. арк. 16,22.

Тыраж 50 экз. Заказ № 392.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:

УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.